

Колдовские
МИРЫ

ЯНКА ЛОСЬ
←|>>○> ○ <○<<|→
НЕВЕСТА
ИЗ ХОЛМОВ

←|>>○> ○ <○<<|→
ИХ ЛЮБОВЬ СТАЛА ПЕСНЕЙ,
СОЕДИНЯЮЩЕЙ МИРЫ

Annotation

Эшлин – девушка из народа ши. Однажды она встретила в своем мире холмов человека, юного друида Брадана, и полюбила его, а он – ее. Но Брандан исчез, в прямом смысле унеся с собой часть души Эшлин.

Брендон Бирн – магистр ритуалистики магического университета Дин Эйрин. Он живет на четыреста лет позже Брадана и похож на него, как старший брат. А еще он считает ши всего лишь старой сказкой, красивой и страшной.

Временная аномалия – и эти двое встречаются, чтобы раскрыть тайну исчезновения Брадана и вернуть Эшлин душу. Но что окажется сильнее: пропасть между двумя народами или чувство, пронесенное сквозь века?

Пять причин купить:

1. Яркие приключения в мире, где знают, как пахнет солнце и как схватить ускользающее чудо.
2. Личная жизнь сурового магистра, которого преследует чужая невеста.
3. Расследование королевской инквизиции на земле, под землей и между мирами.
4. Будни студенческого братства средневекового магического университета: свидания в склепе, поцелуй с лошадьё и конкурс на самые стойкие яйца.
5. Девушка из волшебного народа, которая искала свою душу, а нашла новый мир.

-
- [Янка Лось](#)
 -
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)

- [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Эпилог](#)
-

Янка Лось
Невеста из Холмов

Колдовские миры

© Лось Я., текст. 2024

© Оформление. ООО 'Издательство «Эксмо», 2024

Пролог

Он знал, что его сейчас убьют, как убили предыдущих четверых. Трудно сказать, как он понял, что их именно убили, – его лицо было закрыто грубой тканью, а убийца действовал тихо. Даже его шаги по камням пещеры были нечеловечески легки.

Просто дыхания вокруг становилось все меньше. На одно. На два. На три. На четыре. Дыхание сменялось особой тишиной – тишиной смерти.

Убийца уже стоял рядом. Не только связанные руки мешали умереть... ну хотя бы в драке, как достойно мужчины. Еще что-то. Какое-то колдовство, темное, тяжелое, как грозовая туча, прижимало к камню, не давало подняться с колен, гнуло голову к груди. Он пел, тщетно пытаясь перебить это колдовство, но песня умирала на губах, теряя силу.

Самой болезненной была мысль о девушке, к которой он больше не придет. Она подумает, что он обманул ее. Что нашел себе другую. Что забыл.

У девушки были медно-рыжие волосы и озорные глаза. Он все еще пел и вспоминал ее лицо, когда его дыхание оборвалось и сменилось тишиной.

Убийца бережно забрал подвеску с его шеи только теперь.

Снаружи, у входа в пещеру, на ветке ольхи с неуместной радостью и нежностью пела малиновка, мешая убийце сосредоточиться. Птичка-посланница влюбленных, птичка-проводница душ. Убийца поморщился – хватит уже этих знаков. Он, не особенно глядя, щелкнул пальцами – поток острого, режущего ветра полетел в маленькую певицу.

Две ветки ольхи дрогнули и упали наземь, срезанные как ножом, посыпались мелкие шишки. Малиновка вспорхнула и улетела. Пусть ее.

Песня самого убийцы полилась легко и победно, в ее звуках было торжество выигранного боя и неотвратимость камнепада. Он сделал то, что хотел.

Глава 1

Мир, где говорят цветами

Уходить из дома навсегда надо как можно незаметнее.

Эшлин заколола медные волосы в высокую прическу, чтобы не тербить кончик привычной косы. Иначе это слишком выдавало бы ее тревогу, что мать могла заметить. Сегодня, в день совершеннолетия наследника, когда к семье Муин рода Ежевики придут гости, проще всего незаметно исчезнуть.

Стоило задуматься, плетистая роза больно уколола палец. Эшлин прижала его к губам, чтобы не вскрикнуть, привлекая внимание. Ей нужна была хотя бы четверть часа в тишине и одиночестве, чтобы понять, какую глупость она задумала, ужаснуться и... отправиться по намеченному пути дальше. Без сожалений. Как и положено взрослой, хоть и юной ши.

Павильон над рекой, который украшала к празднику Эшлин, был местом величественным и изящным одновременно. С холма от павильона спускались 23 розовые мраморные ступени к пристани, а с другой стороны – пруд с красными и белыми водяными лилиями, отражавший небо. С крыши павильона Эшлин видела и сосновую рощу, и холмы вдалеке, и дорогу, которая в речной долине выглядела так нарочито, словно ребенок провел посреди картины жирную полосу ореховыми чернилами.

Эшлин перевязала палец платком и продолжила оплетать крышу павильона стеблями плетистых роз. Роза оранжевая, как тревожное полнолуние, – радость долгожданной встречи. Роза розовая, рассветная – начало чего-то нового, первый шаг дороги. Цветы имели смысл. Всегда. Цветы говорили, говорили и травы, и деревья.

Будь Эшлин такой же, как другие ши, укол шипа затянулся бы раньше, чем она расправила очередной бутон. Затянулся бы, если бы не то, что она совершила год назад. Та глупость убивала ее, понемногу отнимая силы.

«Если не выйдет все, что я задумала, то я хотя бы попыталась», – упрямо вздохнула Эшлин про себя, вытаскивая из сплетения листьев очередной бутон, розовый, тугой, нежный. Он тонко пах лимоном и

сладостями, какие готовят на свадьбу, и речной водой одновременно. Если принюхаться – начинала приятно кружиться голова. Еще так пахло от матери. От ее волос, платьев и лент.

Вырастить розы куда проще, чем сделать из них приличное украшение, расположив цветы не только верным рисунком, но и с верным смыслом. Для Ройсин, матери Эшлин, сад был тем самым шедевром, который отличает мастера от профана, поэтому к приходу гостей в нем все должно было быть идеально. До идеала оставалось еще около трети круглой крыши. Хорошо, что правило приличий, которое запрещает тратить магические силы на то, что можно сделать и без них, уберегло Эшлин от очередных объяснений, почему она не может снова надеть свой Кристалл Души. Даже больше одиночества и бессилия ей за этот год надоело вранье близким.

Признаться? Превратиться из «Эшлин-от-которой-одни-неприятности» в «Эшлин-от-которой-невиданные-и-неслыханные-неприятности»? Ну уж нет. Упрямство, присущее ши, юности и всему роду Ежевики, убеждало Эшлин исправлять то, что она натворила, самостоятельно.

Вот исправит – можно будет признаться. Или нет.

Шорох быстрых ног по песку и блеск солнца в рыжих волосах ознаменовали появление героя этого дня, младшего брата Эшлин – Мэдью. Именинник несся большими прыжками по тропинке мимо павильона. Мэдью не отличался терпением, поэтому весь вчерашний день ныл, что торжество только отдаляет его от подарков и обретения Кристалла Души, а значит, от вожденной взрослой жизни. Сейчас он был похож на пятнистого охотничьего пса, который прыгает вокруг и норовит уронить хозяина, посуду, только что украшенный стол, произвести в доме как можно больше разрушений, а после этого сесть в единственном свободном от осколков месте и высунуть язык, намекая, что это все вокруг криворукие растяпы, а он хороший мальчик.

Эшлин прищурила один глаз и метко запустила брату в затылок розовым бутонем. Попала. Мэдью подпрыгнул и резко развернулся, задрал голову.

– Эш! Только мое благородство, которое запрещает бить сестер...

– Придержи грома и молнии, – усмехнулась девушка. – Будешь драться, уроню на церемонии твой Кристалл, и нарекут тебя в истории

семьи Мэдью Грязная Душонка.

– После того, как тебя – Эшлин Косые Руки.

Она рассмеялась и сжала второй бутон так, что легкие розовые лепестки разлетелись в разные стороны. Запах цветов сделался нестерпимо резким, будто Эшлин окунулась в бочку розовой воды с головой. Мама неизбежно покривила бы нос и сказала: «Умеренность, дети. Умеренность – условие красоты».

– Куда ты так несешься, братишка?

– Сейчас принесут оправу для Кристалла. Я хочу посмотреть.

– Ты будешь ее носить, пока жив. Успеет надоесть, – фыркнула Эшлин и привычным движением сжала пальцы над грудью. Раньше там было изящное ожерелье, где в глубине серебряных листьев ежевики прятался камень. Ее Кристалл Души.

– Да уж точно не потеряю! – рассмеялся Мэдью и ускакал в глубину сада, не в силах стоять на месте.

Эшлин сжала кулак сильнее и зажмурилась. Нельзя желать провалиться сквозь землю юному дураку, который очень нужен, чтобы исправить содеянное. Нельзя. Даже если очень хочется.

Она любила младшего колючей и нежной родственной любовью, как истинное дитя Ежевики. Ехидства в ее словах было больше, чем ласки, но это не мешало сестре и брату держаться друг друга всегда с того дня, когда Мэдью впервые пошел, придерживаясь за руку Эшлин. Мама говорила, что с возрастом сладость берет верх над шипами. Это называется мудрость.

Когда последний бутон был вплетен, Эшлин перебралась с крыши на ветку стоявшей рядом сосны и по ней ловко, как белка, спустилась на землю. Ветки помогали ей, поддерживая, словно дружеские руки. Песок хрустнул под ногами, тяжелый и влажный. Утренний туман уже сполз с холмов в долину, но сад блестел от капель росы, будто только что вынырнул из воды, не успев отряхнуться. В ивовых ветвях у пруда трещали и ссорились две сороки. Они взлетели над беседкой, а на тропу перед Эшлин, кружась, опускались белое и черное перья. Девушка покачала головой, представляя, какими бы они с братом были птицами, и побежала к дому. На песке почти не оставалось следов – походка ши была слишком легка. Пробежать по шелковой ленте, разложенной на песке, не сбив ее и не смяв, для Эшлин было не сложнее, чем заплести косу.

Тяжелую дубовую дверь украшала кованая ручка, от которой по светлым доскам расползались во все стороны медные стебли ежевики с листьями, цветами и ягодами. Сразу за ней открывался просторный зал с камином, а южную стену заменяло огромное окно, открывавшее вид на сад и даже кусочек реки вдалеке. Эшлин тревожило странное чувство, в носу и горле пощипывало, будто она нанюхалась полынного дыма. Раньше ей не приходилось особенно подмечать, как здесь красиво. Красота окружала ее всегда. О ней не стоило думать. Сейчас, когда дом мог навсегда остаться в прошлом, он становился важнее. Тонкая медная вязь, цветные стекла светильников, теплая краска настенных вышивок шелком, шерстью и лентами, складки занавесей, потолочный можжевельный венок с белыми звездами бисерных цветов.

– Сегодня к нам придут важные гости... – мать, сидевшая в глубине зала, могла бы этого и не говорить. Ее пальцы, старательно сплетающие в паттеран дубовые веточки, сообщали о том, что придёт старший из рода. Эти маленькие букетики не увянут во время всего торжества, зато каждый гость, подойдя к столу, поймет, где именно ему предстоит сесть. Да и представляться будет удобнее.

Отец Эшлин, Каллен Винодел из семьи Муин, был истинным ши рода Ежевики – «тем, кто благословляет вино и хлеб, дом и сад». Из его рук выходили вещи, наделенные красотой и силой, – светильники, навевающие цветные добрые сны, поющие чаши, ларцы, открывающиеся лишь хозяину, ключи, прилетающие в руку. Он никогда не повышал голос, был мягок с детьми, ласков со зверями и птицами, никогда не ел мяса. А еще на все праздники ши именно он творил вино и умел создать вино радости, вино светлой печали, вино поэзии и вино памяти.

Это светлая ипостась Ежевики. Каллен Винодел воплощал ее в себе. Темная ипостась – дурман, изворотливость, коварство. Каллен радовался, что ни он, ни дети не знали искуса темной стороной, и не верил в мрачное предсказание над маленькой Эшлин. Судьбознатцы ошибаются тоже.

Такие, как Каллен, чаще всего выбирали невесту в семье Куэрт, Яблони, рода Боярышника. Улыбчивые красавицы, славящиеся почти белым золотом волос и здоровой полнотелостью, мастерицы яблочного сидра, умели исцелять больных и раненых и лечить раны самой земли.

Или в семье Ур, Вереска, рода Вяза, рождавшей хрупких стремительных танцовщиц, голубоглазых, с бубенцами в иссиня-черных косах, на запястьях и щиколотках, смешливых и отважных хранительниц тайн меда, пчел и пустошей. Но нет. Он полюбил ту, что полюбил. Высокую, строгую и гордую Ройсин, дочь семьи Ньин, Ясеня, из рода Березы, дочь филида – говорителя закона и повелителя гейсов. Филиды ши чаще всего происходили из семьи Ньин.

Ройсин была безупречна. С ее прямой спиной, гладкой прической цвета теплой древесины, запахом розовой воды, которой она умывалась и ополаскивала волосы и которую готовила сама. Она редко смеялась, редко выходила из себя, редко, но тепло и заслуженно хвалила детей, ничего не забывала и считала страх дурной привычкой.

Были ли родители счастливы? Вино отцу удавалось всегда. Паттераны матери – тоже. Они не говорили о счастье. Они творили мир вокруг, и этот мир был красивым, теплым и счастливым.

В составе паттерана нельзя ошибиться – иначе крупное оскорбление придется заглаживать годами. Основа его должна соответствовать положению гостя, оплетка – вежливости принимающей стороны. Можно добавить что-то свое, не от семьи, от себя, но это чуть излишняя искренность – выражение личного отношения.

Дуб и вьюнок – старший в роду,
ты украшаешь собой нашу жизнь.
Лилия и земляника —
мы раскрываем объятия юной невесте.
Белая сирень и клевер —
мы скучали по тебе, наследник рода.

Легенды ши полнились сюжетами о паттеранах. О том, как предупредил героя о коварном враге спрятанный среди торжественного мирта аконит – «опасность», как расстроил свадьбу развернутый вниз фиалковый – «отвергнутая любовь» – букетик в венке из омелы. А был бы развернут вверх – ничего бы не случилось, «отданная и разделенная любовь».

Эшлин наблюдала, как легкий вьюнок оплетает дубовые листья, подчиняясь почти незаметным движениям пальцев. Мать выждала немного и продолжила:

– Я понимаю, что клятвы надо блюсти. Но старейшины не зря говорят, что есть случаи, когда разрешены послабления, если клятва приносит страдания твоей семье. Достань свой Кристалл, девочка. Я разрешаю.

Эшлин вздрогнула, когда мать, отложив готовый паттеран на льняную скатерть, провела пальцем по черной обсидиановой шкатулке, стоявшей неподалеку, на возвышении. В такие на время клали Кристаллы тяжело провинившихся ши – обсидиан полностью перекрывал связь между Кристаллом и его хозяином. Ши мог сделать это и сам, добровольно беря наказание за известный ему проступок. Именно этот обычай помог Эшлин скрыть, что Кристалла у нее больше нет. Родители легко поверили, что упрямая и гордая дочь решила сама себя наказать за что-то, о чем не хочет рассказывать.

Ненависть к необходимости врать помогала врать уверенно.

– Нет. Это трусость, – нахмурилась Эшлин, сжимая кулаки. – Если ты дал клятву чего-то не делать, ты не сделаешь этого и перед лицом смерти. Иначе к чему такие обеты?

– Есть важное для твоего клана, девочка, – мать подхватила две незабудки, веточку березы и стебель наперстянки, раздумывая, каким образом будет лучше их соединить.

– Я справлюсь так, – легко выглядеть решительной, но сложно быть ею, когда внутри все сжимается, а слова, которые ты повторяешь, сливаются в одно, будто заклинание – мама, неоткрывайнеоткрывайнеоткрывай...

Откроет – и увидит, что Кристалла нет. И что тогда?

– Это опасно не только для тебя, но и для Мэдью, – голос матери стал звонче, наперстянка под ее руками хрустнула, теряя несколько цветков в нижней части.

– Скажешь, что я не удержу Кристалл те мгновения, которые полагаются?

Эшлин шагнула ближе к напольному подсвечнику и провела над ним несколько раз рукой, рассекая пламя. На светлой коже проступили алые полосы. Такие же бывают от холодного железа – огонь жжет ши слабее, железо сильнее.

– Эшлин! – мать уронила недовязанный букетик, и веточки разлетелись по полу. – Перестань же!

– Не сомневайся во мне, мама. Хватит тех сомнений, которыми я сама себя связываю!

Ройсин поджала губы и принялась собирать с пола ветки. Пожалуй, теперь она будет молчать до самой церемонии – чтобы не поссориться сильнее и подчеркнуть свое недовольство упрямством дочери. Одиночество жгло в носу и наливалось комом в горле. Оно пахло сырým ветром в скалах.

Маленькая ложь тянет за собой еще одну и еще. Хотелось просить прощения. Обнять маму – скупая на объятия сама, Ройсин никогда не отталкивала близких. Но никто не должен знать, что в обсидиановой шкатулке пусто.

Кристалла Души Эшлин из семьи Муин рода Ежевики нет в этом мире.

Один дурной человек взял и сделал из него игрушку. И теперь девушка-ши хуже ребенка. Нет, хуже калеки – ребенок вырастает, а Эшлин вернет себе Кристалл или останется такой навсегда. Не владеющей своей магией. Почти лишенной ее. Пустоцветом.

Эшлин не уходила. Она стояла, прислонившись спиной к двери, чувствуя чеканку сквозь тонкую ткань платья. Изгибы цветов и листьев впивались в кожу между лопаток. Мать делала вид, что в зале больше никого нет, и задумчиво вертела в руках ветку рябины. Явно думала, что к ней добавить, наверное, поссорилась с кем-то из будущих гостей.

Паттеран – это всегда трудно. Ты говоришь от лица целого рода, что именно думаешь о госте. Каким он предстает в твоих глазах. Если бы мать не умела скрывать чувства глубоко внутри, Эшлин бы точно сегодня огребла букет чертополохов с терновой веткой в середине. Чем больше колючек, тем лучше.

Обожженная свечой рука ныла, напоминая о том, что только в балладах после ярких сцен сразу наступает пир победителей. В жизни герой еще долго залечивает раны и думает, как его угораздило сделать то, что он сделал. Матери даже не приходит сейчас в голову, что легкий ожог обычным огнем еще не пропал с кожи дочери. Такая безделица для ши.

Эшлин шла по праздничному дню, как по болоту, вязла, вытаскивала себя, пыталась что-то делать и снова утопала. Достаточно было лишь бросить взгляд на что-то привычное, родное и серьезно задуматься о том, что видит она это в последний раз. Сейчас ей стоило больших усилий не разглядывать комнату, подмечая каждую мелкую деталь, а подумать о том, что делать дальше. У нее был план. Надо проверить, что из будущих подарков брату поможет этот план осуществить. Осталось только сорок шагов до комнаты под крышей.

Детские всегда располагались наверху. Эшлин любила это уединение от чужих взглядов, ощущение, что она в лесу, а рядом только ветви и птицы. Окна в этих двух комнатах, ее и брата, были круглые, с деревянными ставнями, которые закрывались лишь в середине зимы. Ее комната выходила окном на восток, и, прежде чем подняться над лесом, солнце первым делом заглядывало погладить девочку теплым лучом по щеке. Она выглядывала улыбнуться солнцу и послушать зябликов или синиц, прилетавших за семенами.

Мэдью же свое окно путал с дверью, расшатал петли ставен и постоянно вытапывал мох на западной стороне крыши, сваливая это на птиц. «Что же это за такая огромная птица в сапогах у нас завелась?» – вопрошали родители. Сегодня ему настрого запретили появляться у себя до Церемонии.

Эшлин приоткрыла дверь к Мэдью. Необычно чистая комната, с разложенными у стены подарками, к каждому из которых прилагался паттеран с пожеланием. Магия не давала этим маленьким букетикам вянуть сутки-двое, иногда больше. Эшлин вспомнила, что люди в своем человеческом мире выцарапывают какие-то знаки на коже или глине. И как у них хватает терпения все их запомнить? Это же скучно, когда письмо настолько однозначно, что над ним и думать не надо!

В комнате брата пахло хвоей от привязанного к дорожной сумке букета из сосновых веток пополам с вереском. Интересно, от кого? Такой паттеран был на грани между пожеланием вечно счастливой жизни и признанием в любви. Эшлин прикрыла дверь и принялась тщательно и без зазрения совести осматривать подарки. В конце концов, пока она не делала ничего запрещенного.

Судя по ровным рядам вещей, Мэдью здесь честно не появлялся с раннего утра. Тонкие красные свечи, которые вспыхивают без огнива, дорожная сумка с десятком плотных карманов и медными застежками,

набор обсидиановых метательных ножей с деревянными ручками, фонарь с коваными стенками и держателем для свечи в виде ежевичного цветка. Все это вполне пригодится в дороге. Будто дарители знали, куда собирается именинник сразу после совершеннолетия.

Девушка разглядывала фляжку-рог в кожаном футляре с резными листьями винограда, название которого было созвучно имени брата, когда из окна ввалилось что-то большое и темное. Точнее, большое и рыжеволосое.

Вскрикнули они с Мэдью одновременно. От неожиданности Эшлин швырнула в брата рогом.

– Эш! – Мэдью поймал подарок и теперь размахивал руками так рьяно, будто пытался взлететь. – Вот что ты здесь делаешь?

– А ты что здесь делаешь? Одичал и почувствовал себя белкой, птица наша в сапогах? – Эшлин говорила с Мэдью, вслушиваясь в себя. Сердце все еще колотилось, но вернуть самообладание оказалось просто. Неужели чувства тоже уходят вслед за силами?

– Если я разрешил тебе трогать мою душу, сестрица, это не значит, что можно трогать мои вещи!

– Не бойся, я ничего не стащила, – ответила Эшлин уже совсем ровно, – нам некогда будет разбираться в этом после Церемонии. Успеем только прийти и взять нужное.

– Зубы заговариваешь. Не думай, будто я не знаю про все эти женские штучки нашего рода. Ты меня магией не успокоишь и соглашаться не заставишь! Я хочу первым смотреть подарки, и чтоб их никто не трогал!

Эшлин грустно улыбнулась. Мэдью забыл, что магии в ней сейчас нет ни капли. Разве что та, присущая большинству ши, которую зовут обаянием, но и она исчерпана до капли тревогой и ненавистью.

– Братец, ты в любом случае не будешь первым. Сначала каждый подарок трогал мастер, который его делал, а потом тот, кто хотел его вручить. Это сейчас не главное. Ты же хотел стать героем, Мэдью. Вот и станешь. Совсем как те, которых воспевал бард Талиесин. Надо только потерпеть до конца Церемонии и не ссориться со мной из-за ерунды. Ты же не хочешь, чтобы наш план раскрыли?

Отец выслушал бы ее. И где-то понял. Но все равно не позволил бы выполнить задуманное. Пошел бы к старейшинам, к филидам,

например, к ехидному и холодному Коэну, например, отцу Ройсин, близкому родичу. И что хорошего вышло бы? Да ничего. Беда и позор, вот что.

Мэдью покивал, перестал возмущенно пыхтеть и любовно поглаживал бок резного футляра фляжки. Кажется, некто, оставивший паттеран из белых колокольчиков на удачу, угадал с подарком.

– Я тебя прощу. Но если обо мне не поспешат слагать легенды, я не верну тебя домой, пока сама не напишешь песнь о самом молодом герое семьи Муин рода Ежевики и его глупой, хоть и старшей, сестре.

– О сестре не обещаю. Ты действительно хочешь, чтобы через века все видели тебя моими глазами?

– Если вычеркнешь из каждой строки свое любимое слово – да!

Эшлин молча посмотрела брату в глаза. Во взгляде светилось то самое слово, произнесенное тысячу раз.

– Молчание – знак согласия, – подытожил Мэдью, в глубине души понимая, что в случае с сестрой последнее слово, оставленное за ним, ничего не значит, – пусти меня, раз уж я здесь, хочу посмотреть все.

Мэдью продолжал восторгаться кучей подарков, а Эшлин меж тем заметила, как полоса света от окна переместилась по стене к изголовью кровати. До полудня оставалось не так много. Еще немного, и слагать легенды можно будет о ней самой. Сагу об Эшлин, которая была в трех местах одновременно и все успела. Впрочем, на такое не способен даже старейшина Ньин, великий Ясень.

Спустившись в духе братца через окно и едва не свалившись в подготовленный для костровища медный котел, Эшлин отправилась к следующей вехе своего плана.

Глава 2

Брадан

Домик на краю, который звали гнездом, был одним из мест перехода между мирами и для того, что Эшлин задумала, самым удобным. Никто из ши не пригласит гостей в дом просто так, праздники с весны по раннюю осень проходят под открытым небом, с огромными столами, кострами, танцами среди деревьев на траве или дощатом помосте, где девчонки из семьи Вереска так любят устраивать перепляс-поединок, отстукивая дробь босыми ногами под звук бубенцов на щиколотках. Дом – это сердце рода, туда чужим заходить не стоит без особого приглашения. Так что, едва обряд завершится и начнется веселье, под крышей здесь никого не найдешь. А в любом дальнем закоулке за кустом можно будет нарваться на пару важных персон, которые обсуждают смысл вплетенных хозяйкой в паттеран цветов, магические возможности внуков, сговор наследников.

Эшлин на мгновение остановилась и втянула носом аромат дыма, пирогов с малиной и прохладного озерного ветра. Вдоль длинного стола уже расставляли скамьи, а по светлым доскам прыгала маленькая пестрая птица, постукивая клювом по сучкам, будто проверяя столешницу на прочность. Некогда смотреть. Этот день придется прожить быстрее, чем она обычно жила. Неужели люди так живут, быстро, не задумываясь о красивых мгновениях, не ощущая себя частью мира вокруг с его светом, цветом, вкусом, запахом?

«Вот отправишься к ним и проверишь», – проворчал внутренний голос, и Эшлин решительно нырнула в простую деревянную дверь домика на скале.

Это был маленький домик с соломенной крышей, одним окном и деревянным крыльцом, которое нависало над обрывом оврага. В овраге росли сосны, и выходящий за дверь будто оказывался в гнезде среди их ветвей. Эшлин любила приходить сюда и сидеть на самом краю, болтая ногами в пустоте.

Однажды они с Мэдью на спор спустились с крыльца в овраг, цепляясь за камни и корни, хорошенько ободрали руки и колени. Эшлин до сих пор считала, что выиграла она, потому что последний

участок пути братец просто слетел кубарем и шлепнулся задом в ручей.

В домике пахло сухим деревом и хвоей. Дверь скрипнула и захлопнулась за спиной девушки. Эшлин немедленно захотелось развернуться и выбежать вон. Не от страха, бояться было нечего, от острой печали утраченного.

Память того, кто с детства привык заучивать огромные заклинания, сказания и баллады, цепко схватывает любые мелочи. Здесь Брандан сидел на сундуке и смеялся над тем, что она не умеет выцарапывать знаки на глине. Здесь он оставил свои сапоги, и в левый залезла мышь. Здесь он лежал на плетеном покрывале и, вглядываясь в связанный Эшлин простой паттеран, пытался угадать его смысл. Здесь он пил ежевичное вино, а она резко развернулась, после чего бордовые капли стекали даже с ушей. У обоих.

Кровать, сундук с медным замком, две глиняные кружки на столе, лавка. Будто бы он вышел на мгновение.

Брандан, ученик друида, человек. Он засел в памяти, будто заноза, каждое мгновение, проведенное с ним, каждое его слово. Если бы Эшлин заранее знала, как запоминаешь того, кто становится Хранителем Души, лучше бы сама разбила тогда свой Кристалл.

Не думать, чтобы в горле не поднималась горечь, а взгляд не туманился. Сделать то, зачем пришла, и быстро уйти.

Эшлин достала из кармана юбки уголь и встала на колени, расчерчивая пол знаками. На это вечером тоже не будет времени, а перепутать рисунок нельзя. Навсегда остаться между мирами лишь потому, что в глазах не вовремя блестели слезы, – слишком глупая смерть для ши из рода Ежевики.

Кажется, в этой комнатке до сих пор сохранился его запах... та ночь так же одуряюще пахла вереском, медовым закатом лета, зреющими яблоками. Сосны подбирались к берегу, оставляя небольшую полосу камня над самым обрывом. Внизу шумела вода, над головой – ветер в ветвях.

Тогда они сидели у костра, далеко отсюда, так, чтобы быть незаметными ни из сада, ни из дома. У Брандана были светлые волосы, как у ши из семьи Березы, по-лисьи узкие голубые глаза и улыбка, от которой становилось щекотно. В тот вечер они молчали, изредка хором кашляя и смеясь, когда дым окутывал облаком. С этим человеком даже

молчать было как-то уютно, будто он обнимал взглядом, не прикасаясь.

Эшлин помнила, как, сильно закашлявшись, пригрозила, что спустит его со скалы в реку охладиться, если он не перестанет лезть в костер, вместо того чтобы спокойно сидеть возле него.

Брадан пристально посмотрел на нее, в его глазах отражались переливы пламени.

– Иногда я хочу стать огнем, но это невозможно. Поэтому просто стараюсь подружиться с саламандрами. Если дать им волю, они уничтожат все вокруг и умрут сами, но если осторожно... смотри, как они танцуют на дереве. – Потом тихо добавил: – Порой мне кажется, что они танцуют внутри меня.

Вокруг застыла теплая, трескучая тишина, которую, казалось, можно было сжать в ладонях. Вдруг в соснах за спиной ухнул филин. Эшлин вздрогнула и очнулась.

– Если бы они плясали внутри, ты кричал бы от боли, – фыркнула она, – все живое превращается в уголь после их игры.

Ей почему-то стало тревожно от взгляда Брадана.

– Нет, Эшлин. Это другое. Живое сгорает, если не подчинит саламандру себе, становится ее добычей. А когда впускаешь в себя ее силу, – он помедлил и прищурился, ловя внутри нужное ощущение, – мне кажется, в такие мгновения я мог бы стать подобным древним богам. Но почему-то здесь, с тобой, это так легко.

Он вдруг протянул руку и легко подхватил прядь ее выбившихся из косы волос, чтобы они не попали в пламя. Она застыла, пока Брадан пытался закрепить волосы за ухом, но непослушные кудри соскальзывали. Его рука так и замерла, почти касаясь ее щеки.

Эшлин прислушивалась к себе, как могла бы слушать землю, дерево, реку – но по-новому. Снаружи обдавало жаром костра, а под кожей, в такт ударам сердца, становилось горячо, будто с руки Брадана и вправду срывались искры, и от этого колкого внутреннего жара лицо ее вспыхивало. Словно еще немного – и она задохнется от незнакомого чувства, заменяющего воздух.

Она повернула голову и, прикоснувшись к ладони Брадана губами, наконец раскрыла их, выдыхая. Его ладонь пахла дымом, вереском и солнечным светом. Всякий, кто был в сосновом лесу вечером, после жаркого дня, знает, как пахнет солнце.

Во взгляде Брадана удивительным образом смешались изумление и растерянность, будто он увидел живого духа огня. Было похоже, что никто в его жизни так к нему не прикасался, и он желает одновременно отдернуть руку и схватить ускользающее чудо. Лишь через три вдоха он вернулся в реальность и, будто падая со скалы, соскользнул с бревна, на котором они сидели, встал на колени и обнял Эшлин, одной рукой зарываясь в ее медные кудри, а другой притягивая ее к себе.

В кольце его рук Эшлин чувствовала, как сильно бьется его сердце, так близко, будто оказалось в ее груди вторым.

Проклятые саламандры...

Теперь она точно понимала, о чем говорил гость из другого мира. Маленькие огоньки с горячими лапками носились внутри друг за другом. Тепло, щекотно и ярко вспыхивая в неожиданных уголках тела, к которым Брадан, казалось бы, не прикасался.

– Зачем держать... Я не упаду, – прошептала она. – Но очень хочется... знаешь, сосны так цепляются ветвями над обрывом и стоят вечно, даже в бурю. Как мы.

Слушая ее голос, Брадан сильнее прижимался щекой к ее виску. Когда он заговорил, его голос был тихим, но полным странной силы, будто он чуть нараспев произносил заклинание.

– Я хочу держать твое сердце так... вечно.

Казалось, Эшлин в тот день разучилась дышать – так часто воздух замирал в груди, и голова от этого шла кругом. Прежде чем ее накрыло осознанием, почему именно эти слова звучат дольше, чем Брадан их произносит, и остаются рядом, как иней на траве в вечер Самайна. Это и правда заклинание. Она сначала продолжила слова, лишь потом осознав до конца, что сделала.

– Пока горит огонь, льется вода, дует ветер и хранит твердость камень?

– И пока глаза мои видят звезды, – закончил он, глядя ей в глаза и улыбаясь, как будто только что вспомнил строчку давно слышанной где-то и забытой песни. Значит, они клялись так же.

Эшлин растерялась. Это было слишком неожиданно. Обычно эту клятву произносили торжественно, перед родителями и старейшинами в торжественно украшенном саду после заката с сотнями зажженных огней. Но кто знает, как это у людей?

И разве что-то шло неправильно?
Горящий огонь у них был.
И звездное небо.
И ветер в кронах деревьев.
И вода под обрывом.

Огонь, небо и ветер точно видели и слышали и не такое.

– До тех пор сердце Эшлин из рода Ежевики будет принадлежать тебе, а твое ей.

По лицу Брадана снова пробежала тень растерянности – как будто он не ожидал ее последних слов. И это было странно – ведь слова клятвы не менялись веками.

Но уже через мгновение Бранан, словно очнувшись, снова притянул ее к себе и осторожно поцеловал в губы. Эшлин ответила. Почему прикосновение к губам отзывалось во всем теле? Почему хотелось прижаться к Бранану так, чтобы граница между ними стерлась, как превращаются в одно цветы, перемешанные в паттеране?

Когда она наконец вдохнула, то прошептала, стараясь скрыть смущение:

– Мы точно запомнимся звездам. Не помню ни в историях, ни в сказках, чтобы кто-то делал это так быстро.

Бранан отстранился с виноватым видом.

– Я не должен был тебя целовать, пока... – кажется, его мысли в голове столкнулись, и он запнулся. Но он продолжал обнимать ее так, как будто она могла ускользнуть. – Эшлин, мне нужно вернуться и принести то, зачем я пришел сюда. Учитель меня ждет, а Луна не может замереть на небе, как бы я этого ни хотел.

– Почему не должен? Разве клятву дают не затем, чтобы больше не думать, когда хочется стать ближе? Я не хочу, чтобы ты уходил. Даже просто за дверь.

– Клятву? – Он непонимающе нахмурился, но потом уверенно кивнул: – Я клянусь, что вернусь к тебе, что бы ни случилось, по ту сторону мира или по эту! И тогда я снова буду держать тебя за руки и не отпущу до конца времен.

Нежно и пристально разглядывая ее раскрасневшееся от пламени костра лицо, Бранан снова попытался убрать непослушные медные

пряди.

– Погоди, – он отпустил ее на мгновение, чтобы достать из холщовой сумки затейливо украшенную медную фибулу. Хоть она и служила иным целям и создавалась совсем для другого, но сейчас он легким движением руки подхватил ею мягкие кудри Эшлин, закрепляя на затылке. Только небольшой непослушный локон пушился у виска.

Она провела ладонью по неожиданной заколке, ощущая металл и камень под пальцами. Тогда еще подумала, насколько душа у человека странная, совсем не похожа на Кристалл, надо будет рассмотреть, из чего она состоит. Ведь по изображению души можно разгадать многое. Хитрый. Не дал разглядеть. Впрочем, после клятвы у них будет много времени на то, чтобы разгадывать символы.

Эшлин зажмурилась. Ей стало страшно. Будто она шла на цыпочках над пропастью и знала, что теперь только в руках Брадана ее жизнь, и он, если что, поймает – или нет. Но не останавливаться же сейчас. После клятвы под небом и перед огнем. Клятвы, разнесенной ветром по двум мирам – миру ши и миру людей.

Она медленно сняла с шеи Кристалл в оправе из листьев ежевики и повесила Брадону на шею. Кристалл на мгновение засветился, и в нем отразилось напряженное лицо хозяйки. А может быть, это был просто отблеск костра. Она не знала, как это должно быть – ей не приходилось до того отдавать душу Хранителю. Хранитель ведь чаще всего один на всю жизнь. Бывало, конечно, что вдовы героев выходили замуж, что женились вдовцы – но обычно это было иное, они создавали союзы с друзьями детства. Не бьющиеся в груди саламандры – ровное и ласковое горение домашнего очага.

– Моя душа теперь всегда с тобой... – прошептала она. Ей очень хотелось сказать «не разбей», но это звучало по-детски и глупо. Поэтому просто молча смотрела и почувствовала, как по лицу катятся слезы.

Интересно, а мама плакала, обмениваясь Кристаллами с отцом? Нет, наверно. Вот отец мог бы – от радости и волнения. Ши не считали проявления чувств недостойными. Это мама любила умеренность во всем.

Брадан смотрел изумленно. Если бы Эшлин могла прочесть его мысли, то узнала бы, что он не ожидал такого подарка, но еще менее он ожидал слез встреченной им в лесу девушки, самой красивой из

виденных им в жизни. Сейчас он мимоходом думал еще, как странно будет ему носить такое девичье и при этом явно очень дорогое, изумительной работы украшение. Лучше будет его надежно спрятать, а после возвращения отдать Эшлин обратно. Но не сейчас.

Он протянул руку, вытирая ее щеку, как вытер бы свою, только бережнее.

– Не огорчайся, пожалуйста. Ну что ты. Я вернусь сразу же после новолуния, – он коснулся кулона мокрыми от ее слез пальцами. – А это я буду хранить. Я не потеряю!

А потом, еще до рассвета, ушел сквозь холм на свою сторону. Чтобы больше не вернуться.

Символы на заколке были непонятными. Черточки. Словно детская рука пыталась изобразить елочку. Еще елочку, немного другую. И березку. Эшлин не смогла их понять.

Она думала, что он придет на Осеннее Равноденствие. До него как раз оставалось немного, Врата открывались легко в этот теплый день благословения урожая, люди приходили к холмам и приносили яблоки, и морковь, и овсяные колосья, приводили овец и коз, несли на руках детей. Ши выходили навстречу, касались плодов, гладили мягкую шерсть животных и встрепанные волосы любопытно оглядывающихся детей, желая удачи и благополучия. Люди отдаривались хлебной закваской и свежим молоком, как заведено. Эшлин сама вызвалась выйти с матерью на благословение урожая в том году, хотя это было скучно – стоять, улыбаться, кивать головой. Зато неуправляемой магии хватало на простое и привычное. Только на это.

– Старшая сестрица, дочь холма, прими сердце хлеба, коснись моего сына.

– Младшая сестрица, дочь дымного очага, принимаю твой дар, будь благословенна ты, и твой сын, и твой дом.

Одни и те же слова. Несколько часов. Старики в праздничных нарядах с корзинами яблок под вышитыми полотенцами – Ройсин коснулась сильно хромавшей седоволосой женщины, которую подростки вели под руки, и та выпрямилась, шагнула без боли, посмотрела изумленно, заговорила торопливые благодарности. Румяная счастливая невеста в венке – Эшлин благословила ее брак и пожелала сильного сына и красивой дочери. Мать с выводком шумных веселых мальчишек. Вдовец с застенчивой дочкой, которая несла на

руках ягненка. Разные. Пахнувшие дымом, работой и хлебом. Праздничные. Не те.

Брадан не пришел.

Он не пришел и на Самайн – ночь охотничьего танца, когда ши выезжали верхом, с факелами в руках, в лучших одеждах со знаками рода и раскрашивали лица в родовые цвета. Люди всегда приходили посмотреть на творящуюся красоту. Эшлин искала взглядом Брадана так, что едва не сбила дважды сложные перестроения – «горная река» и «осенняя змея»; к счастью, ее спокойная рыжая лошадь помнила их лучше хозяйки.

Брадан не пришел.

Когда он не пришел и на Йоль, она перестала ждать. И рассказала брату. Немного. Не все. Не о клятве перед горящим огнем, нет. О том, что привела в холмы человека, последовавшего за ней случайно, и он унес ее Кристалл. И что об этом нельзя знать никому.

– Давай найдем его и накажем, – воодушевился Мэдью. – Сами. Хотя не надо сразу думать о нем плохо, Эш. Может, его просто ограбили и убили?

Эшлин подумала хорошо и шлепнула брата полотенцем.

С того дня они ждали Церемонии. Когда Мэдью получит Кристалл. Так было легче – делить с кем-то тайну.

Но невыносимо тяжело ждать последние часы. Перед тем как все могло быть спасено или уничтожено окончательно.

Эшлин поняла, что уже давно нарисовала все нужное и просто стоит на коленях и смотрит, как пушистые тени веток елозят по половицам. Снаружи поднимался ветер.

Этот бесконечный день не терпел остановок. Уже скоро в саду появятся гости, под любопытными взглядами которых захочется исчезнуть, растаять. Впрочем, тающий снег сначала превращается в грязную ледышку, полную ошметков земли и хвои, и только потом растекается весенней водой. А Эшлин самой себе уже напоминала ледышку, тонкую, сероватую, сквозь хрусткую пластинку которой видны прошлогодние травы.

Девушка кое-как вытерла руки и выбежала на улицу, тут же столкнувшись с тетушкой Рианной, которая прибыла еще вчера, помогать с подготовкой праздника. На ее вышитом золотыми нитями платье – тетушка любила роскошь – резко выделялся приколотый

паттеран из веточек можжевельника. От его аромата снова едва не выступили слезы. Интересно, тетушка решила усилить этим оберегом свои магические способности или женское очарование?

– Эшлин, дитя, что ты здесь делаешь? До завтрашнего дня здесь все будет оплетено тростником для старейшины, – тетушка произнесла последнее слово таким тоном, что стало понятно, для кого собирали можжевельник. Можжевельник – сила. Сила воина, сила красоты, сила домашнего очага, сила мага.

– Здесь? – узелок с остатками трав и углем выскользнул из пальцев девушки. – И домик над скалой тоже?

– Да, чтобы старейшине не досаждали те юнцы, которым не повезет вместе с именинником пойти к нему в обучение. Опять ты решила просидеть все веселье в дальнем углу сада, дитя? Одно дело, когда тяжкий гейс, который сложно выполнить, дается при рождении, но то, в чем ты сама себе поклялась...

Эшлин старалась дышать глубоко и размеренно, чтобы чувства не набегали одно на другое, как волны на берег. Она подняла узелок и посмотрела на него, одновременно пряча глаза и изображая смирение.

– Так вышло, тетушка, я еще не до конца искупила свои ошибки. А за тростниковое плетение никто не войдет без приглашения, верно?

– Да, Эшлин. Старейшина Гьетал не любит лишней суеты.

Выражение лица тетушки Рианны стало злобно-мечтательным, будто мечтала она придушить всех, кто посмеет потревожить покой важного гостя. Она так же прищуривала вытянутые черные глаза, когда, гадая, произносила какую-нибудь пакость.

Гадала тетушка хорошо. Эшлин поспешила дальше – пока та не поняла лишнего.

Сто двадцать четыре шага к зеленому шатру со столом, который почти закончили накрывать. Чтобы решиться идти на испытание духа без Кристалла, нужно быть безумной. Эшлин считала шаги, блюда с кушаньями, птиц в ветвях – только бы отвлечься в те моменты, когда сердце стискивали тревога и боль. Если вокруг расставляют, выносят, укрепляют и украшают, гораздо проще держать себя в руках. Размеренная, спокойная устремленность втягивает в себя и передается. Хочется подхватить общее дело и отгородиться им от навязчивых мыслей.

Девушка взяла широкую доску с пышным хлебом – на закваске, полученной в дар от людей, – и, принюхиваясь к аромату теплой корочки, понесла его к середине стола. До того как в небе появятся звезды, ей придется изменить план. В любом случае открывать Врата в соседний мир под боком у старейшины – это глупость даже для Эшлин из рода Муин. Но другой способ только один, он опасный, непредсказуемый и...

– Эшлин, ты не видела брата? – Отец внимательно осматривал стол, в убранстве которого все должно было быть идеально. Неидеальная бабочка с алыми крыльями нагло села на край горшка с вареньем. Казалось, что расписанная маками глина расцвела по-настоящему. Щепотка неидеальности добавила красоты.

– Да вот же он несется, – Эшлин кивнула в сторону дома, откуда Мэдью бегом спускался в долину. Полотнища полностью расстегнутых широких рукавов расшитой серебряными листьями накидки трепыхались на ветру. Брат напоминал большую зеленую цаплю. До полудня оставалось совсем немного. Мастер держал шкатулку с Кристаллом и ждал, пока соберется семья того, кто встречает совершеннолетие. Его Кристалл Души рос шесть тысяч дней, прежде чем соединиться с хозяином. Когда-то и Эшлин ждал такой же.

– Ты готова? – сильные отцовские пальцы сжали запястье, больно прижимая к коже бронзовый тонкий браслет. Отец волновался. Обычной мягкой улыбкой на его лице не было.

– Да, отец.

– Помни, если ты корень, рассчитывать надо не только силу, но и бессилие. Иначе весь ствол рухнет.

– Помню, – эхом отозвалась Эшлин.

– Ты ничего не хочешь мне рассказать?

– Нет, отец. Просто волнение.

Она вдохнула, лишь когда отец отпустил ее руку и пошел к Мэдью. Отец смутно о чем-то догадывался. Хорошо, что он отвлечен Церемонией.

* * *

Старейшина Гьетал был обнажен по пояс. Его тело покрывали зеленые узоры, которые сплетались в круги, будто венки, что плели из еловых ветвей и приносили домой на зимнее солнцестояние. Светлые волосы перехвачены серебряным венцом, который достался ему после изгнания Горта Проклятого. А ведь когда-то Гьетал и Горт были ближе, чем братья, рука об руку бились с фоморами и вместе бывали в мире людей. Но это ушло в прошлое. Вспоминал ли он бывшего друга?

Акме Муин – род Ежевики – собрался здесь весь. Вокруг мастера с дубовой шкатулкой стояли семеро из старшей семьи. У каждого рода много семей, как ветвей у ствола, но главной считается старшая, та, что ближе к стволу, из которой выбирают старейшину. Эшлин зажмурилась на мгновение, представив, каким старейшиной будет ее брат. Тут-то все порядки и затрещат, потому что Мэдью лень будет их учить. Или суровый воин Гьетал выбьет из ученика дурь за пару лет?

Солнце было таким ярким, что половине круга приходилось щуриться. Хороший знак. Отец вывел Мэдью на середину круга, вернулся на место, и Эшлин впервые увидела, как робеет ее брат. Ветер трепал рыжие вихры, и как бы мальчишка ни пытался заложить их за уши, все равно выкидывал вперед, на нос.

Мастер протянул открытую шкатулку старейшине, чтобы тот взял в руки новый Кристалл и сухую веточку ежевики, срезанную в день рождения Мэдью.

Старейшина улыбнулся. На фоне его руки Кристалл казался маленьким и хрупким. Через мгновение легкая улыбка коснулась напряженных лиц матери и отца. Как сосредоточиться на песне рода, изгнав из головы все иные мысли? Эшлин закрыла глаза, но вместо растущей травы перед внутренним взором снова возник человек, так занимавший ее мысли уже почти год. Она тряхнула головой, отгоняя видение, и перевела взгляд на старейшину.

Хорошо, что он не мог прочитать ее мысли.

Гьетал вышел в середину круга и воткнул веточку у ног будущего хозяина Кристалла. Потом поднялся и, протянув правую руку ладонью вниз, запел низким голосом – казалось, где-то вдалеке рокочет гром. Его Кристалл, а затем и обе ладони, наполнились мягким зеленым светом. Наверное, врагам очень страшно, когда Гьетал поет боевую песню и так же вспыхивают узоры воина на его теле. Воину Дин Ши не нужна броня, она всегда с ним.

Повинуясь силе Кристалла и голосу, из-под земли проклюнулся росток ежевики и потянулся к свету. Старейшина, не прекращая песни, передал Кристалл отцу, и, едва тот коснулся его руки, отец подхватил песню. Сила рода Ежевики текла теперь сквозь обоих, помогая стеблю тянуться выше, разворачивать маленькие блестящие листья. Потом к хору присоединилась мать. Кустик у ног Мэдью разрастался, побеги сплетались, поддерживая друг друга, а в глубине уже появились маленькие белые бутоны.

Эшлин заворуженно наблюдала за этим и едва не пропустила момент, когда теплый Кристалл коснулся ее ладони. Она сжала пальцы и поняла, что ей безумно хочется, чтобы сейчас в руке оказался ее собственный Кристалл. Чужого душа не примет, как бы ни хотелось его заменить. Звездный паттеран, отражение неба в момент рождения, он у каждого свой, нельзя дать поносить судьбу... а жаль. Можно только обменяться, прорастая душой в душу. Один раз в жизни. Редко больше. Ши – однолюбы.

Эшлин сделала шаг вперед. Мэдью встал на одно колено, склонил голову, и она запела, надевая брату Кристалл на шею. Почему-то – разве так должно быть? – ее руки стали неловкими, горячими и тяжелыми, она еле удерживала Кристалл, а едва проявившиеся белые бутоны, вместо того, чтобы раскрыться, опускали уже головки, готовясь увянуть.

Эшлин попробовала петь громче, но голос ее будто застыл, не подчиняясь хозяйке, во рту пересохло, она поняла, что еще немного – и не сможет продолжить песню, сорвавшись до жалобного хрипа или шепота. В глазах потемнело. Эшлин успела заметить метнувшуюся вперед мать, которая вовремя выхватила из ее рук Кристалл и надела на шею Мэдью, так громко продолжив песню, что слышно ее было, наверное, на другом берегу озера. Бутоны подняли головки и стали медленно раскрываться.

Эшлин устало села на землю за спинами родных и уже не видела, как брат, впервые пользуясь направленной силой, превращает цветы в горсть ежевичных ягод.

Она чувствовала, как пылают уши, и понимала, где просчиталась. Мягкая трава оплетала замерзшие пальцы. Эшлин не пыталась подняться, просто смотрела на серебристые блики озерной воды и слушала песню рода, в которой не было ее голоса. Эта песня звенела

внутри, но от нее почему-то было пусто и больно, будто она проглотила жгучую ягоду.

Те, кто раньше добровольно или в наказание лишал себя Кристалла, не теряли его в другом мире. Он все равно был рядом, оставляя хозяину легкий «детский» уровень сил. Песни Эшлин теперь были просто словами, пущенными по ветру. Остатки силы еще были с ней на прошлый Мабон. Уже к зимнему солнцестоянию их не стало вовсе. Может, она смогла бы создать мелочь – рой бабочек над цветами. Полет упавших листьев. Но и все.

Слезы текли по лицу, но боль будто схватилась коркой инея. Надо было думать. Едва песня закончится, посыплются вопросы. И под взглядом старейшины Эшлин придется сказать правду. А потом с песни об Эшлин, опозоренной человеком, начинали бы клановые собрания следующие лет сто. Или пока кто-нибудь не натворит еще худшего.

«Эшлин, дочь Каллена из рода Ежевики, пройдет особым путем, принесет опасность и разлад в свою семью и не обретя счастья в этом мире», – вот что сказали над ее колыбелью.

Гости выпытывать семейные тайны перед другими семьями не будут. Значит, у них с Мэдью остается время лишь до окончания пира, пока все обсуждают светлое будущее достойного юноши и хвастаются собственными отпрысками. Как не провалиться сквозь землю от стыда, когда все повернутся? Как избежать взглядов родителей? Как унять головокружение и донести новый план до Мэдью?

Эшлин не сразу заметила, что песня оборвалась и она слышит лишь плеск волн и шум ветра.

Первым к ней подбежал брат. Кристалл его все еще продолжал слегка мерцать мягким зеленым светом. Мать осталась в кругу. Отец что-то говорил старейшине, склонив голову и очень тихо, тревожно поглядывая на Эшлин. Тревожно, не сердито – от этого было почему-то хуже.

Мэдью грохнулся рядом на колени, тревожно хмурясь.

– Это от этого? – выпалил он.

– Да.

– Хорошо. Тогда мы хоть знаем, в чем дело. Я испугался, что...

– Не дожدهшься.

– Но мы же...

Эшлин обхватила пальцами запястье брата и почувствовала, насколько у нее холодные руки.

– Да. И это надо сделать сейчас.

– А...

– Хочешь, чтобы все подвиги только после обеда?

– Я не об этом, – фыркнул Мэдью, но щеки вспыхнули.

– Скажи им, что проводишь меня в дом. Быстро.

Он кивнул и бросился обратно в круг. В страсти к опасным выходкам брат и сестра Муин были абсолютно похожи.

В домике солнечный свет, смешиваясь с цветом стола, полок и сундука, становился медовым. Только угольные полосы на полу, напоминали о том, что сейчас должно здесь произойти. Эшлин, у которой все еще кружилась голова, сидела на кровати и рассказывала брату план.

Мэдью рассчитывал, что после спасения сестры старейшина возьмет его в ученики с большим желанием. Эшлин не стала его разубеждать. Может, и так. Ши ценили отвагу и решимость. В любом случае сейчас Мэдью предстояло стать мостом между мирами, и лишнее беспокойство могло стоить жизни.

Домик был выстроен вокруг ствола ольхи, которая соединяла в себе стихии огня, воды, земли и ветра, помогая открывать дорогу в другие миры. Мэдью сел у самого ствола, в кругу, который начертила Эшлин, и, прижав раскрытые ладони к шероховатой коре, закрыл глаза. Эшлин видела, как шевелятся его губы, но не слышала песни. Голос его уже звучал где-то не здесь, первым пробуя тропинку сквозь ткань между мирами.

Угольный след на деревянном полу набирал силу, и черная полоса медленно превращалась в мерцающую зеленую, зарастая курчавым лесным мхом. Эшлин пыталась одним глазом следить за братом, другим поглядывая в окно на случай появления кого-то из старших. Даже голова заныла от этого косоглазия. Что она скажет отцу, матери или старейшине, Эшлин не придумала. Все варианты, приходившие в голову, были один хуже другого.

Когда переплетение линий полностью покрылось мхом, Мэдью завершил песню и открыл глаза.

– Я видел солнце над холмами и тропинку... и развалины замка. Не думал, что у них так красиво, Эш!

– Еще насмотримся. Тебе хватит сил продолжить песню, летя со скалы? – отозвалась Эшлин, сминая в руке мягкую ткань покрывала.

– Если сомневаешься, можешь тут одна посидеть, пока я за твоим Кристаллом сбегую! – фыркнул брат.

– Идем. Если нас поймают здесь, мы потесним Горта Проклятого в стане опозоривших семью.

Мэдью фыркнул, передернул плечами, будто от холода, и покосился в окно. Эшлин достала из сундука узелок с полезными в пути вещами, и брат с сестрой шагнули к стволу ольхи, за которыми виднелась тропа вдоль скалы.

Они шли молча. Рядом, почти у плеча, покачивались верхушки растущих на дне оврага у ручья сосен. Эшлин чувствовала, как солнце нагревает волосы, видела, как качается в тонком венчике колокольчика толстый полосатый шмель. Блестящие осколки слюды в песке, запах смолы и вереска, ветер с привкусом озерной воды и золотисто-зеленые блики на одежде брата – все это хотелось собрать в котомку за спиной и унести в тот мир, где ей предстояло встретиться с прошлым ради будущего.

Когда они с Мэдью остановились у обрыва, к самому краю которого там, внизу, подходила озерная вода, Эшлин все-таки оглянулась. Отсюда сквозь ствол ольхи едва виднелись очертания крыши домика. Кто бы ответил, чего душа сейчас больше боится – не найти Брадана, ученика друида, или снова встретить его?

Мэдью остановился на краю, в шаге от обрыва. От влажного ветра щипало в носу. Эшлин взяла брата за руку и почувствовала, что дрожит, – хорошо, что под платьем не видно. Старшим нельзя бояться.

Пальцы Мэдью казались горячими. Он снова запел, отдавая Вратам силу ольхового дерева, чтобы выстроить ферн – мост между мирами. С каждым словом его песни перед скалой в воздухе проявлялся тот узор, что нарисовала Эшлин на полу домика, становился все ярче, пока не превратился в деревянные щиты с орнаментом из мха. Они возникали один за другим, обозначая верную тропу прямо в воздухе. Внизу волны озера бросались на скалу и откатывались прочь, обнажая похожие на кривые зубы прибрежные камни.

Вдохнуть. Выдохнуть. Нельзя коснуться одной ногой тропы, что уходит в другой мир, оставаясь другой на земле этого. Брат продолжал петь, поэтому вместо слов трижды сжал руку сестры, отсчитывая мгновения до прыжка. По третьему счету они подпрыгнули и приземлились на первый щит.

Эшлин старалась не смотреть вниз, только вперед. К счастью, щит не качался, будто лежал на твердой земле. Но когда они с Мэдьё ступили на шестой щит, тот задрожал, а воздух вокруг сгустился и так сдавил путешественников, будто они пытались протиснуться сквозь колодец, набитый песком.

Впереди темнело густое дождевое облако. Ударом в спину обоих втокнуло прямо в его середину, и они пролетели сквозь влажный туман, пахнущий мхом, деревом и болотом.

Когда Эшлин открыла глаза, так и не отпустив руки брата, они уже стояли на песчаной тропе, а густой туман клубился со всех сторон, открывая лишь около двадцати шагов впереди и столько же позади. По обеим сторонам тропы, сквозь серую дымку и сумерки, иногда проглядывали очертания людей, холмов, леса, поля, реки или замка. Они были зыбкими и сменяли друг друга, как тени, что приходят в беспокойном сне.

Что-то было не так. Туман должен был отпустить, но он все так же сдавливал, толкая вперед по тропе. Было тяжело дышать и стоять на месте. За спиной то блекли, то снова проявлялись очертания скалы, с которой они шагнули. Впереди то открывалась часть дороги, то снова исчезала в густом тумане. Все пространство между мирами взбудораженно дышало, и Эшлин почувствовала себя соринкой, попавшей в нос великана, который вот-вот чихнет.

Мэдьё стоял, наклонив голову, и сопротивлялся изо всех сил, пытаясь сделать несколько шагов назад, туда, откуда они пришли. Эшлин он тянул за собой.

- Надо вернуться, мы тут задохнемся!
- Нет, поздно уже, – с трудом выдохнула Эшлин.
- Поздно будет, когда нас размажет так, что уши найдут в будущем, а зад истлеет в прошлом!
- Не знаю, что это, но пока не размазало.
- Идем назад, позовем старейшину, он поможет, а то и я здесь Кристалл потеряю!

– Испугался?

– Просто у меня голова есть... и у старейшины... а у тебя...

В этот момент поднялся вихрь, и Эшлин не смогла удержать брата за руку. Их разнесло в стороны, она лишь видела, как вспыхнул зеленым его Кристалл у выхода к скале. Ее же тянуло вперед, в самую гущу тумана.

– Я позову... – успела она расслышать голос брата, прежде чем пахнувший прелой землей туман окутал ее целиком. Уши наполнились низким гулом, мир вокруг дрожал, и сквозь эту дрожь, которая отзывалась во всем теле, Эшлин вдруг услышала свой голос. Он пел песню, что строит мост между мирами. Только она могла поклясться, что летит сквозь пространство кувырком, не открывая рта.

А потом сознание окончательно ее покинуло.

Глава 3

Среди людей

Щеку царапнуло. Это было хорошо. Значит, она точно жива.

Эшлин открыла глаза и увидела, что лежит среди замшелых камней. Пахло дымом и сыростью. Небо было затянуто серым, но кое-где проглядывали голубые прорехи. Над лицом поднимался на стебле лиловый полевой колокольчик, который так трепало ветром, что казалось – он вот-вот зазвенит.

Обычный выход из Врат был совсем в другом месте, неподалеку от замка с серыми башнями, в сосновом лесу. Куда же ее выкинуло? С такими мшистыми камнями это место могло оказаться далекой от людей окраиной мира, где обитают чудовищные фоморы. Воины Дин Ши в вечной Зеленой войне теснят их к морям, отвоевывая скалистую голую землю, где потом поднимутся цветы, травы и леса.

Эшлин повернулась на бок и осмотрелась. Она лежала на склоне, как на краю огромной чаши, поросшей травой. Сердце забилося чуть медленнее. Фоморские скалы это определенно не напоминало. Уже неплохо.

На дне «чаши» стояли пять высоких камней, а со склона спускались каменные ступени, сильно подпорченные временем. В кругу камней собрались люди со свечами в руках – четверо по краям и один в середине. Эшлин не слышала слов, но почувствовала, что именно они пытаются звать, и сердце ее стиснул страх. Это место дышало огнем. Оно легко могло превратить искру внутреннего пламени в бушующий поток.

«Люди такие мастера понастроить каменных стен вместо того, чтобы держаться подальше от опасных мест. Но они наши младшие братья. Часто неразумные, меньше знающие и умеющие младшие братья. Видишь человека в беде – вмешайся», – так говорил отец.

Вот-вот здесь вспыхнет пять живых факелов. Что за убийственная глупость! С этими мыслями, еще не осознав, что вновь чувствует мир и магию в нем, Эшлин поспешила по истертым ступеням вниз, норовя скатиться туда кубарем. Голова кружилась.

Подбежав ближе, она резко замерла. Люди стояли с закрытыми глазами, а над их поднятыми кверху ладонями поднималось легкое золотисто-рыжее сияние. Фигурой же в середине был... Брандан.

Он почему-то повзрослел за неполный год, пока они не виделись, но его лицо по-прежнему будто отражало пламя того костра, у которого Эшлин отдала ему душу. То же восторженное, как у малыша, изумление от красоты и силы огненных духов. Наверное, он уже увидел их танец там, куда был обращен его разум.

Зачем он здесь со всеми этими людьми? Ему не нужны ритуалы, чтобы вернуться. Или он не хотел возвращаться? Он обманул ее?

Эшлин стояла в трех шагах от него и чувствовала, как все крепче сжимаются кулаки. Она напоминала себе тонкий лист, который раздирают надвое. Одна ее часть хотела высказать все, что за год темной тиной опустилось на дно души. Другая так же отчаянно желала прижаться и, коснувшись носом плеча, почувствовать запах его волос, сладковатую горечь вереска и солнечной сосновой смолы.

Вдруг по лицу Брандана пробежала судорога боли. Он еще не понял, что саламандры уже начали пожирать его изнутри, что он ими больше не управляет. Эшлин чувствовала боль этого человека, как свою. В груди распускался огненный цветок, и было трудно расправить легкие для песни. Перебить поток, что из недр земли стремится войти в человека, неспособного его выдержать. Фигуры в круге стояли неподвижно, этот ритуал нельзя прервать изнутри, когда ты уже стал его частью, пусть даже искры уже целуют одежду. Песня воды была слишком тяжелой и медленной, облака здесь оказались мало напоены водой.

Эшлин поняла, что не успеет сделать все тихо и правильно, и решила на некрасивый, опасный, зато действенный шаг. Она резко бросилась в середину круга и с размаху толкнула Брандана, чтобы разорвать огненные нити заклинания. Так они вместе и полетели на мшистую землю.

Ее сил все-таки хватило, чтобы, шурша по камням и прогоняя огненные силы в те глубины, откуда они поднялись, пошел дождь. Он быстро наполнял сложенные древними умельцами каменные желоба, в которых когда-то горел жертвенный огонь.

Едва Эшлин сбила Брандана, остальные тоже попадали как подкошенные. Фигура была разорвана.

Девушка пыталась прийти в себя и понять, где земля, где небо, но понимала лишь, что в носу щиплет от обиды. На шее Брадана даже не было ее Кристалла. Украл бы для дела, но просто... чтобы положить в сундук и забыть. Как же так?

Виновник ее злоключений тем временем медленно открыл глаза. Кажется, он пока плохо понимал, что избавило его от духов огня, которые должны были терзать тело. Потом недовольно оглядел, словно незнакомую, растрепанную девицу, сбившую его с ног и помешавшую ритуалу. Удивленно покосился на ручейки воды, что охлаждали и несли облегчение. Встряхнул головой. Вернулся взглядом к девушке.

Эшлин чихнула, и несколько прядей выбились из-под фибулы, служившей ей заколкой.

– Зачем ты это сделала, девица? – наконец спросил Брадан.

– Чтобы от тебя пепел не остался, – ответила она обиженно, – или ты так гредишь саламандрами, что и сгореть не жалко?

– Откуда ты знаешь, что делать? Кто тебя научил? И кто тебе разрешил вмешиваться, в конце концов! – приходя в себя, он явно начинал злиться.

– Даже мой брат знает, что в местах, где огонь земли подходит близко к поверхности и его силу много лет брали, подтягивая источник все ближе, нельзя делать огненные ритуалы! Здесь и в грозу прятаться нельзя. Тем более свечи зажигать! И мне не нужно разрешение Брадана, ученика друида, чтобы спасти его глупую голову.

– Я не знаю, о ком ты говоришь, девица. Но никто из учеников, пока не прошел Три Урока, не может участвовать в ритуалах, и тем более мешать им, рассказывая всякие глупости про свечи. А уж новеньким вообще здесь не место. Разве тебе разрешали покидать Дин Эйрин?

Раздраженно произнося все это, Брадан с трудом поднимался с земли, поправляя одежды и пояс. Теперь он осознал, что его спутники лежат на земле, и некоторые из них едва шевелятся, приходя в себя. Сам еще двигаясь нетвердо, он подошел и склонился над одним из них, затем перешел к следующему. Эшлин видела, как он достал из поясного мешочка какую-то склянку, вдохнул сам и сунул под нос лежащему юноше, тот застонал, приходя в себя. Брадан оглянулся и поймал ее взгляд.

– Помоги мне, девица, раз уж оказалась здесь и едва не натворила беды, а теперь любопытствуешь. Как тебя зовут?

– Эшлин. Удар о камень унес твою память? – Она подошла ближе, помогая приподнять голову следующего ученика над лужей, в которой тот очутился. – Не помнишь не только кто я, но и кто ты? Если ты укоряешь меня за ливень, то сложно рассчитывать силы, когда по твоей вине я год прожила без них!

Брадан поморщился от приступа боли, потер висок.

– Эшлин. Для будущего мага ты слишком много болтаешь, и притом глупости. Не рассчитывай, что я помню всех, кто поступил только вчера. Даже девиц, пусть вас и немного. Хотя сейчас я тебя уже вряд ли забуду. Из-за тебя придется все делать сначала...

Рядом с учеником, приходящим в себя, Брадан осел на землю. Боль и усталость явно догнали его, овладевая телом и сознанием. Возмущение Эшлин копилось и рвалось наружу, как вновь обретенная магия.

– Поступила я на эту землю не вчера, а сегодня. И не только поступила, а изрядно потопталась. Какой олух вам вообще сказал, что делать? Эти ваши друиды? Если тебе не хватает сил, то сначала пусть в каменные круги наберется вода, а потом... вам надо не зажигать свой огонь, надо звать тот, подземный. Но в центре должна быть жертва. И она сгорит!

Подошли остальные ученики, которым явно досталось меньше, столпились вокруг учителя, удивленно поглядывая на девушку.

Брадан смотрел куда-то в сторону:

– ...течет вода, горит огонь... Нам нужно возвращаться. Надеюсь, что вы, дева Эшлин, найдете дорогу туда, откуда пришли. Если не найдете, просто спросите постоялый двор Университета. Вам покажут.

Он тяжело поднялся, опираясь на руки учеников, и направился к выходу из каменного лабиринта.

Эшлин стояла посреди камней. С рукавов капала вода. Волосы растрепались. Глаза блестели от обиды и растерянности.

– Мне из-за тебя теперь возвращаться некуда, – прошептала она. Но вереница людей, поднимавшихся вверх по склону, ее уже не слышала.

До длинного каменного дома на дороге, где останавливались путники, Эшлин добралась сама. Теперь она сидела в углу, раздражая круглолицую хозяйку тем, что так и не выбрала еды. Мелкая собачонка убежала от нее к столу, за которым помощники Брадана Беспамятного, делясь впечатлениями о неудавшемся ритуале, поедали гуся. Гусь так пах, что даже дух кислой капусты не мог перебить этого одуряюще сочного аромата. Если бы можно было нанюхаться гусем до сытости! Даже собачке положили в миску крылышко.

– Может, пригласить девушку к столу? – шепнул один из молодых магов другому.

– Ты слышал, как она говорила с магистром? Мне кажется, это его метресса.

– А он с ней, как с чужой.

– Потому что поссорились. Ну и они же не наедине. Ты ее пригласишь, а он в тебя молнию кинет...

Мир людей Эшлин категорически не нравился. Это приключение казалось таким героическим, пока она его придумывала. В реальности оно обернулось мокрым платьем, безумным разговором, голодом и одиночеством. Единственное, чему можно было порадоваться, – ее душа где-то в этом мире, и близко. Иначе бы силы не вернулись. Но где? Привлекать к себе внимание магически ей не хотелось, еще выгонят за ворота, здесь хотя бы от очага тепло, и платье потихоньку сохнет.

Вдруг Брандан, опираясь рукой о стену, появился в проеме, ведущем в гостевые комнаты. Час назад ученики отнесли его туда, обессиленного, и помешали Эшлин войти, сославшись на то, что магистру дурно и он сам решит, хочет ли видеть девицу, когда очнется.

Он оглядел трапезную и, увидев Эшлин, шевельнул губами, по которым отчетливо читалось ее имя. После чего, движением руки приглашая следовать за собой, повернулся и исчез в темном коридоре.

Эшлин предположила: он осознал, что ему спасли жизнь, и совесть наконец заела, поэтому с трепетным предвкушением поспешила к нему. Неужели скоро Кристалл привычно займет место на ее шее и все приключения закончатся? Ее провожали удивленными взглядами гусееды. Никто из спасенных даже спасибо не сказал. О кусочке гуся и говорить нечего. Впрочем, ей не придется пробираться

с боем к своему Кристаллу. Сил осталось немного, потому что дождь вызывать трудно.

Брадан дождался ее в проеме полуоткрытой двери, впустил в комнату и плотно запер дверь. В комнате жарко горел камин, бросая блики на смятую постель. Пахло деревом и острыми, пряными специями. На столе стояли почти нетронутые тарелки, судя по запаху, с тушеным мясом и овощами, на деревянной доске пышный хлеб ломтями и мисочка давленого масла. Брадан посмотрел на нее очень внимательно, потом внезапно подвинул стул ближе к камину:

– Садись, ешь!

Сам он взял только кружку с чем-то темным и пряным, подойдя к огню почти вплотную.

Эшлин решила сначала покончить с едой, а трудный разговор начинать потом. Она села, взяла тонкую можжевелевую ложку и лишь боролась с желанием проглотить миску целиком, так быстро, как только возможно, помогая себе руками и хлебом. Было вкусно, но рядом с Браданом снова начинало что-то горчить внутри. Она чувствовала себя неловкой и злой. Но гордо отказываться от еды было бы глупостью.

– Это все, что ты хотел мне сказать? – все-таки спросила Эшлин между ложками рагу, обмакнув хлеб в масло. Она понимала, что если будет молчать, то подавится от злости.

– Я должен сказать тебе спасибо. Чем больше я думаю, тем лучше понимаю, что мы совершили ошибку. Это ты вызвала ливень? Кто тебя учил? И откуда ты знаешь об источнике огня?

– Чувствую. А еще ты сам рассказывал, как друиды ищут такие источники и ставят камни. Это ваше знание. Ты забыл?

Брадан выглядел... нет, кажется, он был искренне изумлен.

– Я об этом слышал, но точно не рассказывал, тем более ученикам, которые еще и недели не проучились! Это старинное знание, непроверенное.

Он посмотрел на нее пристально, долго, не отрываясь. И даже зажег свечу в подсвечнике на столе. Уютно затрещал фитиль.

– Нет. Ты никогда не была на моих занятиях, дева Эшлин. У нас слишком мало девиц в Университете. И я не смог бы забыть твое лицо!

– На занятиях? – тут удивилась уже сама Эшлин. – Да зачем? Я знаю столько же, сколько ты, а кое в чем и больше тебя, Брадан. Ты

жил в нашем саду, что-то рисовал в своих глиняных табличках, а потом назвал меня Хранительницей Души и обещал, что вернешься, только отдашь своему учителю то, что обещал.

Брадан слушал сначала ошеломленно, а потом все спокойнее и печальнее. Неожиданно он подошел совсем близко, опустился, присев прямо рядом с ее коленями, и легко накрыл ладонью ее руку. Глядя снизу вверх ей в глаза, сказал очень тихо:

– Ты ошиблась, дева Эшлин. Мое имя Брендон. Я не тот человек, который украл твое сердце и целомудрие. Я никогда не встречал тебя раньше. И поверь, встретив, не позабыл бы. Здесь нет твоего жениха.

Эшлин едва удержалась от того, чтобы прикоснуться к нему. Хотя сама не знала, чего ей больше хочется, погладить или оттолкнуть. К счастью, первое, чему учили ши, – сдержанность, а уж особенно это касалось детей Ройсин. Что бы ни раздирало тебя внутри, если хочется убивать – умерь свой пыл. Она словно ощутила легкую руку матери на плече.

– Какое цело... – она мотнула головой, не договорив, – ты клялся, что будешь держать в руках мое сердце, пока твои глаза видят звезды. Здесь никого нет, чтобы лгать перед ними, если ты сожалеешь о сказанном тогда. Неужели год так велик для человека, что он забывает важное в своей жизни? Зачем ты забрал мою душу, если не хотел? Или слышал, что если влюбить в себя деву из ши, а самому остаться с каменным сердцем, она станет тебе слугой? Так вот – это глупая сказка!

Брендон улыбнулся, хотя глаза его были печальны. Почти напевая, он проговорил:

– В ладонях сердце твое бьется... пока огонь горит, течет вода, стоит скала и ветер не смолкает, глаза мои блестят от света звезд... Эшлин, девочка, этой песне больше лет, чем нашему миру. Не один бард пронзил этими словами сердца красавиц. Но если тот юноша был так глуп, что передумал и сбежал до свадьбы, забудь его! Или ты уже хорошо его забыла сама, раз приняла меня за него?

На ее лице отразилась мучительная попытка справиться с чувствами. Вместе с ощущением пустоты внутри зародилась обида, такая горькая, будто Эшлин разжевала стебель полыни.

– Не до свадьбы. После, – ответ получился глухим. Она сжала руку в кулак, так, что ногти впились в ладонь, и все-таки сдержала

слезы. – Брандан... можешь называть себя любым именем, можешь говорить, что не знаешь меня, можешь забыть навсегда, как вошел в холм, как жил в моем саду. Но отдай мне душу. Это не просто кристалл в оправе... если ты тогда случайно вспомнил песню, а не хотел стать Хранителем Души – верни ее. Тебе не за что так меня ненавидеть, чтобы хоронить заживо!

Потом она резко дернулась и вытащила из прически фибулу так, что на ней остались несколько медно-рыжих волосков, и бросила ее ему на колени.

– И подарок свой забери, что бы он для тебя ни значил.

Брандан-Брендон подхватил заколку, вставая. Сейчас его голос наполнился звоном металла:

– Дева Эшлин, та, кто назвала своим мужем первого, кто спел красивую песню, и забыла его лицо! Ты обвиняешь меня, Брендона Бирна, второго магистра Университета Дин Эйрин, имя которого и сейчас, и год назад знали все на этих землях, обвиняешь меня во лжи, клятвопреступлении и... в чем еще? Воровстве! Похищении души! Надо же выдумать такое!

Он осекся, ощупывая пальцами заколку, и наконец посмотрел на нее. В полном молчании он разглядывал затейливый узор, как диковину. Затем подошел ближе к огню и стал поворачивать, подставляя медные изгибы свету пламени.

Эшлин уже была готова высказать ему все, что думает о людях, их клятвах, их обычаях, а еще о том, что понимает Горта Проклятого, который считал их низшими тварями, только и годными что в жертву для ритуалов. Но, рассматривая того, с кем говорила в неясных огненных бликах, она поняла, что человек этот удивительно похож на Брандана, но выглядит гораздо старше. словно перед ней был его старший брат. И одет совсем по-другому... до этого было некогда разбирать, что именно кажется странным в облике беглого Хранителя Души.

Неужели она могла ошибиться и существуют на свете два одинаковых человека разного возраста? Разве братья могут быть похожи настолько, если они не близнецы? Но как тогда найти Брандана и вернуть душу?

Она принялась переплетать волосы, чтобы занять руки и чтобы меньше хотелось кричать. Это путешествие все больше напоминало

тупик.

– Скажи мне, второй магистр Брендон Бирн, что случилось с друидами? Почему их камни расколоты и повалены, ни одного из них не найти? Где мне искать того, кто был учеником Катбада из Ульстера?

Брендон, несколько помедлив, отдал ей заколку. Чувствовалось, что он заставляет себя выпустить ее из рук.

– Негоже бросаться тем, что сам Катбад, похоже, и ковал. Эшлин, тот человек пошутил над тобой. Учеников Катбада из Ульстера, как и его самого, ты сможешь найти только в могиле. И ту вряд ли отыщешь. За без малого четыреста лет все забыли о ней.

Тут ему пришла еще одна мысль, взгляд стал сочувственным:

– Эшлин, ты... ждешь от него ребенка? Ты убежала от родителей, чтобы не опозорить их? Послушай, я... я найду тебе пристанище, не надо бояться.

Эшлин посмотрела изумленно. Как ребенок может быть позором? Ребенок – радость, благословение семьи. Если он рожден незамужней ши, то это счастье в ее родительской семье. Как все странно.

– Нет. Конечно, нет.

Она чувствовала себя растерянной. Будто бы он только что сказал ей, что рана смертельна, а жить ей осталось до рассвета. Сейчас сдержать слезы стало вовсе невозможно.

– Я была здесь и видела друидов, их камни... и замок там, выше по ручью, его всегда было видно с холма. Ты шутишь надо мной?

– Да нет же. Конечно, его видно с холма. Фундамент совсем зарос, восточная стена с остатками ворот еще стоит. Но за пару лет крестьяне растащат на изгороди и ее.

– Я должна найти Кристалл. Он не разбился, раз я все еще жива, он рядом. Мир слышит мои песни. Как один год мог превратиться в четыреста... если я вернусь домой, то там тоже пройдет так много лет?

Брендон слушал ее с тем терпеливым и вежливым выражением лица, с которым внимают детскому лепету или речам умалишенных. Но потом он бросил взгляд в пламя и резко спросил:

– Кто ты, Эшлин, девица, вызывающая дождь?

Она вытерла слезы рукавом, выпустив из пальцев косу. Представляться после всего произошедшего было как-то странно.

– Эшлин из семьи Муин рода Ежевики племени Дин Ши.

Брендон остолбенел. Он смотрел на нее, и его лицо ничего не выражало. Как будто он ждал исхода внутренней битвы изумления с недоверием.

Наконец он произнес почти шепотом:

– Разве ши существуют на самом деле?

– Мы почти перестали приходить в этот мир после того, что устроил Горт Проклятый... но я все равно однажды пробралась. И за мной на обратном пути увязался Брадан. Так все случилось.

– Ты – ши. Как в это можно поверить? Почему я должен в это поверить? – он старался говорить безразлично, но взгляд, в котором мешались восторг и особый радостный страх, говорил, что он уже поверил в это, в древнюю легенду, сидящую у его камина перед опустевшей миской.

Брендон шагнул к ней ближе и протянул руку так, как будто хотел коснуться ее волос, но рука замерла в воздухе.

– Значит, эту фибулу действительно выковал Катбад. Или его ученик? И сбежал, обманув ши и украв у нее нечто важное?

Эшлин нахмурилась, готовясь вернуться от прикосновения. Она до последнего надеялась, что Брадан узнает ее, с ним что-то случилось, он не сбежал. Но теперь в голове вертелась невозможная череда событий.

Было очень холодно, не так, как от сильного ветра. Холод шел не снаружи, а изнутри.

– Брадан оставил мне эту вещь, которую я показала тебе. Я думала, она тоже важна для людей. Он должен был скоро вернуться и с Кристаллом мог легко пройти сквозь ворота холма. Но это моя душа... ей нельзя быть со мною в разных мирах. – Эшлин удалось взять себя в руки, и она горько улыбнулась. – Горт Проклятый много сделал, чтоб люди боялись нас. А ты, вижу, не боишься.

Она пристально посмотрела на тяжелый деревянный стул с резными ножками, в глазах ее блеснуло пламя очага. Потом протянула руку ладонью вверх и запела. Раздался легкий треск, и сухое, покрытое лаком дерево начало обрастать зелеными сосновыми побегами. В комнате сильно запахло хвоей.

Пропев куплет, Эшлин замолчала. Сил было не так много, чтобы тратить их на ерунду. Она показала то, что хотела.

Брендон дернулся всем телом от неожиданности, но уже через мгновение рухнул на колени перед ожившим стулом. Он заворожено осматривал побеги, потом, затаив дыхание, протянул руку и едва коснулся изумрудных иголок. Как только упругая шелковистая хвоя проскользнула между его пальцев, оставляя капельки смолы, Брендон очнулся и вскочил. Он явно сдерживался, чтобы не закричать, поэтому прорычал:

– Убери это немедленно!

Эшлин не ожидала такого и сама испуганно отскочила, со стуком роняя свой стул к стене, вытянула перед собой руки, видимо, готовясь отражать удар магией.

– Не могу. Он вернул свою суть. Жаль, что с людьми так не получается.

Брендон несколько секунд что-то напряженно обдумывал. Затем, не говоря ни слова, решительным шагом вышел за дверь и захлопнул ее за собой. Эшлин показалось, что в коридоре метнулась какая-то тень и исчезла – словно там стоял человек. Но света было мало, а Брендон стремителен.

Его не было с полминуты. Когда он вернулся, в его руке покачивался массивный, поблескивающий в сумраке комнаты топор. Закрыв и заперев дверь, он встретился взглядом с Эшлин. Выражение его лица было трудно прочитать, когда он двинулся ей навстречу.

Эшлин оценила расстояние до окна, но поняла, что через стол не перепрыгнет. Что такого совершила она, чтобы ее убить? Она не могла припомнить ни одного нарушенного закона, впрочем, у людей могли быть ей неизвестные... или это враг Брадана, скрывшийся под его личиной?

– Не подходи! – Она пыталась осознать, что будет лучше: призвать огонь из камина или попробовать напустить туман? И опасалась, что от усталости и страха после удара тут же упадет в обморок. Или вместо удара.

Брендон поморщился и просто прошел мимо нее, с размаху вонзая топор в гущу побегов. Через три минуты обломки растерзанного стула, потрескивая сочной смолистой хвоей, горели в камине, окуривая все вокруг волной едкого дыма, а магистр сгребал ладонями с пола мелкие щепки, отправляя их в огонь.

Наконец он прервал молчание:

– Тебя не должно здесь быть! Ши не существует. А если существует... Ты знаешь, что люди сделают с «тварью из холмов»?! С отродьем демонов?

Эшлин все еще смотрела на горящие обломки. Потом тихо сползла по стенке и почувствовала, как по щекам снова катятся слезы. Живой стул ей было почему-то куда жалче себя.

– Не знаю я никакого демона... мой предок и старейшина Гьетал – воин и бард семьи Муин... и... я не могу уйти, пока моя душа здесь. Убери железо. Мне страшно.

Брендон пнул ногой топорище, и топор, царапая грязные доски пола, улетел под кровать.

– Если ты хочешь найти свою душу, что бы это ни было, и уйти живой, никто не должен узнать, кто ты на самом деле! Если ты хочешь, чтобы я помог тебе, – тем более.

– Я правда не могу вернуться без Кристалла, для этого надо найти, куда Брадан, ученик Катбада, спрятал его. А я не знаю, где искать друидов, которых нет, и не умею быть человеком.

Брендон смотрел на нее с тяжелым, мрачным сочувствием, которое давило могильной плитой. Он, в отличие от нее, знал, что такое четыреста лет в мире людей – слишком многое может быть утрачено безвозвратно, память, люди, замки, страны, народы...

Но он все же заставил себя тепло улыбнуться.

– Ты ведь не умрешь без своего Кристалла до утра, правда, Эшлин? Значит, сейчас нужно лечь спать. Люди часто начинают идти сквозь свои беды и горести именно с этого. А утром даже ульстерские топи покажутся не такими бездонными.

– Не умру. Здесь я его чувствую. И мне легче, чем дома. Скажи, за что людям меня ненавидеть? Неужели и спустя четыреста лет... – она произнесла это, и голос дрогнул, – за дела Горта Проклятого?

– Горта... хм, – он подавил смешок. – Горта я знаю только одного, и он тяжелый, непростой человек, но не настолько, чтобы заслужить прозвище «Проклятый». И не настолько древний! Эшлин, пойми, люди ненавидят то, чего боятся и не понимают. Ты можешь творить настоящее волшебство, и это сводит с ума.

– Ты больше не гонишь меня?

– Если я выгоню тебя, думается, ты попадешь в еще большую беду, а этого я тебе не желаю.

– Если я пойму, что случилось с проходом в холмах, то уйду, когда найду свою душу, и больше тебя не потревожу. Мне ничего не надо от людей.

Брендон кивнул, но скорее, чтобы успокоить ее, чем действительно поверив, что это возможно. Он поднял опрокинутый стул, оставшийся единственным, придвинул его к камину и сел, уставившись в огонь.

– Спать ты будешь здесь, у меня. Сейчас друг за другом летние ярмарки, спешат продать и купить к Равноденствию, и свободных комнат, даже лавок, тут не найти. Когда мы вернемся в Университет, поищем в старых книгах. Может быть, кто-то что-то и записал о том твоём друиде.

– На глиняных табличках? Он тогда говорил, что учитель не любит, когда пишут, но ему нравится, что можно оставить что-то, не тратя долгое время, чтобы запомнить... что-то, что может потом взять незнакомый и с ним поговорить. Глупость это. И память делает хуже.

– Нет, таких старых книг мы не найдем. Пергамент хранит все, что нам нужно. Глупость или нет, но только в глупых, по твоему мнению, записях может остаться хоть какой-то след твоего друида.

Эшлин приходила в себя, понимая, что вроде бы топором ее сейчас убивать не будут.

– Ты любишь огонь, совсем как он. Или все люди любят его?

– Иногда я хочу стать огнем, но это невозможно. Поэтому просто стараюсь подружиться с саламандрами, – он сам улыбнулся своей шутке, – а люди и боятся огня, и нуждаются в нем.

Услышав это, Эшлин снова задержала дыхание и схватилась за стену, чтобы не упасть. Голова кружилась. Это слишком жестоко в один день – терять надежду, обретать ее и терять вновь, а потом... Побери тебя вечность, Брандан. Впрочем, она это уже сделала

– Это слова тоже из древней песни?

– Нет, это то, о чем я всегда думаю, глядя на огонь.

– Значит, разные люди думают одни и те же мысли... запомню это, – пробормотала Эшлин едва слышно, вздохнула и снова закрепила волосы фибулой – рассыпаясь, они успели ей надоесть.

Потом осмотрела имевшуюся здесь кровать и вздохнула. Кажется, если не в своей кровати, то спала она только в лесу. Придется привыкать к этим странным, лишенным уюта человеческим жилищам,

где многовато камня и даже дерево в окно не заглядывает. Задумавшись, Эшлин развязывала шнуровку платья. Иногда, когда ей хотелось обдумать что-то, мир вокруг пропадал, вот и сейчас она будто не видела того, что происходило рядом. Перед мысленным взором были только утерянный Кристалл и светлые волосы Брадана, чуть рыжеющие в бликах пламени.

Брендон слегка удивленно глянул на Эшлин, которая совершенно пренебрегла привычной для местных жителей девичьей стыдливостью, легко оставшись в вышитой зеленой рубашке, но потом заставил себя отвернуться, сосредоточенно помешал угли в камине и потянулся за плащом. Ничего не оставалось, как расстелить его на полу у камина, повозиться, вытаскивая из-под него оставшиеся от стула щепки, и аккуратно улечься, стараясь не думать о том, как наутро его спина и плечи будут помнить эти жесткие доски... Окончательное решение он волевым усилием заставил себя отложить до утра, потому что происходящее было слишком похоже на сон, чтобы всерьез об этом говорить.

Эшлин спала беспокойно. Во сне старейшина Гьетал говорил ей о том, что он желает стать Хранителем Кристалла Эшлин и проклянет ее еще хуже, если она не отыщет потерянное. Брадан, который стал Брендонем, пил с ней вино и рассказывал, что люди не могут творить магию без топора. А потом она поскользнулась и поняла, что летит с высоты. И тогда закричала, зная, что без магических сил обязательно разобьется... Но откуда в доме взялась скала?

В душную полутьму комнаты ее выбросил резкий рывок чужих рук, сильно сжимавших плечи. Брендон пытался поймать ее ошалевший со сна взгляд и шипел сквозь зубы: «Молчи! Только тихо!» Отпустив ее плечи, он подошел к двери, осторожно выглянул в пустой коридор, после чего с некоторым облегчением вернулся к ней.

– Еще не хватало, чтобы сюда сбежались все, кто решит, что я творю злодейство с невинной девушкой под покровом ночи... – только сейчас он позволил себе посмотреть на нее с сочувствием, маскируя его шутливым тоном. – Какие драконы снились тебе, красавица?

Эшлин передернула плечами, которые еще чувствовали его прикосновение. Крепко же он сжал ее – будто вправду поймал падавшую. Впрочем, даже если бы она упала с этой кровати – точно бы не убила.

– По разговорам о древностях и экзаменах там, внизу, они могли бы подумать, что меня решили выгнать из учеников, а я сопротивляюсь. Мне снился ты с топором и старейшина Гъетал... без топора. Кто из вас страшнее? Я еще не поняла. Потом я упала. А кто такие драконы?

Она снова привычно сжала пустую руку над грудью, ловя в кулак Кристалл, которого не было.

Брендон недоуменно моргнул, не в силах ответить на вопрос, кто страшнее – он или неизвестный ему старейшина без топора, поэтому начал с драконов.

– Ты никогда не читала рыцарских романов, Эшлин? Ах да. Драконы... это такие существа, похожие на огнедышащих саламандр размером с замковую башню. А рыцари, люди-воины, спасают от этих тварей прекрасных дев.

Она звонко рассмеялась и села на кровати, распуская волосы, чтобы пересобрать растрепавшиеся.

– Значит, когда ты смотришь на огонь, то хочешь стать драконом, чтобы о тебе писали на дощечках, а потом читали? Читать – это смотреть на то, что нацарапано на доске, и произносить слова? Брандан так делал, но мне было скучно пробовать. Я и так все могу запомнить.

Брендон опешил от такой лавины слов, как будто не требующих ответа, невольно любуясь рассыпавшейся медью мягких волос – от золота через медь и до красного дерева, все оттенки рыжего. От ее веселья, такого неожиданного сразу вслед за ночными страхами, стало очень тепло, а наивная болтовня этой странной девушки щекотала любопытство Брендона так же, как ее локоны щекотали его руку, лежащую на одеяле. Но от ехидства он не удержался:

– Конечно, ты можешь запомнить все на свете! Кроме лица своего жениха!

Эшлин фыркнула, снова тряхнув головой.

– Я же не думала, что бывают такие одинаковые люди. Впрочем, сейчас вижу, что ты выглядишь так, будто бы Брандан прожил еще столько же лет, сколько ему было, и стал старейшиной. У тебя много учеников, Брендон Магистр?

– Пожалуй, несколько больше, чем мне бы хотелось. Но что поделывать, если у некоторых бесталанных отроков слишком состоятельные семьи, чтобы Великий Магистр их упустил?

– Это сложно. Но у нас тоже бывало по-разному. У моего брата ветер в голове, а старейшина взял его в ученики. Мэдью считает, это потому, что в нем сокрыт великий талант, а я думаю – чтобы заявить другим родам, что род Муин прощен и деяния Горта Проклятого больше не ложатся тенью на нас. Быть учителем – та еще судьба, я бы не смогла, пожалуй. Если кто-то дурак, мне сложно молчать об этом, – она снова рассмеялась и вдруг накрыла его руку своей, – а если бы я была твоей ученицей, чему бы ты меня научил?

От прикосновения ее руки Брендона как будто омыло волной нагретого прибрежными песчаными дюнами ветра. Ароматы белого клевера и можжевельника, звук соленого моря, бьющегося о белые скалы, были так реальны, что казалось, будто привкус соли остался на языке. Он смотрел в лицо Эшлин и тонул в этих ощущениях, но не мог позволить себе закрыть глаза, потерять связь с реальностью.

Брендон заговорил в ответ, лишь чтобы вернуть ускользающее внимание:

– Читать и писать. Остальное ты сама умеешь лучше меня.

– Значит, я сама могла бы тебя чему-то научить? – Она по-птичьи чуть склонила голову к плечу и внимательно следила за выражением лица Брендона, улавливая знакомые черты. – Пока мы не найдем мой Кристалл.

– Мы? Ты хочешь, чтобы я пошел искать с тобой украшение, которое ты потеряла в лесу четыреста лет назад?!

– Не я потеряла, а... – она хотела сказать «ты», но вовремя поправилась, – ученик друида.

– Ммм... итак, давным-давно некий похожий на меня ученик друида потерял подарок своей невесты. И эта невеста очень злится, – Брендон широко улыбнулся. – Что ж, чем это хуже тех легенд, которые мы изучили вдоль и поперек, чтобы найти хоть что-то стоящее из старинного наследия магов? По крайней мере, ты точно знаешь, как выглядела пропажа. И ты утверждаешь, что эта вещь не сломана и не уничтожена?

– Я опишу тебе. Кристалл чем-то похож на хрусталь, но не такой прозрачный. В нем иногда словно дымка, видны под каменной стенкой маленькие искры, иногда они меняют цвет, если хозяин Кристалла... если с ним происходит что-то очень важное. Очень хорошее или очень плохое. Смотреть в Кристалл – как смотреть на небо, оно ведь разное в

разное время. Мой был в оправе из веток цветущей ежевики. В медной, потому что железо обжигает. Такой где-то, – она раздвинула большой и указательный пальцы, показывая размер, – но лучше бы он был с башню или с этого вашего дракона.

Брендон подошел к камину и попытался поджечь пару небольших веток от почти прогоревших за ночь углей. Хотя нужды в горящем очаге не было никакой. Просто огонь помогает ясности мысли.

– Как ты думаешь, девочка? Для чего твой... Брандан мог использовать Кристалл среди людей? Творить чудеса?

– Не знаю, – честно ответила Эшлин.

Брендон покачал головой, не отрывая взгляда от тлеющих веток, как будто спорил сам с собой.

– Сколько же тебе лет, если все это случилось так давно?

– Я не знаю, почему давно... время не вода, чтобы вот так случайно утечь. Брандан ушел год назад. И я тогда уже двадцать раз встречала весну.

Брендон решительно встал и подошел к кровати. Он говорил нарочито медленно и веско, как объясняют важное или дают клятву:

– Эшлин, я не верю всему, что ты говоришь, потому что это невозможно. Но я притворюсь, что верю тебе, потому что видел, что ты можешь. И еще потому, что не сомневаюсь: останься ты одна, большой беды не избежать. Даже сказки в нашем мире нужно рассказывать осторожно. Ты пойдешь со мной как моя ученица. И я поручусь за тебя перед Великим Магистром, ректором Галлахером. Если ты дашь обещание слушаться меня во всем, то... Я не обещаю, что смогу помочь тебе, но хотя бы сделаю все, чтобы с тобой не случилось дурного.

– Слушаться во всем? Что же... во всем, что касается моего обучения. Обещаю, – она хитро улыбнулась. В любом договоре стоит оставлять за собой частичку свободы.

Глава 4

Университет Дин Эйрин. Кровь и розы

Город людей напомнил Эшлин о том, как выглядит большая часть ее мира. Та, что принадлежала фоморам. Люди, подобно этому жестокому народу, любили камень, даже реку одевая в каменные одежды. Если бы Дин Ши не отвоевывали себе шаг за шагом место, мир оставался бы таким лысым: из воды, камней и песка. Серое, сероголубое, черное, белое.

Дома людей напоминали изъеденные морской водой и ветрами скалы с узкими пещерами дверей и окон. Под ногами кое-где тоже встречались камни, целые дороги камней, но когда приходилось сворачивать на более узкие улочки, их сменяли доски, местами утопающие в грязи. Вопрос о том, кто придумал жить такой кучей, когда вокруг огромные поля и леса, Эшлин приберегла на потом.

В фоморских скалах гнездились ястребы-ягнятники, серые, с бурыми, цвета засохшей крови, крыльями, умными желтыми глазами, опасные охотники фоморов. А еще говорливые горные галки-чоу, иссиня-черные, быстрые и хитрые, всегда предупреждающие ягнятников, а с ними и фоморов, о чужом. По горным узким витым тропам бродили короткорогие тары с жесткой медной шерстью, а порой тенью мелькал снежный барс, сияющий яркой белизной и убивающий мгновенно. Эшлин не могла отделаться от мысли, что среди людей так же – большинство их сбиваются в шумные стайки чоу, меньшинство – в семьи упрямых неторопливых таров, и в глубине каменных поворотов за своими и чужими следят желтые глаза ягнятников и прищуренные зеленые – барсов. Хищник присматривает за владением.

Эшлин и Брендон шли вдоль каменной стены, из-за которой выглядывали острые верхушки башен, пока не подошли к воротам. Здесь не стояли стражники – для того чтобы ворота открылись, понадобилось лишь легкое прикосновение Брендона. Он чуть толкнул тяжелые створки пальцами, изображая, что раскрывает их, и, повинуясь его движению, створки ворот стали медленно и послушно раздвигаться. Эшлин успела рассмотреть покрывшиеся кое-где

зеленую медные пластины с картинами из жизни. Здесь были люди в плащах, лошади, деревья и странные звери с очень лохматой головой и высунутыми языками. Наверное, если бы у фоморов были собаки, они бы выглядели примерно так.

Студенты всю дорогу обсуждали неудачный ритуал и восторженно делились своими страданиями. Брат так же хвастался царапинами, чтобы быть похожим на воина, у которого узор на теле скрывает многие шрамы.

Брендон же успел немного рассказать о магическом Университете Дин Эйрин, и, судя по его словам, запрещено там было все, кроме дыхания. А судя по поведению студентов – только то, что заметил наставник. Это давало надежду. Строже матери Эшлин наставник попросту не мог быть.

* * *

За воротами Университет оказался не одним домом, а городом в городе, гораздо опрятнее и зеленее, чем тот, снаружи. Высокие тонкие башни со шпильями и величественные серые стены, украшенные объемными узорами и фигурами, угловатые двухэтажные домики, утопающие в раскидистых кустах гортензий. Мощные дубы и ясени, круглые и длинные цветочные клумбы, которые сплетались в замысловатый, но бессмысленный для Эшлин узор. Флигели, полностью увитые плющом и диким виноградом. Ряды кустарников, напоминающие шарики и пирамидки, а чуть дальше заросший тростником пруд, который странно, но красиво смотрелся среди ухоженной и подстриженной зелени.

Эшлин совсем потерялась среди серых зданий высотой с дерево и даже выше. Брендону пришлось окликнуть ее, застывшую на песчаной дорожке перед высокой тонкой башней, к которой вел десяток ступеней.

«Интересно, облака не цепляются за этот шпиль?» – думала она и едва не столкнулась лбом со спешившим ей навстречу студентом. В черных и серых мантиях студенты казались ей одинаковыми. Юноша заулыбался и раскланялся.

Из ближайшего дома вышел бородатый человек в довольно кокетливой шляпе с фазаньим пером. Он опирался на трость с витиеватой серебряной рукоятью и махнул Брендону рукой.

– Приветствую! Не ожидал, что так рано вернешься. Я слышал, Брендон, ты отправлялся за древностями, но той, что стоит рядом, вряд ли исполнилась сотня лет? – хохотнул он, подмигнув девушке.

– Ты прав, Риан. Ей около четырех сотен.

Старик улыбнулся, принимая его речь за шутку. Говорить правду так, что в нее никто не поверит, – либо искусство, либо несчастье.

– Это означает, что...

– Эшлин – моя ученица, Риан, – оборвал его домыслы Брендон. Девушка почувствовала волны его негодования, которые плескались под вежливой маской.

– Лучше бы ты женился, друг мой. Поверь мне, даже алхимики в своих изысканиях понимают, что одному совершенствовать тело и душу сложно, из одной меди золота не создашь.

– То-то я вижу перед собой женатого алхимика Риана Доэрти. Только с супругой он меня познакомить забыл.

– Я совершил в твоём возрасте ошибку. А теперь... Кому я нужен, кроме ученого совета?!

Эшлин наблюдала за тем, как чуть краснеют щеки Брендона, как он сжимает руку в кулак и выдыхает, прежде чем ответить.

«Странно, неужели собеседник не замечает? Сам виноват, пожалуй, за жену меня было бы проще выдавать, чем за ученицу. Но то, что он так похож на Брадана, совсем не значит, что обязан исполнять его обеты. Просто тебе хотелось бы этого, хотя бы понарошку», – отругала себя Эшлин и отвернулась к пышным соцветиям гортензии. Розовые, белые, голубые, бледно-желтые пушистые лепестки. Тут любили цветы.

– Позволь, Риан, мы все же пойдем, – ответил Брендон как можно вежливее, – дорога утомила нас, да и ритуал прошел не так, как я рассчитывал. Это надо обдумать, прежде чем докладывать Великому Магистру Галлахеру.

– Я бы позволил, но судьба принесла тебя к нашим воротам так вовремя, что грех этим не воспользоваться. Сейчас начнется вступительное испытание, и мне нужен помощник. Там один герцогский сынок, от которого, я чувю, будет беда.

Брендон помрачнел и оглянулся на Эшлин.

– Я должен поселить ученицу в женскую коллегию.

– Это недолго, сегодня прекрасная погода, и дева подождет в библиотечном саду среди красоты и тишины. А нам никак нельзя совершить ошибку.

– Хочешь свалить решение на меня?

– Люблю, когда важные вопросы не зависят от глупости одного человека.

– Считаешь, что общая глупость больше похожа на правду?

– Можно сказать и так.

– Я провожу девушку в сад и приду.

Риан кивнул и, опираясь на трость, не спеша зашагал в сторону высокого здания с круглыми башенками по краям и резными деревянными дверями.

Сад во внутреннем дворе библиотеки, которая оказалась прямоугольным, довольно высоким домом со стрельчатыми окнами и полукруглой аркой посередине, был похож на лабиринт. Стены из кустарника и низких стриженных деревьев огораживали комнатки, каждая из которых скрывала свой небольшой секрет, а дорожки были выложены гладким желтоватым камнем. Брендон попросил Эшлин никуда отсюда не выходить и быстро скрылся за зеленой стеной. Среди цветов и листвы девушка почувствовала себя гораздо уютнее. Тем более что пока никто не нарушал ее покоя.

Эшлин прошла мимо затейливых зеленых фигур и каменного грота, в глубине которого прятался источник воды. Прозрачная вода стекала прямо по стене в глубокую чашу, на дне которой были начертаны неизвестные знаки. Девушке понравились увитые клематисом деревянные качели. Здесь можно было устроиться прямо под водопадом крупных лиловых цветов, похожих на звезды. Нагретое дерево пахло смолой и летом, а над цветочной клумбой напротив танцевала стайка бабочек. Эшлин остановилась здесь, села и стала внимательно разглядывать цветы, удивляясь тому, как по-дурацки звучат их сочетания. Белые лилии говорят о счастливом союзе и ожидании ребенка, ирисы – о готовности защищаться и воинственном настрое хозяина, настурция напоминает, что хозяин клумбы недавно одержал в чем-то победу, мелкие гвоздики – пожелание счастья в пути и приглашение забрать одну как талисман на дорожку, а маргаритки –

о том, что важно сохранять в себе свет в трудные времена. Попробуй составь из этого фразу. Будто университетский садовник совсем не думал о том, что он хочет сказать.

Эшлин еще не знала, что новые неприятности вот-вот свалятся ей в прямом смысле на голову.

* * *

В это время магистр Брендон Бирн оказался в затруднительном положении. Его голову занимали мысли, далекие от испытания. А от решения при этом зависело многое.

Испытание магических сил – не экзамен, его нельзя подделать, в нем нельзя подсказать. Каждый, кого обучают магическим искусствам, получает огромную силу, и потому даже очень богатые и родовитые юноши могут получить отказ, если их дар вызывает у совета магистров беспокойство. Великий магистр, правда, терпеть не мог объясняться с родителями таких бездарей. Впрочем, куда хуже было, когда талант присутствовал, но развивать его было опасно.

Испытуемый – Фарлей Горманстон, чаще кратко называемый за спиной «этот герцогский сынок», поправлял кружевные манжеты и слушал Риана вполуха, будто бы все, кто был в комнате, – горожане на приеме у бургомистра. В роли бургомистра выступал, конечно же, он, будущий герцог и без малого великий маг. Наблюдая за тонкими, высокомерно поджатыми губами и ровными локонами юноши, ниспадавшими на шелковую куртку с золотой тесьмой, достойную королевского плеча, Брендон понял, чего опасался его коллега. Иногда за такими юнцами к воротам Университета приходят вооруженные отряды, озадаченные отказом в обучении и желающие свою озадаченность выразить самым простым способом. И тогда лучше, если нет одного виноватого, которому они возжелали бы отомстить лично.

Комната была по-старинному простой. Это здание было самым старым в Университете. Две лавки для наблюдателей, столик зельевара и деревянный лежак с защитными знаками, вырезанными по остову и ножкам. Резьба по дереву куда долговечнее любой росписи. По краям лежака были вырезаны углубления для ладоней, а на уровне плеч и

лодыжек приделаны ремни, которыми плотно охватывали тело испытуемого. Путешествие в глубины разума – штука опасная, и тот, кто подвергался ему, не должен был навредить себе и другим.

Риан закончил лекцию о правилах этого путешествия – как следовать тропе, проложенной мудрыми, как по глупости не убиться, как вернуться, после чего протянул юноше кубок с зельем, ослабляющим защиту. У каждого человека от природы есть это свойство, и оно сильно, иначе люди могли бы слышать мысли друг друга. У тех же, в ком есть магический дар, защита еще сильнее. Чтобы заставить испытуемого увидеть нужный сон, придется от нее на время избавиться.

Наследник древнего и благородного рода Горманстон осушил бокал так, будто отхлебнул деревенского вина, небрежно, как слуге, протянул его Риану и лег. Брендон, подойдя пристегнуть его, нарочито сильно стиснул плечи и лодыжки, затянув ремни как можно крепче. Чем больше высокомерие, тем большая пустота обнаруживалась под ним. Такие люди раздражали магистра Бирна. «Если бы мы владели той магией, что доступна ши, – мысленно усмехнулся он, – но в мире нет совершенства. Поэтому придется сейчас сесть рядом с этим индюком, вложить ладонь в деревянное углубление и всю дорогу питать своими силами его путешествие в глубь разума. Если, конечно, разум у него имеется». Магия – тяжелый труд. Не все, кто переступает порог Университета, готовы это принять.

Брендон вспомнил, как сестра Фарлея, высокая и статная Эпона, в отличие от брата не путавшая достоинство с высокомерием, проходила испытание. Какие разные дети порой растут в одной семье!

Риан устроился с другой стороны лежака и также опустил руку в углубление для ладони. Кожу покалывало, рука ощущала тепло, будто дерево было нагрето солнцем. Брендон чувствовал, как в самом его теле начинает распространяться тепло, от сердца бежит по сосудам к рукам и ногам. Сердце забилось быстрее. Риан вздохнул и повел испытуемого по пути сна.

– Ты открываешь глаза и видишь, как темнота впереди сгущается, становится ярче, а потом из нее проявляется дверь, обычная, деревянная, готовая открыться от первого прикосновения...

Глаза Фарлея Горманстона под закрытыми веками пришли в движение. Надежно пристегнутая правая рука сжала пальцы, будто

касаясь дверной ручки. На лице отразилась брезгливая гримаса, когда герцогский сынок услышал в свой адрес «ты». Пусть привыкает. Здесь все равны.

Брендон закрыл глаза, чтобы погрузиться вслед за испытуемым в сновидение, и оказался в узком каменном коридоре, освещенном факелами. Пахло гарью и сыростью. Перед юношей была дверь, крупная, с кованой ручкой в виде драконьей пасти. Он, не сомневаясь ни секунды, ухмыльнувшись, дернул ее на себя и оказался в каменном зале замка. Зал казался заброшенным, оплывшие свечи в люстрах, полутьма, только серебристый свет из узких стрельчатых окон. Снаружи, судя по всему, была лунная ночь.

Юноша принялся осматривать все вокруг, переворачивая подсвечники, вытаскивая ящики столов, с грохотом перебирая фигурки и сундучки на каминной полке, заглядывая в чаши на столе. Он деловито искал ключ, зная, видимо, от домашнего учителя, что это испытание можно пройти быстро. Не дожидаясь опасностей и подсказок. Но плох тот преподаватель, который дает простые задания. Кто-нибудь, смотревший со стороны, заметил бы, как под закрытыми веками быстро двигаются глаза Брендона. Он уже придумал, чем развлечь высокородного гордеца.

Испытуемый застыл и прислушался. Этот звук пока был очень тихим, скорее ощущение нарастающего гула, который заставляет сердце сжиматься от страха. Живущие в горах знают его хорошо. Иногда его называют «песнь земли». По каменным плитам пола пролегла узкая трещина, стол зашатался, сбрасывая чаши, свечи и тарелки. Брендон чувствовал, как покалывает кончики пальцев от напряжения. Жаль, что устроить землетрясение в реальном мире не под силу и двум сотням магов. А может, не жаль.

Фарлей утратил свой лоск и заметался в клубках пыли, отскакивая от трещин и тяжелых предметов, иногда перекатываясь по полу. Наконец, он закончил борьбу со стихией, забившись под все еще казавшийся крепким стол, и увидел, как пятиярусная кованая люстра рухнула вниз, обрывая цепи толщиной в две руки. На какое-то время все вокруг потонуло в грохоте.

Когда новый вихрь пыли осел, в серебристой лунной дорожке, ближе к дверям, лежал ключ, оторвавшийся при ударе от нижнего яруса подсвечников.

Брендон вздохнул. В этом испытании еще никто из будущих студентов ни разу не поднял головы к потолку. Все ищут под ногами.

Страх и злость боролись внутри Фарлея, искажая гримасой его тонкое лицо аристократа. В такой момент и проявляется образ магической силы. Он принимает вид какого-нибудь существа, что ярче всего отражает природу дара. Мышонок. Конь. Горлица. Лев. Ласка. Пес. У Эпоны Горманстон, помнится, вышел неожиданный бык, и она похлопала его по шее ласково и уверенно. Ждать недолго. Что же ты медлишь? Брендон, не открывая глаз, сжал правую руку в кулак.

Пол задрожал. К спасительному ключу потянулась трещина, обещая похоронить его в глубинах земли. А вместе с ним и надежду на поступление. Испытуемый знал, что сновидение не может его убить, а вот покалечить надолго может, поэтому боялся вылезать из укрытия под град падавших с потолка и стен камней, картин, старинного оружия. Гул нарастал. И вдруг двери разлетелись в мелкие щепки.

Огненный дракон ворвался в зал, добавляя к разрушениям сотни мелких искр. Фарлей закричал, наблюдая, как на кончиках его пальцев вспыхнули огоньки, а потом пламенем охватило руки до локтя. Дракон, его внутренняя магическая сила, оставшись без управления, метался под потолком, как голубь в ловушке птицелова.

– Ши тебя побери! – прошипел вслух Брендон и усилием воли разорвал связь с испытуемым, выбрасывая того из сна на поверхность. Юноша дергался, натягивая ремни, и выл, пока ему не влили в рот успокоительный настой.

Пока алхимик пытался привести в чувство плачущий от боли подарочек от герцога, Брендон, потирая виски, медленно подошел к ближайшей скамье и сел. Риан выжидающе смотрел на него, уже понимая, что коллега скажет.

– Его нельзя учить. В нем много силы и мало контроля, более того, мало желания контроля. Если он снова прикоснется к внутреннему источнику, то со временем сойдет с ума.

– С ума сойду я, – вздохнул Риан, – объясняя это его отцу.

* * *

Библиотечный сад в это время тоже был далек от благодной тишины, что обычно в нем царил.

В кроне ясеня над головой Эшлин послышалось шуршание. Оно угрожающе усилилось. Девушка отвлеклась от клумбы и вскочила – удачно, потому что в край клумбы настурций с веток сверзился юноша, состоящий, кажется, весь из кружев и локонов, словно сам был цветком, неудачно и не до конца превращенным в человека.

– Здравствуйте, – сказал он бойко, но неразборчиво, поскольку выплевывал цветы. – Вы, наверно, новенькая? Я бы запомнил такие волосы. Кстати, я не задел вас?

– Нет, только клумбу. Но это поправимо, и ее все равно стоит пересобрать, – Эшлин протянула ему руку, и юноша встал. Его лицо в зеленых ошметках выражало радостное удивление.

– А вы сильная. И как будто веселая.

Он поклонился с изяществом танцора, не особенно переживая из-за обвисших кружев.

– Граф Эдвард Персиваль Дарси-Баллиоль к вашим услугам. Да-да, я из тех самых Баллиолей, младшая ветвь, через старую леди Розамунду.

Он оценил степень вежливого непонимания на лице Эшлин и рассмеялся:

– А вы, наверно, издалека? Ах, да-да, вы новенькая с необычайным талантом, вас привез магистр Бирн! Кто-то говорил, что вы вызывали дождь...

– Я издалека. Я Эшлин, – кажется, нужно было что-то объяснить.

Граф Эдвард-Перси-вот-это-все рассмеялся снова:

– Очаровательно. Просто Эшлин? У вас нет фамилий... семейных имен? И не принято давать прозвища?

– Прозвища дают события, а не кто-то, – это Эшлин знала твердо. – А моя семья... считайте, что она прозвана Ежевикой.

– Вы только не думайте, я не смеюсь, это же мило – Эшлин Ежевика! Мою кормилицу зовут Лизелотта Смола, у нее очень смуглая кожа, и это намного проще запомнить, чем Лизелотта Фишер или там Бейкер. А моего друга... вот он, кстати.

Из-за колючей живой изгороди, щедро оплетенной вьюнком – «не доверяй показному смирению», так перевела бы это послание Эшлин, – появился второй юноша, высокий и широкий, как ставший

на задние ноги годовалый бычок, и примерно с таким же веселым изумлением на большелобом лице.

– Эдвард, ты упал, – пробасил он, как будто это нуждалось в подтверждении. – Зато с девушкой познакомился. Красавица, – он рассмотрел Эшлин с ног до головы.

– Это и есть мой друг, как вы могли понять, – вмешался Эдвард. – Он Аодан, Аодан Брегон. Старинное имя, слышали?

«Огонь. Судья», – мысленно перевела девушка. Ей нравились значения. Имена, как и цветы, должны были нести значения. Вот имена Эдварда при всем своем звонком и пестром многословии значения для нее не несли. Она назвала бы его Кэйлин – «щенок». Или Тиджернак – «дитя лорда». Тогда имя было бы им, а он – именем.

– А это Эшлин Ежевика, и она издалека, – продолжал Эдвард-Кэйлин-Тиджернак, – как ты мог заметить. Зато особый талант. Это ее сам магистр Бирн привез!

– Ну и ничего, я тоже из маленького города, – пробасил Аодан. – Если кто будет обижать, позови меня. А если девчонки станут задаваться... ну, в смысле леди – подружись с теми, кто не будет, да и все.

– Преувеличиваешь, дружище. У нас, Эшлин Ежевика, тут нечто вроде равноправия золотого века. Лев лежит рядом с ягненком, деревенский парень учится вместе с принцессой, примерно так.

Эшлин не очень хорошо понимала, о чем ей говорят, но улыбалась – оба юноши выглядели милыми. Не слишком умными, возможно, но милыми.

– А что ты делал на ясене? – все же спросила она. – Ты смотрел на птиц? Или делал оберег от гадюки?

– Нет-нет! Ой, про оберег от гадюки я еще спрошу, я такого не слышал. Видишь ли...

На Эшлин обрушился сверкающий водопад слов, из которого выяснилось, что некий профессор Тао из «той самой империи Мин за морем, откуда чай и фарфор везут», крайне жестоко и ужасно высмеял Эдварда, и теперь тот хочет... нет, не отомстить, конечно же, просто пошутить. Для этого было припасено ведро воды, и оставалось водрузить его над дверью беседки, где означенный профессор погружался в некое состояние сна с открытыми глазами и выходил всегда освеженный. По плану Эдварда и Аодана ведро должно было

опрокинуться на профессора Тао, освежив его с ног до головы. Чистой водой, конечно же, ничего худшего!

– Просто Аодан тяжелее меня. Я лез по ясеню на беседку, пока без ведра. Но что-то покосилось. Поэтому хорошо, что без ведра.

– Давайте я залезу, – Эшлин оценила ясень и беседку. – С ведром. Это, конечно, если у вас можно так шутить над старшими. Я еще не знаю ваших обычаев.

– Нужно, – сказали оба юноши, – а если что, мы скажем, что это мы придумали. Неужели влезешь?

* * *

Брендону не удалось быстро вырваться из цепких лап Ученого Совета. Риан хотел разделить на всех ответственность за отказ герцогу Горманстону в магическом будущем его сыночка. Рядом так нетерпеливо, будто его за дверьми ждал десяток непредсказуемых ши, постукивал сапогом по полу ближайший друг Брендона – Финнавар Дойл. Он последний месяц не вылезал из северной башни, колдуя над своим, как его успели прозвать, «гробом вечности». Профессор Дойл мечтал создать артефакт, способный заставить человека вспомнить всю жизнь, начиная с рождения. Риан ворчал, что Финнавар сейчас-то не может запомнить расписание, куда ему вспоминать что-то из младенчества. Только Брендон понимал тягу друга к созданию вещи, способной обмануть время. В ремесле проще: создал шедевр, одобренный мастерами, и сам стал мастером. В магической науке сложнее – создай то, не-знаю-что, докажи коллегам, что оно важно, и тогда, может быть, войдешь в историю.

На обсуждение испытания Фарлея Горманстона, судя по взъерошенным волосам и блестящему взгляду, профессора Дойла вытащили прямо из «гроба». Странно, что он только хмурился, но все еще не рассказал Брендону о том, что его так волнует. Неужели получилось?

Однако посторонние беседы были отложены в сторону. Целитель все еще приводил Фарлея в чувство, а перед рядами скамеек вышел ректор Горт Галлахер. Он всегда носил наглухо застегнутую черную мантию и терпеть не мог украшений. Даже положенную по рангу для

торжественных случаев цепь с подвеской надевал только во время визитов сюда посланцев короля. Он умел двигаться практически бесшумно и статью напоминал аристократа, хоть никто и не слышал, чтобы ректор Галлахер хвастался титулами или родней. Впрочем, это не помешало ему стать одним из королевских советников.

– Господа, до меня донеслось, что вы не можете прийти к согласию относительно юноши, который прибыл сегодня утром.

– Почему же, – поднялся со скамьи Риан, – испытание пришлось прервать, и это дурной знак, ректор Галлахер.

– Вы суеверны, друг мой? – Горт Галлахер бросил взгляд на все еще бледного и бессознательного герцогского сына. – Разве предчувствия – не плод вашего воображения? Или мастер алхимии вдруг стал мастером предсказаний?

Риан обиженно запыхтел, однако перечить ректору – верный способ потерять почетное и хлебное место.

– Магистр Бирн может рассказать, что видел, когда наблюдал за испытуемым. Мы храним магические знания от тех, кто не готов их постичь. И мы обязаны говорить правду, сколь бы родовитый отпрыск почтенного семейства ни явился перед нами!

По лицу ректора Галлахера проскользнула тень. В этот момент оно показалось хищным. Есть люди, что в черном похожи на галку или ворону. Ректор же напоминал более крупную птицу, которая наблюдает за вами с высоты, выжидая время для удара клювом.

– Что ж, магистр Бирн. Вы тоже уверены, что наследник семьи Горманстон, которого вы экзаменовали, не способен обучаться магическим искусствам?

Брендона раздражал этот чуть насмешливый тон. Зачем он спрашивает мнение прилюдно, если сам уже все решил? Иногда казалось, что ректор нарочно указывает некоторым преподавателям их место, чтобы потешить самолюбие. Или не казалось.

– Господин ректор, я провел испытание по всем правилам и видел, как в момент душевного напряжения силы юноши вырвались на волю и едва не сожгли его. У него есть врожденный дар, он силен, но достался человеку, который не сможет им управлять. Слабому. Трусливому. Лишенному силы воли.

Последние слова Брендон выговаривал медленно, припечатывая герцогского сына, насколько было возможно, не касаясь базарных

ругательств. Он знал, что сражение проиграно, сейчас деньги и политика победят здравый смысл, и опасный студент, очнувшись, отправится поселяться в мужскую коллегию. И все-таки не мог молчать. Пока язык не отрезали вместе с головой.

– Что же, магистр Бирн, вы всегда отличались требовательностью к силе духа. Возможно, излишней. Если всякий, входящий в эти стены, будет безупречным, чему вы сможете его научить?

Брендон чувствовал себя студентом, которого желают оставить на пересдачу:

– Как пользоваться своей безупречностью, создавая нечто полезное для науки и королевства.

Горт Галлахер усмехнулся, окинул взглядом подуставших от этой сцены коллег и наконец выдал окончательное решение.

– Этот юноша будет вызовом для нашего мастерства. И нам хватит силы духа для его обучения. Чтобы мои слова не звучали призывом к невозможному, я попрошу отнести будущего студента в мой дом. Прежде чем он начнет постигать науки, я сам подготовлю его. На этом мне придется вас покинуть, есть весьма срочное дело.

Он кивком разрешил Брендону сесть, наслаждался выражениями лиц присутствующих и вышел из комнаты.

– Вот ведь... – начал Финнавар, когда помощник вывел из комнаты все еще плохо стоящего на ногах герцогского сына.

– Неприятность, – подсказал Риан, промакивая лоб платком. Ему сделалось жарко.

– Брендон, может быть, нам сразу поджечь университет, не дожидаясь, пока этот высокородный гусь его разнесет? – проворчал создатель «гроба вечности».

– Не разнесет. Но нам от этого не легче. Мне тоже надо бы...

– Постой, я должен тебе рассказать, а лучше показать! – Финнавар неуклюже всплеснул руками.

– Ты полежал в своем гробу? – оживился Риан.

– Нет. То есть да. Не в этом дело. Приходите ко мне сегодня, оба. Это то, что невозможно просто так узнать и молчать – с этим надо что-то делать. Ты будешь потрясен, как я.

– Так идем, покажешь. Мне только надо поселить ученицу, которая давно ждет меня в библиотечном саду.

– Отлично. Заходите сразу после. Это... непостижимая история. Не для одной головы.

Профессор Дойл подскочил и унесся прочь, будто за ним гнались. Видимо, подготавливать зрелище. Брендон кивнул алхимику Риану на прощанье и отправился искать Эшлин, надеясь, что она все еще там, где он ее оставил. Но его надежде было не суждено сбыться.

Когда Брендон уже подходил к библиотечному саду за оставленной там «ученицей», ее вывели навстречу. Эшлин сопровождал сухонький цепкий мужчина в шляпе, похожей на ведро, – комендант студенческой коллегии.

– Господин магистр, эта девица утверждает, что прибыла с вами. Она приняла участие в непристойном деянии вместе с двумя студентами, кои уже отправились получить наказание. Учитывая, что девицам порка не полагается, прошу вашего решения о ней.

Брендон заморгал. Непристойное деяние Эшлин и двух студентов представилось его воображению так, что хотелось потрясти головой и умыться холодной водой.

Эшлин поглядывала на паукообразного человека и задумчиво теребила тесьму на рукаве платья. Она уже пробовала по дороге объяснить коменданту, в чем он не прав. Выходило только хуже. Возможно, Брендон поймет, что это полное недоразумение.

– Мы какого-то старейшину водой облили. Но ведром его не задело, это неправда, – произнесла она, предвосхищая расспрос о происшествии. – Наверно, это было нехорошо.

У Брендона было такое выражение лица, как будто водой облили его самого. Но подчеркнуто доброжелательный голос выдавал в нем терпеливого наставника, привыкшего к всяческому озорству, за которым неизбежно следует жестокая расплата.

– Так какой же опыт вы хотели провести над... господин комендант, какой именно преподаватель оказался жертвой их любознательности?

– Судя по признаниям юнцов, это была непристойная шалость, придуманная ими двумя, а девицу они лишь втянули, пользуясь ее наивностью. Они прикрепили ведро к дверям беседки и дождались, пока господин профессор Тао выйдет из ежедневного уединения. Хвала небесам, в ведре была вода, и мантия профессора лишь намочла, а не запачкана.

Эшлин вздохнула.

– Два моих новых друга сказали, что этот человек укрепляет силу духа, когда сидит один в беседке. Но судя по тому, как он обошелся с палкой из изгороди и какими словами он нас назвал, силы его духу пока не хватает.

Глаза Брендона чуть сощурились, голос стал нарочито добродушнее, но от его тона повеяло холодом, как из гранитной пещеры в жаркий летний день:

– Таким образом, вы проводили опыт, изучая меру силы духа?! Что ж, господин комендант, я полагаю, что лучший опыт – испытание на себе. Поэтому после наказания провинившиеся должны будут провести целый день в уединении. А для этой девы я найду место для укрепления духа у себя в погребе.

– Благодарю вас, магистр! – отозвался комендант, радостно избавляясь от неудобной девицы и поспешно удаляясь. Как поступать с обалдуями мужского пола, он знал, а женщины ставили его в неудобное положение. А вдруг заплачет? Или упадет в обморок? Возможно, поэтому он следил за мужской коллегией, да так и не женился.

Эшлин молчала, мысленно составляя покаянный букет. Цветы туда подбирались трудно... кажется, способность попадать в неприятности она за собой сохранила и в этом мире.

– Надеюсь, что насчет погреба ты пошутил? – виновато улыбнулась она.

– Тебе придется спуститься в погреб. И как можно скорее найти там вяленое мясо, репу и морковь, пока мы не умерли с голоду. А если ты продолжишь привлекать к себе внимание, то из погреба я тебя и вправду не выпущу. Твои таланты могут наделать здесь много шума.

– Что ж, если у тебя в доме есть очаг, то мы точно с голода не умрем. Я видела в саду душистые травы. Сад можно считать твоим?

– В твоих руках в этом саду, кажется, вырастет то, чего там отродясь не водилось. Поверь мне, если кто-то здесь посмотрит на тебя хорошенько, тебе будет не спрятать всего, что ты умеешь. И тогда ни я, ни король тебя не спасут.

– Я не пользовалась никакими талантами, а эти юноши свалились мне на голову. Мы познакомились, они милые, но странные. Скажи мне, кто такой король?

– Король – властитель всех и вся, правит и повелевает жизнями и смертями подданных. Разве в твоих землях нет верховного владыки?

Эшлин нахмурилась:

– Нет. Каждым родом управляет старейшина. А если надо решить то, что важно для всех, собирают совет старейшин. Только Горт Проклятый хотел стать выше старейшин. Но это слишком большая сила для одного. Она разрушает душу. Разве нет?

– Король выше, чем старейшина, в некоем смысле он старейшина старейшин, и не нам с тобой рассуждать о его душе. Лучше подумай о своей и о том, что...

– А что во мне такого необычного? Я больше не буду возвращать суть вещам из дерева и попробую во всем быть как люди. Уже попробовала. У меня получилось.

Брендон внезапно оборвал шуточный тон, поколебался несколько мгновений и продолжил тихо и веско:

– О том, что ты можешь потерять и жизнь, и душу из-за своего колдовства! Ты умеешь делать то, что не под силу никому из самых знающих. И ничто так не пугает, как большая неведомая сила. Даже если ты можешь погасить огонь одним взглядом и выпить реку, я бы не желал тебе попасть в руки тех, кто охотится на ведьм с настоящей страстью.

Она звонко рассмеялась, услышав предостережение Брендона.

– Выпить реку никто не может... разве что кому-то из фоморов придет в голову изменить ее русло, растревожив землю и скалы. Они так делали. А душу я, как ты помнишь, уже потеряла. Это правда страшно, но...

– Давай-ка я покажу тебе Университет, – вздохнул Брендон, – чтобы ты знала, где здесь что. Потом отведу в женскую коллегия и навещу друга.

Они шли вперед между высокими длинными домами, похожими на скалы, и маленькими, утопающими в зелени домиками. Город-университет был красив, менее гармоничен, чем выстроили бы ши, более пестр, но красив, и Брендон гордился им, как гордятся тем, во что вложили много своего сердца. Эшлин окружали цвета, запахи, люди, впечатления, так что их избыток едва давал сосредоточиться на разговоре, а каждый цветник или живая изгородь заставляли

остановиться. Пожалуй, она за всю жизнь столько нового не видела, как за последние два дня.

Вдруг ши остановилась и, нахмурившись, принялась. Перед ней был роскошный розарий из чайных и белых роз, которые скрывали от любопытных взглядов стену одноэтажного домика с покрытой мхом крышей.

– Странно, в саду пахло цветами, землей и деревом. А здесь, у домов, пахнет кровью. У окон цветы, опять странное сочетание... ты знаешь, что самые яркие розы распускаются на крови сердца? Но это не их поливали... такое чувство противное. Здесь всегда так?

– В человеческом жилье всегда дурно пахнет по сравнению с цветником, но оставить тебя ночевать в саду я не могу. А в этом доме живет мой друг, к которому я... – Брендон решительно преодолел две ступени, и его рука, сжатая в кулак, чтобы постучать, без всяких усилий проскользила по распахнувшейся двери.

Эшлин пошла за ним так поспешно, что, споткнувшись о ступеньку, ткнулась в плечо Брендона носом.

– Подожди! Там... там что-то дурное, – она почувствовала, как холодеют руки. Ее пальцы снова сжались над грудью, пытаясь поймать несуществующий Кристалл. Что-то пряталось в глубине этого дома, в темноте за дверью. Знакомое. Тревожное. Больное.

...Когда нашли Уну, такая же болезненная тревога была в сердце. Только кровью от нее не пахло...

Брендон вошел в дом и остановился. В зеленоватой полутьме, которой витражи только добавляли цвета, она казалась неожиданно зловещей, как никогда раньше. Комната была похожа на университетскую кладовую, в которую сбросили странные глиняные сосуды, инструменты, деревянные конструкции, склянки и карты. Даже на гладком каменном полу виднелись следы каких-то рисунков. У камина валялась раскрытая огромная книга. Столкнуть такой том со стола можно было лишь в пылу борьбы. Чуть дальше лежал лицом вниз хозяин комнаты. Каменные плиты пола были густо усыпаны осколками стекла. Эти же осколки усеивали тело. Кое-где по жилету и рубашке расплзались темные пятна, а в бороздках между камнями застыли ручейки крови. Это они пахли.

Брендон бросился вперед, под его сапогами хрустело стекло. Эшлин так и застыла в дверном проеме. На противоположной стене,

над распростертым телом, возвышалась деревянная рама. В ней уже не было зеркала. На стене сразу за рамой темнел круглый след, словно от огня. Быстрого и жестокого огня.

Эшлин сама не узнала свой голос, когда хрипло произнесла:

– Ты его не вернешь.

Смерть пахла кровью и пустотой. Посеченный осколками зеркала Финнавар Дойл уже отправился добывать знания о вечности из первых рук. Но Брендон упрямо продолжал пытаться привести в чувство безвозвратно мертвого человека.

Глава 5

Вы не ожидали инквизиции?

Инквизицию чаще всего вызывают лишь тогда, когда торопиться уже некуда. Поэтому магистр Эремон и его ученик Ласар неспешно вошли в ворота и направились к таверне. На лице ученика отражалось страдание. Он оправдывал свое имя – «пламенный» – и пламенно желал приступить к делу немедленно.

Университету повезло. Король благоволил ему, и особенно его ректору, так что при срочном известии о загадочной гибели профессора Дойла инквизитора отправили незамедлительно, причем одного из самых опытных. Университету повезло дважды – магистр-инквизитор Эремон с учеником как раз заканчивали записи по уже расследованному делу о таинственном призраке, взявшемся преследовать юную сироту. Сирота оказалась богатой наследницей, призрак – весьма омерзительным приятелем ее не менее омерзительного опекуна, решившим взять ее в жены силой, маскарад его мог напугать только робкую девочку, и в целом история кончилась неплохо. Злодеи вскоре отправятся куда им положено, дальнейшей судьбой девушки решила заняться принцесса Маргарет лично, магистр Эремон научил Ласара писать лаконично и в очередной раз напомнил свою любимую мудрость: «Злого колдовства в мире намного меньше, чем просто зла».

На дорогу они потратили меньше суток. Это было немного. Поэтому теперь можно было приниматься за расследование с неспешностью, любимой Эремоном. Например, подкрепить свои силы хорошим обедом.

Таверна «Королевский лосось» процветала. Здесь, бывало, оплачивали обеды на месяц вперед студенты побогаче, перебивались хлебом и пивом с острой капустой студенты победнее, закатывали пирушки, мрачно прихлебывали темный эль, когда дела не ладились, и степенно обедали холостые преподаватели, у которых не было средств на собственную кухарку. Брендон Бирн тоже частенько появлялся здесь, потому что с трудом мог представить себе женщину, которая бы

постоянно жила в его доме. Он был не готов на такое даже за ежедневный горячий обед.

Магистр-инквизитор Эремон вошел в таверну, не привлекая внимания, уселся за стол у окна и похлопал рукой по столешнице, приглашая ученика последовать его примеру. Ученик, как щенок гончей, не мог заставить себя спокойно сидеть на месте. Если учитель был крупным мужчиной, под свободными одеждами которого угадывалось хорошо тренированное тело, то ученик был долговязым, жилистым, длинноносым. Можно было предположить, что с годами, утратив суетливость, он станет похож на почтенного инквизитора. Сейчас же он, угрюмо опустив взгляд в пол, выражал собой молчаливый протест.

– Друг мой, – улыбнулся Эремон так, что в уголках глаз проявились лукавые морщинки, – советую тебе взять хорошего вина с пряностями и седло барашка. Здесь его готовят с мятой, душицей, розмарином, чабрецом и чесноком так, что будешь вспоминать об этом обеде, пока нас снова сюда не позовут. Начнешь умолять судьбу, чтобы здесь еще кого-нибудь убили.

Ласар поднял на учителя полный страдания взгляд. Тот лишь ухмылялся в аккуратную круглую бороду. Он с таким вкусом выговаривал название каждой пряности, что под конец даже подбежавшая служанка готова была проглотить язык.

– Прости, не подумал о том, что тем, кто тревожно относится к смерти, лучше с мясом пока погодить. Что ж, запеченная с сыром репа тебе точно поперек горла не встанет. – Он повернулся к служанке и улыбнулся ей так тепло, будто встретил любимую племянницу. – Мы добирались сюда издалека и хотели бы отдохнуть перед важнейшим делом. Пусть нам в этом помогут седло барашка, печеная репа с сыром и морковью, подайте к ней моченой брусники, кувшин доброго вина и ваш знаменитый на все королевство яблочный пирог.

Служанка кивнула и бросилась со всех ног на кухню. Она сразу узнала на простых дорожных плащах гостей герб королевской инквизиции.

Людей в таверне было немного, в разных углах две компании студентов уютно шептались над кружками с пивом. У одной посреди стола стояло блюдо с куриными костями, у другой – сырны лепешки. Ближе к дверям кухни сидел мрачный преподаватель с хорошенькой

огненно-рыжей девушкой и что-то ей вполголоса говорил. Она отвечала ему коротко и звонко. С виду крестьяночка, но красота особенная – возможно, незаконная дочь дворянина. Такие мелочи полезно отмечать.

Эремон снял плащ, повесил его на вбитый в стену гвоздь и, чувствуя полное удовлетворение от ароматов дыма, мяса на вертеле, вина и хлеба, стал сильнее прислушиваться к разговорам. Не поймешь, чем дышит место, если запрешься в мрачном каменном мешке и будешь по очереди вызывать на допрос. Страх – плохой союзник. А в болтовне за столом люди вываливают куда больше полезного, чем под пыткой.

– А профессор Тао ему и говорит – студент Баллиоль, вы двигаетесь с грацией императорской наложницы, где вы растеряли мужскую энергию? – Говорят, у профессора Аль-Хорезми жена по ночам превращается в птицу и летает под нашими окнами. – К тебе еще, скажи, прилетала! – Представляете, девушки собираются на крыше своей коллегии в одних рубашках, и если залезть там на дерево... – Смотрите, а магистр Бирн опять со своей метрессой... – Тише ты! Давайте еще курицу закажем, угощаю!

В это самое время Брендон пытался придать мыслям хотя бы долю стройного течения. Невозможно полностью подчинить себе все чувства. Даже если ты преподаешь магию в университете и многое знаешь о силе духа.

Эшлин понимала это и восхищалась тем, как он держался. Она помнила, каким он был там, в комнате, измазанный в крови, пытавшийся с глухим воем заставить очнуться того, чья душа уже точно отлетела далеко. Сейчас же, спустя вечер, ночь и утро, лишь блестящие глаза, застывшее выражение лица и внутренняя злость напоминали о том, что магистр Бирн потерял друга. Брендон мечтал пережить неизбежный допрос Эшлин инквизитором, забиться в дальний угол комнаты с графином бренди, закрыть дверь на ключ и пить, пока острая боль внутри станет хоть немного тупее.

Вчера он даже не поселил Эшлин к другим девушкам-студенткам – бешеная круговерть вокруг тела Финнавара не отпускала долго и закончилась за полночь. Тогда он понял, что Эшлин не ушла и тихо сидит рядом. Она согрела ему вина с медом, он дал ей одеяло. Молча. Сам он не ложился.

Утром Брендон понял важное. Они с Эшлин оказались свидетелями, нашедшими тело. Читай – главными подозреваемыми, что для Эшлин было смертельно опасно. Да, инквизиторы пока будут приглядываться, искать следы преступления, возможно, докажут, что страстный исследователь Дойл пострадал от собственного научного пыла. Но все время, пока они здесь, над Эшлин нависает опасность.

Сейчас Эшлин сидела, обхватив руками кружку с отваром шиповника, и старалась не смотреть очень уж явно на вошедших в таверну мужчин. Впрочем, они пока мало интересовались делом, а заказали много еды и отдыхали с дороги. Эшлин вздохнула и принялась разглядывать рисунок полос на деревянных досках стола.

– Идем отсюда. Хочется провести некоторое время спокойно, – сказал Брендон, хмуро наблюдая за новыми гостями.

– Почему ты так опасаяешься? Ведь мы ничего не знаем. Значит, нам не страшно обвинение.

Брендон на мгновение прикрыл глаза.

– Видишь ли. Если нет неоспоримых доказательств, легко могут обвинить того, кто был подозрительнее всего.

Они поднялись и вышли из таверны. Эшлин повернулась лицом к солнцу и довольно зажмурилась, подставляя кожу его теплу.

– А если я поклянусь?

– Нет такой клятвы, которая заставила бы тебя говорить правду, и только правду. А значит, для них всегда остается возможность, что мы – те, кого они ищут. Только я пока сам не могу понять, что там произошло.

Брендон шел так быстро, что девушка едва поспевала. Внутренние тоска и беспокойство гнали его вперед. И чувство вины – а приди он раньше, а не поведи он Эшлин по Университету? Он выплескивал невысказанную злость на себя и убийцу в шагах. Ноги несли его к библиотечному саду, в лабиринте которого всегда было самое тихое место Университета. Когда юный граф Баллиоль не падал с ясеня, конечно.

– У людей все странно. Зачем им говорить со мной, если не нужна правда? Ведь так можно просто сочинить то, что я им сказала.

– Им нужна правда. Но они не умеют читать мысли, Эшлин. И если они узнают правду о тебе... сейчас ты деревенская неграмотная девушка, которая не могла бы одолеть ученого мага, даже если б

захотела. А будешь чудовищем, способным полмира поставить вверх дном.

– Если бы могла – то именно поставила бы, постучала рукой по дну и нашла, наконец, в этом старом ведре Кристалл.

– Не пробыла в нашем мире и недели, а уже называет его старым ведром!

– Скажешь, что новое? Так менее обидно?

– Не важно, – встрепенувшийся было от мрачного оцепенения Брендон снова поник. – Вот что. Ты дашь мне студенческую клятву. Ты же обещала во всем меня слушаться.

– Во всем, что касается учебы.

– Так и клятва будет не брачная, а университетская. Это магический контракт на обучение, который завершится, когда я признаю, что передал тебе все знания, которые хотел. И смогу быть твоим представителем в официальных случаях, как это полагается для сирот.

– Я не сирота и не желаю об этом лгать!

– И не лги. Скажешь инквизиторам «моих родителей нет в этом мире».

– Хорошо. Ты решил, что клятва в гуще этих цветов будет крепкой? – удивилась Эшлин, подмечая вокруг себя разноцветные кивающие головки. Розоватые, рыжие, желтые, белые, пурпурные соцветия показывали языки магистру и его будущей подопечной. Будто дразнились.

– Цветы? Какая разница? – ворчливо заметил Брендон, оглядываясь на полукруглую ступенчатую клумбу.

– Кусающий змей – это насмешка сильного. Когда понимаешь, что тебе покровительствует кто-то важный, или хочешь ответить «нет» свысока. Не подходи ко мне, а то получишь, как-то так.

– Не знал. У нас эти цветы зовут «львиным зевом». Но вполне подходит. У нас не так много времени, пока инквизиция наслаждается обедом.

– Если бы я заказала столько еды, то и до завтра бы не справилась.

Брендон усмехнулся, представив, как Эшлин проваливает экзамен на инквизитора, который заключается в поедании бараньего жаркого. Впрочем, это были досужие шутки, про магистра Эремона он слышал много баек совсем другого свойства. И предпочел бы, чтобы сейчас

сюда прислали менее искушенного в расследованиях и въедливого человека.

– Протяни руки ладонями вверх. Я не знаю, как ты будешь использовать то, что я тебе дам, не умея писать, но традиция есть традиция. Как зовут твоего отца?

– Каллен.

– Я магистр Брендон Бирн, беру в ученики Эшлин, дочь Каллена, чтобы передать ей основы магической науки и наставить в постижении внутренней магической силы, которая дана ей судьбой. Клянешься ли ты, Эшлин, дочь Каллена, постигать науки с прилежностью, слушать наставника, соблюдать правила Университета Дин Эйрин и законы королевства, где он расположен?

– Клянусь, – ответила Эшлин и увидела, какое удивление отразилось на лице Брендона, когда по аккуратно вложенному ей в протянутые руки перу проскользнула синеватая искорка. Оно разом избавилось от потертостей и стало выглядеть так, будто его только что выдернули из гусяного крыла.

– Что это?

– Клятва. Мои слова и здесь сохранили свою силу. Хоть и не такую большую. Оно вернуло свою суть. Видимо, в просторах твоей сумки обтрепалось.

– И без меня никому ни в чем не клянись!

– Хватит с меня клятв. Только не пропадай. Я почти привыкла быть Эшлин, от которой ушел жених. Не хотелось бы становиться Эшлин, от которой сбежал учитель.

– Все в твоих руках, – мрачно хмыкнул Брендон. – Идем обратно, пока не пошли слухи, что я увожу студенток в библиотечные кущи для подлого грехопадения.

* * *

В это время инквизиторам уже принесли мясо и горшочек репы в желтой сырной шапке. Магистр Эремон брал сочные куски мяса за косточку, макал в подливу и, запивая глотком вина, улыбался все шире.

Ласар смотрел на репу так, будто она была магом-убийцей. Он не мог понять, как учитель может сохранять аппетит, когда они даже с

ректором не поговорили, не говоря уже о первом допросе. Учитель же расправлялся с барашком и, поймав служанку, намекнул ей, что пирог тоже стоит принести. Без него стол смотрится сиротливо.

Девушка отчего-то побледнела и бросилась на кухню. Ласар подумал, не отравить ли их решили, чтобы отвадить от университетских тайн, но вскоре девица появилась с пирогом. Тоненький хрусткий слой теста был тарелкой с бортиками, а на ней возвышался целый холм яблочной начинки, сочной, ароматной, с корицей и тонкими, нежными кляксами карамели. Такого даже учитель не ожидал, судя по тому, как восхищенно он цокнул языком.

Университетская кухня надолго сохранила позорную тайну этого пирога. Кухарка распереживалась, узнав, что пожаловали инквизиторы, она недавно купила склянку запрещенного приворотного зелья и опасалась наказания. Так что просто забыла положить тесто и выложила на противень одну начинку, восхитительную, но и только. Пришлось прилепнуть листом теста сверху уже почти готовую, допекать так, переворачивать на блюдо и быстро лить карамель сверху, чтобы превратить небрежность в небрежность изящную. И говорить, что так и задумано. Теперь она, замирая от ужаса, косилась на инквизиторов из-за двери кухни. Магистр как раз отправил в рот второй кусок пирога и довольно облизнул пальцы. Мало кто из тех, кому довелось побывать на допросе, испытывал такую блаженную теплую слабость во всем теле, как эта женщина, осознавшая, что гостям понравилось.

– А нам можно такой же яблочный? Совершенно особенный, – восхитилась компания студентов.

Яблочный пирог «Растяпа» становился «тем самым особенным». Так бывает.

Разговор инквизиторы предпочли провести в комнате для вступительных испытаний. Возможно, им понравились столик для зельевара и лежанка с ремнями. Впрочем, обстановка там была действительно подходящая для непродолжительных бесед о пороках и добродетелях.

Когда Брендон и Эшлин вошли, магистр Эремон уже расположился на стуле у лежанки, а Ласар, получивший строжайший наказ молчать, слушать, не перебивать и писать, потеснил склянки с зельями, устроившись с пером и чернильницей за столом. Девушка с

интересом осматривала каменные стены, уходящие вверх, защитные знаки, начертанные на лежанке, и ряды деревянных скамеек. Брендон был погружен в собственные мысли, и только напряженная борьба с горьким комом в горле не давала ему сорваться. Магистры не плачут.

– Проходите, что же вы медлите? – старший инквизитор улыбался, и «гусиные лапки» в уголках глаз делали его лицо хитрым добродушной деревенской хитростью.

– Будьте осторожнее, здесь есть сильно заряженные артефакты, – отозвался Брендон, тенью следуя за Эшлин.

– Я учился в этих стенах, наверняка вы знаете это, магистр Бирн. И хорошо помню, как видел на этом самом ложе чудесный сон про собаку.

«Только безумный назовет чудесным то, что видишь при испытании, – подумал про себя Брендон. – Интересно, как быстро этот Эремон нашел ключ от комнаты и выбрался? К нему пришла собака... сильный дар, полностью подчиненный хозяину с юности. Опасный противник».

– Садитесь, – Эремон указал на ближайшую к нему скамью в первом ряду, – с магистром Бирном мы знакомы, а вы, полагаю, дева Эшлин?

– Да, – ответила девушка.

Эремон смотрел на них и видел, что эти двое явно что-то скрывают. Вряд ли они убийцы, хотя как знать. Но простушка с рыжей косой в старомодном платье, какое могло ей достаться от прабабки, чем-то его удивляла. Чутье старого инквизитора советовало к ней присмотреться. Слишком прямым и смелым для простолюдинки был ее взгляд. Слишком ловкими для студентки-первогодки были движения – обычно начинающие маги робеют среди артефактов и зелий. А еще она почему-то время от времени сжимала руку в кулак над грудью. Будто поправляла несуществующий воротник или ловила невидимую подвеску. Привычки могут многое сказать о человеке.

– Давайте начнем с вас, чтобы вы, дорогая моя, не спрятались за слова старшего в нерушимом молчании. Расскажите, почему вы с ним вошли в дом погибшего. Что вы там увидели?

Эшлин уже восемь раз выслушала советы о том, что говорить. Важно не выдать себя. Важно рассказать все, что могло бы навести

инквизиторов на след настоящего убийцы. Не врать. Не тонуть в словах.

– Там чувствовалось что-то дурное. И дверь оказалась открыта. Мы зашли и увидели кровь и блестящие стекла. Мне показалось, что на задней стенке зеркала, на деревянных досках, остался выжженный темный след. Просто круглый.

– Что вы делали дальше, дорогая моя? Жуткое зрелище для девицы, верно?

– Смерть пугает. Даже если видел ее до того не раз.

– Вы в этой комнате не были раньше? Что-то в ней вас удивило?

– Не была. Там все было разбросано, будто после драки. И вот странное дело, господин магистр, – зачем мужчине в доме такое огромное зеркало? У него ни жены, ни дочери.

Магистр Эремон рассмеялся:

– Верно подмечено, девочка.

Ласар торопливо скрипел пером, записывая каждое слово. Его горло раздувалось, как у готовой запеть майской лягушки, – хотел что-то спросить.

Брендон вздохнул и все же вмешался.

– Финнавар любил эксперименты. Зеркала хорошо помогают работать с пространством и светом.

Инквизитор покачал головой:

– Мы дойдем с вами до этого разговора, магистр Бирн. Я хочу еще послушать девочку.

– Разве вы не достаточно услышали? Она недавно появилась в стенах Университета. Она издалека, совсем неграмотна и с трудом понимает, что вы у нее спрашиваете.

– Разве? А мне показалась вполне смышленной. Грамотность и ум – разные вещи. – Он прищурился, вглядываясь в цветочную вышивку по лифу платья Эшлин, где ветки ежевики сплетались с листьями ясеня. Он смотрел как исследователь, не как заинтересованный мужчина.

Эшлин покраснела и закусила губу, чтобы не ответить им обоим нечто грубое.

– И все же, – продолжил инквизитор, – что еще тебе бросилось в глаза, девочка? В этой комнате? Вспомню, что ты уже сказала. Кровь. Следы драки. Зеркало. Станный запах.

Ласар что-то булькнул горлом, Эремон чуть покосился на него.

– И правда, а чем именно пахло, ты не вспомнишь?

– Пахло, как после грозы. Но только ста... но здесь нет того, кому подчинилась бы молния. А еще там что-то искали. Тот, кто пришел. Хозяин комнаты, даже что-то потеряв, не будет сбрасывать вещи на пол.

– Молния, значит. А что ты хотела сказать, но смолчала, девочка? Не бойся, говори, как есть.

Эшлин обругала себя и прикрыла глаза, придумывая отговорку. Только старейшина мог бы сотворить такое заклинание. Старший воин Дин Ши. А погибший явно был человеком, и ши здесь, кроме нее, быть не может.

– Только старое зеркало не само разбилось. Вот что я хотела сказать. Запах и след на досках вместе – это значит шаровая молния. Я видела такую однажды дома. Она прошла сквозь стену.

Магистр Эремон нахмурился. Его ученик замер на мгновение, примериваясь, как записать новые сведения.

– Вот и настало ваше время, магистр Бирн. Мне интересно знать, что ученый муж скажет о неожиданном визите шаровой молнии в дом мага в день, когда не было грозы. Или девочка не права?

Брендон до того, казалось, совсем оцепеневший, встряхнул головой и постарался вернуться мысленно в ту самую комнату. Если бы найти средство отделять мысли от чувств... Но горечь снова подступала к горлу. И тут он почувствовал, как его холодные пальцы накрывает теплая ладонь. «Видимо, у этих ши вовсе нет представления о приличиях», – возмутился он, но руки не убрал. Так и вправду было почему-то спокойнее.

– Я видел выжженное темное пятно на досках, верно. Девушка, вероятно, права. Но что до остального... чтобы бросаться вот так молниями, магу нужен достаточно сильный амулет, который заряжали несколько дней. Признаюсь, обычный порох здесь куда удобнее. Но если бы в комнате стреляли из аркебузы – это было бы слышно на другом конце города. Не думаю, что Финн... что профессор Дойл что-то испытывал в жилой комнате, опасные артефакты он не стал бы выносить из башни. Подобные предметы создаются и хранятся только под защитой прочных стен, укрепленных магическим щитом. Иначе бы алхимики давно отправили нас в путешествие к небесам, – он

грустно усмехнулся и продолжил: – Финн что-то писал незадолго до смерти. Его пальцы были перепачканы чернилами, а в руке остался обрывок бумаги.

Магистр Эремон дернул носом, будто принюхивался, достал из кармана плоский каштан и принялся гонять его туда-сюда между пальцами. Он знал, что привычка вертеть что-то в руках во время умственного напряжения дурная, но тот, кто не проявляет снисходительности к своим маленьким слабостям, однажды сорвется и ослабеет до крупных проступков.

– Когда мы осматривали тело, то никаких бумаг не нашли, магистр Бирн. Как же так вышло? – голос его был таким же участливым и успокаивающим, как журчание ручья, но каштан кувырчался между пальцами все быстрее.

– Покаюсь, я не сразу вспомнил, что обрывок остался у меня в руке, а потом в сумке. Финн стал моим соседом по коллегии и другом с самого поступления. Увидеть то, что мы застали, было для меня слишком... – Брендон так и не подобрал слово. – Вот.

Он достал из поясной сумки и положил на стол обрывок в половину листа с бурыми пятнами по краю.

Магистр Эремон внимательно вглядывался в ряды косых и прямых черточек. Его ученик тоже приподнялся над зельеварскими склянками, чтобы лучше увидеть.

– Он отмечал дни до какого-то события? – удивленно спросил старший инквизитор.

– Нет, – тут же ответил Брендон, – это огам. Древний язык друидов. Финн не изучал его и уж точно не умел на нем писать. Все его знания об огаме укладывались в краткий курс истории магических учений. Во времена друидов пользовались такими знаками, но записывали что-то редко и на восковых табличках, стилусом. Или на пергаменте. Как вам известно, их традиции почти утрачены, и в Дин Эйрин друидов нет и не может быть.

– Возможно ли, что он перерисовал что-то с более древней надписи и спешил поделиться этим с другими господами из магической Коллегии? – спросил Эремон. – Ты что-то хочешь, девочка?

Эшлин тревожно ерзала на скамье. Ей очень хотелось сказать Брендону, где она видела такие знаки, но при инквизиторах было

нельзя. Брендон понял, что еще немного тревоги за возможные слова рыжей ши, сказанные из лучших побуждений, – и он сойдет с ума. Пришлось брать дело в свои руки.

– Девушка желает выйти отсюда, магистр Эремон, но стесняется попросить у вас разрешения.

Эремон взглянул на беспокойную девицу и улыбнулся.

– Что ж, пока у меня не осталось к ней вопросов, и я не стану удерживать. А вы, как вижу, разбираетесь в огаме?

– Я могу попробовать прочесть. Но придется повозиться, я не владею этим языком в совершенстве.

– Тогда завтра мы встретимся с вами в библиотеке, где точно никто не помешает вашей работе. А то еще немного – и пойдет слух, что я пытаю девиц, не пуская их до ветру.

Эшлин возмущенно фыркнула, но теперь уже Брендон крепко сжал ее руку, поклонился инквизитору и быстро вышел из комнаты, утаскивая ученицу за собой. Она хотела было возмутиться, но увидела, что Брендон еле держится, и решила промолчать.

– Идем. Сейчас уже так поздно, что никто не возьмется поселить тебя в женскую коллегию. Придется провести еще одну ночь под моей крышей.

– Надеюсь, здесь у тебя нет топора? – улыбнулась Эшлин.

– Нет. И я жалею об этом, – отозвался Брендон, медленно направляясь к дому.

Эшлин какое-то время молчала, но эта мысль слишком беспокоила ее. Брендон зажег фонарь от факела, горевшего на стене, и тот покачивался в его руке, освещая маленький кусочек дорожки. Пока беседовали с инквизиторами, успело стемнеть. Университет погрузился в тишину, только от мужской коллегии изредка доносились счастливые вопли, а в «Королевском лососе» пели хором балладу.

– Я все думаю... вдруг профессор Дойл нашел что-то о Брандана. Такие же знаки он чертил на своих табличках, которые захватил в наш мир.

Брендон резко остановился и повернулся к ней. Подсвеченное снизу фонарем, его лицо приобрело странное выражение.

– Убить человека из-за чьих-то записок четырехсотлетней давности? Глупость. Я не могу и представить, кто мог хотеть Финну

зла, но полагаю, что скоро мы узнаем намного более простое объяснение. Но думать об этом мы не станем. До завтра.

Он собирался уступить свою кровать ши и наконец приложиться к успокоительной бутылке. Не думать. Жаль, что не существует заклинания, убивающего мысли.

Глава 6

Новые знакомства. Старые знакомства

Утром почти не сомкнувший глаз Брендон отвел девушку к коллегии, проследил, чтобы ее внесли в списки, и отправился на собрание у ректора.

– Смотрите, девицы, новенькая идет! – нарочито громкий шепот раздался откуда-то сверху. – Какое милое платье, взгляните, моя госпожа, – словно из сундука прабабушки нашей скотницы!

Эшлин не знала, почему платье из сундука, где хранятся старинные вещи семьи, чем-то плохо, – напротив, в ее роду это было бы большой честью, и даже полюбоваться теми расшитыми платьями Ройсин, что достались ей от матери ее матери, дозволялось не всегда. Но голосок звучал зло. Как серебряный колокольчик с чуть заметной фальшью – звон с привизгом.

– Помолчи, Эния. Если бы ты открывала рот только для песен, ты больше нравилась бы юношам и меньше злилась, – другой голос.

– Ты просто завидуешь мне, Кхира-простушка!

– Я просто сейчас пролью краску, Эния-злыдня!

– Новенькая, иди к нам! – третий голос, разом перекрывший остальных. – Эния, помолчи, будь добра.

Эшлин подняла голову. Девушки в одних белых рубашках и с распущенными волосами сидели на плоской крыше коллегии. Самая хорошенькая и заносчивая на подушке, в соломенной шляпе без тульи, ее длинные волосы цвета каштановой древесины были разложены по полям шляпы. Еще две девушки смазывали их сладко пахнущим даже издали густым настоем. Четвертая, высокая и крупная, с некрасивым длинным и резким лицом, подошла к краю, глядя на Эшлин.

– Поднимешься? Лестница с другой стороны.

Это ее голос привык приказывать.

Эшлин не понадобилась лестница. Увитый диким виноградом резной угол домика сам по себе был лестницей. Она забралась наверх, не оборвав ни одной гибкой ветви, и лишь у самой крыши приняла руку высокой – просто потому, что на дружеский жест отвечают дружеским. Как и наоборот.

– Ничего себе, – восхитилась девушка. Эшлин макушкой лишь чуть возвышалась над ее плечом. – Ты прямо белка. Я Эпона Горманстон. Вон там, под шляпой, Эния Магуайр, моя компаньонка.

Эния чуть поморщилась на солнце, а Эшлин просто не поняла слово.

– Справа от нее Кхира Смола из замка Баллиоль, – загорелая кудрявая девчонка помахала Эшлин и улыбнулась. – А слева Мавис Десмонд. Она была ученицей профессора Дойла – его убили, ты знаешь.

– Мы зовем ее Овечкой, – заметила Эния, – потому что она как овечка. Увидишь еще.

Полноватая девушка с косой смотрела вниз, но все же быстро поймала взгляд Эшлин и продолжила смазывать волосы Энии красноватым настоем.

– Она стесняется, – пояснила Эпона. – Привыкнет. Садись, новенькая, скажи, как называть тебя, и подели с нами угощение.

– Мавис пекла сконы и варенье – она печет его в горшочке, а не варит, как все, и выходит ароматнее, – пояснила Кхира. – Мавис готовит вкуснее, чем в «Королевском лососе».

Мавис чуть-чуть улыбнулась и продолжала свое занятие. Эшлин села на горку сложенных подушек – перед ними на вышитом полотенце стояло блюдо с порезанными уже на четверти толстыми лепешками-сконами, горшочек варенья, из которого пахло яблоками, сливами и клюквой, кувшин с чем-то прохладным.

– Оранжад, – заметила Кхира ее взгляд. – Тут есть теплица с настоящими апельсиновыми деревьями, видела? Покажу потом. Ну, так как тебя звать?

Эшлин глубоко вздохнула. Нужно было сказать о себе правду, не говоря о себе правды.

– Меня зовут Эшлин, прозвище моей семьи Ежевика. Я приехала издалека, место, где мы живем, далеко от больших поселений, и его название не будет вам знакомо. Я раньше никогда не видела столько людей сразу.

Кхира кивнула:

– Мы уж так и подумали – что ты из деревни. Ничего, моя матушка тоже. Родители твои живы? Братья, сестры? Может, жених там ждет?

Она засмеялась. Эшлин хотела ответить и поняла, что на глаза наворачиваются слезы. Увидит ли она еще родителей? А брата? А Брадан стал Бренденом и...

– Захочет – расскажет, – заметила Эпона.

Кхира бросила свое занятие, подседа к Эшлин и обняла за плечи.

– Прости, я всегда много болтаю.

– А жениха и нового найти можно, – голосок Энии прозвенел колокольчиком в очередной раз. – Говорят, тебя, Ежевичка, уже видели гуляющей в саду с чужим женихом. С Эдвардом Баллиодем. Губа у тебя не дура, он целый граф, родня королю и сговорен с моей госпожой... ай, чертова Овца!

Рука Мавис вроде как дрогнула, и щедрая полоса красного настоя оказалась на тонкой белой рубашке Энии.

– Извини, – почти прошептала она.

– А чем вы ее мажете и зачем? – спросила Эшлин, и вдруг ком из горла ушел, и ей стало легко. Кхира налила ей оранжада – холодного, кисло-сладкого, очень свежего питья. Скон оказался вкусный и пышный.

– Красим. На этой крыше удобно красить волосы – солнце хорошо падает, – пояснила Эпона. – Я не крашу. Мне нравится просто сидеть.

Кхира вернулась и в несколько движений нанесла весь настой на волосы обиженной Энии. Та подняла голову, жмурясь на солнце.

– Это красное вино, еще хенна, такие листья, нас научила Феруза Аль-Хорезми, жена профессора медицины. Еще свежее яйцо, оливковое масло и немного меда. Получается очень красивый оттенок на солнце. У тебя тоже красивые волосы. Научишь ухаживать?

Она тряхнула своими кудряшками, жесткими и непослушными даже на вид.

– Научу, – улыбнулась Эшлин.

– А насчет Эдварда, – усмехнулась Эпона, – если у него появится другая невеста, я с ней на радостях посестрюсь. И подарок им на свадьбу сделаю. Так что не переживай за меня, Эния.

* * *

В это время Брендон входил в зал, где уже стоял тревожный гул преподавательских голосов. Взбудораженные трагедией маги Университета ждали ректора, бурно обсуждая события. Его тут же заметил Риан и махнул рукой, предлагая занять место на скамье рядом. Кафедра в глубине зала пока пустовала. Лучи солнца тянулись сквозь витражи такими ровными цветными полосами, что казалось, будто кто-то натянул под потолком ленты.

– Друг мой! Вам бы сейчас отвара пустырника и спокойный вечер за книгой, – вздохнул Риан, постукивая тростью по полу.

– Помилуйте, если после вчерашнего я хоть что-нибудь выпью, то взорвусь, как зелье первокурсника, – проворчал Брендон, садясь рядом.

– Инквизиторы неторопливы, но я верю, что Эремон вытрясет здесь душу из каждого, но найдет виновного, – Риан осторожно прикоснулся к плечу. Старый алхимик не слишком умел утешать, подтрунивать ему было привычнее. Но сейчас он был как никогда серьезен.

– Я сам вытрясу душу из каждого, – отозвался Брендон. Его глаза отражали желание начать с ближайших соседей по скамье.

– Надеюсь, что все души в ближайшее время останутся при хозяевах. В такие моменты я жалею, что легенда о воскрешающем философском камне лишь легенда. Алхимики чаще травятся, чем продлевают жизнь.

– Пока что ты один из старожиллов Университета. Пропитался ядами так, что на тебя не действует даже собственный?

Риан улыбнулся, опершись на трость обеими руками.

– Рад слышать, что духом ты явно пал не так низко, как я боялся. Сегодня...

Он не успел договорить. Тяжелая входная дверь грохнула, и по центральному проходу широким шагом пронесся Горт Галлахер. Его лицо было хмурым, а в руках он держал какой-то свиток.

– Господа, – начал он, едва долетев до кафедры, – наш Университет – это не просто стены, а братство. И вчера кто-то вероломно вторгся в наш чертог разума и совершил ужасное деяние. Финнавар Дойл был одним из умнейших и сильнейших магов из тех, кого я знаю. Его изобретения – это настоящее волшебство, многим облегчающее жизнь. Вчера в Университет прибыли инквизиторы,

чтобы помочь нам узнать того, кто виновен в смерти Финнавара Дойла. Я прошу оказывать им всяческое содействие и отвечать на все вопросы, даже те, что покажутся вам странными. Это не диспут и соревнование в остроумии, которое мы так любим, а расследование, где самая мелкая деталь может стать ниточкой к правде. Мы еще очень мало знаем о произошедшем, но есть то, что я не могу от вас утаить. Это может быть опасно для всех без исключения.

И тут ректор сказал такое, что Брендон почувствовал, как сердце пропустило удар.

* * *

Эшлин этого не слышала, так что спокойно ела скон и рассматривала девушек.

Эпоне мысленно дорисовывалось в руку копье. Дева-воительница. Рябина и вереск – вот был бы ее паттеран. Маленький кружевной Эдвард рядом с ней казался забавным. Хотя... как знать.

Кхире пошли бы ключи на поясе. Ее паттеран – ольха и бессмертник. Семья и покровительство. Хранительница очага.

Энии... ее имя означало «поющая ши». Ей подошли бы мелькающие серебряные ленты танцовщицы-меж-мирами из семьи Саил, Ивы, рода Березы. Гибкие, подлунные, опасные. Ива открывает дорогу мертвым в мир живых...

Эшлин тряхнула головой. И мысленно дорисовала паттеран Энии – ивовая ветвь и жасмин, красота-из-тени.

А Мавис... она никак не могла толком рассмотреть Мавис. Полнотелость всегда считалась женской наполненностью, благословением – признанные красавицы семьи Куэрт, Яблони, могли бы похвастаться вот этой налитой крепостью яблока или свежего хлеба. Полнотелость Мавис была другой. И мышиный цвет ее косы. И взгляд. Она пряталась в своем теле, в своем бесцветье, в своем молчании.

Эния подседа ближе к угощению, поднесла Эпоне оранжад, налила себе, ловкая даже в огромной шляпе. Запела:

Энни пела, зерно меля,
И разбудила она короля,
Слугам король вопрос задает:
«Что за птичка так дивно поет?»
«Это Энни поет во дворе
Слаще, чем соловей на заре».
Король слугу за певицей шлет:
«Пусть же она быстрее идет».

Пела Эния вправду не хуже птицы. Эшлин слушала перипетии объяснения остроумной служанки с королем и не могла отделаться от предчувствия. В предчувствии была открытая дверь меж мирами, и песня для того, кто назвал себя самым главным – король, да? – и...

Поет она песню, поет она две —
Затанцевали и щепки в траве,
Поет она три, четыре и пять —
Весь двор королевский пошел танцевать.
Поет она шесть, поет она семь —
Король с ней танцует на зависть всем.
Ее повернул он к себе лицом
И одарил золотым кольцом.
Ныне Энни обручена,
Королевой станет она.
Ныне Энни обручена —
Так чудесно пела она.

Эния оборвала последний повтор, выслушала похвалы, засмеялась, убежала смывать краску – Кхира и Мавис потянулись за ней помочь. Эшлин хотелось посидеть еще, глядя на солнце – оранжевое, тревожное.

– Тебя допрашивал магистр Эремон? – спросила Эпона, так и сидевшая рядом. – Он умнейший из инквизиторов нашего времени, знаешь?

– Допрашивал. Нет, я ничего о нем не знаю. У нас не бывало инквизиторов.

– Если ты правда жила в глуши, неудивительно. В такие маленькие затерянные деревни они едут, только если к ним приходят слухи о возможном самосуде над ведьмой или колдуном. Над необученным магом, в общем.

Эшлин поежилась:

– Это как?

– Значит, у вас не бывало. И хорошо. Среди таких обвиненных собственными соседями девять из десяти – не маги вообще. Просто люди с дурной славой. Или жертвы чужой зависти. Ну, еще один – правда маг. Долг инквизиции в таком случае – самосуд предотвратить, дело расследовать самим, рассудить по справедливости. Если маг невиновен или даже виновен, но совершил зло по недомыслию, потому что собственной магией плохо владеет, – его привозят сюда учиться. Я сначала подумала, что ты из таких.

Эшлин покачала головой. Реалии этого мира пугали ее. Родной был проще.

– Тебе нравятся инквизиторы, Эпона?

– Я бы хотела быть одним из них. Одной из них. Но в этом-то и дело – туда не берут женщин. Иногда бывают исключения, очень редкие, особым королевским указом.

Эпона говорила вдохновенно и сейчас была очень красивой.

У ши женщины-воительницы тоже были редки. Филиды говорили, что жизнь либо отбирается, либо создается, и та женщина, что убивает, не сможет выносить дитя. Детей в семьях ши и без того было немного, поэтому такой судьбы боялись. Но среди героев битв на холодных и острых фоморских скалах помнили Рианнон Бесстрашную из семьи Льис, Рябины, и Маруну Змеиную Шкуру из семьи Руш, Бузины, и Ниссу Острый Шип из семьи Страф, Терновника. Не менее двенадцати Эшлин перечислила бы легко, в их подвиги они играли с братом. Как Рианнон бросилась со скалы в пропасть вместе с предводителем фоморов, связав его с собой зачарованной сетью. Как ушла из дома Маруна мстить за брата-близнеца Майла, одетая в его одежду и доспехи. Двенадцать фоморов убивали великого бойца Майла, шесть из них пали в том бою от его руки, пятерых отыскала его сестра, чтобы сложить их каменные сердца к ручью, чья вода навек покраснела от

крови Майла. Шестой же убил Маруну, но волосы убитой превратились в двенадцать ядовитых змей, прокусивших каменную кожу фомора, и он не ушел далеко. А Нисса Острый Шип сама сковала себе копье, разившее без промаха и пробивающее камень, и, убив этим копьем сына вождя фоморов, бросилась на копье сама, потому что любила того, кого вынуждена была убить.

«Есть гордость и честь в том, чтобы сражаться с врагом, и печь хлеб, и качать дитя, и растить деревья, и строить дома, – говорила мать. – Нет ненужного пути, нет пути без гордости и чести. Есть твой путь и не твой».

– Я думаю, ты тоже станешь таким исключением.

– Надеюсь, ты наделена предвидением хоть на толику. В любом случае спасибо, – Эпона улыбнулась.

– А что такое компаньонка?

– Ты не знаешь? Ах да... да. Это значит «спутница». Нечто выше, чем служанка, но ниже, чем я сама. Я очень знатного рода, ты поняла, наверно. Но здесь, в Университете, это не важно.

– Знатный – это древний? Или прославленный делами?

Эпона засмеялась:

– Ты попала в точку. Древний. И долженствующий прославиться делами. Но вторым нередко пренебрегают и пытаются выезжать на славных деяниях предков, если вообще не на легендах о них, – она вздохнула. – Видишь, как у нас – род древний, земли и богатства большие, но уже давно ничем не знамениты, кроме близости к королевской семье. Надежда на моего брата, Фарлея, – что он станет известным магом, королевским советником.

– А ты? – удивилась Эшлин. – Ты не станешь?

– Я стану магом в основном для того, чтобы обуздать дар и не сделать случайно дурного. Но главное – я удачно выйду замуж, и мы породнимся с Баллиолями. Странно, – она с любопытством посмотрела на Эшлин, – это, наверно, потому, что ты такая неискушенная – не обижайся – и издалека. Мне очень легко с тобой говорить о том, о чем я не говорю ни с кем. Или такая у тебя магия?

Эшлин хотела было ответить, но над ними произошла небольшая катастрофа, до смешного повторявшая недавнюю, – ветка вяза повыше пришла в движение, и с нее по стволу, цепляясь за сучья, на крышу то ли спрыгнул, то ли сполз Эдвард Баллиоль, чьи локоны залихватски

украсились листьями и немного корой. Поднимавшиеся обратно на крышу Эния с Кхирой дружно завизжали и скрестили руки на груди одинаковым, как в танце, движением.

Эпона всего лишь встала во весь свой внушительный рост и констатировала:

– Подглядывал.

И лишь тогда Эшлин вспомнила, что люди как-то очень щепетильно относятся к обнаженному телу. Так щепетильно, что даже нижние одежды порой считают чем-то недопустимым. Это рассказывал отец. Что-то о человеческой красавице, жене злого старейшины, которая по приказу мужа ехала через город верхом, «одетая» лишь в собственные распущенные волосы. И горожане поклялись не смотреть на нее, чтобы красавица избежала позора.

Для ши эта история была непонятна без объяснений и не очень понятна после объяснений. Почему, если муж приказал жене сделать нечто позорное, его род не заступился за нее? Как муж вообще может приказывать жене, ведь он не старший по отношению к ней, жена старейшины равна самому старейшине, их души – одно? И, наконец, что позорного в обнаженном теле женщины необычайной красоты?

Конечно, одежды не снимают полностью для прогулки, это чудачество. Обнаженное тело – таинство или необходимость. Таинство ритуала, любовного ложа, исцеления, рождения, благословения четырех стихий. Необходимость каждодневного купания или обливания.

А нижняя одежда – просто одежда.

– Никоим образом, – возмутился Эдвард. – Я хотел первым рассказать вам потрясающие новости. Эния, я не смотрю. Кхира, мы детьми купались вместе. Эпона...

– Переживу, – Эпона не прикрывалась и не считала это нужным. – Если ты хотел что-то рассказать, то мог сделать это сразу, а не висеть, как пьяная ворона. Говори.

Эшлин засмеялась. Кхира обиженно пробурчала что-то в духе «мало ли кто что детьми делал, мальчиком он без штанов бегал, это ж не повод». Эния откинула мокрые волосы и укуталась ими, став еще красивее.

– Ну ладно. Считайте, что я не слышал про ворону и потому не обиделся. Знаете, кто убил профессора Дойла? В Университет

пробрались ши! Настоящие ши!

Хорошо, что Эшлин уже доела, – могла бы и подавиться. С лестницы высунулась Мавис в платье поверх рубашки, видимо, услышала голос Эдварда. Заморгала и отвела взгляд.

– Почему ши? – удивилась Кхира. – Ты же помнишь, как матушка говорит – ши приходят в Самайн, они воруют детей и красивых женщин, а мужчин убивают и по частям развешивают по деревьям. Но тут никто никого не развешивал. И сейчас не Самайн.

Мавис смотрела куда-то вниз еще тщательнее. Эшлин пыталась хоть что-то понять:

– Зачем они это делают? Почему детей? Это... ну глупость какая-то.

Однажды они с Мэдью принесли домой потерявшегося человеческого ребенка – был Имболк, Врата открылись. Малыш замерз и плакал. Ройсин усадила маленького найденыша ближе к огню, дала ему медовых леденцов и горячего яблочного сока, Каллен сделал подвеску с колокольчиками, чтобы малыш тянулся ручками, но самым первым делом сообщили старейшине и филидам. Дитя вернули с рук на руки перепуганным родителям в тот же день, благословив семью, а Мэдью и Эшлин похвалили за то, что они не бросили его, но поругали за то, что не пошли по следам и не вернули сразу. «Птенца верни в гнездо, лисенка в нору, человека к дыму и хлебу, – объясняла Ройсин. – Каждому свое место». А потом улыбнулась и добавила: «Теперь у людей будет одним песнетворцем больше. Он ел наш мед, он будет петь, как птица, и пересыпать слова, как орехи в ладони».

– А ректор считает по-другому. И он, уж прости, знает больше, чем Лизелотта! – Эдвард заглушил изумление Эшлин. – Он говорит, что ши притихают только зимой, потому что спят в холмах, а если кого из них разбудить, так это страшно, как шатуна встретить. А сейчас они готовятся к Дикой Охоте и совершают разные ужасные вещи. До Самайна не так и долго.

– Если это правда, – проговорила Эпона, – хорошо, что здесь инквизиция. Ши – хищники. Возвращаются по кровавому следу.

– Да откуда вы это взяли? – закричала Эшлин. – У меня дома про ши говорили только хорошее. Какие дети, зачем им чужие дети, они своих рожают. Какие женщины, зачем?! Ну бывали дети смешанной крови, но...

Она испытала невероятное желание зажать себе рот обеими руками, потому что теперь все смотрели на нее.

– Эшлин, – Мавис так и смотрела вниз. – Мою маму украли ши прямо со свадьбы. Дикая Охота. И потом родилась я. Вот. Мама... она не врет.

У Эшлин родилось около ста вопросов разом, но Мавис закрыла себе рот рукой и убежала.

– Сказать по правде, – тихо заметила Эния, – мама-то может и врать. Мало ли кому она приглянулась. Но Овечка в это крепко верит. Пойду успокаивать, моя очередь.

– Наша Эния больше похожа на дочку ши, чем Мавис, это-то правда, – добавила Кхира. – Только мама Овечки не врет. Многие помнят ту свадьбу лорда Десмонда, на которую напала Дикая Охота. И когда Агнес Десмонд вернулась, ее волосы были совсем белые, и она не помнила свое имя. Лорд Десмонд признал Мавис, но – сама понимаешь, Эшлин...

Эшлин ничего не понимала. Все говорили так уверенно. Говорили то, чего быть не могло. И продолжали говорить.

Про украденных детей. Про убитых ради забавы. Про вмороженных в лед и развешанных по деревьям. Про сожженные дома. Про кровавые полосы на лицах ши.

Ши?!

– Давайте сворачивать, – распорядилась Эпона. – Эшлин такого раньше не слышала, а вы вон все подробности вывалили – одна другой хуже. Баллиолю уже зеленый весь.

Эдвард энергично запротестовал. И понесся рассказывать, как дурацкий комендант даже не выслушал их с Аоданом, объяснявших, что воды на профессора Тао вылилось всего полведра, значит, и порка должна быть половинной. За полведра-то. За полведра!

– Эдвард Полведра, да замолчи уже! – воскликнула Кхира. – Где новенькая наша?

Так граф Баллиолю стал Эдвардом Полведра.

* * *

Эшлин ушла с крыши легко и тихо – так, как пришла.

Она брела по тропинке от коллегии к библиотеке и не заметила, как свернула в сторону. Многие дома людей казались ей одинаковыми, и среди них она легко могла заблудиться. По крайней мере, мужскую коллегию от женской можно было отличить по цветам. Возле женской цвели гортензии, а возле мужской тянулся вдоль фасада шиповник. Наверное, с намеком на то, что вылезать ночью в окна себе дороже.

Вспоминать то, чего она наслушалась, не хотелось. Не вспоминать было невозможно.

Она очнулась, когда почувствовала на себе внимательный взгляд, подняла голову и окаменела. На другой стороне ручья с рыжей от железа водой, который, извиваясь, стремился от источника к озерцу в глубине парка, стоял бывший старейшина рода Ежевики.

Горт Проклятый смотрел на нее и знакомым жестом сжимал в ладони висящий на шее Кристалл. Эшлин забыла, как дышать, только хватала воздух приоткрытым ртом, как выброшенный на берег карась.

Горт наклонился и сорвал с клумбы два цветка. Вербейник и кошачья лапка. «Подойди ко мне по доброй воле. Иначе пожалеешь». Кажется, истории Эшлин-от-которой-одни-неприятности скоро придет конец. И совсем не тот, на который ши рассчитывала. Бежать бесполезно.

Эшлин зажмурилась, выдохнула, открыла глаза и шагнула навстречу проклятому родственнику прямо в ручей.

Глава 7

Только мертвые не лгут

Эшлин шла к ректорскому дому и смотрела, как в нелепые для аккуратного университетского сада заросли тростника заплывает утка. Ей очень не хотелось встретить сейчас Брендона. Ей очень хотелось, чтобы он спас ее от того, что ожидает за дверью. Она была уверена, что как только дверь захлопнется, Горт убьет ее и спрячет тело куда подальше, но шла за ним, как привязанная. Потому что слишком хорошо знала, на что способен старейшина Дин Ши. Наверное, так чувствует себя тот, кто следует за палачом к месту казни.

Правда, все еще оставалась призрачная надежда, что ши без Кристалла не будет Горту интересна. Ну вдруг? Надежда казалась сомнительной, но другой не было.

Когда дверь за ее спиной захлопнулась, Эшлин оказалась в неожиданно светлой и почти пустой комнате. Стол у окна, два тяжелых резных стула у камина, книжная полка из темного дерева, огромный кованый сундук у стены – и все. Горт, похожий на хищную птицу, молча смотрел на девушку несколько мгновений, и вдруг лицо его озарила улыбка настолько теплая, что Эшлин испугалась окончательно.

– Сложно представить, как я рад видеть тебя здесь, дитя Ежевики. В этом мире так тяжело чувствовать себя единственным, кто слышит его дыхание.

В следующий момент они одинаковым жестом потянулись правой рукой к груди. Только Горт сжал в ладони чуть светящийся синим Кристалл в оправе из серебряных листьев плюща, а пальцы Эшлин сомкнулись в пустоте. Его Кристалл мерцал, выдавая беспокойство. Но что это? Изумление или все же тщательно скрываемая ярость? На этот вопрос не было ответа.

– Надеюсь, ты оказалась здесь добровольно, а не стала еще одной жертвой вероломства Гьетала? – Горт указал на один из стульев у камина, предлагая сесть. Его голос был заботливым. Как у отца.

– О чем ты? Старейшина Гьетал справедлив и добр! – Эшлин подошла к камину и вздрогнула, когда увидела, как легко вспыхнул в

нем огонь от одного прикосновения. Отблески пламени делали черты лица Горта острыми. Он все еще улыбался, но глаза его оставались холодными.

– Об этом позже. В любом случае твои ноги промокли, их надо согреть. Эшлин, дочь Каллена, верно? Пока я кое-что тебе расскажу. Ты ведь слышала лишь о том, что мое сердце – как фоморская скала, а душа темнее торфяной топи?

Эшлин нерешительно застыла у кресла, будто оно могло пленить ее, но ответила напрямую. Здесь не спасла бы любезность.

– Я слышала о смерти Уны из рода Березы. Она обвинила тебя на совете старейшин, а через день ее Кристалл был разбит.

Горт поднял кочергу и подоткнул поленья подальше от решетки.

– Садись, Эшлин. Если ты боишься, что я убью тебя, то мне не составит труда это сделать, даже если ты зависнешь в воздухе. А говорить лучше сидя и в тепле.

Он говорил быстро, и в его голосе Эшлин чудился тревожный шелест осиновой листвы. В осиновой роще легко подкрасться, шорох шагов не слышен за мягким трепетом. В большом разговоре легко спрятать правду, она будет лишь еще одной парой слов.

Как поверить, что Горт, имя которого успело стать ругательством, стоит здесь. И до него можно дотронуться рукой. И говорит с ней вместо того, чтобы убивать. Это все равно что встретить поющую скалу на берегу фоморского моря.

Горт уселся в кресло напротив, но смотрел он не на Эшлин, а в огонь. Наверное, научился этой страсти к саламандрам от людей. Время от времени он поигрывал током воздуха, направляя к огню легкий сквознячок. Пламя от этого дрожало, то притухая, то снова показываясь из-за поленьев. Что ж, перед Эшлин ему незачем было скрывать свои возможности.

– Уна, – поток воздуха получился таким мощным, что огонь разгорелся еще сильнее. – Гьетал обещал обменяться с ней Кристаллами на середину лета. Наша история на троих о любви и предательстве, достойная баллады, но я не бард. Мне досталась судьба жить в изгнании и дарить людям крупички наших знаний. Они так любопытны... но мало знают о своем мире и почти ничего о других. Я не надеюсь, что ты поверишь мне, – горькая нотка слышалась в таком же ровном, высокомерном тоне, – но здесь как старейшина

Университета, который теперь можно назвать моим родом, я хочу защитить тебя. Как память о доме, которая так глубоко укоренилась, что выкорчевать ее невозможно.

– Защитить? Поэтому ты сказал, что человека по имени Финнавар Дойл убили ши?! Но нас здесь всего двое. И я его не убивала. – Эшлин понимала, что боится, а когда она боялась, то ее пробирала злость. Кто-то из рода прекрасен и нежен, как цветок, а другой уродился колючим. Исколешься, пока обломаешь...

– А ты дерзкая, дочь Ежевики, – усмехнулся Горт. – Но если здесь оказалась ты, что помешает прибыть еще кому-то? Врата были закрыты, но почему... эта тайна не поддалась мне и за четырехста лет. Лучше я скажу невероятную ложь, чем инквизиторы начнут рьяно проверять всех в Университете и вытрясут из кого-нибудь душу вместе с признанием. Меня им не раскрыть. А о тебе я не знал. И даже предположить не мог.

– Ты слышал, что говорят здесь о ши? Какие-то ужасы!

– Объясню, но в другой раз. Сейчас не время и этого разговора.

Горт тяжело вздохнул и опустил голову, разглядывая сапоги, к которым прилипли листья из сада. Его черные волосы из-за седины выглядели темно-серыми, будто кто-то почистил очаг и выбросил на снег ведро сажи. Эшлин поняла, что мучило ее все это время. В этой полупустой комнате нет живого. Ни венка, ни паттерана, ни раскрытой книги, ни брошенной на стул накидки. Идеальный порядок.

– Ты ведь ученица магистра Бирна?

– Да, – Эшлин очень хотелось забраться в кресло с ногами и обхватить руками колени, но так с опасными родственниками не разговаривают.

– Проследи, чтобы он не увлекался идеями Дойла. Эта давняя глупость довела до беды. Не хочу, чтобы то же самое случилось с Бренденом Бирном, иначе здесь останутся преподавать лишь старики и пустозвоны.

– Но ты же сказал, что Дойла убил ши!

– Его убил бред, который он нес в последнее время. Каждый, кто посмел посягнуть на тайны времени, сходит с ума рано или поздно.

– Но не сам же он...

– Ох, девочка, – Горт откинулся на спинку кресла, и пальцы его поглаживали подлокотник, будто трепали по холке собаку, – бывает,

что люди видят в зеркале чудовище и не понимают, что это результат их игры с реальностью. У кого-то это происходит из-за магии, у кого-то из-за браги. Любопытные, рискованные и очень хрупкие существа.

– Но почему ты не сказал инквизиторам, что он мог сам убить себя?

– Это слишком непохоже на правду, чтобы они поверили. А если бы и поверили... Университет для меня теперь все равно что род, я говорил. А ты знаешь, что если некая правда так вредна для чести, что лучше не поднимать ее на поверхность, то она осядет гнилым пятном на душе старейшины. Так поступил со мной Гьетал.

Эшлин нахмурилась.

– Он тебя оболгал? Зачем?

– Чтобы оправдать дочь старейшины рода Березы, ту, которая была ему близка. И скрыть то, как Уна отомстила мне за отказ разделить с ней летнюю ночь.

– Это все из-за... любви? Уна любила тебя, а не его?

– Да, красота может скрывать яд, любовь обращаться ненавистью. Вспомни, как цветет волчья ягода. Я не хотел быть с ней и предать таким образом друга – она оклеветала меня на совете. Кто убил ее – мне неизвестно. Может, она и сама это сделала, запутавшись окончательно.

– А еще говорили, что это я в этом мире никому не принесу счастья.

– Девочка, судьба – это не приговор, а направление. Уна сделала то, что сделала, и принесла раздор и обман, но ты можешь выбрать другую дорогу. И я готов помочь тебе в этом как старший. Но я до сих пор так и не узнал, что привело тебя к людям.

– Здесь пропал мой Кристалл, – честно ответила Эшлин.

Лицо Горты вытянулось от непритворного удивления.

– Как?

– Довольно глупо. А теперь здесь прошло четыреста лет, и я не могу его найти. Его забрал один друид...

Горту понадобилось несколько мгновений, чтобы побороть чувства и снова обрести дар речи. Слова его были чуть глуше обычного.

– У нас большая библиотека, дитя. Хорошо, что ты попала в Университет, такие артефакты, как душа ши, не пропадают бесследно.

А магистр Бирн поможет тебе... надеюсь, он не знает о том, кто ты?

Эшлин смотрела ему в глаза, и ей становилось трудно дышать, будто плющ обвивает, стискивая со всех сторон.

– Нет.

А не так уж и сложно оказалось соврать старейшине после года домашней лжи. Как говорится, начнешь плести паутину, очнешься пауком. В каждом из нас есть темное зерно, которое может прорасти, как грибница в стволе дерева. Смотришь, оно еще зеленое с виду, а нутро уже рыхлое, гнилое. Но лучше быть паучихой, чем увидеть Брендона в крови под осколками зеркала. Если все же Гарту верить нельзя.

Что из того, о чем говорит Горт Проклятый, правда? Об этом бесполезно спрашивать человеческие книги. Придется самой решать – верить или нет. И от этого голова напоминала изнутри заросли малины, по которым с топотом несется медведь.

* * *

А в это время магистр Эремон со своим учеником не спеша двигался к леднику, где оставили тело погибшего преподавателя. Слуга, который указывал инквизиторам дорогу, трещал без умолку, будто кто-то сообщил ему, что за каждую университетскую сплетню заплатят золотом. Уже перед самой дверью провожатый остановился и, выдержав паузу, заявил, что покойный еще при жизни любил полежать в гробу, но зачем – лучше спросить у господ, они тут все странные.

Когда пахнуло холодом и пока еще легким запахом смерти, слуга резко замолчал, передал магистру Эремону фонарь и откланялся. Что ж, суеверия – безмерно живучая штука. Даже там, где, казалось бы, полно ученых людей. Весь опыт старого инквизитора говорил, что бояться надо живых, а не мертвых. Если только ты не полаялся с некромантом на кладбище. Правда, с Эремоном случалось и такое. Пострадал в основном некромант.

Магистр Эремон не любил, когда магию обращали во зло. Он вообще зло не жаловал.

Каменный полукруглый свод был совсем близко, подними руку с фонарем – и заденешь потолок. У дальней стены, среди бочек и

ледяных глыб, от которых распространялось мертвенное голубое свечение, стоял продолговатый ящик. Маги пользовались артефактом, который не давал льду таять, что бы там снаружи ни происходило. Его регулярно заряжали проштрафившиеся студенты.

Эремон подошел к ящику и поставил фонарь на ближайшую бочку. Здесь, пожалуй, хватило бы света для осмотра, но покойника этот лед делал откровенно синим. Финнавар Дойл, лишенный одежды, лежал на ровном ряду прямоугольных ледяных глыб, укрытый белым льняным покрывалом, под которым угадывались очертания тела.

– Что ж, мой друг, – сказал Эремон, обращаясь к ученику, – так как безвозвратно испортить беседу с покойным сложно, я вновь готов услышать твой голос. Скажи мне, бросив свежий взгляд на тело, как и отчего умер этот человек.

Ласар шумно выдохнул и, сделав широкий шаг, откинул в сторону покрывало. Сейчас он не спешил – смерть требовала тишины и уважения, этому инквизиторов учили сразу. «Будь со смертью вежлив, и она откроет свои тайны», – это изречение было выбито над дверью «зала мертвых», где учили постигать причину смерти. В этом искусстве Ласар был намного лучше, чем в допросном.

Эремон видел, как шевелятся губы ученика, произносящего неслышно начальную формулу: «Прости меня, ушедший, я тревожу твой покой не ради праздного любопытства, не ради преступного воровства, не ради пустой похвальбы, но ради справедливого рассуждения». Хорошие слова, чтобы настроиться.

Руки Ласара легли на тело, чуть повернули его. За брезгливость учеников выгоняли как неспособных вести расследования. Ласар не был брезглив.

– Пятна смерти еще исчезают при надавливании пальцами... через сорок дыханий возвращаются... значит, профессор Дойл мертв более двух часов, но менее четырнадцати, ближе к четырнадцати. Но при этом они крупны и яркие, значит, смерть его была весьма быстрой, почти мгновенной. Так... древесный глаз... губы сухи... окоченение согнуло руки и ноги... я позволил бы сказать, что во времени смерти нам ни словом не солгали.

Эремон кивнул одобрительно.

– Лицо хранит выражение больше гнева, нежели страха. Он с кем-то ссорился или узнал нечто неприемлемое. Следов драки же нет.

Множество порезов недлинных, притом глубоких... они кровоточили обильно и недолго... нанесены едва ли не одновременно со смертью, точнее, чуть до нее. В некоторых из них осколки зеркала... часть ран не кровоточила – они были нанесены мертвому... зеркало как бы сползло из рамы на упавшего. На груди чуть правее сердца багрово-черное пятно ожога, крупное, шириной более моей ладони, вокруг него ломаные алые линии. На спине... да, еще одно багровое пятно, еще шире, и это не пятно смерти. Должен ли я взять ланцет и провести более глубокий осмотр, раскрыв тело?

Эремон покачал головой:

– Просто скажи свой вывод, и я перепроверю его.

– Финнавар Дойл убит молнией, прошедшей тело не сверху вниз, как было в деле молочницы Катрионы, а спереди назад.

– Но Катриону убила бушевавшая в тот день гроза. Не оговори соседи ее невестку – нас с тобой там и не случилось бы. А вот профессора Дойла убило нечто другое. Кстати, ты совершенно прав. Осмотр был прямо-таки хорош.

Ласар просиял.

– Поэтому дальше поупражняешься в допросном деле. Нет смысла учиться тому, в чем и без того хорош. А допросы понадобятся. Нам здесь будут лгать, Ласар. И лгать умело.

Торжественное выступление ректора на собрании магистра Эремона неприятно удивило. Когда взволнованные жители деревни падают в ноги и клянутся, что сами видели, как на Билли-пьяницу сбросил кирпич гремлин, это можно понять, тем более если свидетели пили вместе с покойным. Но если почтенный человек, глава Университета, сваливает вину на легендарных тварей, дело начинает пахнуть, как забытый на солнцепеке кусок мяса. Для инквизитора это означало – помощи от ректора не жди, а сопротивляться расследованию в этих стенах будет каждый камень. Впрочем, камни легко раскалывать, в отличие от людей. У них нет уверенности в собственной правоте, только прочность, подаренная природой. А уверенность может самого слабого человека сделать сильным. Как магическая энергия, которая наполняет предмет, превращая его из безделушки в артефакт.

– А если и вправду ши? – в голосе Ласара был не ужас, а восторженный интерес.

– Я не верю в ши. И тебе не советую. Увижу своими глазами – что ж, я готов изменить свое мнение, раз уж появились новые знания. Но знания, а не сказки.

– Но разве вы не слышали, как ши воруют детей и красивых девиц, жестоко убивают на Самайн тех, кто попался на пути Дикой Охоты?

– Слышал, поверь, во всех подробностях. И нигде не видел доказательств. Дети любопытны, проворны и беззащитны. Они теряются, падают в заброшенные колодцы, тонут в реках, становятся жертвами похитителей и перекупщиков – а виноваты, разумеется, ши. Красивые девушки находят себе знатных покровителей и забывают о женихах из крестьян или горожан. Или попадают в руки тех же перекупщиков, оказываясь в веселых домах и на кораблях, идущих на Восток, где ценятся светлые волосы и белая кожа. А виноваты снова ши. Разбойники малюют себе узоры на лицах, чтобы быть страшнее, а узнать их стало труднее, и держат в страхе простых людей. По этим ши плачет королевское правосудие, каторга и веревка, Ласар. Самое простое объяснение всегда самое верное.

– Значит?

– Значит, поговорим с Мавис Десмонд, ученицей покойного Дойла. Может, она знает, за что могли убить ее учителя. Или убила его сама. Ты видел ее? В ней пополам страха и ярости.

Даже беглый взгляд на Мавис, тихую, серую и весьма мрачную девицу, действительно наводил на тревожные мысли. Эремон решил, что за этой точно стоит понаблюдать со стороны. Не отвлекаясь на слова. Поэтому решил использовать ретивого ученика как таран. Даже если Ласар не сломает ворота этой крепости, уже в том, как они затрещат, окажутся ответы на несколько очень важных вопросов.

Устроившись на скамье у ручья, магистр достал пирожок с капустой, припрятанный с завтрака на такой трудный случай, откусил поджаристый кусочек и начал издали. Угощать ученика было, как всегда, бесполезно.

– Друг мой, ты отлично справился, беседуя с мертвым, теперь снова попробуем потренироваться на живых.

– Но, магистр-инквизитор... – Ласар аж подпрыгнул от такого вступления, но тут же приземлился обратно на скамью, так как Эремон бесцеремонно дернул его за плащ.

– Не перебивай. Когда мы вернемся, придется тебе выучить труд Марка Аврелия. Пусть в такие моменты, когда хочется бежать впереди мысли и старших, в голове всплывает мудрость стоиков. Как я уже сказал, нам предстоит беседа с девицей Десмонд. Я хочу, чтобы ее провел ты.

Брови Ласара изобразили какой-то замысловатый танец, но он уже давно знал, что, прежде чем ему дадут хоть крупицу воли, придется выслушать кучу советов.

– Ты найдешь девицу сам и попросишь ее прийти в «Лосося». Убедишь, а не призовешь силой. Я хочу узнать, что она скажет участливому товарищу, а не суровому представителю закона. Каждую минуту этого разговора помни одно – возможно, именно она спровадила своего учителя к вечному покою на леднике. Такие тихони часто таят внутри магию, которая им слабо подчиняется, но в момент страха, скорби или ярости вырывается наружу, и всплеск этот убивает. Иногда целые деревни.

– Тогда она попытается меня убить? – нахмурился и приосанился одновременно Ласар.

– Учись чувствовать того, с кем говоришь. Не стоит пугать подозреваемого до смерти. Особенно до своей.

Выслушав то, что ему полагалось сделать, ученик инквизитора оставил учителя наслаждаться пирожком в одиночестве и направился к женской коллегии, искренне надеясь, что входить туда и искать девицу Десмонд не придется. Ему повезло. Девушка явно шла с алхимии – в руках у нее был закопченный котелок, в волосах, криво заплетенных, застряла соломинка.

– Позвольте отвлечь вас?

Мавис вздрогнула и крепче вцепилась в котелок, словно решила закрыться им. Внимание незнакомца ей явно не нравилось.

– Так отвлекли уже, чего ж.

Прозвучало не слишком приветливо. Ласар подумал, что зря считал в детстве, что труднее всего разговорить тетю Мэйбл. Тетушка, прозванная в его семье горгульей, была по сравнению с этой девицей общительной милашкой.

– Торопитесь?

– Куда мне торопиться? Сейчас каждый к учителю идет. А кто дело профессора продолжит, я пока не знаю.

– Тогда, может быть, вы расскажете, чем он занимался? А то все, что я до этого слышал, – слишком мудреные слова. Мы с магистром Эремоном хотели бы поговорить с вами в «Королевском лососе» за кружкой чего-нибудь теплого.

Мавис шумно вздохнула, звякнув котелком, продолжая смотреть не на Ласара, а куда-то над левым его плечом. Видимо, она оценивала неизбежность допроса и смирялась с его необходимостью.

– Можно, я положу это? С алхимическим добром шутки плохи.

– Когда я учился, эти котлы запрещали даже выносить из учебного зала. Я подожду. Мне важно найти убийцу, вам ведь тоже? – Ласар добавил своему голосу юношеской горячности и простодушия. Может быть, признав в нем недалекого, равного себе... и тут его будто оса ужалила. С чего вдруг он решил, что Мавис глуповатая? Из-за того, как она говорит? Глуп тот, кто считает, что медведь неуклюжий увалень, – он просто ни разу не убежал от медведя.

Девушка переступила с ноги на ногу, потрепывая свободной рукой передник из грубого льна. Очень ценная вещь для алхимика, который не хочет однажды выйти из аудитории в одежде с художественными дырками.

– Мне бы сначала знать, останусь ли я здесь. Меня профессор Дойл взял против слова ректора. Ну я так думаю.

– Чем же вы не понравились Гарту Галлахеру?

– Нахрен его послала, – тихо ответила Мавис.

И тут Ласар чуть не прикусил язык от удивления.

– Вот вы сейчас с таким же лицом стоите, как он стоял, – в голосе Мавис впервые с начала разговора появилась живая нота. Она даже чуть улыбнулась – или показалось.

– И вы все равно остались здесь?

Мавис вздохнула, принимая полную невозможность избавиться от разговора, пока этот инквизитор не выпросит все. Возможно, при свидетелях она бы молчала. Но наедине отвечала, хоть и нехотя.

– Он нас с профессором из сна забирал. Испытание, помните? Там что-то случилось, и мы в пещере заблудились. Я же тогда не знала, что он не сон и не морок, а ректор. Когда он пришел, мне сказал, что у меня сил нет, я должна перестать ключ искать и возвращаться, – сама не знаю, что нашло. «Нахрен, – говорю, – пошел». И вдруг стены вокруг затряслись, камни стали падать, и ключ мне прямо в руки с

потолка упал. А профессор Дойл почему-то в обмороке оказался, его потом долго в себя приводили. Я, когда проснулась, думала, что меня точно не возьмут. Вот... котелок надо положить. Подождите.

Мавис, не дожидаясь ответа, проскользнула в двери женской коллегии. Ласар остался между пышных соцветий гортензии. Девушка была странная. То боялась, то шла напролом там, где обычному человеку было бы боязно. Но пока он не знал, что разжигало в толстушке этот огонь. К ней легко было относиться свысока, издалека она казалась рыхлой и робкой, но стоило вслушаться в разговор внимательнее – чувствовалось что-то еще. Внутренний огонек, слабый, мерцающий и мечтающий стать пожаром.

Вернулась Мавис уже без соломинки в волосах и едва заметно прихорошившись и причесавшись. Видимо, даже разговор с инквизитором в понимании девушки был важным светским событием.

Ласар привык, что его должность сглаживает некоторые правила приличия. Можно было привести девицу в таверну, проговорить с ней весь вечер и не желать при этом на ней жениться.

Впрочем, дойти до таверны они не успели. Над крышей «Лосося» поднимался дым, а магистр Эремон шагал навстречу, доедая кусок пирога. Интересно, если случится конец света, он так же будет шагать в вечность, на ходу заканчивая ужин?

– Рад видеть вас, но небу было угодно изменить наши планы, – Эремон склонил голову, здороваясь с Мавис, и улыбался, будто сообщал добрую весть, – два юных оболтуса решили провести алхимический опыт с пивом и не рассчитали свои силы.

– Господин магистр, теперь «Королевский лосось» переименуют в «Паленый»?

– Из-за одного стола вряд ли. Но что же мы так невежливо заставляем нашу собеседницу ждать! Надо отправиться туда, где будет удобнее всего говорить о деле. Например... где профессор Дойл обучал тебя, девочка?

Мавис продолжала смотреть на дым, из черного становящийся белым. Судьба «Лосося», похоже, заботила ее больше собственной. Потом отозвалась ровным тихим голосом:

– Это не здесь, а там. За часовой башней. Где кладбище.

Она махнула в ту сторону, где было зелено от густых древесных крон и виднелся забор из острых чугунных пик.

– Чудесно! Идемте! – отозвался Эремон. В его голосе бурлила энергия. На памяти Ласара ни один человек еще не отправлялся на кладбище в таком приподнятом настроении.

Магистр пропустил их вперед и шел на расстоянии, как тетушка, что сопровождает невесту в прогулке с женихом по саду. Мавис опустила взгляд так низко, будто хотела найти что-то потерянное в траве. Не только ее волосы были стянуты в тугий узел на затылке. Сама душа ее казалась туго стянутой каким-то запретом. Но от себя не спрячешься даже в самом себе.

Впереди, за решеткой и подстриженными кустами жимолости, которые сами могли служить забором, виднелось здание, похожее на конюшню, к которой пристроили верх от замковой башни.

– Что это? – удивился Ласар скорее себе под нос, но Мавис услышала и ответила:

– Семейный склеп Дойлов. В нем то, над чем работал профессор. Он говорил, что ради магической науки его предки отдали бы не только покой, но и свои кости.

– То, что вы делали, было опасно? – Ласар остановился, осматривая монументальное сооружение снаружи.

Мавис мрачно и неопределенно пожала плечами.

Серые камни, узкие окна с витражами. Деревянные ворота такой величины, что в склеп можно было бы вкатить стенобитное орудие. В основании несущейся ввысь иглы со множеством выбитых на камнях защитных символов стоял грубый прямоугольник с окнами-бойницами.

– Построено так, будто Дойлы собирались после смерти держать здесь оборону.

– Усыпальницу строил Гвион Дойл. Он всю жизнь строил крепости. Учитель жалел, что нельзя поговорить с этим предком... но что тот унес в могилу, я забыла.

Мавис ответила и снова застыла. У нее было удивительное умение настороженно замирать всякий раз, когда становилось непонятно, что дальше будет. Замирать и ждать, чем ответит ей мир на новый шаг.

– Надеюсь, он не обидится за наше вторжение. Мы ведь хотим наказать убийцу его потомка.

– Да кто его знает, – глухо отозвалась Мавис и достала из кармана передника ключ.

Ласар оглянулся и заметил, что его учитель внимательно осматривает дорожку к усыпальнице и надгробные камни в отдалении. Что ж, магистр Эремон не из тех, кто заблудится на кладбище.

Внутри усыпальницы было на удивление сухо и тепло. Мавис зажгла светильник у ворот и привычным движением поднесла огонь к правой стене, потом к левой. По цепочке зажглись еще двадцать светильников, десять с одной стороны, десять с другой. Слева от входа возвышались каменные надгробия. На каждом красовался барельеф, изображавший покойного. По бокам птицы, львы, башни замков, раскрытые книги, рыцари со штандартами. Видимо, летопись деяний очередного представителя рода Дойл.

Эремон нагнал Мавис и ученика, сразу же решив ближе познакомиться с предками убитого. Ласар же пошел вслед за Мавис к правой стене. Там гробница была всего одна, с прямоугольной крышкой и без барельефа. А по бокам каменного гроба шла роспись защитными знаками, какие он помнил по ложу сна в комнате испытаний. Напротив гробницы стояли деревянные стол, два стула и этажерка с книгами. Ласар пробежался взглядом – это были трактаты о времени и памяти. Судя по стремянке рядом с гробницей, в нее регулярно забирались.

Мавис какое-то время молча стояла у стола, на который поставила светильник, потом сказала:

– Смотрите. Тут все и было.

– И что ваш учитель делал в этом... – Ласар едва не сказал «гробу», – сооружении?

– Изучал память души. Хотел вспомнить то, что забыл. С детства.

– И вспомнил?

– Да. Обещал, что я сегодня сама увижу. Но теперь, где бы он ни был, я туда не тороплюсь.

Ласар пригляделся к крышке сооружения. Гробница, вытесанная из камня, изнутри имела деревянный «футляр», на досках были выжжены те же защитные знаки, что и снаружи. Крышка оказалась не сплошной, а с несколькими узкими отверстиями, чтобы человек, находившийся внутри, мог дышать. На крышке было изображено дерево с огромной кроной и корнями, которые поднимались вверх, по бокам сливаясь с ветвями. Некоторые его корни оказались отверстиями в камне.

– Жаль, что ваш учитель не изобрел способ допросить его после смерти.

– Этого никто не может, кроме шарлатанов с ярмарки. – Мавис шумно выдохнула, плохо скрывая обиду. – Записи его почитайте. Он там все говорил.

Она достала с полки пачку листов. На верхнем аккуратно, но слишком кругло для ученого человека, которые обычно любили похвастаться каллиграфией, значилось «Ковчег памяти».

Один вывод Ласар уже мог предъявить учителю. Финнавар Дойл что-то вспомнил. И кого-то это напугало. Страх убивает так же часто, как и ненависть.

Глава 8

Испытание для двоих

Уже несколько дней Эшлин просто жила. О расследовании она ничего не знала – кажется, инквизиторы говорили с Мавис, но та привычно молчала. Брендона Эшлин почти не видела. Цветочных часов в Дин Эйрин не было, и время отмерялось лишь гулким боем колокола самой высокой из башен. Колокол напоминал, когда вставать утром, когда спешить в аудитории на занятия, лекции, диспуты – много новых слов для Эшлин, – когда обедать, когда свободное время. Дни катились друг за другом, похожие, округлые, как камешки с горы. Эшлин привыкала к человеческому миру.

Она жила в комнате одна. Эпона с Энией, Кхира с Мавис. Одиноко ей не было. Их крыло немногочисленной в целом женской коллегии жило дружно, и даже злоязычие Энии и странности Мавис не мешали этому – тем более что Эния обычно вскоре извинялась и пару дней вела себя ласково, как кошка профессора Аль-Хорезми, а Мавис молчаливо готовила на всех и заботилась обо всех.

Профессор Риан Доэрти вел занятия по алхимии, был въедлив и весел, отпускал колкие шутки и рассаживал студентов на охапках соломы вокруг себя, а не на лавках, утверждая, что возвышенное седалище – родитель неразумной гордости. Высокомерный Фарлей Горманстон и красавица Эния морщились ужасно, зато Эпона Горманстон и граф Баллиоль садились в соломенное гнездо с улыбкой – Эдвард Полведра еще и нагребал себе удобную охапку так деловито, словно и впрямь гнезвился.

Эшлин училась понимать людей.

Профессор Асаф Ильгиз Аль-Хорезми вел занятия по медицине. Для свежеступивших они не были обязательными, студенты должны были сначала пройти так называемый тривиум – алхимия, символика и магическое сплетение слов – и только после перейти к квадравиуму – медицина, астрология, магия музыки и ритуалистика. Но профессор Аль-Хорезми никого не выгонял и позволял слушать. Высокий, очень красивый человек в белых одеждах, он мог бы заклинать змей своим голосом и взглядом. На его занятиях царила

тишина – никто не шептался, не ерзал, не чинил перо. Позволяла себе некое бесчинство лишь пушистая белая кошка Сахаб. Она шествовала вдоль рядов, касаясь хвостом понравившихся ей студентов, и запрыгивала на стол. Порой на занятия приходила закутанная в шелковую темно-синюю накидку до самых глаз Феруза, жена профессора, – тогда кошка спала у нее на коленях.

Занятия профессор вел не только в аудитории, он порой собирал студентов и шел с ними к больному – в городе была лечебница, построенная под его руководством. Там он разрешал помогать себе в работе у постели больного и был особенно строг и взыскателен, хотя изысканно вежлив, с теми из студентов, кто казался ему талантливее. Кхира вздыхала – она талантлива не была, а оказаться в лучах внимания красавца профессора хотела.

Эшлин пару раз удостоилась строгой похвалы Аль-Хорезми: «Ты хорошо чувствуешь травы, дитя мое, несмотря на поспешность и неуважительность в обращении с ними. Создавать настой – это не курицу ощипывать к ужину, это творение и таинство». Так могла бы сказать Ройсин.

Астролога, профессора Тао, они втроем с Аоданом и Эдвардом Полведра на всякий случай избегали. Но однажды на рассвете Кхира шепнула рано проснувшейся Эшлин: «Пойдем, что покажу», – и потянула за собой в сторону мужской коллегии.

На открытой, плоской, как ладонь, утопанной площадке в рассветных лучах сухонький профессор Тао в запашной рубашке и широких штанах танцевал, как журавль по весне. Он стучал себя по голове длинными тонкими пальцами, прижимал к груди согнутое колено, широко разводил руки и стрелял из невидимого лука в одну сторону, потом в другую. Потом встал на руки.

Ахнула восхищенно то ли Кхира, то ли Эшлин, то ли обе сразу.

– Юные особы, – сказал профессор Тао все так же вниз головой. Седые волосы, аккуратно сколотые в узел длинной шпилькой, даже не пытались взлохматиться. – Юные особы, вы наблюдаете за мной время горения маленькой свечи. Подойдите сюда и присоединитесь, раз испытываете столь похвальный интерес. Обе, прошу вас.

После часа журавлиных танцев профессор отпустил их, коротко похвалив – возможно, это была похвала:

– Дева Кхира двигается как мальчик-драчун и может совершенствоваться в этом направлении. Дева Эшлин – как ручей в камнях и может совершенствоваться в этом направлении. Жду вас здесь завтра в это же время.

– Ничего себе, – чуть ли не присвистнула Кхира, – а мне говорили, неуклюжая. Я один раз горшок жаркого на угли свортила, вот матушка-то кричала. Извините, профессор Тао.

– Неуклюжесть – суеверие и непонимание сути движения, – пояснил профессор. – Встаньте ко мне спиной, юная особа, и не позволяйте страху войти в ваш средний даньтянь – тот, что ровно в середине тела. О даньтянях я расскажу вам в свой черед.

Он обхватил Кхиру со спины, резко притянув к себе, что-то хрустнуло, Кхира вскрикнула – не как от боли, как от неожиданности.

– В сущности, вот и все. Некая небольшая неправильность в вашем теле исправлена. Вас могло из-за нее кренить влево. Смените всю обувь, ваша стоптана неправильно. Ходите пока босиком. До завтра.

– Профессор, извините меня за тот раз, – все же попросила Эшлин, иначе было бы неправильно. – Шутка вышла глупая и невежливая.

Профессор прислушался к чему-то и ответил:

– Мудрый сказал: «Те, кто не может простить других, ломают мост, по которому должны пройти они сами». Извинения приняты, дева Эшлин.

Эшлин случилось танцевать весь праздник напролет, долго ехать верхом, плавать в быстрой реке и примерять руку к бронзовому мечу. Но после занятия с профессором Тао у нее болело все тело вообще.

Конечно же, они с Кхирой пошли еще.

А однажды ей приснился дурной сон – в нем дрожали и осыпались камни, прямо на нее, а за ползущей стеной из камней стоял круг из пяти фигур, в этом круге убивали Брендона, Эшлин знала это, но не могла прорваться сквозь камни. Ее разбудила Эпона:

– Ты кричишь во сне. Эшлин, приходили от магистра Бирна. Сегодня твое испытание.

Эшлин в третий раз собирала волосы, но прическа рассыпалась. Тяжелые рыжие пряди выскользывали из плена можжевельных спижек. Глупо проходить испытание после того, как уже принесла клятву и начала учиться, но есть правила, которые даже Брендону не обойти.

На него по-прежнему было больно смотреть. Смерть человека, которого они нашли, вытянула из него слишком много душевных сил. Эшлин узнавала этот холодный блеск в глазах, резкие движения и готовность вспыхнуть от любого слова. Такими порой возвращались с дальних скал после сражения с фоморами воины Дин Ши.

Дав себе слово обязательно раздобыть ленту, чтобы не тратить на прическу полутра – да у той же Энии попросить, у нее множество лент и красивых заколок, – Эшлин выбежала из коллегии, когда солнце уже заглянуло ей в окно, а соседки ушли на занятия.

В зале испытаний собрались четверо преподавателей. Двое просто слонялись туда-сюда, беседовали о ценах на бумагу, о погодных приметах – после жаркого лета ожидалась холодная зима – и явно скучали. Испытание неграмотной, пусть бойкой, деревенской девочки – нудная обязанность, но куда денешься. С Брендonom сейчас говорил его друг-алхимик. Он хмурился и сжимал сосновую палочку, которой помешивал настой, слишком сильно. Обычно этот человек улыбался, оставляя у глаз и рта лучи морщинок, Эшлин запомнила.

– Друг мой, ваше состояние духа опасно для ведения по сну. Вы должны понимать это...

– Девушку поведу я, Риан. Это не подлежит обсуждению. – Брендон следил за тем, как Доэрти готовит у стола напиток внутреннего видения. – Не надо столько лунного корня, иначе мы уснем вечным сном.

– Я готовлю это зелье двадцать лет и еще никого не спровадил к предкам, – обиделся профессор Доэрти. – Ты лучше представь, какие чудовища могут всплыть из твоего сознания, особенно после того, что ректор...

– Риан, при всем уважении к великому магистру Галлахеру, его речь о ши – это какой-то политический ход, а не правда. Мы с вами точно знаем, что никаких ши не существует! – слова Брендона звонким эхом отразились от потолка. Он поднял взгляд и, наконец увидев Эшлин, на мгновение замер.

– Вот и ученица пришла, – вмешался Риан, – давай-ка я ее проведу, и ты не будешь переживать, что придется пить мое зелье на похмельную голову. Тебя ведь это беспокоит, друг мой?

Лицо Брендона пошло красными пятнами. Он бы предпочел, чтобы на его способ скорбеть по другу в приличном обществе не намекали.

Эшлин подошла к столу со склянками. Ей было интересно, схватится ли профессор алхимии за топор, если во сне узнает, кто она, и больно ли во сне умирать, если что.

– Риан, я прошу избежать пустого спора. Нас ждут.

Доэрти не привык сдаваться, обладая чисто преподавательским умением объяснять одно и то же восемью разными способами. Брендон слушал увещевания старика о том, что ему «лучше сейчас побыть в покое», упрямо сжимал челюсти, казалось, сдерживая рычание, и позволил себе только пару раз повторить краткое «я сам», поглядывая время от времени на ученицу. Эшлин читала в его взгляде сумрачную уверенность.

Наконец их оставили вдвоем.

Второй ментор был желателен, но не обязателен, поэтому все присутствующие мышами разбежались по своим углам от непривычно сурового магистра Бирна, оставив его наедине «с этой девицей». В конце концов, они могли всласть посплетничать о причине опеки молодого магистра над деревенской красоткой.

Эшлин вслед за Бренденом выпила зелье, похожее по вкусу на отвар шиповника, в который переложили меда. Еще немного, и челюсти точно прилипли бы одна к другой. Почему, когда волнуешься, в голову лезут глупости?

– Ложись сюда, – тихо сказал Брендон, плохо скрывая сильное волнение.

Эшлин окинула взглядом ложе и осторожно легла. Гладкое, хорошо выделанное дерево будто звенело, настолько было заряжено магией, но неопасной, защитной. От этого немного кружилась голова.

– А ремни эти обязательно привязывать? Когда я не могу двигаться, мне страшно.

Брендон задумался на несколько мгновений. Облик магической силы и способность ею управлять никогда не зависели ни от того,

юноша или девушка проходят испытание, ни от их физической силы или даже характера. От внутренней сути, которую не знает никто. Магическая сила течет в жилах способных к этому людей весьма прихотливым образом, рождая самых разных чудовищ.

Но он помнил то волшебство, которое собственноручно разрубил в щепки. А ремни – разве ремни удержат четырехсотлетний дуб, взметнувшийся сквозь толщу каменных стен, если вдруг Эшлин решит вернуть жизнь ложу для испытаний?

– Если боишься, что я убегу, просто возьми меня за руку, – улыбнулась ши. Она тоже не была спокойна. – Это же сон, который никто не увидит, кроме нас? Надеюсь, что в нем не будет драконов...

Брендон как будто еще больше насупился и посерьезнел. Судя по его взгляду на нее, он всячески разделял эту надежду.

Он подошел ближе, помогая девушке лечь. Его рука не удержалась и осторожно поправила пряди, выбившиеся из наспех заплетенной толстой косы.

Эшлин повернулась. Так вышло, что она потерлась щекой о его ладонь.

– Идти через Врата было страшнее, жаль, что нельзя петь, – шепнула она и закрыла глаза.

Брендон сел рядом и, как будто выдохнув перед тем, как нырнуть в омут, взял ее за руку в нарочито будничном, привычном движении, начиная в своей голове годами изученный путь. Даже голос его казался равнодушным, скучающим, когда он произносил знакомые слова.

Путь – сквозь огонь,
Путь – под водой,
Путь – над землей,
Путь – на ветру.
Путь – во сне.
Сон – в пути.
Ключ – во сне.
Путь – к ключу.

Эшлин почувствовала, как проваливается куда-то, даже дух захватило, как на зимней горке. Чувство падения исчезло так же

быстро, как появилось, – она открыла глаза в наведенном сне и увидела дверь. Большая, деревянная, с затейливым растительным узором дверь источала смолистый дух, теплый и успокаивающий. Судя по цвету и толщине, она была из лиственницы.

Эшлин оглянулась, но в темном пространстве, освещенном факелами, никого не было. Она открыла дверь и вошла.

Комната чем-то напомнила ей дом. Только в ней почему-то оказалось очень много лишних вещей, валяющихся как попало. Как в комнате мертвого Дойла. Эшлин вспомнила это, но страха все еще не было.

Голос Брендона незаметно вел Эшлин вперед, создавая ажурный скелет окружающего ее мира, обрастающий плотью ее собственных мыслей и воспоминаний. Его голос настолько стал частью ее самой, что девушка уже не понимала, откуда знает, что ей нужно найти ключ. Просто войти и зачем-то найти совершенно неизвестный и ненужный ей ключ, который вдруг стал настолько важен, как бывает важной победа в битве на палках для мальчишки семи лет от роду.

Эшлин попробовала сосредоточиться. Когда что-то ищешь, важно вспомнить, где ты это потерял, где видел в последний раз, если только это не унес у тебя кто-то другой... так, нет, переживать о Кристалле совсем не время. Она двинулась вдоль стены, приподнимая вазы, заглядывая за шкаф, перебирая мелочи на столе, оглядывая стены, – вдруг кто-то повесил на крючок связку этих ключей и забыл. Это было похоже не на серьезное испытание, а на детскую игру.

Но пока ключа нигде не было – ни в валявшейся на полу шкатулке, ни в вазе с оранжевым букетом физалиса. Интересно, кто в этой комнате победил в долгой битве? И главное, с кем. Судя по разгрому, эта битва проходила прямо тут.

Брендон с изумлением оглядывал комнату, которая не была похожа ни на одно из видений, с которыми он сталкивался раньше. Прихотливо извивающиеся выпуклые линии, украшавшие стены, незаметно перетекали в рисунок дубовой коры на стволах деревьев. Солнечные лучи, проникавшие сквозь узкие просветы между ними, превращали комнату в клетку с сотканым из изящных ветвей потолком. Яркий и пыльный солнечный свет еще больше подчеркивал ощущение хаоса, покрытого патиной заброшенности. Следы

разрушений настолько вросли в пол и покрылись пылью, что казались нарочитыми.

Эшлин растерянно крутилась по комнате, потом удивленно замерла. Дверь, в которую она вошла, была теперь заперта, на ней не было ни ручки, ни выемки, только толстенное, гладкое дерево, вроде вымоченной в морской воде лиственницы – прочнее стали. Из него делали корабли ши, способные выдержать удар о скалы. Хотя нет... ровно в середине двери все же была выемка, форму которой Эшлин узнала, – только это была не скважина, а место для Кристалла. Которого здесь не было и быть не могло.

Эшлин нахмурилась сосредоточенно и застыла, обдумывая, что делать дальше. И вдруг запела. Ее песня сначала звучала тихо, едва слышно, а потом будто рванулась со всех сторон, впитывая в себя другие звуки: шелест листьев, скрип половиц, свист ветра, грохот камней и плеск морских волн о камни. По выемке, где не было Кристалла, проскочила зеленая вспышка.

По стене рядом с дверью из ниоткуда поползли ежевичные ветви, сплетаясь все гуще и гуще в живую колючую арку. Кусок стены, оплетенный колючими ветвями, бледнел, пока под аркой, усыпанной белыми ежевичными цветами, не открылся неожиданный выход. В неясном свете факела, закрепленного у стены, виднелись серый камень и дорога, уходящая вдаль, куда-то... в скалу? Эшлин замолчала и, глубоко вдохнув, шагнула вперед.

После запаха нагретого солнцем дерева в нос ударил сырой и острый дух плесени, кварца и ледяной воды подземных источников. Подошвы ее кожаных башмачков хорошо чувствовали грубо вырубленные плиты под ногами. Чадающее, но такое уютное пламя факела удалялось, оставшись за спиной, а сумрачный каменный коридор вел и вел по спирали влево и как будто вниз. Эшлин слышала шуршание своих шагов, но больше ни звука – подземелье было таким глухим, что даже эхо не хотело жить здесь.

Чтоб тебе сгинуть в глубине камня – было частым проклятием. Ройсин строго запрещала детям даже произносить его, слишком оно считалось жестоким. Сейчас оно всплыло в памяти. Только вот Эшлин по доброй воле шла по каменному полу в темную молчаливую глушь, а за ней тянулась по стене длинная ее тень. Ши в камне становятся бессильными, они не слышат мир сквозь кости земли. Поэтому тех, кто

попадал в фоморский плен, держали в таких вот каменных мешках, как этот.

Эшлин уже стали чудиться звуки чужих шагов, шепот, стук. Она несколько раз останавливалась, но звуки не исчезали. Может быть, просто шумело в голове? «Что там говорил Брендон? Это просто сон. Что во сне может случиться? Даже если меня растопчет фоморский отряд, я проснусь в зале испытаний».

Эта мысль немного примирила девушку с наползающим страхом, и она зашагала вперед быстрее. Темнота здесь не была полной. Кое-где попадались небольшие светящиеся пластины, похожие на внутреннюю сторону ракушки.

Она не знала сейчас, что чувствовал и думал Брендон. Просто доверяла ему.

Брендон же в тот момент, когда Эшлин запела, вдруг почувствовал, как сон выскользывает из его рук, извивается, будто сознание подхватывает мощным потоком, с которым невозможно справиться. Только что ты управлял кораблем, и вот уже болтаешься на волнах, нороя захлебнуться. Дети через это чувство учатся плавать, но их поддерживают под водой руки старшего. Брендон же сам должен был быть старшим сейчас. И не мог.

Он почувствовал, что в глазах темнеет, руки теряют ловкость, а ноги – опору. Легкая дурнота сменилась растущим онемением в теле, которое постепенно начинало воспринимать уже совершенно иной мир сна. Брендону было знакомо это чувство – его он помнил со своего собственного испытания много лет назад, ведь именно первая встреча со своей силой, со своей магией намертво впечатывается в память. Он не любил ее вспоминать, но не мог забыть.

Теперь он, как и тогда, осознал себя не на ложе испытания, а в большом каменном зале. Только если в прошлый раз он его явственно видел, то в этот раз мог только догадываться – по особому звучанию пространства, сырому холоду, ощущению выщербленных камней, больно впивающихся в колени. Он не видел ничего, но пока и не думал паниковать, полагаясь на свой опыт в мире сновидений, а через полминуты примерно понял, что лицо его закрыто грубой тканью, а руки – что было еще менее ожидаемо и еще менее приятно – связаны за спиной.

Справа со спины приблизились шаги – странно, мужские, а легкие, словно девичьи, – шеи коснулись колебания воздуха от чужого тяжелого и пышного одеяния, и чья-то рука сдернула с его головы холщовый мешок. Взгляд Брендона с размаху натолкнулся на белое как мел лицо погибшего – а во сне живого – Финнавара Дойла с полными застывшего ужаса глазами. Он так же стоял на коленях на другой стороне круга из каменных блоков, выложенного на полу темного зала. А рядом взгляд поневоле цеплял какие-то мешки, валявшиеся в беспорядке на полу.

И только когда Брендон с усилием отвел глаза от лица друга, живого и мертвого, и всмотрелся, то увидел рядом с одним из мешков руку, краешек сандалии. И понял. Эти бесформенные мешки были человеческими телами, мертвыми людьми в простых серых рясах, похожих на монашеские.

За спиной звенел голос, кто-то произносил нараспев слова, так сильно их растягивая, что смысл улавливался с трудом. Голос казался знакомым и незнакомым одновременно. Что-то про огонь, путь из ольхи, тропу среди камней и сердце миров. Финнавар смотрел перед собой, как замороженный, а потом что-то вспыхнуло, и он с резким коротким криком упал на камни. Из груди его вырвалась маленькая белая сфера и поплыла по воздуху к стене, где в нише светился сам по себе серебряный ключ размером в пол-ладони. Ключ будто впитал эту сферу и засиял еще ярче.

Голос за спиной Брендона продолжил в той же напевной манере, чуть более довольный, чем раньше. Только теперь каждое слово отзывалось внутри дрожью и болью, будто это были не слова, а иглы, что медленно входят в тело. Не пошевелиться. Не повернуть голову.

И вдруг ключ в стене начал раскачиваться, как маятник.

Голос за спиной замолчал, перекрытый другим голосом, уже точно знакомым – Эшлин нельзя было не узнать. Торопливые, быстрые шаги. Брендон хотел крикнуть, предупредить девушку, что сюда нельзя, опасно, – но не получилось даже шептать.

Девушка пела. Звонко, открыто, легко. Песня звенела со всех сторон, будто бы каждый камень пел вместе с ней. Пещера наполнилась сине-фиолетовым, как ежевичное вино, сиянием. Оно нарастало и будто подчинялось девичьему голосу. По скале за ключом

пролегла трещина, из глубины которой вырывался все тот же мерцающий сине-фиолетовый свет.

Мужской голос, гулкий, хрипловатый, попытался подхватить – или перехватить песню. Это звучало завораживающе. Это вызывало страх. Тело Брендона напрягалось, напоминало струну, чья дрожь тоже вплеталась в музыку. Если бы у земли был голос, он бы звучал так же, как музыка этих двоих, сражавшаяся сейчас друг с другом. Земля – это ведь тоже вечное сражение. Вода пробивает себе русло в скале, подземный огонь рвется из сердца горы, ветер валит деревья.

Ключ превратился в зеленый росток, который тянулся выше и выше, превращаясь в ольховое дерево. Дерево проросло в скалу, так что половина его выходила из камня, а вторая была скрыта за стеной, уходя в яркую клубящуюся, уже как небо, а не как ежевика, синеву. На стволе дерева осталась круглая дверь с медным кольцом вместо ручки.

Мужской голос становился все глуше, зато девичья песня звенела вокруг, отдаваясь почти болью в ушах.

Веревка с рук упала. Брендон, пошатываясь, поднялся с колен и увидел, как дверь в дерево открывается. За ней тянулась тропа в подернутую туманом даль неизвестного леса. По ту сторону дерева темнели мрачные сумерки другого мира.

Он почувствовал, как его плеча коснулась легкая девичья ладонь. Эшлин смотрела на него молча, и все равно ее песня продолжала звучать вокруг, а темная фигура за спиной, которую так и не удалось рассмотреть, и мертвые на полу один за другим таяли в ярком синем свечении. Брендону не хотелось, чтобы непонятное сияние коснулось его сапог, сердце кольнул страх так же исчезнуть. Но девушка молча кивнула головой на дверь, предлагая войти, и он решился.

Чтобы войти в дверь, ему пришлось склониться едва не вдвое. Деревянная гать уходила вперед. Воздух повлажнел, по бокам тропы то выступали из тумана, то снова скрывались за ним очертания деревьев и скал. Будто мир дышал.

А потом память словно уколола в сердце.

Перед ними открылся овраг. Овраг глубокий и поросший высокими густыми соснами. По ту сторону оврага поднимались скалы, а под скалой виднелся домик с соломенной крышей и деревянным крыльцом. Пахло соснами и озерным ветром – где-то близко была вода.

Вода... озеро и река с водой ледяной и чистой. А еще дальше – павильон, увитый цветами летом, рябиной и сухоцветами зимой, и множество мраморных ступеней к воде.

Домик называли «гнездом». На краю оврага с соснами так хорошо было сидеть, чувствуя себя птицей.

Откуда он это знал? Почему он это знал?

Все вокруг напоминало сад Университета, но в нем будто не чувствовалась рука садовника, не было стриженных кустарников, скошенной травы или пышных клумб. Но в том, как изящно сочетались вокруг растения, чувствовалась рука мастера, который не изменял природе, а доводил ее до совершенства. Гать через междумирье здесь превратилась в песчаную дорожку среди сосен, камней, вереска и цветочных полянок всех оттенков синего – от нежно-голубого до густо-лилового, оттененного брызгами белых, пахнущих медом кисточек.

Все еще ошарашенный тем, что увидел и почувствовал, Брендон шел по тропе к домику вслед за Эшлин. Ее рыжие пряди, выбившиеся из косы уже давно, плясали по спине в такт шагам, песня истаяла до еле слышного напева, сбивчивого, как мелкие ручейки на обочине после грозы. Песня словно жила сама шлейфом, как хорошие духи. Брендону просто необходимо было увидеть глаза Эшлин, убедиться, что это действительно она, но он не посмел ее остановить. Эшлин остановилась сама, развернувшись так стремительно, что оказалась в его растерянных объятиях.

– Я сильнее. Я сильнее его, ты видел?! Видел?! Я...

Брендон видел только ее сверкающие торжеством глаза и высоко задранный нос. А еще он чувствовал живое мягкое тепло ее плеч и спины под тканью платья, ее руки, уверенно лежащие на его груди, ее веселое упоение победой... над кем? И не хотел, совсем не хотел магистр Бирн думать ни о чем, кроме скачущей в сердце бешеной саламандры, рождающей тягучий жар внутри.

Так и не решив для себя, радоваться или горевать от того, что это просто видение, сон во время испытания, Брендон притянул девушку к себе и поцеловал, оборвав фразу на полуслове.

Эшлин чувствовала, как бьется сердце, как ощущение силы наполняет ее радостью. Хотелось забраться на самый высокий холм и кричать, чтобы об этом услышали все. «Я и без Кристалла могу

победить! Моя песня сильна даже в камне! И фоморам не совладать с такой мощью!» Она обрушила свой восторг на единственного доступного зрителя, но не успела договорить, как оказалась в объятиях Брендона, а губы ее соприкоснулись с его губами. «Почему магистр Бирн пахнет смолистым летним днем среди сосен? Он ведь вечно с книгами, должен пахнуть ими...» – пронеслось у нее в голове. А потом она вдруг отшатнулась, испуганно нахмурившись.

– Это... тоже испытание?

Брендон резко отстранился, разжав руки. С таким смятением и растрепанными светлыми волосами он казался гораздо младше, чем в университете. Больше похож на Брадана.

– Нет, это не испытание, – магистр, обогнув ее, пошел вперед, неловко спотыкаясь на травяных кочках, понятия не имея, что ждет там дальше, в этом домике. Лишь бы убежать от нее и от себя. И от своего поступка. И от своих чувств.

Эшлин на мгновение застыла, потом догнала его и пошла рядом по траве и сосновым иглам.

– Тогда... зачем? Ты же не знаешь меня. Ты сам говорил.

– Хотел поблагодарить за то, что спасла меня, – Брендон ляпнул очевидную глупость, лишь бы хоть как-то вывернуться. Мысленно он уже призвал на себя все кары небесные. Учитель с ученицей – немыслимо, но еще хуже – что она явно вспомнила своего друида. Опять начнет его видеть.

А он не тот. Он просто похож.

Эшлин закусила губу и почувствовала, как вспыхнули уши. Это чувство... это прикосновение было куда ярче, чем благодарность. От него веяло тем самым желанием оказаться как можно ближе, что толкнуло ее отдать Брадону Кристалл. Только в этот раз прикосновение было жарче, будто искра того костра под звездами разгорелась за четыреста лет. Шумел ветер, поскрипывали сосны. Пахло речной водой и медом. Среди людей было совсем по-другому, а здесь каждое чувство громче, оно отражалось, будто эхо. Люди торопятся там, где ши наслаждаются каждым мгновением.

– Значит, у людей принято так благодарить? Я запомню, – Эшлин скрывала за обычной полушуткой горькое, как полынный отвар, чувство. Это сон. Видение. Неправда. Этот человек – просто человек. Просто. Нужный только для того, чтобы помочь найти Кристалл. Ей

было совсем не страшно. Не одиноко. И сейчас совсем не хотелось, чтобы он не бежал впереди, а взял ее за руку. Или...

– Так принято благодарить за спасение жизни... – Брендон был уверен, что вряд ли кому-то в мире людей доведется спасти жизнь этой неутомимой ши, так что ее поцелуй никто не украдет нечаянно.

– Я запомню. Ты идешь так, будто знаешь, куда идти.

– Я просто иду вперед по тропе. Но ведь от тебя зависит, что я увижу дальше

– Почему от меня? Мы же идем вместе. Или ты решил оставить меня здесь с ключом, к которому нет двери?

– Это твое испытание, и ты создаешь этот мир, – ответил магистр, продолжая шагать вперед.

Эшлин поняла, что внутри у нее просыпается упрямая обида, которая, кажется, и ветер заставляет качать сосны сильнее.

– А как быть, когда тебя спасает юноша? Вы придумали благодарность на такой случай?

Брендон остановился и обернулся, явно решительнее, чем был минуту назад. Глаза Эшлин блеснули, а ветер трепал у щеки рыжую прядь, щекоча ею губы.

– Дева Эшлин, прости меня за недостойное наставника поведение. Твоя красота может сразить сердце любого мужчины, будь он рыцарь или маг... – Брендон говорил и сам с изумлением слушал свои слова, которые он в юности вычитал в каком-то глупом рыцарском романе. И как в кошмарном сне, эти напыщенные фразы цеплялись за язык, мешая сказать что-то намного более искреннее.

Эшлин кольнул в сердце страх. Если она творит этот мир, значит, и Брендон здесь не настоящий? И... тогда говорит то, что она хотела бы слышать? Почему, когда он смотрит, становится тепло? Мысли путались, как корни у старой ели. Разве может быть одновременно очень радостно и очень грустно? Иногда из всего, что приходит в голову, как нарочно, говорится самое глупое.

– Разве наставникам запрещено видеть красоту?

– Наставники видят все зорче других, но не должны преступать черту закона и приличий. – Торжественные речи Брендону явно удавались, надежно пряча его смущение.

Она сделала шаг ему навстречу и протянула руку, касаясь груди кончиками пальцев.

– Если этот мир творю я, то зачем тебе сейчас человеческий закон?

«Скажи мне... ты тоже сон? Поэтому делаешь то, что я хочу?»

Его руки сами потянулись обнять ее, чтобы заполнить возникшую болезненную пустоту. Будто он потерял что-то невероятно важное и едва успевает найти. Ладони запутались в медных прядях, сердце билось где-то в горле. Осторожно притянув ее к себе, Брендон усилием воли заставил себя наклониться к ее щеке, а не к губам, и совсем тихо сказал:

– Мир этот творишь ты, Эшлин, но я в нем твой гость и провожатый. Я твой якорь, чтобы вернуться.

– Если ты якорь, я корабль, а мир – море. Это похоже. Значит, ты делаешь то, что хочешь сам? – Она крепко зажмурилась, чувствуя, как вокруг становится теплее, слыша сквозь одежду, как гулко бьется его сердце совсем рядом, будто в ее груди теперь отчаянно колотилось два. Ее – быстрее. Его – медленнее.

Брендон скользнул щекой по ее виску, на секунду задержался взглядом на ее отчаянно-решительном лице с закрытыми глазами и вновь поцеловал, нежно и уверенно прижимая к себе и теперь уже не давая себе возможности ни о чем думать. Она ответила, как могла, как представляла себе поцелуй, когда мечтала о том, что Хранитель Кристалла вернется. И вместе с тем тень, которая стискивала ее сердце, отступила. Он был совсем другой – и все равно знакомый, почему-то очень близкий, и не было ощущения, что что-то неправильно. Мысли разлетелись, оставляя лишь эту искру внутри.

Сквозь водоворот охвативших магистра чувств проступило онемение в ногах и спине. Что бы ни происходило в его душе, он оставался опытным проводником в мир тайных сил и хорошо знал, когда вплотную приближался к пределу возможностей, своих и ученика. Усилие воли, чтобы отстраниться. Правильные, но такие нежеланные сейчас слова.

– Эшлин, мы должны вернуться. Сейчас.

Она сжала его плечи, голова кружилась. Мучительно хотелось остаться здесь, где все теперь так понятно и просто.

– Я не хочу, – упрямо прошептала она ему в плечо.

– Эшлин, послушай меня. Это сон. Если оставаться в этом состоянии дольше срока, можно не проснуться.

Она прижалась к нему сильнее, не открывая глаз. Голова кружилась, землю под ногами покачивало, будто они стояли на плоту посреди озера. Мир – это море.

– Ты говоришь, что я творю этот мир. Я приказываю ему быть настоящим!

– Это невозможно.

– Для человека!

– Для всех. – Брендон взял ее лицо в ладони, заставляя поднять голову и посмотреть на него. Чем больше он чувствовал ее раздражение, страх и сомнения, тем спокойнее ему было. Учитель и проводник. В этой роли он определенно знал, что делать. Особенно когда не хочется провалиться в вечное небытие. – Послушай меня. Сейчас ты возьмешь в руку ключ, вспомнишь какую-нибудь дверь из тех, что можешь хорошо представить, настоящую. Ту, что часто открывала. Свой дом. Женскую коллегия.

– Дверь? – Сейчас от его спокойного голоса и взгляда всплеск чувств медленно улегся на дно души, но ему на смену стала подкрадываться тревога. Лес вокруг стал терять четкость, темнеть, будто бы наступали туманные сумерки.

Эшлин зажмурилась и попробовала представить деревянную дверь домика на краю скалы. Замшелые местами доски, медная ручка, маленькие ягодки слева и справа от нее. Ключ в руке немного нагрелся. А еще было жарко от того, как обнимал ее Брендон, поддерживая, не давая упасть, когда голова снова кружилась. Судя по тому, как время от времени он морщился, у него тоже, но магистр оставался непоколебим. Он был якорем.

– Не получается, не могу, – прошептала Эшлин, отчаянно вглядываясь в темнеющие и плывущие стволы сосен. – Может быть, ты?

– Я не смогу вывести нас из твоего сна. Послушай меня. – Он крепко обнимал ее обеими руками и говорил, глядя прямо в глаза так, будто это было просто упражнение. Просто учеба. – Сейчас все получится. Просто ты слишком о многом думаешь разом. Вдохни и выдохни несколько раз. Только полностью. Закрыв глаза. Представляй себе, что твое дыхание превращается в цветные пузырьки и плывет вверх. А потом, не открывая глаз, представь дверь еще раз. И пой. Песню о двери. Песню для двери. Почувствуй, как открываешь ее.

Эшлин прижалась к Брендону, собираясь с силами. Дыхание летело вверх пузырьками золота, словно она была диковинной рыбкой. Раз... два... три. Она запела.

Песня о возвращении давалась ей с трудом. Она чувствовала, как по щекам бегут слезы, и сбивалась с мелодии. Но сильные горячие руки стискивали ее крепче, не давая упасть. Не давая поддаться страху. Она чувствовала, что в мире людей ее сердце увянет, как прошлогодний паттеран, если Брендон ни разу к ней больше не прикоснется.

Между сосен в пустоте медленно проявлялась дверь. Простая, деревянная, с медной ручкой. Такая же, как та, что вела в маленький домик на скале. Ключ на шее у Эшлин вспыхнул синеватым свечением. Он хорошо подходил к замку, осталось лишь сделать пару шагов и повернуть его.

Брендон наблюдал в изумлении и восхищении. Это было настоящее волшебство, не стройная логичная система магии, которую он преподавал, а цветная и чистая сказка, отблески которой ловятся в воздухе после грозы, в радуге на небе, в лесном роднике и морозных узорах. Ни в одном испытании, которых Брендон провел дюжину дюжин, ученик не смог сотворить такой живой и осязаемый мир, полностью подменяющий реальность. И магистр Бирн никогда не мог и представить, какой силой обладает истинная песенная магия.

Чему он может научить эту девушку?

Вместе с тем Брендона так и не покидало ощущение, что этот мир чужого сна был ему знаком. Как будто он постоянно наткнулся взглядом на разрозненные осколки витража, которым любовался много лет назад.

Только когда дверь перестала подрагивать, как будто в тумане, и обрела окончательную форму, Эшлин замолчала. Не открывая глаз, она уже понимала, что получилось. Но прежде чем она повернулась к двери, быстро коснулась губами шеи Брендона, где-то рядом со скулой, там, где дотянулась.

Один поворот ключа, и мир вокруг полностью потемнел, как бывает со сном перед самым пробуждением. А сама Эшлин очень боялась обернуться и увидеть лицо Брендона. Увидеть, что в его взгляде не осталось ни искры того чудесного безумия, что здесь ими овладело.

Она не хотела просыпаться.

* * *

Лежать было удобно, но немного жестко, и почему-то не получалось двигать руками. Где это она заснула? Это точно не кровать... в лесу, что ли? И почему сразу два голоса зовут ее по имени? Наверняка еще совсем ночь.

Эшлин попробовала ответить, что хочет поспать еще, но губы слушались плохо – так бывает после очень глубокого сна. А потом ей в лицо, на шею и грудь плеснула холодная вода, она взвизгнула, дернулась, поняла, что руки привязаны ремнями безболезненно, но неудобно, и открыла глаза.

– Тише, дитя мое, я уже освобождаю вас, – профессор Доэрти наклонился над ней со смесью тревоги и облегчения в лице и отставил кружку. – Вы, прошу прощения, помните, как вас зовут, где вы находитесь, какой месяц за окном?

– Эшлин, дочь Каллена, на деревянной кровати со знаками, сентябрь. – Она нашла глазами второго, кто ее звал. Брендон сидел рядом и развязывал ремни одновременно с Доэрти. Брендон. Так похожий на того, кому Эшлин вручила свою душу. Тот, кого она целовала во сне. Два образа – юный и постарше – сливались в один все прочнее, и в этом слиянии было нечто прекрасное и пугающее.

Поэтому сейчас она избегала взгляда Брендона.

– Ну вот, теперь пробуем сесть, – Доэрти помог ей. – Отлично. Вы нас напугали, девица. Вы вышли из сна почти получасом позже магистра Бирна, и сон явно дался вам обоим тяжело. Рад, что вы оба благополучны.

– Я увидел почти то же, что было во время моего испытания, – пояснил полуправду Брендон. – Это... непросто.

– Еще бы. Могу ли я узнать, какое именно существо явилось девице Эшлин?

– Темная фигура, – Эшлин вдруг поняла, что так и не видела лица того... человека? Существа? – Я не рассмотрела. Я помню, что справилась с ним, но и только.

– Это главное. Мои поздравления, – профессор Доэрти улыбнулся. – Испытание девицы Десмонд далось мне тяжелее. Что же до темной фигуры... это необычно, и когда у вас будет время, девица Эшлин, зайдите к профессору мантики, ее зовут Джинджер Рой, но обращаться стоит матушка Джи. Она из пэйви. Своеобразна в силу своего происхождения и воспитания, но хороша в своем деле и пользуется огромным уважением.

Эшлин кивнула и поблагодарила, уже зная, что сделает иначе. Матушка Джи матушкой Джи. К ней можно прийти и позже. Эшлин хотелось следовать собственному пришедшему в голову только что решению – идти в библиотеку и искать там упоминания о Браданае и его книге. Наверняка там найдется кто-то, кто поможет ей прочитать.

Она же смогла вести сон сама? Значит, и теперь сможет сама. Не опираясь на каждом шагу на тех, кто дает ей советы.

В конце концов, она ши.

Глава 9

Пути законные и не очень

Магистр Бирн любил вводные лекции. Толпа юных балбесов, еще не придавленная грузом знаний и камнем ответственности, с горящими глазами и убежденностью в том, что магия может все. Ну почти. Сейчас ему было сложно сосредоточиться – после путешествия с Эшлин в тот странный сон все время казалось, будто бы реальность куда-то сдвинулась. Будто этот сон действительно был, просто давно.

Однако магистр тем и отличается от школяра, что может отложить размышления о чувствах ради любимого дела и ответственности.

Правда, присутствие Эшлин на лекции заставляло лишний раз беспокоиться. Вдруг она все-таки покажет что-то, людям совсем не свойственное. Впрочем, больше она стульям лишних деталей не отращивала, а преподаватели если и говорили о ней, то как о не по годам умной и довольно бойкой для деревенщины девушке. Хвалили магистра Бирна, что тот разглядел талант за красивым личиком. Если бы они знали...

Брендон вошел в аудиторию, вдыхая ее особый древесно-книжный дух. Смерть, коснувшаяся кого-то рядом, бросает тень на близких покойного. И Брендону понадобился не один день, чтобы точно сказать, что он снова чувствует себя живым. Немного разбитым после браги, бессонных ночей и необычного испытания, в котором он сам оказался ведомым. Но живым. Уже неплохо.

На первых столах, ближе всего к кафедре, сидели девушки. Эшлин же оказалась не с подругами, а в другой стороне, между кудрявым юношей в кружевах и его крупным другом, похожим скорее на пекаря или каменщика, чем на будущего мага. Снова водится с нарушителями спокойствия – вон как шепчутся и пересмеиваются. «Но только ли это заставляет тебя хмуриться, магистр Бирн?» – ехидно спросил внутренний голос.

Страхнув непристойно личные мысли, Брендон обвел взглядом аудиторию, где затихали рывшиеся в котомках студенты, и начал:

– Вы уже прошли испытание и попробовали себя в нескольких направлениях, но чтобы в ваших головах из первобытного хаоса

зародились зерна порядка, я напомню вам о самом главном. О том, чему вы здесь будете учиться, зачем и как. Эти вопросы только кажутся простыми. На самом деле некоторые узнают, а главное – поймут ответы на них лишь к концу обучения.

Прежде всего вы будете изучать тривиум. Это ординарные, обязательные курсы. Без них никак. Овладеть этими знаниями обязан каждый, кто стал на путь мага. Для магического стихосложения вам понадобится овладеть искусством риторики. Слово направляет силу, оно должно быть верным. Также вы изучите знаки и символы, чтобы не ошибаться в их начертании, когда будете создавать артефакты. Сила, помещенная в предмет, опасна, если вы не позаботитесь о том, чтобы она действовала ровно так, как задумано. И наконец, алхимия. Здесь важно увидеть ее основную суть, которая совсем не в том, чтобы стать царем Мидасом и превращать все подряд в золото, закончив и стыдно, и печально.

Он посмотрел на студентов, но не на Эшлин – чтобы не отвлекаться и не позволять себе лишних мыслей. Заслушались почти все. Только красивая девица с прической, более подходящей дворцовому празднику – Эния, кажется, – откровенно строила ему глазки.

– В следующий раз мы встретимся с вами не раньше чем через год – год это для талантливых и усидчивых или уже занимавшихся ранее с хорошим учителем, обычно три-четыре – когда вы подойдете ко второй ступени, к изучению квадравиума. Там я научу вас ритуальной магии. К тому времени вы точно должны будете усвоить те простые истины, которые позволят вам не убится на ритуале самому и не угробить тех, кого вы позвали помочь. Также вас будут ждать астрология, магия музыки и целительство. А тем, кто выдержит испытание учебой и дальше, хорошо проявит себя перед нами, предстоит выбор из экстраординарных курсов – мантика, то есть предсказания, борьба с вредоносной магией и некоторые другие. Посмотрим, к чему ваша душа будет стремиться. Однако до этого еще слишком далеко. Вернемся к началу.

Брендон выразительно посмотрел, как увлеченно кудрявый юноша – Эдвард Баллиолю, конечно – пытается распушить воткнутое в щель стола перо. Способность к шалостям иногда показывала

пытливый ум, но чаще всего вела к опасным глупостям. Кто бы сказал это юному студенту Бирну двадцать с лишним лет назад...

– Позвольте спросить, магистр? – ровный голос, за спокойствием которого чувствовался звон металла. Брендон видел, что девушка волнуется, какой бы вид она на себя ни напускала. Знакомое лицо, очень похожее на того герцогского сына, правда, лишенное его павлиньего высокомерия.

– Спрашивайте, леди Горманстон.

– Как можно стать инквизитором?

Брендон услышал, как в аудитории повисла тишина. Шорохи, шепотки, скрип перьев и скамеек разом пропали. Этот вопрос, похоже, волновал многих. Магистру нравился прямой и смелый взгляд девушки, но порадовать ее было нечем. Он впервые почувствовал, что не все традиционные правила так хороши, как кажутся.

– Кто-то из вас видел инквизиторов, возможно, даже успел пообщаться с ними. Это одна из сложнейших сфер, в которую может податься одаренный магической силой. Инквизитору предстоит не только управлять своей магией, но и разгадывать загадки, что подбрасывает случай или злоумышленник. Понимать законы природы и магии, чувствовать людей, отличать правду от лжи, оставаться спокойными, когда чувства пытаются затмить разум, уметь защищать себя и других, познать глубины человеческой подлости, но не видеть в каждом подлеца – сложное дело. Это один из путей, что можно выбрать экстраординарно, но туда отбирают строго. И только мужчин, к сожалению, – добавил он, встретившись с пламенеющим взглядом Эпоны Горманстон.

Говорить правду вовсе не легко и не приятно. Но для преподавателя необходимо, чтобы ученик не тратил силы на то, что ему недоступно. Внутренний голос тут же отметил, что эти слова напоминают оправдания. Он слишком часто стал проявляться с тех пор, как Брендон познакомился с ши.

– Я слышала о женщинах-инквизиторах, – все же ответила Эпона Горманстон. И это было вежливое, но возражение.

– Несомненно, если вы интересовались вопросом, – слышали. Их было всего две, оба случая справедливо признаны особыми. Я готов рассказать для всех. Первой была Азарика Безродная, известная также как Озрик, шестьсот лет назад. Девушка необычайно хрупкого

сложения, ловкая и отважная, с сильным магическим даром, умело выдавала себя за юношу, и старик инквизитор, чьим учеником она стала, даже не задумался о проверке. Возможно, все же легендарная фигура. Вторая, леди Аннис Глостерская, триста лет назад руководила обороной своего замка от притязаний родного дяди, сильнейшего мага своего времени, при этом отъявленного мерзавца и преступника. Она потеряла мужа и сына в этой войне, но убила своего дядю в поединке, сделав, по сути, за инквизицию ее работу. Ее прошение о вступлении в ряды инквизиции рассматривали долго, но ответили «да».

– Тебе не светит, сестрица, – донес свое невероятно ценное мнение Фарлей Горманстон. – Худобой ты не отличаешься, а...

– Извольте замолчать, – коротко обрезал Брендон. Негромко, но так, что юный лорд словно подавился остатком фразы. Брендону хотелось немедленно сменить тему, и повод ему тут же дали. – Юноша, расскажите нам, вы так ерзаете, потому что случайно сели на ежа или это жажда знаний не дает вам покоя? Вы хотели что-то спросить? – обратился он к Эдварду Полведра, который повис над проходом, пытаясь что-то передать по ряду.

Оказаться под пристальным вниманием лектора в аудитории – все равно что выйти голым на площадь. Примерно так себя и чувствуешь, разве что срам прикрыть нечем, ибо он в голове. Это Брендон знал хорошо, поэтому наблюдал, как по румянному лицу Эдварда поползли красные пятна, особенно воспалили уши.

– Господин магистр... я... – Эшлин склонилась к нему и что-то шепнула. – Я хотел спросить о ши. Говорят, что они проникли сюда. Это правда?

«Зачем она это? Неужели хочет увидеть, как я, глядя в глаза ши, говорю то, что должен сейчас сказать ради всеобщего спокойствия?» Брендон поморщился, будто съел что-то кислое.

– Лыщу себя надеждой, что вас интересует природа магии и представления древних о том, откуда она появилась, а не сказки, которыми в деревнях пугают детей. Откуда в нашем мире появилась магия – вопрос до сих пор спорный и точного ответа на него нет. Давным-давно считалось, что она входит во врата между миром людей и ши, просачиваясь сквозь них подобно дыму или туману. Томас Лермонт поэтично называл их Зелеными Вратами. Но это легенда.

Эшлин сидела за партой и, накручивая на палец кончик косы, хитро улыбалась. Брендону казалось, что он слышит ее мысли, мол, давай, расскажи мне подробнее, чего еще в моем мире нет. Он окинул взглядом аудиторию и продолжил, стараясь не замечать краем глаза живое напоминание о том, что магистр Бирн впервые в жизни откровенно лжет ученикам. Возможно, те, кто желал оградить магическую науку от женщин, тоже встретился с девой из ши и она его зачаровала? Нет, не магией, а каким-то неведомым женским способом занимать все твои мысли... Мысли неслись в одну сторону, а слова совсем в другую. Чем обладают преподаватели – так это умением говорить то, что надо, не сбиваясь с ритма.

– Представьте себе, что есть ши – существа земли, деревьев и трав, и фоморы – существа каменной природы, которые черпают силу из минералов и противостоят живому, обитая в морях и скалах на побережье. Они пребывают в вечной войне. Это легенда? Нет, иносказание. Аллюзия на вечную борьбу между скалами и жизнью, что пробивается через камень. Так названы противоположные силы природы, равновесие которых дает нам возможность наблюдать привычный нам мир. Если оно нарушится, то мир потеряет устойчивость и станет непригодным для жизни. Эти легенды часто используют нечистые на руку люди, чтобы вселить страх в окружающих. Но маг не должен поддаваться суевериям.

Что ж, ты только что обозвал ректора Галлахера нечистым на руку. Или ты правда так считаешь? Противный осадок медленно опускался на дно души. Брендон уверял себя, что ректор знает, что говорит и зачем. Так нужно для Университета. Но найти того, кто убил Дойла, не поможет.

Эдвард вздохнул с облегчением, пряча в берет то, что собирался передать. Иногда тем, кто задает вопрос, нужен не ответ, а передышка.

Эпона Горманстон вздрогнула, почувствовав, как в спину ей прилетело что-то твердое. Братец ухмылялся с верхнего ряда и, считая, что лектор не видит, швырнул в нее каштаном. Жареные каштаны продавали в «Королевском лососе», но есть их на лекциях было запрещено. Правда, Фарлей и не ел...

Брендон понял, почему преподает в квадравиуме. Юных магов порой хочется отправить заряжать артефакты в покойницкую всем

курсом. Чтобы учились вести себя тихо перед лицом вечности. К тому же мертвому сложно испортить настроение.

– Лорд Горманстон, я вижу, уже овладел многими знаниями и щедро делится запрещенной едой с окружающими. Похвально. Может быть, вы поведаете нам, почему ни одно знание нельзя давать частично?

На лице Фарлея отразилось недоумение. В своих мечтах он, вероятно, хвастался перед сестрой одеждами инквизитора. Такому не важно, где служить, лишь бы все завидовали.

– Ммм... магистр Бирн... потому что мы оплатили полное обучение?

Весь первый ряд хором прыснул со смеху. Там через одного сидели те, кого взяли стипендиатами из деревень, бедных городских семей и даже повозок босоногих чумазых пэйви, так как у каждого был сильный магический дар.

– Золото – это последнее, о чем должен вспоминать маг, когда думает о науке. Самое главное – точно знать, что вы делаете, зачем и что будет, когда исполнится задуманное. Истории о том, как кто-то нанес вред с помощью магии, – в половине случаев истории о тех, кто не знал до конца, с чем связался. Не справился со своими или природными силами. Магия – это знания и власть над собой. Тот, кто идет путем мага, желая получить власть над другими, в конечном итоге смертельно ошибается. Даже над собой получить полную власть очень тяжело, и немногим дается эта наука. Особенно если по юности ею пытаются пренебречь.

Фарлей скривил губы и сделал вид, что все равно остался при своем мнении. Правда, ему в голову прилетел каштан, и сохранять лицо стало сложнее. Одна из подруг Эпоны, смуглая и кудрявая, усмехнулась.

Люди, уверенные, что все можно купить, не переведутся, пока есть деньги. Брендон надеялся, что младший Горманстон оторвет себе что-нибудь ценное неудачным алхимическим опытом и до квадравиума не дотянет.

– Гордыня, которую многие принимают за силу, – магистр задержал взгляд на Фарлее чуть дольше, – приводит к тому, что маг пытается прыгнуть выше головы. А это верный путь к тому, чтобы его силы овладели им, а не наоборот. Так он становится опасен, как

вышедший из повиновения артефакт, а значит, завершит свою жизнь в доме для магов-безумцев или в заточении, пока инквизиторы решают, есть ли надежда запечатать силу так, чтобы вернуть ему хотя бы обычную человеческую жизнь, или остается лишь избавить несчастного от страданий. Все вы помните первое испытание. Помните первую попытку овладеть силой того, кто пришел на ваш зов, когда вы нуждались в помощи. Это животное или существо должно быть вашим слугой, а не вы потакать его инстинктам. Сила – это стихия. Искусство мага в том, чтобы направлять внутри себя потоки магии, что будут проходить по определенным точкам. Чтобы сохранять трезвый рассудок... да, не стоит фыркать, как лошадь перед гнилым сеном, господа, во всех смыслах этого слова. Вы должны избегать и излишнего вина, и избыточной страсти. В идеале маг должен быть способен очистить себя от чувств, когда приступает к делу. А все мы, постигая науку, стремимся к идеалу, верно?

Аудитория утвердительно зашуршала. Эшлин не умела писать, но перо взяла и задумчиво щекотала им тыльную сторону ладони. Видимо, то, что не касалось ши, не слишком ее занимало. «А жаль, – подумал Брендон, – почему-то самые способные ученики часто самые безалаберные. Поначалу».

– Сейчас я попрошу вас сделать одно очень простое и в то же время сложное действие. Как известно, магия с трудом простирается за пределы человеческого тела. Направлять силу таким образом легко и по своему желанию без участия специальных артефактов, которые долго заряжают несколько магов, сложно. И все-таки опытный маг на это способен. А начинающий способен, так сказать, упрощенно. Я покажу вам. Выйдите, пожалуйста, к кафедре вы и... вот вы! – он указал на увлеченно выводившего что-то прямо на парте Аодана и Мавис, несмотря на свою полноту, практически слившуюся с партой, чтобы стать как можно незаметнее.

– Встаньте в двух шагах друг от друга, – скомандовал Брендон, – в двух, господа, не переоценивайте свои сегодняшние возможности. Не стоит так неистово краснеть, здесь не таверна, чтобы предлагать вам что-то непристойное. Итак, вы должны дотянуться и прикоснуться друг к другу с помощью магической силы. Если получилось, то каждый из вас почувствует прикосновение и тепло, хотя никто не пошевелит и пальцем. Сосредоточьтесь. Это очень полезное

упражнение для тренировки силы. Будете делать вечером в коллегиях, разбившись на пары.

Аодан напрягся, будто ему предстояло поднять мешок муки, и сжал зубы. Не то чтобы его пугало общество Мавис, но то, как она мрачно смотрела исподлобья, не давало ему покоя. Такие юноши, как Аодан, не слишком верят слухам, но опасаются странных. Потому что сами просты и прямы.

Мавис переступила с ноги на ногу, вцепилась повлажневшими ладонями в подол платья и вперилась взглядом куда-то Аодану в шею. С таким выражением лица можно было разве что выискивать место для укуса. Брендон слишком поздно понял, что выбрал не совсем удачную пару, но менять студентов – тратить время и отступать. Не Эшлин же вызывать с ее странностями... и уж точно не Горманстонов.

Аодан собрал все силы и зажмурился. На виске забились жилки. Простое задание оказалось с подвохом. Его магическая сила никак не желала покидать тело и кого-то там щупать. Особенно при всех. И особенно Мавис.

Вдруг Мавис вскрикнула и вlepила Аодану пощечину. Просто рукой. Но Брендон отчетливо увидел: в тот момент, когда девица ударила Аодана, в ближайших к ней лампах погасли свечи, а по деревянной кафедре пролегла тонкая трещина. Когда она, сдерживая злые слезы, сорвалась с места и под смешки, больше изумленные, чем злые, выбежала в коридор, магистр был не меньше обескуражен, чем потирающий щеку Аодан. Неуклюжая с виду девчонка смогла с первого раза не то что прикоснуться – расколоть дерево в шести шагах от нее. Опасное свойство.

– Я же только хотел коснуться плеча, – оправдывался пострадавший студент, – а получилось, ну... не там. Я схожу извинюсь?

– Надо смотреть вперед и видеть цель, – ответил ему Брендон, – а не тыкать пальцем наобум с закрытыми глазами. Садитесь. А остальные могут разделиться на пары и попробовать. Только прошу вас, на этот раз аккуратно и без лишних чувственных проявлений. Аодан, ваши извинения будут уместны, но позже. Кто-то из девушек дружит с Мавис Десмонд? Сходите за ней, помогите успокоиться.

Кудрявая Кхира побежала к выходу. Брендон договорил и вдруг почувствовал тепло пальцев, скользящих по щеке к подбородку.

Эшлин смотрела на него в упор с четвертого яруса и возмутительно улыбалась.

* * *

Магистр Эремон смотрел на крендель. Его политые медом бока напоминали ему о бесконечности. Когда одной версии событий доверяешь в глубине души больше, чем остальным, она может повести тебя по такой вот замкнутой фигуре. А разум, блуждающий по кренделю, бесплоден. Великий магистр-инквизитор отхлебнул горячего вина и откусил кусок кренделя. Так внутри стало немного теплее, а мысли обрели больше свободы.

Страсти для мага опасны. Магистр Эремон был весьма сдержан в выпивке, избегал любовных связей, не вдыхал дым восточных зелий, вначале обостряющих ум, но потом вызывающих болезненное пристрастие, дрожь в руках и печальную скудость мыслей. Более того, он никогда не предавался пустому и сладкому самосожалению, которое считал весьма распространенным и не менее губительным, чем вино. Но страсть к хорошо приготовленной еде он себе позволял как отдушину, уравнивая ее обливанием ледяной водой в любое время года и упражнениями с тяжелой железной палкой, которые ему расписал профессор Тао. Что поделать, никто не безупречен. За обучение тогда еще далеко не магистра Эремона не зря заплатила гильдия пекарей, когда-то подобравшая голодного сироту и пристроившая к делу.

Брендон Бирн честно перевел то, что было написано на клочке бумаги из руки покойного. Первым там упоминалось слово «ферн», что переводится как «ольха». Но никакой ольхи в университете не было, это дерево давно извели в угоду более приличным для университетского сада породам. Внутренность саркофага, в котором с научными целями лежал Дойл, была из лиственницы. Ольха мертвому ныне профессору могла встретиться только в качестве дров для камина, но кто и зачем будет писать на древнем языке записки о дровах? При чем тут ольха, будь она неладна? Друиды были мастера аллегорий и иносказаний. Эта ольха могла оказаться чем угодно, от направления на север до указания на болезни печени. Письменность

они зачастую презирали, так что сохранить удалось совсем мало, и то в таком творческом пересказе, что авторов тех трактатов проще счесть сказочниками, чем учеными.

Полностью фраза или часть фразы звучала так: «Ольха станет воротами для людей, и для того нужны пятеро». Легче не становилось.

Пока Ласар старательно изучал записи погибшего, к счастью, на понятном языке, магистр решил нанести один неожиданный визит. Он не рассчитывал на правду. Он хотел увидеть реакцию.

Ректор Галлахер сидел на увитой плющом скамье, из-за зелени напоминавшей беседку, и смотрел на заросший тростником пруд. Если подумать, это было зрелище редко диковатое и неопрятное по сравнению с клумбами и стриженными кустарниками сада. А Горт Галлахер не был похож на человека, который пожалел уток и решил не разорять их давние гнездовья. Хотя Эремон признавал, что во времена душевного смятения приятно наблюдать, как греется на рассохшихся досках причала утиное семейство. Пушистые утята возятся, побрякивают, сцепляются в комок, из которого кое-где торчат лапы и клювы. Жаркое лето. Утки вывели птенцов дважды. Это к урожаю.

Ректор сидел, сжимая в левой руке какую-то подвеску. Лицо его застыло, немигающий взгляд был устремлен прямо перед собой, губы шевелились. По зеленоватой воде пруда тянулась легкая рябь. Магистр-инквизитор печально заметил, что глаза его стали уже не те, и с такого расстояния он не может разобрать по губам слова.

– Позвольте прервать ваше уединение? – наконец обнаружил себя Эремон, выходя из-за ивы.

Горт ответил не сразу, будто пробуждаясь ото сна. Лицо его постепенно, начиная с уголков рта, обретало живость, как поднимается трава, избавленная рассветным солнцем от изморози.

– Вы уже прервали его, не оставив мне выбора, магистр.

На песке перед ним было с красивыми завитушками вычерчено странное. Гьетал... бессмыслица какая-то, на латыни тоже такого слова не существовало. Тоже какой-нибудь огам?

– Моя служба такова, что я вечно разбавляю мысли о высоком своими вечными вопросами о низком. Преступления редко совершаются из-за высоких идей.

– Неужели? – усмехнулся ректор, заправляя подвеску под воротник.

– Поверьте, в глубине всегда простые чувства – страх, ярость, зависть или гордыня. Их порой раскрашивают так искусно, что изобретают целые философские школы, чтобы подтвердить свое право творить зло.

– А разве само зло не философская выдумка? – отозвался Галлахер. – К чему стоять, садитесь рядом, раз уж вы настроились на диспут. Я люблю игры ума, но предпочитаю заранее знать тему ученого спора.

– В моей службе чем меньше ожидают вопроса, тем лучше, и даже при всем уважении к вам это останется так. Ректор Галлахер, мой вопрос прост. Зачем такой уважаемый человек, как вы, публично солгал, придав досужим слухам вес своего авторитета?

– Вы можете опровергнуть мои слова? – ректор снова смотрел не мигая, и от его взгляда почему-то становилось жутко.

– Ши не существуют, – раздраженно ответил Эремон и тряхнул головой, сбрасывая морок.

– Я не говорю о том, существуют ли ши. Я спрашиваю: вы можете опровергнуть мои слова?

Эремон не отвел взгляд. К его годам он мог смотреть в глаза всему, кроме солнца. Он терпеть не мог оставлять последнее слово за другими, но сейчас молчание было важнее. Когда играешь с опытным игроком, истину нельзя услышать, ее можно только почувствовать.

Ректор молчал тоже. Солнце грело тростник и уток. Иногда молчание – это очень много.

Итак, сотрудничать он не будет. А значит, хоть и неприятно, нужно ехать к королю. Университет обладает огромными свободами, и магистру Эремону понадобятся дополнительные полномочия, чтобы вести расследование при противодействии ректора.

И в чем инквизитор не сомневался – что ровно туда же отправится Горт Галлахер.

Но иного законного пути не было. А беззаконие инквизитор не любил.

* * *

Библиотека была похожа на лес из листьев-книг вдоль рядов-веток. Пахло деревом и особой терпкой и приятной пылью. Ряды уходили в глубину сложными ломаными линиями – жизнь можно было потратить, а прочитать лишь малую часть. В доме Эшлин книг не было, и сейчас она смотрела на них изумленно, как на странный, красивый, ненужный обычай людей, занимающий так много времени.

В глубине узкого длинного зала стояла Феруза Аль-Хорезми, закутанная в свой привычный синий шелк. Перед ней на деревянном треножнике была раскрыта огромная книга, как отдыхающая птица, и стояли краски. Кошка спала на вышитой подушке рядом.

Феруза бережно касалась страницы кисточкой, подновляя сложный яркий орнамент, обрамлявший ее углы. На нем причудливые синие и зеленые ветви распускались алыми цветами, и все это под сетью мельчайших золотых блесток, как солнечный луч на водной ряби. Эшлин залюбовалась. Такая особая рукотворная красота была не хуже цветника Ройсин и вина Каллена. Люди умели создавать красоту. Эшлин никогда не сказала бы, что человек хуже ши – хотя бы поэтому.

Она знала, что не сможет прочитать ни строчки, ни слова, но все же пришла в библиотеку, где после слов Горта ожидала ответа хотя бы на одну загадку из окруживших ее. Кроме того, в книгах могли быть не только слова, но и понятные ей знаки. Или рисунки.

А еще ей просто хотелось сделать что-то самой. Без Брендона. Без появившихся здесь... ну, не друзей, но тех, с кем было забавно гулять и смеяться вместе. Эшлин не могла и не хотела рассказать им все – в конце концов, они думали о ши разное плохое и очень плохое.

Ши не просят помощи у людей, если могут избежать этого.

Феруза обернулась и улыбнулась Эшлин одними глазами.

– Юная ученица муаллима Бирна просто хочет посмотреть, как я поправляю узор, или ей нужна помощь?

– То и другое, – призналась Эшлин, с досадой понимая, что помощь все же нужна. – Я искала книгу об одном человеке, хотя не умею читать. А потом увидела то, что делаешь ты. Ты делаешь красоту, и я засмотрелась.

– Я исправляю испорченное в меру моих скромных сил. Книги беззащитны перед руками злых и небрежных людей, огнем, водой – как и люди. Мой господин и супруг лечит людей, я же лечу книги. Какую книгу искала ты, Эшлин-бинти, о ком?

– Я слышала о молодом друиде, который писал знаки на глиняных табличках. Он жил примерно четыреста лет назад в этих местах или близко. Может быть, его записи сохранились? Или кто-то знал его и писал о нем?

Черные глаза Ферузы посмотрели удивленно:

– Юная ученица знает больше, чем можно подумать, – о том, что когда-то здесь был круг друидов, рассказывает лишь муаллим Бирн на своем особом курсе по огаму. Эта мудрость считается сейчас утраченной, потому изучается совсем мало. Всегда печально, когда умирает знание, Эшлин-бинти.

Эшлин чуть не сказала вслух, и крайне возмущенно, что кое-кто может знать о прошлом этих мест и побольше магистра Бирна, но удержалась и просто неопределенно кивнула.

– У всех свои тайны, – ответила Феруза и взяла небольшой закрытый светильник, – мир людей – тропа между чужими тайнами. Пойдем со мной, Эшлин-бинти. Слышала ли уже ученица муаллима Бирна о барде Томасе Лермонте? Он почитается как один из наших основателей, о нем расскажут на Осеннее Равноденствие. Он не менее велик, чем Талиесин, причем родился неподалеку отсюда, объездил все острова и вернулся сюда, чтобы умереть – или уйти в холмы, как знать. О нем больше легенд, чем правды, и в его песнях сокрыто больше, чем можно прочитать.

– Уйти в холмы? – заинтересовалась Эшлин.

– Так говорят о тех, кто, согласно легендам, уходил в земли ши через некие Врата. О Томасе Лермонте рассказывают, будто ребенком во время праздника он оказался у ши – была зима, он недавно научился ходить, отошел от дома и потерялся и замерз бы, но некие нечеловечески прекрасные юноша и девушка увидели его и унесли в свой дворец. Там он пробовал мед ши, что сделало его великим бардом и провидцем, а еще...

Эшлин на несколько мгновений перестала слышать. Перед ее глазами стоял ребенок, подобранный в снегу и переставший плакать на руках, пригревшись и заинтересовавшись украшениями в ее волосах. И медовые леденцы, которыми угощала его Ройсин.

– ...прожил более двухсот лет, не старея. Возможно, он не умер, а действительно ушел в холмы. Не все легенды о ши устрашающи. Так

вот, кроме песен он оставил кое-что еще. И он совершенно точно был вхож в круг друидов. Кого-то иного я и не вспомню.

Кошка бесшумно шла за ними. Она проснулась, как только Феруза сделала первый шаг в глубину библиотеки.

– Вот, посмотри здесь, Эшлин-бинти. Это записи и провидения Томаса Лермонта. Огромная ценность, мне досталась честь переписывать ее. Ученица муаллима Бирна не умеет читать, я помню, но здесь есть знаки огама, который использовали друиды.

Среди тщательно выведенного кружева неизвестных Эшлин букв было кое-что еще – палочки и черточки. Как на фибуле, оставленной Браданом.

– Это огам, да?

– Верно. Это удобно, чтобы вырезать знаки на дереве и выбивать на камне. Пергамент стали использовать позже.

– А ты... а вы можете прочесть мне то, что написано перед знаками огама? Где он объясняет, откуда узнал их?

– Конечно, Эшлин-бинти. Сразу лишь предупрежу, что это немного обрывочно – не все удалось сохранить.

Феруза поставила светильник, придирчиво проверив, что он не может открыться, выбросив искорки, и принялась читать мягко и очень чисто, словно творила заклятие. Эшлин мимолетно подумала, что Феруза ведь издалека, но неродной для нее язык сходит с ее губ и родным, и любимым. А потом перестала думать о Ферузе, потому что услышала:

«Книгу же нашли подле пятерых убитых друидов, чей убийца не был найден, потому поселяне более не ходили в то место, считая его опасным или заколдованным. Я же отметил иное, узнавая через годы эту историю: и убитые, и книга найдены были подле Врат, которые я называл Зелеными Вратами, дверью в потаенную страну прекраснейшего и скрытого народа ши. Когда же я стал расспрашивать, книгу с охотой и сразу отдали мне, ибо все прошедшие годы опасались и уничтожить ее, и сохранить, но, по счастью, сохранили. Я щедро наградил семью, сберегшую великую ценность, – ибо эта книга из глиняных табличек несла удивительные знания, собранные неким молодым друидом, судя по всему, даже и за Вратами. Впрочем, начинается он с огамического письма...»

– Дальше огам. А потом вот что: «Писал он также о фоморах, существах, созданных горными породами, извечными врагами ши, жестокость и коварство которых не знает границ. И, как кажется, был влюблен в деву из ши, чье имя, впрочем, нигде не упомянул. Рассказывал и о языке цветов, трав и деревьев, в совершенстве используемом ши...»

Дальше были рисунки. Которые кто-то – Томас Лермонт – перерисовал с глиняной таблички, а потом умелые руки переписчицы Ферузы повторили их еще раз. Чтобы их вот так увидела Эшлин.

– Ты плачешь, Эшлин-бинти, – сказала Феруза мягко. – Есть что-то, чем тебе надо поделиться? Я умею выслушать и никому не рассказать.

Эшлин так ожесточенно замотала головой, что волосы выбились из косы. Она злилась на свои слезы. Еще чего! Надо было думать, а не плакать.

– Спасибо. Нет. Мне надо узнать, кому Томас Лермонт отдал книгу Бра... друида. Или спрятал? Тогда где она хранится?

Феруза вчиталась в пергамент, переворачивая страницы особой тонкой закладкой.

– Вот, смотри, Эшлин-бинти, это ближе к концу записей «...мое время высчитано Кругом до точности, так или иначе я покину мир людей – это и мое предчувствие. Я оставил уже распоряжения о том, как поступить с моим телом», – дальше он перечисляет, что должно лежать в каменной гробнице, где она должна находиться – «что до книги безымянного друида, я хочу, чтобы она попала в руки того, кто ведом знанием и пытливым умом, верой в благой и прекрасный мир ши, а не алчностью и злобой. Для тех, достойных, я оставляю подсказку к пути: встань в центр моего мира без уважения – я прощу. Сделай четыре шага к черному дурману, протяни руку к белому алтею, отсчитай число его лепестков сверху, и в фоморском схроне найдешь искомое. Помни: употреби для блага, или судьба твоя будет жестока».

– Насколько мне известно, пока никто не понял смысл этой загадки, – пояснила Феруза. Она смотрела на Эшлин удивленно. Или казалось? Полутьма, скрытое легким шелком лицо – не разберешь. – Нужно ли юной ученице это записать? Я помню, что ты не умеешь читать, но если показать кому-то...

– Спасибо. Я запомнила. А где он похоронен?

– Через холм отсюда, на земле Университета. Это красивое место, и любой покажет его.

Эшлин поблагодарила еще раз и чуть ли не бегом кинулась к двери.

Там просто. Черный дурман – цветок севера. Белый алтей – запада. Пять лепестков у алтея. Фоморский схран – это тайник за камнем.

Феруза Аль-Хорезми молча смотрела девушке вслед, поглаживая кошку. Она не сказала Эшлин следующую строчку.

«Если возьмет в руки рожденная Ежевикой или разделивший с ней душу, свершится их судьба и радость. Если же рожденный плющом и хранящий злое дело в сердце своем – смерть постигнет книгу, смерть разделит влюбленных. Но нельзя в это вмешиваться ни человеку, ни ши, ибо это их и только их путь».

Феруза переписывала книги, а не писала их. И не считала себя вправе добавить что-то от себя в чужой узор.

Особенно если тот, кто начертил узор, просил его не касаться.

Глава 10

Изнанка власти

Брендон Бирн пытался вернуть себе душевное равновесие. Правда, в отличие от Кристалла ши, его нельзя было просто откопать в древнем кургане или выловить со дна болота – если у болота, конечно, вообще есть дно. Это равновесие уничтожали, не давая родиться, два противоположных чувства. Первое – тревога, смешанная со стыдом за то, что пока убийца Финнавара Дойла бродил где-то непоиманным. А сам Брендон почти ничего не сделал, чтобы помочь расследованию. Второе – невозможный сон, который оставил в душе не менее невозможный след. Эшлин – ученица и не должна вызывать внутри это горячее волнующее чувство притяжения. Желание прикоснуться. Искать встречи. Рыжая ши возникала в мыслях и путала их, смущая самым бесстыдным образом.

Лекции закончились, после обеда клонило в сон. Предыдущие дни были слишком суматошными, чтобы тратить на сон целую ночь, и теперь тело мстило, делая голову тяжелой, а руки медлительными.

Брендон сидел за столом и рисовал пером схему. Точнее, рисовал он загогулины, которые соединяли витиеватым каллиграфическим почерком начертанные слова. «Ковчег вечности», «ольха», «друиды», «ши», «память», «шаровая молния». Что из этого связано? При чем тут вообще ольха... Перед мысленным взором тут же всплыло дерево, выросшее в пещере, которое явилось во сне во время испытания. Тонкие ветви, черные сережки, серый ствол... это определенно была ольха. Видимо, он, даже проводя Эшлин по сну, думал о треклятой ольхе и огаме. А наяву – об Эшлин. Слава небесам, девушка жила в женской коллегии, потому что думать рядом с ней было бы невозможно.

Дверь скрипнула. На пороге стояла рыжая ши, из полотняного мешка в ее руках вкусно пахло пирогами.

– Я так и знала, что ты решил уморить себя голодом.

– Я просил принести обед из таверны сюда... Откуда у тебя деньги? – удивился Брендон.

– Зачем деньги? Мне так подарили. За пару венков для стен «Королевского лосося». Они ничего не смыслят в сочетаниях, но согласились, когда я им предложила... подходящие фразы. Только последний дурак будет сочетать вереск с вербеной. Это попросту неприлично, понимаешь?

– Люди не читают цветы как книги, Эшлин. Иногда это просто красивый букет. Или венок.

Эшлин фыркнула и закатила глаза, всем своим видом показывая, как тяжело дается ши молчаливое смирение перед человеческой глупостью. В такие моменты она по надменности начинала неприятно напоминать Фарлея Горманстона. Впрочем, кто сказал, что ши – совершенство? Кажется, он начинал понимать, чему может ее научить. Не так. Чему ее обязательно надо научить, иначе она убьется сама или приведет к тому всех, кто рядом с ней окажется.

От этих мыслей Брендона отвлек любопытный нос девушки, немедленно оказавшийся слишком близко от его лица. Эшлин, не стесняясь, склонилась над рисунком, едва не задев Брендона щекой. От нее пахло какими-то поздними цветами, осенними, чуть горькими.

– А это что? Заклинание?

Брендон пропустил вдох, потом шумно выдохнул. Тяжело переключать зрение с... мужского на преподавательское. Но теперь это становилось его частым испытанием.

– Это я пытаюсь понять, зачем Финн упоминал в своих записях на огаме ольху.

– Не знаю, что думают об этом люди, но ольха, ферн – это путь между мирами. Поэтому о тех, кто ушел к людям, у нас говорят, что он ушел по ольховой тропе. Ты сам по ней шел. Во сне.

Она села на деревянный стул напротив, достала из узелка пирожок и откусила половину. Запахло мясом и тимьяном. И тут Брендона будто подбросило – нет, не от голода. Просто осколки мыслей сложились в логичную, хоть и невероятную картину.

– Если так, то весь Университет может быть в опасности! – Он встал из-за стола, подхватил бумагу, на которой рисовал, и, меря шагами комнату, принялся скручивать ее в трубочку.

Эшлин смотрела на него тревожно.

– Скажи мне, ты ведь не видишь то, чего нет? Магистр Доэрти говорил, что наш сон может спутывать разум еще пару дней.

– Вот ведь старый тигль! – нахмурился Брендон, сжимая свернутую бумагу в руке, будто нож. – Того гляди, распустит слух, что я схожу с ума. Но нет. Просто я, кажется, понял, что ректор Галлахер говорит правду.

Эшлин закусила губу, рука ее с недоеденным пирожком застыла на полпути ко рту.

– Финн говорил всем, что собирался путешествовать по реке памяти вспять, – продолжил Брендон, указывая бумагой куда-то Эшлин в солнечное сплетение. – Возможно, вместо этого он понял, как путешествовать в пространстве. Создал еще один ход в другой мир. И оттуда появился ши, который убил Финна, сбежал и теперь бродит где-то в окрестностях Университета.

– Глупость какая! Такого просто не может быть! – резко отозвалась Эшлин.

– Почему? – Брендона обидела ее горячность. Впрочем, чего еще ждать от столь самоуверенной юной особы.

– Потому что я бы почувствовала! Но здесь, кроме меня, нет ши! – два последних слова зазвенели так громко, что отразились эхом от каменных стен. Неужели ей так важно быть единственной, что она готова отрицать очевидное?

– Ты уверена, что в нашем мире чувствуешь так же хорошо, как в своем?

Эшлин встрепенулась, как мокрый воробей. От нее пахло тревогой и спешкой, будто ей хотелось немедленно и любой ценой закончить этот разговор.

– Когда ты уже устанешь во мне сомневаться?!

Ее тон был возмутительно груб и для девушки, и для ученицы. Брендон холодно, как общался с зарвавшимися студентами, процедил:

– Не забывай, что говоришь со своим учителем.

Она вскочила, оказавшись совсем рядом, так, что уперлась раскрытой ладонью в грудь магистру. Никакого представления о приличиях...

– Не забываю ни на миг, что говорю с человеком, который видел в жизни одну ши и теперь уверен, что знает о них все!

Неизвестно, к чему привел бы этот разговор, если бы в дверь не постучали. Разъяренный перепалкой Брендон так произнес «войдите», что визитер несколько мгновений медлил, прежде чем отважился

показаться. Это был комендант со списком дел в половину его роста. Он поклонился в пояс и, не разгибаясь, зачастил:

– Нижайше прошу простить, что потревожил вас, магистр Бирн, но обстоятельства сложились так, что великий магистр Галлахер отправился в столицу со срочным прошением Его величеству. И по его решению все дела, которые надлежало в преддверии праздника завершить ему, должны быть завершены вами. До его возвращения обязанности ректора переданы вам, магистр, и я взываю о помощи в весьма деликатном вопросе.

Комендант изогнул шею, так чтобы выразительно покоситься на Эшлин, намекая, что не стоит говорить дальше при студентке.

– Эшлин, дочь Каллена, я предлагаю закончить наш разговор позже, – произнес Брендон. К счастью, Эшлин не ответила дерзостью при постороннем, а молча склонила голову в согласии и вылетела из комнаты. Злость и печаль уступали в глубине души магистра место опасливому отчаянию. Как-то не так он представлял себе праздник Осеннего Равноденствия.

Только дел ректора ему не хватало. Этак придется пересчитывать сливки для праздничного Длинного Пирога и слушать сетования, что лучшая льняная скатерть для длинного стола вытерлась.

Комендант дождался, пока Эшлин выйдет из комнаты, и продолжил:

– Господин магистр, студенты этой ночью опустошили бутылку сливовой настойки-двухлетки. Это хозяйка «Лосося» сказала. А потом поняли, что ночь полна волшебства и надо сделать что-то, что внесет их в анналы истории. Они взяли с собой половину белого хлеба и громко смеялись, обещая, что завтра в Университете будет... эмм... – он замялся на мгновение, вспоминая, – иппократия.

– Что? – Брендон спрятал лист со своими размышлениями об убийстве в шкатулку на столе и нахмурился. – Они решили ввести коня в ректорский кабинет?

По его мнению, знаменитая сливовая настойка-двухлетка из «Лосося» могла быть орудием убийства сама по себе.

– Нет, они решили, что стоит поднять коня над Университетом... служанка, что подавала им, слышала разговор. А теперь, – комендант сделал трагическую паузу, – у нас на крепостной стене лошадь. Что прикажете делать? Вниз идти отказывается.

– Чья лошадь? – Брендон медленно входил в роль того, у кого есть ответы на все вопросы. Только часть этих ответов звучала как «да ши его знает!». Впрочем, он надеялся, что хотя бы в этот раз обошлось без нее.

– Профессора нумерологии Хьюго Крамера.

Магистр сжал кулак и шумно выдохнул, чтобы не выругаться. Крамер теперь будет жаловаться до конца своих дней.

Порой некоторые задумывались, не призвал ли кто демона занудства, который обрел человеческий облик и теперь терзает студентов и коллег в одинаковой мере ужасно. Ему почти не давали голоса на университетских собраниях, а ректор Галлахер всегда просил профессора принести ему потом идеи как можно подробнее, но в письменном виде, и переходил к следующему вопросу. Студенты платили большие деньги, чтобы найти конспект его лекций и никогда туда не приходили.

– Идемте. Посмотрим, что можно сделать.

Брендон вышел к стене, которая плавно заканчивалась круглой башней. Оттуда на него тоскливо смотрела серая лошадка. Она напоминала сказочную принцессу в драконьей башне. Только вот подхватить на руки и спасти из плена девятисотфунтовую красавицу ни один принц не спешил.

Кобылка мотнула головой и испуганно заржала. Комендант переминался с ноги на ногу и возмущенно сопел.

– Вот ведь, олухи, непристойность какую наделали. И животину жалко. Их бы кто на флюгера верхом посадил!

– Идея неплохая, справедливая, но лошади не поможет, – отозвался Брендон, уже шагая по лестнице, по которой вслед за краюшкой белого хлеба вошла пленница. Студенты не подумали, что спускаться по лестнице, когда у тебя копыта, – невозможно. Взгляд магистра зацепился за подъемник, с помощью которого в военные времена забрасывали на стену камни и другие полезные для обороны тяжелые вещи. – Найдется хороший плотник, чтобы пришел прямо сейчас?

– Да, господин магистр! – запыхавшийся комендант с неодобрением наблюдал со стены, как внизу толпятся студенты, показывают наверх пальцем и смеются.

– Тогда есть идея. Помимо плотника мне нужны все те идиоты, которые участвовали в соблазнении этой кобылы хлебом. Будут крутить барабан и ее спускать.

– Ох, господин магистр, а они осияют? Тяжесть какая!

– Пусть друзей с курса привлекут. Маги должны уметь работать сообща.

Комендант откланялся и убежал выдавать распоряжения, пока Брендон смотрел на Университет с высоты птичьего полета. Власти хочется ровно до того момента, как приходится все решать.

Плотник выслушал указания Брендона и взялся приделать к существующему подъемнику бортики. Все-таки лошадь – это не мешок песка и не груда камней. Да и доски стоило укрепить посильнее.

Пахло смолистой древесной стружкой. Лошадь оживилась, покинула башню и по стене подошла к людям, пытаясь засунуть морду в поясные сумки. Видимо, Хьюго Крамер частенько ее угощал. Сегодня он занимался подсчетами чьей-то там высокородной судьбы и с утра еще не выходил из кабинета. Оставалось надеяться, что не выйдет еще часа четыре.

Потом подошли студенты. Они смотрели вниз и пытались объяснить Брендону, что плохо помнят сегодняшнее утро. Судя по чудовищному аромату крепчайшей сливовой бражки, почти не вдали.

– Что ж, блеете жалобно. – Брендон окинул их взглядом, прикидывая, кто из компании посильнее. – О вас теперь точно легенду сочинят. Как пятеро баранов лошадь на стену подняли. Будете искупать ошибки потом... но я надеюсь, если у вас крепкие мышцы, обойдется без крови.

Студенты напряглись, опасливо вслушиваясь в слова почти что самого ректора.

– Вот вы, – Брендон указал на тощего будущего мага на голову ниже остальных, – возьмете пару яблок и большой пучок морковки. И полетите над землей вместе с лошастью, успокаивая ее. Доверите свою жизнь остальным – если кобыла взбрыкнет от обиды и выбросит вас за борт, значит, так вам и надо. Остальные проявят силу, для применения которой, в отличие от магии, думать не надо. И хорошо бы вам помогли еще двое друзей. Платформа должна идти мягко, без тряски, а вам будет тяжело.

Студенты уныло покивали, а тот, кого выбрали в лошадиные няньки, заметно позеленел. Когда Брендона отвлекли ради встречи с мэром ближайшего города, шестеро студентов, кряхтя и постанывая, как ослики, тянули канаты барабана, который медленно спускал вниз к небольшой замершей толпе лошадь и вцепившегося в нее мальчишку. Чтобы держаться двумя руками, последнюю морковину он взял в зубы, за что и поплатился. Пусть в шорах кобылка видела мало, зато чуяла отлично. Мгновение – и студент остался на веки вечные тем самым носатым Томом, которого поцеловала лошадь.

* * *

Праздник Осеннего Равноденствия в Университете Дин Эйрин отмечался вдвойне широко – это еще был и день посвящения новичков в студенты с заданиями от старшекурсников и большой пирушкой. Уже довольно давно отдельным указом ректора запрещалось делать посвящение унижительным или опасным, так что праздник оставался праздником.

Со времен, когда Эшлин с родителями выходила в этот день благословить второй урожай – первый был еще летним, – мало что изменилось. Ей нравилось Осеннее Равноденствие своей бездумной, легкой радостью изобилия – до зимы еще долго, горы орехов, урожаи леса сменяются горами яблок, урожаем сада, все надевают зеленое в честь земли, еще почти не тронутой осенним золотом. Утром плетут венки для украшения дома и на подарки, вечером за горячим вином и яблочным пуншем каждый по старшинству рассказывает о том, какой урожай принес ему этот год, и все пьют за него, радуясь. А потом уже гости и танцы до рассвета – проводить лето. На Осеннее Равноденствие, ночью, венки дарили не просто любому приглянувшемуся, как на Бельтейн, – нет, венок осени дарится супругу или тому, кто может им стать. Только так. А если такого у ши пока нет – можно подарить лучшему другу. Как предложение смешать кровь в обряде братания или просто на удачу.

Интересно... а Горт с Гьеталом менялись вот так венками? Спросить бы. Неловко. Трудно представить себе двух суровых старейшин, один из которых еще и проклят, юношами, празднующими

Осеннее Равноденствие. Собирающими веточки вереска, ольховые шишки и желуди для венков, смешивающими кровь над снятой полосой дерна – он ляжет поверх алых капель, и земля примет их братьями, делящими чашу вина на двоих, танцующими, смеющимися.

Уна из рода Бьех, Березы, стройная, белокожая, с волосами цвета бледного золота и лисьим разрезом глаз – правду ли она говорила? Она обвинила Горта перед всеми в следовании фоморскому пути – жажде власти. Ши любят землю, благословляют ее и лечат, покровительствуют людям как ее младшим детям. Фоморы подчиняют себе скалы и русла рек, выпускают подземный огонь, гонят с горных вершин лавины, а людей уводят в рабство. В жилах Горта не было каменной, фоморской крови – но в его душе бился фоморский путь гордыни и разрушения. Так сказала Уна Береза на совете. Более того, она свидетельствовала, будто Горт рассказывал Гьеталу, что убивал людей, чтобы насытить творимые им ритуалы их жизнью. И советовал Гьеталу делать так же, усмехаясь, утверждая, что ни на что большее люди не годны – они лишены настоящей магии, короткоживущи, суетливы, отвратительны.

Гьетал поднялся после ее речи и сказал, что Уна права – такие слова звучали, но это были лишь слова, пусть жестокие и страшные. Если Горт и сделал нечто подобное раз или более – тому не было свидетельства. Гьетал просил у совета отсрочку в три дня, за которые хотел убедиться сам в виновности Горта или же решить, что этой виновности нет.

Горт долго молчал и чуть улыбался, глядя то на Гьетала, то на Уну. Так улыбается взрослый, рассматривая немного надоедливых детей. Он сказал совету, что Уна пересказала лишь то, что сама недослышала и поняла неверно. И что трех дней Гьеталу хватит, чтобы убедиться и извиниться за невесту и за свое недоверие другу.

Уну нашли через день мертвой, с разбитым Кристаллом.

Горт исчез. Его изгнали и прокляли уже вслед.

Могла ли Уна оболгать Горта, если была влюблена в него и отвергнута им? И убить себя, осознав, что натворила?

Мог ли Гьетал сам убить невесту, узнав об этом?

Слишком много вопросов без ответа.

– Ежевичка, ты о чем задумалась? – без стука влетела в комнату Эния. – Сделаешь мне венок? В «Лососе» говорят, твои лучшие.

Видела Мавис в венке – такую ее даже замуж возьмет не только слепой. Ты делала? А я не успеваю. Скоро придут старшие с заданиями, и начнется посвящение.

Венки из рук Эшлин выходили легко и охотно, и в каждый она вкладывала смысл, как привыкла дома. Для Мавис она сплела довольно сложный – сосновые ветки, вереск, белый безвременник. Это был венок-пожелание: удачи и любви до конца времен. Мавис растрогалась и заулыбалась, внезапно похорошев. Она даже спину выпрямила. И глаза у нее оказались красивые, серо-голубые, льдистые.

Удачи ей не хватало. И любви. Не той любви, которая связывает мужчину и женщину, делая их парой надолго или навсегда, – а той, самой простой, в которой объятия, разломленный пополам хлеб, смех, болтовня, разделенные сны и мечты, а самое главное – уверенность прочнее векового дуба, что друг, брат, сестра придут на помощь и встанут спина к спине – что бы ни случилось. Вот она, любовь. А красок у нее много.

Для Энии Эшлин взяла ивовые ветви и розовый бересклет – жасмин давно отцвел, но бересклет тоже означал красоту, чуть более теплую, чем жасмин. Ива – тайна, нечто в тени, то двойное дно, что смутно чувствовалось в Энии, когда та пела или улыбалась странноватой холодной улыбкой. В венок просились серебряные ленты, и Эшлин добавила их – теперь это была почти корона.

В предпраздничный день разноцветные ленты пучками лежали и висели по Университету – бери сколько хочешь. Венков много не бывает. Венки дарили друг другу, делали для себя, украшали ими стены, высокие подсвечники, деревья, ворота. Ленты, которые останутся лишними, будут ввязаны в большой сноп в женской одежде, что усадят во главе длинного стола по правую руку от ректора – Матушка Осень, так звали студенты этот сноп.

Эшлин даже не пошла с Эпоной и Кхирой в лес за ветками, орехами и поздними цветами – ее дар делать венки оказался важнее. Она лишь заметила, что студенты знают: ветки резать бережно, смазывать нарочно взятым с собой варом, не топтать лишнего, не бросать сор. То же самое говорили детям ши, отправляя их готовить праздники. Только ножи у ши были не стальные, а бронзовые.

– Эшлин, подружка, пойдем, старшие пришли, потом доплетешь! – позвала из-под окна Кхира. – Я себе сама сделала,

посмотри! Криво, да? Зато мой!

На черных кудрях девушки набекрень сидел кривоватый веночек из колосьев, на одно ухо с него свешивалась щедрая гроздь калины.

– А правда твой, – честно ответила Эшлин. Если бы ши надела такой веночек, это означало бы ее желание сказать окружающим: «Я честна и щедра, как дар земли, я непроста и весела, как алая калина». Хорошие слова. И темные глаза Кхиры под золотым с алым венком казались больше и ярче: – Тебе очень идет.

Старшие ждали в саду, где Эшлин познакомилась с Эдвардом Полведра и Аоданом. Им полагалось выглядеть мрачными и грозными, но невдалеке сколачивали столы для праздника, пахло тестом и медовым взваром, доносилась музыка – и всем слишком хотелось улыбаться от праздничного предвкушения, старшим в том числе. Их было четверо. Высокий и крепкий опрятный парень, чем-то похожий на Аодана. «Не будь он магом, наверняка стал бы подмастерьем у кузнеца, – шепнула Кхира, – ручищи-то какие». Худой и остроносый, болезненного вида юноша, чьи руки и рукава были выпачканы чернилами даже в предпраздничный день, когда никто не учился. Хорошенькая и изящная, красивее, наверно, даже Энии, девушка в очень подходящем ей венке из шиповника поверх легкого головного покрывала. И еще одна, черноволосая и загорелая, в ярком платке, из-под которого на лоб падали жесткие длинные пряди, с веселыми глазами, увешанными браслетами и кольцами руками, и босоногая. Эшлин уже говорили, что так выглядят пэйви – кочевое племя, объездившее, должно быть, весь мир в своих видавших виды расписных фургонах-вардо, умеющее, как никто, петь, плясать, лечить лошадей и видеть будущее. В вардо рождалось немало детей с магическим даром, но в университет они попадали редко – пэйви не любили жить среди чужих. С другой стороны, профессор мантики матушка Джи происходила как раз из этого народа, и именно она стала добиваться, чтобы самые талантливые юноши и девушки из вардо все же учились.

Эшлин не хотелось общаться с пэйви только потому, что она опасалась их хваленой проницательности. Как знать, вдруг босая гадалка поймет, кто перед ней.

– Ну вот что, золотые мои, – улыбаясь, заговорила как раз пэйви, явно самая бойкая и нетерпеливая из четверки. – Нам бы вас поугадать,

да ректор не велел, а магистр Бирн вдвойне не велел. Встаньте-ка, поглядим на вас. Меня называют Нелли Ворона, моя названная сестрица – Монгвин Сэвидж, а с нами Коннор Донован да Вернон Фокс. А ваши имена мы знаем.

Первокурсники, знакомые и незнакомые Эшлин, встали кружком, и взгляд темных смеющихся глаз Нелли Вороны остановился на ши так, что ей захотелось отойти за плечо Аодана или Эпоны. Эния тем временем наклонилась к Кхире, шепнула довольно громко: «Монгвин Сэвидж – это единственная дочка барона Сэвиджа, я ее видела в замке Горманстон. Видишь, а дружна с пэйви. Старый барон их ненавидит». Еще какие-то девушки по виду из знатных семей закивали – видно, общая сплетня.

– Вот вам первое испытание, на всех, – продолжала Нелли. – Всякий маг знает, что снаружи – не внутри, лепесток – не плод, глаза – не сердце. Посмотрите на нас и угадайте – кто из нас четверых скоро станет инквизитором, кто целителем, кто мантиком-гадателем, а кто останется при Дин Эйрин, да не потому, что хорош? Говорите, кто как думает, ну!

Фарлей Горманстон несколько брезгливо подал голос первым:

– Ясно же, что ты мантика, как все твоего племени. Что тут думать?

Нелли засмеялась, засмеялись и другие старшие.

– Ты поспешен, юный лорд, – мягко сказала Монгвин Сэвидж, – легко было понять, что в вопросе кроется подвох. «Часто» не равно «всегда». Не все пэйви гадалки, не все гадалки пэйви. Кто еще попробует?

Фарлей что-то раздраженно пробурчал себе под нос, но грубить баронессе не стал. Эния подвинулась к нему, зашептала на ухо, отвлекая.

– Нелли не может быть ни целительницей, ни инквизитором, – сказал Аодан, подумав. – Женщин в инквизицию не берут, а целителями пэйви быть запрещено по их закону. Я знаю, у нас в городе табор останавливался каждый год.

– А ты прав, – улыбнулась Нелли, – наши лечат только своих. Если людей, конечно. Вот животных можно чьих угодно – хоть коней, хоть собак. Еще кто что угадает?

– Ты хорошо размышляешь, но надо еще и уметь наблюдать, – добавил похожий на подмастерье кузнеца Коннор. – Соединить одно с другим – и выйдет хороший маг.

Аодан приосанился.

– Вышло так, что я немного знаю историю баронессы Сэвидж, поэтому говорить о ней мне было бы нехорошо и нечестно, – сказала Эпона. – Я уверена, что Вернон Фокс, руки которого сильно испачканы чернилами, – либо инквизитор, либо целитель, потому что это две профессии, в которых пишут много и постоянно. С его внешностью нам легко представить себе инквизитора, но... я думаю, что он целитель.

Худой юноша улыбнулся, улыбка у него оказалась приятная:

– Леди Горманстон совершенно права и весьма учтива. Она не озвучила еще один свой вывод, но он остался в выражении ее лица: я слаб здоровьем с детства и стал целителем, чтобы помочь себе самому и мне подобным.

– А значит, Коннор Донован – инквизитор, хоть и не похож! – торжествующе заключила Кхира и почти хором с ней – еще один парень из новеньких, рыжий, как Эшлин. Старшие негромко рассмеялись и зааплодировали. Коннор широко заулыбался.

– Похож. Инквизитор должен быть сильным, не только умным, – негромко и чуть тоскливо сказала Эпона. Эшлин подумала, что все же у людей многое плохо устроено. Вот хочет Эпона стать инквизитором – и стала бы. Чем она хуже собственного брата, напыщенного и противного? Да ничем, лучше намного.

Размышляя и скрываясь, как и хотела, в тени Эпоны, она отвлеклась и вдруг почувствовала пристальный, хоть и мягкий взгляд. На нее смотрела Монгвин Сэвидж.

– Ну что же ты, девушка, выйди чуть вперед, стесняться не нужно, а я хоть взгляну на тебя, – баронесса говорила ласково и при этом как старшая сестра с младшей, так сама Эшлин когда-то говорила с людьми, благословляя их в праздники. – В этом испытании есть веселье и нет обиды, правда?

Голубые глаза Монгвин смотрели светло и словно чуть сквозь Эшлин, на гладком лбу виднелись ранние морщинки, какие бывают, если щуриться, напрягая взгляд. «Она плохо видит», – поняла ши. Вспомнила, как смотрели филиды, толкуя закон, как провидцы-

судьбознатцы из семьи Ивэр, тиса, склонялись над колыбелью – ох, как же она не любила одну из таких провидиц... И не удержалась.

– Ты гадалка, Монгвин. Ты знаешь судьбы.

«Не говори, не говори мою!»

Баронесса чуть поклонилась. Остальные захлопали.

– Ты ответила верно, девушка издалека, – голос Монгвин оставался мягким и чуть грустным. – Я мантика, ученица матушки Джи. Мы не выдаем чужих тайн без нужды и не лжем даже врагам.

Эшлин поняла ответ и благодарно посмотрела на девушку.

– Что ж, а пэйви останется при Дин Эйрин даром есть хлеб? – рассмеялся Фарлей. – Как всегда вы и делаете... воровской народец.

Коннор чуть шагнул вперед, Нелли коснулась его руки и рассмеялась тоже. Незло, беззаботно.

– Все так, юный лорд, где уж простой пэйви уметь что-то, что заметит такой важный господин. Только вот в моей власти сегодня дать тебе испытание – не исполнишь, так и не станешь студентом, обычай есть обычай. Наш народ слушает старших, и я послушаюсь ректора, а то тебе бы несдобровать... но ты всего лишь разберешь к праздничному столу пшеницу и чечевицу, отделив одно от другого. Правда, Коннор, там чуть ли не бочонок случайно смешали? Ой, не случайно?

– Да уж не меньше, – подтвердил Коннор. – Я провожу студента Горманстона к сараюшке с крупами и бобами – чтобы не заблудился.

Лицо Фарлея было... сложным. Нарастающе сложным. Правда, у него хватило то ли ума, то ли чутья не возмущаться – скорее всего, понимал, что будет еще хуже.

– Вы ведь позволите мне помочь лорду Горманстону? – мягко спросила Эния. – Я служу их семье, и это мой долг.

– Ты должна знать, красавица: в Университете Дин Эйрин все студенты равны друг другу, меж них нет слуг и господ, принцев и бродяг, – ответил ей Вернон Фокс. – Твой бывший господин в этих стенах не господин тебе более.

Лицо Фарлея перекосило сильнее.

– Но если у меня есть иная причина помочь, которую я не хотела бы говорить при всех? – мило смутилась Эния и даже покраснела. – Меня учили, что девушка не должна говорить такого первой...

К счастью, лицу Фарлея было попросту некуда усложняться. Эдвард Полведра присвистнул и зашептал что-то Аодану, Кхира едва не запрыгала от восхищения, а Эпона почему-то грустно вздохнула, ни на кого не глядя.

Мавис так и молчала все время. Кокон ее молчания словно говорил «меня здесь нет». Это чувствовали и старшие тоже – по крайней мере, Эшлин так думала.

– Что ж, если все так – помоги ему, разберите крупу от чечевицы вдвоем, – усмехнулся Коннор. – Сейчас дадим испытания и остальным. Окончить все надо до колокольного звона к ужину. Помогать другим можно, но и себя не забывайте. Плохая примета – не успеть до колокола.

Почему-то Эшлин хотелось получить свое задание-испытание от Монгвин Сэвидж, но к ней подошла пэйви.

– Не боишься, милая? – спросила она с обычной своей веселостью. – Не надо. Тебе я легкое дело дам, хорошее – ведерко возьми да сходи в лес к роднику. От ворот налево, по первой же тропе у расщепленного дерева свернешь. Про лес-то разное болтают, а ты иди себе и иди королевной, на болотные огни не смотри, выпей не слушай – орут выпи в кустах, страсть!

Взгляд Монгвин тем временем рассеянно скользнул по Эшлин. Может, она и хотела что-то сказать, но перед ней стояла, получая свое испытание, веселая деревенская девушка Эмми, полнотелая, хорошенькая, любящая рассказывать про двух женихов дома и мечтающая найти здесь еще одного, получше. Эмми болтала и все что-то уточняла.

– Спасибо, – сказала Эшлин, – а лорд этот просто дурак. Никто бы про тебя такое не сказал, что он сказал. Ты что-то хорошее сделала, раз ты остаешься в Дин Эйрин. А не просто так. И еще сделаешь.

– И тебе спасибо. Захочешь – узнаешь, и что я сделала, и что могу. Беги, красавица. Пусть и удача с тобой бежит.

Когда Эшлин проходила мимо Монгвин, та чуть коснулась ее руки и почти шепотом сказала:

– Ты хотела и боялась услышать меня, девушка издалека. Я не смотрела твою руку и не раскладывала карты, я лишь знаю, что у тебя есть тайна и любовь. А сейчас помни: когда придет опасность, замирать нельзя. Беги теперь.

И, уже уходя из сада, Эшлин ощутила еще один взгляд. Неприятный. Она резко обернулась.

Будущий инквизитор Коннор Донован не стал отводить взгляд.

* * *

Напрасно Брендон Бирн надеялся, что на лошади его общественные злоключения окончатся. Неугомонную ши где-то носило со студентами, сегодня она должна была проходить испытания старших. Смутное беспокойство за то, что она может учудить, разгоралось.

Едва магистр Бирн добрался до «Лосося», чтобы выпить чего-нибудь горячего, и сел в самом темном углу, как у его стола снова возник комендант. Он, виновато переминаясь с ноги на ногу и скорбно склоняя голову, заявил:

– Нижайше прошу меня простить. Но два дела великой важности требуют, чтобы я сообщил вам о них.

Брендон просто смотрел на него, ожидая, что еще расскажет этот разносчик дурных вестей.

– В канцелярию принесли прошение от нескольких лиц, которые требуют запретить девицам красить волосы на крыше. Они подолгу сидят там в одном исподнем и тем сподвигают юношей из мужской коллегии на всяческие телесные глупости, уменьшающие силу мысли. Когда отроки разглядывают девиц, то в голове поселяются мысли, далекие от учебы.

Брендон с тоской проводил взглядом кружку, которую унесли не ему, и задумчиво погладил столешницу.

– Запретите лучше юношам разглядывать женскую коллегию в учебное время. Пусть разглядывают профессора.

– Я передам вашу волю. Теперь прошу вашего решения в еще одном не терпящем отлагательства деле!

Брендону принесли вина с пряностями и сырнй пирог. Он грел руки о кружку и думал, что если бы мог заставить людей проваливаться сквозь землю силой взгляда, то комендант уже провалился бы к антиподам. Как можно так витиевато и долго говорить!

– Мэр города просит помочь ему с небесными огнями, как было в прошлый праздник. Тогда отправили несколько артефактов и двух магов, чтобы незнающие люди не подпалили ратушу. Только просит, чтобы красных огней не было – их пугаются горожане и норовят нестись заливать водой.

– Где-то у великого магистра Галлахера было записано, сколько и чего продавали городу в тот раз?

– Простите, господин магистр, но бумаги эти в ректорских комнатах, а я с недавних пор не имею от них ключа. Господин Галлахер привез нового слугу и освободил меня от части обязанностей. Странный юноша, молчит будто рыба – немой, видать – и все время при нем, даже к королю в столицу с ним уехал. Теперь ключ у него, и все личные поручения, что не касаются университетского хозяйства, тоже на этом... рыжем.

Судя по последнему слову, парень коменданту серьезно не понравился. Оно было произнесено как ругательство. Брендон попытался вспомнить слугу ректора и не вспомнил. Немой. По сравнению с комендантом – благословение.

– Что ж, я попробую рассчитать сам, сколько нужно зарядов для этого фейерверка. Принесите мне перо и бумагу прямо сюда. Я не готов покидать пирог.

Комендант почтительно закивал и отправился в канцелярию. Брендон надеялся, что по дороге на него не налипнет еще каких-нибудь срочных дел.

* * *

Лес был темнее, чем сначала показалось Эшлин. Слишком много елей. Ель ловит свет в себя. Дерево-зима, приносящее свет и удачу зимой и забирающее их летом. Под ее ветвями выживают только самые упорные кустарнички – ель пьет землю. Тут ели были еще добры – дали место огромному брусничнику.

Расщепленное дерево, высоченная старая береза, узнавалось сразу – наверно, в него попала молния. Береза не умерла, обе части ствола дали сильные ветки, разросшиеся вширь, листья только начали желтеть. Эшлин поклонилась березе и прошептала: «Здравствуй,

матушка Бьех, долгих лет». Так полагалось при встрече с деревом – хозяином леса.

Железная ручка небольшого деревянного ведерка жгла ши руку – пришлось обернуть платком. Так было легче. Платок сунула заботливая Кхира – «а вдруг в дороге руку или ногу рассадить, мало ли».

Родник оказался слышен издали. Он бил из-под высокого и очень старого, поросшего мхом камня, и в камне же – другом, лежащем – набиралось маленькое, по колено глубиной и такое же вширь, озерцо воды, а оттуда вода уже бежала дальше на землю, превращаясь в ручеек.

Наверно, из-за шума родника, еловых ветвей или мыслей о близости холодного железа Эшлин услышала шаги за спиной, только уже наклонившись с ведерком в озерцо. Шаги и смех, плохой смех. Она обернулась и отскочила вовремя – мужчина прямо возле нее не успел поймать ее за талию, его руки схватили воздух. Еще двое стояли в трех шагах. От них пахло пивом, потом и железом. И они ей не нравились.

– Что вам надо? – Эшлин постаралась сказать громко и уверенно. Она понимала опасность, не понимала лишь, с чем опасность связана.

– Тебя, красотка, – голос ближайшего к ней мужчины был хриплым и веселым тем весельем, с которым, говорят, фоморы пытали пленников. Эшлин знала это только по сказкам.

«Когда придет опасность, замирать нельзя», – сказал мягкий голос Монгвин Сэвидж у нее в голове. Она чуть шагнула назад, чтобы был размах, и надела ведро с водой на голову мужчины, которого мысленно прозвала фомором, хотя до фомора ему было – как осенней слякоти до бури Самайна. Тот выругался под гогот приятелей, булькнул, вслепую замахнулся одной рукой, второй снимая с головы ведро – и тут верхний камень медленно, неудержимо пришел в движение.

Глава 11

Крышка захлопывается

Когда только что не было ни минуты свободной, а потом вдруг наступило затишье, любое беспокойство возвращается с удвоенной силой. Брендону казалось, что с утра он успел переделать все, что мог, и радовался только, что в праздничное время не было лекций. После ректорских обязанностей сил на них и не было бы. Надо же, есть люди, которые рвутся к власти и на этом пути с легкостью совершают неблагоприятные поступки от оговора и подкупа до яда и кинжала в спину. Знали бы они, к чему стремятся...

Брендон разжигал у себя камин. Дрова попались сырые, магический артефакт был почти разряжен, идти заряжать не было ни сил, ни желания. Так что раз за разом магистра Бирна обдавало терпким дымом, а искорки задыхались, не успевая вспыхнуть пламенем.

Или дело было не в дровах, а в настроении? Магистр Эремон, бывший пекарь, любил говорить, что смурным или злобным за тесто и приниматься нельзя. В рукотворном огне, печеве, да наверняка даже шитье есть своя магия – и она задыхается, когда на сердце тяжело.

Если бы после испытания Горманстона Брендон сразу пошел к Дойлу послушать, что важное он узнал. Вместе они бы и дракона запихнули обратно в тот мир, из которого он выбрался. Но та прогулка с Эшлин все изменила. Если бы знать. Как люди всегда умны и прозорливы, когда беда уже случилась.

Теперь там, за стенами, праздник Осеннего Равноденствия, от которого хочется отгородиться толстой стеной, чтобы не вспоминать. Например, о том, что Финн уже не хлебнет любимого сидра из красных яблок и не будет ворчать на весь «Лосось», что они недоложили сала в пастуший пирог, поэтому он не распробовал и требует принести второй. Даже от профессора, известного своими изобретениями, остается такой вот ворох нелепых и теплых воспоминаний. Брендон задумался и обжегся о язычки наконец-то разгоревшегося под поленом огня. А что останется после него?

От мыслей сделалось так горько, что душа вновь запросила можжевелевой настойки. Маг, ступивший на путь невоздержанности, – ходячая катастрофа, поэтому Брендон решил срочно найти, чем занять себе голову до следующего неизбежного визита коменданта. Ведь в пустую голову мысли наносят тревогу, как пчелы цветочную добычу в улей.

В конце концов, нужно было достать фейерверки для городка. Праздник никто не отменял.

В хранилище артефактов, что располагалось в подвалах библиотеки, было приятно тихо. Обитатели Университета в дни праздника не искали знаний. Они вязали венки и мечтали о том, как сложится их магическое и личное будущее. Многие еще не подозревали, как много сил съедает магическая наука и как мало их остается на всякие глупости вроде любовного томления. Внутренний голос въедливо напомнил, что магистру Бирну это не помешало думать о какой-то ши – вместо работы, вместе с работой и после работы. Что многое говорило о том самом магистре. И не факт, что много хорошего.

Смотритель дремал у входа, убаюканный внезапной тишиной. Обычно его работа состояла в том, чтобы не пускать внутрь студентов с пирожками, с нетрезвым лицом или тех, кто за нарушение правил был временно лишен права любоваться книгами. Этот старичок с крючковатой палкой сидел здесь еще в те времена, когда Брендон был студентом. Вдруг он друид, который обрел бессмертие четыреста лет назад?

Приветствуя смотрителя кивком головы, Брендон усмехнулся своим мыслям. Скоро друиды и ши начнут мерещиться на каждом шагу, так недалеко и до Бетлемской лечебницы, где держат магов, повредившихся умом и опасных для других. Что потом? Камни превратятся в фоморов и забегают за ним по двору? Тогда он сам сдастся в лечебницу.

В хранилище вела тяжелая дубовая дверь с железными засовами, выкованными так витиевато, словно создавал их не кузнец, а художник. Стоило им приоткрыться, как внутрь, опережая Брендона, прямо по его ногам проскользнула белая кошка. Это пушистое гибкое создание язык не поворачивался назвать животным. Жена профессора

Аль-Хорезми обращалась с ней как с высокородной госпожой, и сам профессор был с кошкой необычайно вежлив.

Брендон нахмурился. Не хватало только, чтобы кошка пострадала, наткнувшись на что-нибудь ядовитое или огненное.

Кошка юркнула в темноту и пропала, брезгливо дернув хвостом на «кис-кис». Перед Брендонем раскрывалось огромное помещение со стеллажами и сводчатым потолком, который гулко отражал шаги. В каждом шорохе мерещилась белая кошка, которая вот-вот коснется того, что ее испепелит. Объясняться после этого с Ферузой Аль-Хорезми при всей ее кротости Брендон бы не решился. Проще казалось сразу уплыть на другую сторону земли – там антиподы, псоглавцы и человекокони. Возможно, они будут к нему добрее.

Брендон, продолжая монотонно звать кошку, пошел налево вдоль стеллажей, мимо сундучков, ящичков, футляров и просто скопления странных вещей разнообразных форм и размеров. Бросил рассеянный взгляд на чашу друидов, раз уж мысли об этом утраченном знании бродили в голове. Медный, изрядно покрытый зеленцой сосуд, на стенках которого были изображения фигур с поднятыми руками, стоял на месте. По легендам, чаша умела объединять силу стихий и даже отличать правду от лжи. Но, судя по всему, это была лишь легенда – разбудить силу чаши не мог никто в Дин Эйрин.

Друиды, друиды... и тот неизвестный юнец из их Круга, к которому Брендон, сказать уж правду, безотчетно ревновал все сильнее. Как раз четыреста лет назад начался их закат. Нескольких, помнится, нашли убитыми – возможно, какие-то внутренние дрызги Круга, – остальным объявил войну на уничтожение некий не в меру ретивый королевский советник в паре с легендарным Даймондом Неспящим, основателем королевской инквизиции. Жестокие времена, что делать. Друиды продержались недолго. Вполне возможно, они действительно приносили людей в жертву, в этом случае их не слишком жаль, жаль лишь утраченных знаний, которые никто не подумал сохранить. Жаль священную рощу, особенно дуб, срубленный и сожженный Даймондом Неспящим.

Брендон склонился к чаше, чихнул от пыли и тут же услышал грохот через три стеллажа от себя. Он уж точно не мог устроить подобные разрушения!

Несколько очень быстрых шагов – и ему открылась именно та картина, которую он боялся застать. Точнее, почти та. На полу лежала черная каменная шкатулка с откинутой крышкой, из которой вывалилось что-то блестящее, похожее на украшение. На полке, где, видимо, шкатулка только что стояла, удивленно перетаптывалась с лапы на лапу белая кошка. К счастью, живая и невредимая. Однако едва Брендон нагнулся, чтобы поднять упавшее, четырехлапая дама спрыгнула ему на спину, оттуда на пол и на всякий случай отбежала подальше. Потом оглянулась. Магистр мог поспорить, что с высокомерным любопытством. Ее желтые глаза светились в полутьме, отражая огонь фонаря.

Он не сразу понял, отвлекшись на кошку, что именно поднял с пола. А когда понял – едва не уронил обратно. В ушах зашумело, перед глазами почему-то промелькнула пещера из сна и тропа к домику над скалой.

В руке у магистра Бирна лежал полупрозрачный, очень красивый вытянутый кристалл, оправленный в тонкие серебряные ветви ежевики и еще какой-то травы. Внутри кристалла перемигивались, мерцали синеватые искорки.

Кошка торжествующе мяукнула и принялась вылизывать лапу.

* * *

Камень над родником растрескался, раскачиваясь, дрожа сильнее и сильнее, словно какая-то чудовищная сила пыталась вырваться из него наружу. Трещины сочились водой, и эта вода закипала – пар вырывался струйками вверх. С троих слетело все злое веселье. Эшлин отскочила. Почему-то – она вспоминала это потом – в ней не было страха перед дрожью камня, хотя она никогда такого не видела раньше.

– Бойл, чтоб ты провалился, это не девка из деревни, это магика! Студентка! – один из троицы отмер и схватил облитого водой приятеля за плечо, оттаскивая назад. – Он нам запрещал! Пошли! Быстро, валим отсюда!

Названный Бойлом что-то бурчал, но, кажется, водная процедура от Эшлин его отрезвила. Третий приятель, кажется, самый трезвый,

сдернул с головы шапку, украшенную зелеными перьями, и неумело, но старательно раскланялся:

– Девица, я прошу прощения за моего друга, он немного перебрал в честь праздника. Вы это... уймите камешек-то. А мы пошли. Может, я вам того... водицы наберу?

– Вон. Пошли. Пока. Камень. Не сорвался. С места, – отдельно проговорила Эшлин. – Вон. Пошли.

С той резвостью, которая присуща селянам, неожиданно увидевшим хищника, тройца удалилась – нет, не в сторону расщепленной березы, а куда-то в глубину леса. Только тут Эшлин затрясло.

Она положила руку на камень – тот был горячим. Поглаживая его, словно успокаивая пса или коня, она прошептала: «Спасибо, кто бы ты ни был».

И поняла, что движение камня медленно замирает под ее рукой.

Эшлин подобрала брошенное ведро, набрала воды и пошла к расщепленной березе. Ей хотелось бежать бегом, но она заставляла себя не спешить. Нельзя показывать страх. Нельзя. Вдруг за ней еще наблюдают те трое. Если они увидят, что она боится их, – перестанут бояться ее.

О платке Кхиры она совсем забыла и даже не замечала растущего в ладони жжения.

У самой березы ее встретили Монгвин Сэвидж и Коннор Донован.

– Что-то случилось, – это не был вопрос, баронесса знала. – Мы решили пойти навстречу.

– Что с твоей рукой? – пригляделся Коннор. – Поставь ведро. Надо же, как ты растерла... такая острая ручка? Или ты до того где-то обожглась?

Монгвин протянула Эшлин платок – шелковый, тонкий, совсем не такой, как у Кхиры, и Эшлин прижала его к ладони, не дав Коннору рассмотреть и не ответив. Руку саднило и жгло.

Ее рассказ заставил старших тревожно переглянуться.

– Никогда раньше такого не случалось – окрестные деревни с уважением относятся к Дин Эйрин. Я сообщу магистру Бирну, – сказал Коннор. – Но сначала провожу вас обеих обратно в сад. Эшлин, я сам отнесу ведро. Это не нарушение, не беспокойся.

– Скажи, а туман над камнями стоял? Такой густой, зеленоватый? – вдруг спросила Монгвин.

Эшлин покачала головой. Она бы заметила. Почему-то старшие переглянулись снова.

* * *

День у Эдварда Баллиоля, известного как Полведра, не задался. Вот так бывает – ждешь праздника, а он наступает на тебя, как лошадь, и идет дальше. А тебе остается только вопить и прыгать на одной ноге.

Началось все с задания от старшекурсников. Не издевательского, но противного. Эдвард старательно оттирал витражи в аудитории кафедры ритуалистики. Это было тянущееся к небу тонкое и острое здание с узкими стрельчатыми окнами, и каждое из них было украшено витражом, изображавшим ритуальный предмет или схему. Возможно, предполагалось, что так основы запомнят даже те, кто приходит на занятия с пустой головой и глазеет по сторонам.

Эдвард протер уже одиннадцать из двенадцати витражей. Так что чувствовал, как ноют руки по самые плечи, а заодно запомнил, что в ритуале по зарядке огненного вихря используется восемь предметов и четыре мага. У магов были такие вытянутые скорбные лица, будто они не вызывают огонь, а горят сами. А потом Эдвард поскользнулся и пнул ногой ведро, с которым вместе едва помещался на стремянке. Полведра определенно начинали его преследовать. Ведро описало дугу и врезалось в витраж, разбив какому-то древнему магу сердце и голову одновременно. Верхняя часть витража со звоном осыпалась, оставив кусок с острыми, похожими на чудовищные зубы осколками.

Ректор был в отъезде, но это не помешало коменданту втащить незадачливого помощника в комнату и час рассказывать о стоимости погубленного имущества, точнее, о его бесценности, а заодно о том, насколько это ужасная примета в праздник и что во времена молодости коменданта, провалившего посвящение студента, изгнали бы с позором. К концу этой речи Эдвард был готов продаться в рабство на галеры, только бы лично засыпать этого зануду с ног до головы золотом, чтобы он под ним задохнулся. Не то чтобы Баллиолю боялся разорить семью – в его случае для этого дела понадобилась бы пара

войн и недолгий потоп, желательно всемирный. Но быть обвиненным во всех смертных грехах из-за чистой случайности и чужих суеверий – отвратительно.

И тогда Эдвард совершил еще большую ошибку. Он пошел заливать свое горе в «Лосось». По дороге нашел Аодана, давно исполнившего свое задание красиво одеть сноп и мирно дремавшего в тени дерева. Ясно было, что жизнью он доволен, а теперь копил силы для гулянки сначала в Дин Эйрин, а потом и в городе.

Друзья завернули вместе в таверну, где шестеро студентов играли в кости. Весело, азартно, постукивая кружками по столу и громко гогоча. То, что в подвыпившую компанию затесался Фарлей Горманстон, Эдвард заметил уже, когда спросил, можно ли присоединиться. Видимо, они просто еще не поняли, что представляет собой этот индюк. Зато у Фарлея глазки сверкнули по-крысиному. Он явно затеял какую-то пакость.

Горманстон – будущий родственник Эдварда, потому что отвертеться от брака ни у самого Эдварда, ни у Эпоны пока не получилось, – ежедневно ходил к ректору на индивидуальные занятия, потому загордился еще больше, чем раньше. Хотя студенты болтали, будто это связано не с талантом Фарлея, а с бездарностью, ректор надеется ну хоть чему-то его выучить ради дружбы и денег герцога.

Среди тех, кто играл, нуждающихся в деньгах не было, так что старший, потряхивая в широкой ладони кости, заявил, что играют здесь на интерес. Тот, кто проиграл, выполнит задание выигравшего. Аодан положил руку на плечо другу. Он всегда делал так, предостерегая. Но неудачный день подхватил и нес Эдварда, заставляя выбирать самые дурацкие из возможных решений.

– Идет! – сказал Эдвард и сел на стул с таким грохотом, будто был в рыцарском доспехе. Аодан встал за его спиной, молча наблюдая. Он всем своим видом намекал на то, что обманывать, даже очень хитрым магическим способом, его друга не стоит. Ибо выиграть в таком случае можно было бы только тумаки.

На втором кону Эдвард разошелся, прикончил кружку пива, начал вторую, картинно выбрасывал кости из рук, так что они разлетались по всему столу. «Даже пятерку выкинуть не можете, косорукий вы неудачник», – внутренний голос теперь надолго обрел тон проклятого коменданта. Эдвард волновался, подскакивал на месте, дышал на

кости, но неумолимо двигался к провалу. Пока на последнем кону не проигрался вконец.

Он, сжав зубы, наблюдал за тем, как решалась его судьба, и мысленно ругал окружающих за дурное воображение. Пока оно вертелось вокруг четырех кружек пива, серенады под окном коменданта мужской коллегии, распевания песен в обнаженном виде и подкладывания петуха в комнату к девицам. А потом Фарлей Горманстон с улыбкой высказал свою идею. И лучше бы воображения у него не было.

– Мы все наслышаны о боевом духе Эдварда Полведра, которого не испугал даже гнев профессора Тао. Он может сделать что-то действительно впечатляющее. Все сейчас обсуждают таинственную смерть профессора Дойла. А ведь то, над чем он работал, осталось. Говорят, будто профессор в своем особом гробу познал тайну происхождения мира. Пусть Баллиоль ляжет туда же и расскажет нам, что увидел. Получаса хватит.

Эдвард посмотрел, с каким маслянистым удовольствием улыбается Горманстон, и понял, что теперь отступить – значит завоевать славу последнего труса. На задворках сознания здравый смысл вопил о том, что тот же ши, что убил Дойла, придет и за Эдвардом, и только потерявшие разум лежат в гробу живьем по доброй воле.

– А это правда любопытно, – усмехнулся старший. – Ну как, мелкий, по рукам? Мы помогаем открыть склеп, а ты ложишься.

Аодан так шумно вздохнул, что у Эдварда волосы на затылке зашевелились. Но он, если что, даже из ада друга вытащит – Полведра не сомневался. Отступать нельзя. Поэтому Эдвард сделал третью за этот день фатальную глупость.

– По рукам. Интересно, если я раскрою тайну происхождения Вселенной, меня сразу магистром сделают?

– Сделают, – почти нежно пропел Горманстон, – посмертно.

И от этой его уверенности стало жутковато.

* * *

Едва услышав от Коннора Донована, что на Эшлин напали, Брендон с трудом удержался от того, чтобы не броситься к ней, удостовериться, что с ней все в порядке. Но должность не позволяет магистру носиться как мальчишке. Он выслушал будущего инквизитора, хмуро кивнул и переспросил, где сейчас находится пострадавшая студентка. После немедленного визита к деревенскому старосте было бы не лишним ее найти.

– И знаете, что еще странно, магистр Бирн? – заметил Коннор. – Присмотреться бы к этому месту. Вы ж знаете, почему мы туда на посвящение отправляем – там туман над камнями всегда стоит, страшновато, но неопасно. Так вот, я же ходил туда. Нет тумана. А камень чуть иначе стоит. Словно там ритуал кто-то проводил, и место изменилось. Не слышали об этом?

Брендон не знал. И ему это не нравилось.

Лошадь Брендона, привычная к неспешным прогулкам в окрестностях Университета, подустала нестись к деревне во весь опор. Придержал он ее только у самого поворота дороги, где открывался вид на дома, чтобы въехать более степенно. На деревенской площади собирали хворост для большого праздничного костра, уже растянули два шатра и прикатили пару бочек. Дети крутились вокруг большого котла, от которого пахло яблоками и медом. Брендон, не спешиваясь, спросил какого-то тащившего корзины с хлебами парня, где староста. Ему указали на седого человека у дальнего шатра, который распекал бойкую румяную женщину в съехавшем чепце – та незло отругивалась.

– Доброго дня.

Заметив подъехавшего магистра, староста и его собеседница согнулись в поклоне.

– Доброго, господин магистр!

– До меня дошло, что ваши юнцы – их было трое – сегодня помешали девушке из Дин Эйрин набрать в лесу воды. Были с ней невежливы и вели себя крайне непристойно. Еще слишком рано, чтобы их оправдывал избыток хмельного в голове.

– Прошу меня простить, господин магистр, но тут нашей вины нет, – староста говорил искренне удивленно. – Чужаков мы здесь не видели, хоть лес густой, там и медведь потеряться может. А мои с утра раннего все здесь и туда не отлучались. Мы столбы для шатров

вкапывали, столы ставили. И я с ними был. А за вином и пивом в город у нас ездят те, кто поведения самого трезвого – сами понимаете. Некогда нашим перед праздником бедокурить, вот головой клянусь, господин магистр!

Брендон внимательно смотрел на морщинистое лицо с плоским носом и внимательными карими глазами. Этот человек не врал, не юлил, был взволнован, но не испуган.

– Что ж. Если увидите чужаков, пусть нам о них сообщат. Не хотелось бы видеть этот лес разбойным. Разбойники хуже блох – если заведутся, всю округу искусают, а вывести можно разве что огнем.

– Исполним, господин магистр. Не держите зла, не мы это.

– Счастливого вам равноденствия и сытой зимы.

– Благодарим вас!

Брендон развернул коня и направился обратно к Университету. Он ехал шагом, потому его легко догнала румяная молодуха в чепце.

– Господин магистр, простите меня. Видела я чужих. Вчера. А старосте не сказала. Я невестка ему, знаю, он сердцем хворает. Не хотела волновать-то.

– Вы можете что-то рассказать о них?

– Да я разве разглядывала? Трое. Не отсюда. Лет, может, под тридцать старшему, в шляпе он с пером зеленым, двоим лет поменьше. Попивают, видать. Оружные все.

– Вам ничего не сделали?

– Да нет, – молодуха усмехнулась. – Ну сказали разного, а я и говорю – сейчас крик-то подниму, а до мужа с братьями рукой подать, прибегут. Оно им надо?

– Спасибо. Скажите свекру, чтобы после праздника приехал в Дин Эйрин, наш профессор или кто-то из старшекурсников осмотрят его и сделают сердечных капель. И предупредите пока девушек и молодых женщин, чтобы одни в лес не ходили. Да, еще. Вы не знаете, как давно пропал туман над родником?

Молодуха задумалась.

– С неделю назад был – мы ходили воды набрать, так у самого родника чуть не оцупью шли. А вот вчера-то и не было. Спасибо вам, господин магистр. Свекор-то ворчливый, да славный. Скажу ему.

Напавшие на Эшлин явно не были ши. Но разбойников тут давно не бывало, и появление их было не к добру. Особенно в праздник.

Брендону все меньше нравилась эта история.

Зеленый же туман когда-то с незапамятных времен метил родник и чашу за ним. Даже сказки ходили, будто то ли ши, то ли фоморы бросили в воду под камнем зачарованную вещь, чтобы вода давалась только добрым гостям – а иных, дескать, туман не пропустит. Сказка сказкой, но странно.

Брендон прорвался мимо коменданта, пытавшегося изложить ему историю бесславной гибели одного из витражей и пожаловаться на чрезвычайно дорогие сливки для Длинного Пирога, и нашел Эшлин в саду. Там же она ждала его, впервые появившись в Университете, пока шло испытание Фарлея Горманстона. Много ли времени прошло? Или мало? Казалось, что целая жизнь, и всю эту жизнь они друг друга знали.

Эшлин плела венок, что-то тихо напевая, и Брендон мог поспорить, что цветы становятся от ее голоса ярче. Он хотел строго отчитать ее за такое опасное дело – вдруг кто заметит необычную магию, – но растерял все слова, едва она подняла взгляд.

– Господин всезнающий магистр?

– Как ты? Коннор Донован мне рассказал.

– Нет, не всезнающий, – рассмеялась она, видимо, растеряв утренний запас злости, – иначе бы знал, что железное ведро причинило мне больше зла, чем эти грубияны.

Эшлин протянула Брендону ладонь, по которой растекалось яркое красное пятно заживающего ожога. Он сжал ее запястье и легко прикоснулся губами к тонким, испачканным травой пальцам, сам от себя этого не ожидая.

– Надеюсь, ожог никто не видел?

– Подумаешь... мало ли где я могла обвариться, здесь сегодня костры на каждом шагу. Щекотно.

Брендон сел рядом, все еще пытаюсь взглядом разыскать какие-то увечья, в которых она не призналась. Но Эшлин выглядела как обычно.

– Как они выглядели?

– Как люди, – пожалала плечами Эшлин, – обычные. Если ты все еще ищешь в окрестностях ши, то это точно не они. Я не поняла, чего они хотели.

– Насчет ши... мне надо тебе кое-что показать. Очень важное.

Эшлин заинтересованно посмотрела на него, и тут в их цветочное уединение ввалилась компания из Аодана и Кхиры. Они выглядели так, будто следом гналась толпа воинов с мечами наголо.

– Господин магистр! – голос Аодана гудел как из бочки. – Там Эдвард... в гробу. То есть в этом...

– В склепе Дойлов, – добавила Кхира срывающимся голосом, – и он не открывается. Может, мы сломали уже?

Брендон побледнел и резко вскочил со скамьи, едва не опрокинув Эшлин в клумбу.

– Кхира, найди Мавис, пусть срочно отправляется туда за мной!

К склепу Дойлов мимо веселых компаний празднующих студентов неслась удивительная по своему составу компания. Возглавлял ее ныне исполняющий обязанности ректора Брендон Бирн, следом за ним, ничуть не запыхавшись, бежал огромными прыжками Аодан и едва поспевала Эшлин. Чуть дальше бежал почти полный состав новеньких из женской коллегии. За Кхирой и Мавис увязалась Эпона Горманстон, избавиться от которой можно было и не пытаться. Она обогнала девушек и бежала наравне с Аоданом.

Калитка, ведущая на кладбище, поскрипывала на петлях, свободно покачиваясь. Ее вскрыли и не удосужились задвинуть засов. В узких окнах склепа Дойлов сквозь витражи виднелись всполохи света. Мощные деревянные ворота, защищавшие склеп от чужого вторжения, были умело открыты с помощью магии, но тот, кто это делал, был не до конца аккуратен и оставил на досках пару подпалин. Хорошо, хоть ничего не поджег.

Первое, что увидел Брендон, – пляшущие по стенам и потолку тени. Сквозь затейливый дырчатый узор на крышке «Ковчега вечности» поднимались лучи света, будто бы вместо Баллиоля внутри лежал фонарь. Нет, целая куча фонарей. Спорщики разбежались, живых, кроме тех, кто сейчас сюда вбежал, больше не было. Считать ли живым Баллиоля, пока никто не знал. Но если он был уже мертв – учитывая его семью, магистр Брендон Бирн мог бы заодно заняться и собственными похоронами тоже.

К его чести, беспокоился он все же о незадачливом Эдварде.

– Аодан, попробуем снять крышку! Замотай руки тканью, может обжечь, – Брендон и сам бросился помогать студенту, но, как они ни силились, сдвинуть плиту не выходило. Но как-то же Дойл выбирался из этого каменного ящика?

Эшлин и Эпона присоединились к их усилиям. Еще через пару минут в крышку вцепились Мавис и Кхира тоже. Бесполезно. Это была магия, а не просто тяжесть.

– Мавис! Что делал Финн... профессор, когда хотел выбраться? – у запыхавшегося Брендона был очень хриплый голос. По лбу катились капли пота, хоть здесь было совсем не жарко. Этот непонятный свет был холодным.

– Откуда я знаю, он изнутри это делал. Я не подглядывала, – отозвалась Мавис, – но при мне оно так не светилось. Я вот только думаю, быстро он не умрет. Там воздух есть.

Брендон смотрел на растерянных студентов и понимал, что воздух, может, и есть, а вот времени нет. Кто знает, что происходит внутри. Даже если вместо этого высокородного идиота там остался один прах, они должны попытаться его достать.

Ритуалист он или нет?

– В круг, быстро, и возьмитесь за руки! – скомандовал он, подхватывая ладонь Эшлин. Оставалась надежда, что ритуал, проведенный таким количеством магов, поможет. Больше всего он надеялся на себя самого и ши.

И Аодана, лучшего друга Эдварда.

И Мавис с ее выплесками силы.

И Эпону, как ни крути, связанную с Эдвардом родительским сговором.

И Кхиру с ее неунывающим характером.

У каждого своя сила.

Когда все взялись за руки, Брендон закрыл глаза и крепко сжал руки Эшлин и Аодана. Перед его мысленным взором маленькая искра проскользнула через пальцы, чуть обжигая кожу, и понеслась по цепочке, пробуждая в ведомых магического круга силу. Теперь перед каждым из учеников и перед самим Бренденом на уровне солнечного сплетения – «среднего дантьяня», сказал бы профессор Тао – быстро рос маленький световой шарик цвета бледного золота, он вертелся волчком, становясь все шире, до размера кулака. Только теперь

магистр Бирн сосредоточился на крышке «ковчега» и сильнее сжал руки стоящих рядом.

Искра проскочила сильнее, ярче, Эшлин слабо пискнула, Аодан поморщился. Они еще не привыкли к тому, что приходится терпеть в ритуалах. Повинуясь новому импульсу, каждая сфера сорвалась со своего места и влетела в крышку ковчега, полностью в ней растворившись. Раздался такой треск, будто над головой рушилось небо. Выпуклая каменная плита, отделанная изнутри деревом, треснула ровно посередине. Свет тут же погас. Кто-то, вероятно, Мавис, бросился зажигать местные светильники. Но еще в темноте, пошатываясь после ритуала так, будто каждый выпил по бочонку вина, спасатели бросились к «ковчегу».

Когда наконец-то зажглись полосы огней, то взорам открылась прелюбопытнейшая картина. Аодан держал в руках половину каменной плиты, которую только сейчас соизволил медленно опустить на пол. Кхира вместе с Мавис стояла у светильников. А над сидящим в «гробу вечности» очень встрепанным Баллионом склонились Эпона, Брендон и Эшлин, все еще державшиеся за руки.

Эдвард с трудом сфокусировал взгляд на Эпоне, широко улыбнулся, раскрыл объятия и заявил:

– Как же я рад, что и ты жив, драгоценнейший друг мой! Сила того негодяя велика, но мы вместе... – он качнулся и грохнулся обратно.

Недовосставшего из гроба Аодан поднял на руки и вытащил наружу.

– Он что, рассудком повредился? – спросила Эпона, кажется, почти сочувственно.

– Это мы тут с ним повредились, – заметила Кхира. – А он что, отряхнется и пойдет. Уж поверьте. Магистр Бирн, вы родителям его не пишите, не надо. Меньше знаешь – крепче спишь.

Брендон считал, что обсуждать рассудок Баллиоля или то, что заменяло ему рассудок, пока рановато. Однако во всем надо было найти что-то успокаивающее. Поэтому он глубоко вдохнул, выдохнул и сказал:

– Отнесите его к Риану Доэрти. Пусть осмотрит внимательно, при необходимости привлечет профессора Аль-Хорезми. Считайте, что сегодня вы заранее сдали один из зачетов по ритуальной магии. И

обязательно съешьте что-нибудь. Иначе весь праздник проведете без сил.

Снаружи донеслась музыка начала праздника. Магистр Бирн должен был срочно занять место во главе стола – иначе это действительно сочли бы дурным предзнаменованием вроде того, что следующий год оставит место ректора пустым.

И только выйдя наконец-то к длинному праздничному столу, усевшись возле наряженного в женское платье снопа, Матушки Осени, и подняв кубок в приветственном жесте, Брендон Бирн понял.

Он так и не сказал Эшлин о Кристалле.

Глава 12

Ночь Осеннего Равноденствия

Праздник был похож на те, дома, в семье Муин. Пестрее, менее стройный, но не менее веселый. Звучала музыка, пахло пряностями, ветер играл лентами. Эшлин пила из деревянного кубка яблочный сидр и ела с одного блюда с Эпоной ломти сыра с тмином и пышный горячий хлеб, макая его в масло с травами. Знаменитый Длинный Пирог, весь во взбитых сливках, внесли двенадцать слуг, когда стало темнеть, – пирог был окружен свечами, и его встречали стоя, торжественно, и магистр Бирн серьезно сказал: «Приветствуем дар урожая, пирог пирогов и поднимаем кубки за то, чтобы и через год он вернулся к нам». На этом дела слуг окончились, и они тоже сели за стол – Университет праздновал, как празднует семья. Потому стол и был огромен, состоял из множества составленных вместе столов, извивался длинной ломаной линией. А в воздухе, высоко над головами, висели горящие свечи на серебряных блюдах – желтые, оранжевые, красные, цвета наступающей осени.

Профессор Тао в пышном венке из розовых гортензий сидел между профессором Аль-Хорезми, на голове которого был ровно такой же венок, и маленькой, совершенно седой черноглазой женщиной в алом платке, настолько обильно украшенном бархатцами, что платок казался золотой короной. Это была профессор мантики – матушка Джи, это уже нашептала подругам Кхира. В праздник матушка Джи обещала погадать желающим. Кажется, этого хотели все, кроме Эшлин. Феруза Аль-Хорезми, сидевшая с другой стороны от мужа, кормила белую Сахаб, поставив ей тарелку на табурет. Шея кошки украсилась ленточкой, к которой чьи-то руки бережно прикрепили еще одну гортензию, тоже розовую. Хороший цветок для венка, Эшлин мысленно одобрила – ласковое пожелание благополучия и мира. Скорее всего, Феруза Аль-Хорезми тоже чувствовала цветы, пусть и не знала их язык. На ее волосах поверх неизменного покрывала тонким ободком лежал венок из незабудок. Верность.

Эдварда привел Аодан, усадил бережно, как фарфорового, и Эшлин выдохнула. Полведра был весел и точно узнавал окружающих,

а после кубка сидра вежливо поклонился Матушке Осени, схватил сноп в юбке и кинулся с ним – или, вернее сказать, с ней – танцевать в первой паре джиги. Во вторую Нелли Ворона утащила Аодана, пары звонко отбивали ритм на деревянном настиле, нарочно положенном для танцев, неслись по кругу, и вот уже профессор Тао пригласил раскрасневшуюся Кхиру, а сидевший подле Брендона Риан Доэрти хлопнул ладонью по столу – и над танцующими взлетел золотистый вихрь пыльцы, тут же превратившийся в бабочек и вьюном закрутившийся под свечными блюдами. А когда бабочки вновь рассыпались в пыльцу, вышла Феруза Аль-Хорезми, улыбнулась, подбросила в воздух семь шелковых платков, и они танцевали в воздухе, словно удивительной красоты птицы, и от этого становилось тепло внутри, как бывает перед очагом или на закате.

– У нас дома было не так весело, – сказала Эпона. – Хотя, конечно, богато и пышно. У нас даже королевская семья бывала, но это, знаешь... как на экзамене. Тут лучше.

Она говорила и следила взглядом за Фарлеем и Энией, вышедшими танцевать свечной бранль и особо нежно передававшими друг другу зажженную свечу, глядя в глаза.

– Ты скучаешь по дому? Я очень, – призналась Эшлин. – У нас весело было. Как тут. Даже если важные гости, все равно весело.

– Я не очень. Вот видишь моего брата? Он отцовский любимец и матушкин тоже. У них долго не получались дети. Потом я, а я, как видишь, не мальчик. Они уже перестали надеяться, и вдруг сын.

Эшлин уже поняла, что в человеческом мире мальчик почему-то важнее девочки.

– А если ты выйдешь замуж за Эдварда, ты же уйдешь в его семью? Так у вас принято?

Последняя фраза была не очень удачной, но Эпона не заметила.

– Ты думаешь, мне там будет лучше? Немного да. У него очень любящий отец, действительно очень, и если с Эдвардом что-то случится – мне будет жаль в первую очередь его. Сестра тоже очень милая. И если о семье говорить, Эдвард немного даже похож на меня – как бы его ни любили, он в тени брата. Только брат там старший и очень такой... ну, можно понять, за что его большинство любит. Красавец, герой, умен, образован, стихи пишет. Магией только не одарен.

Эпона говорила безразлично, ей красавец и герой явно не особо нравился.

– Тогда, может, вы бы с Эдвардом и сошлись? У тебя брат родительский любимец, у него тоже...

– Эшлин, ну ты видела его? Как ему жениться? Он себя ведет так, словно ему двенадцати не исполнилось. Ему бы котом родиться, а не человеком: все любят, хорошенький и играть можно целыми днями. Я не замуж и детей хочу, понимаешь? Уж тем более детей от него, представь себе, два-три таких кудрявеньких и безмозглых! Я хочу что-то делать, настоящее, большое и интересное. Даже если не инквизиция, даже если меня туда не пустят – все равно. А ты? Ты чего хочешь? Ты почти не говоришь о семье, а я спрашивать боюсь.

Эшлин задумалась. Она не задумывалась, чего хочет сама. Ши чаще создавали пары, обмениваясь Кристаллами, реже оставались одиночками, точнее, не совсем одиночками – всегда окружала семья, а семью – род. Ну разве что ши сам хотел жить в отдалении и приходить в семейный дом от случая к случаю. Детей обычно любила вся семья, весь род, но в ранние времена случались и страшные вещи вроде войны сына с отцом, обычно в этом винили затесавшуюся фоморскую кровь или чье-то проклятие.

– Я хотела быть вместе с одним человеком. И что будет дальше – не думала. Он был чужой, пришлый. Родители не знали, только брат немного. Если бы узнали – был бы тяжелый разговор. Потом он исчез. Я не знаю, где он.

Эпона накрыла ладонью ее руку.

– Эш, а хочешь, поговорим с матушкой Джи? Она искала пропавших с помощью своего дара, я точно знаю. Если даже самое плохое – лучше знать, разве нет?

«Самое плохое. Ты даже не представляешь, Эпона, насколько плохо это самое плохое», – подумала Эшлин, но руку не отняла, а вслух сказала:

– Нельзя мне к ней. Не могу рассказать, просто поверь.

Эпона кивнула:

– Я знаю, что у тебя есть тайны. Ты и не деревенская – держишься иначе, речь другая. Ты словно принцесса, скрывающая имя и титул. Но это твое право. Поделишься, если захочешь, – я тебе помогу. Я твой друг.

Неожиданное желание поделиться всем случившимся среди праздничного шума, в котором все равно растают любые слова, и их не подслушать, было сильным и острым. Но неугомонный Полведра со снопом наперевес возглавил фарандолу, и та неслась причудливой змейкой вокруг столов, доскакала до Эпоны и Эшлин, и Кхира втянула Эшлин между собой и Мавис – да, неслыханно, Мавис тоже танцевала и улыбалась, – и разговор смялся сам собой. Музыка порой заглушал только Эдвард: «Да вы знаете, что мне в гробу снилось? Меня в пещере убили! Серьезно, и такой сон, прямо все как на самом деле!»

Потом танцоры расселись, раскрасневшиеся, растрепанные, всем хотелось пить, в кубки щедро лили сидр и оранжад. Брендона не было видно, и пустое место во главе стола, быстро, впрочем, занятое снопом в юбке, опечалило Эшлин. А на помост вышла матушка Джи, ее вели под руки Нелли и Монгвин. Нелли что-то пошептала музыкантам, и мелодия из плясовой стала долгой, нежной, печальной, а матушка Джи запела, и с ней запели обе старшие девушки. Эшлин не знала этого языка, но в песне была долгая вечерняя дорога навстречу солнцу, летящие к звездам искры огня, ночная роса на траве, когда идешь по ней босиком, рука в руке, и тоска по ушедшему. Она поняла, что подпевает без слов, и что подпевают и другие – все, кто рядом. Магия пэйви, магия дороги и надежды почти зримо обнимала Дин Эйрин. И когда песня кончилась, эта магия никуда не исчезла. От нее было тепло, и что-то тонко и нежно пело в сердце.

– А кто хочет погадать у самой матушки Джи – сейчас то время, когда это можно сделать, – прокричала Нелли Ворона. И тут же вокруг седой пэйви собрались студенты и студентки.

Эшлин тихонько отошла от остальных. Ей не хотелось показываться на глаза мантике. Ей хотелось сохранить то нежное чувство, которое оставила песня пэйви.

Стоило выйти из огромного освещенного круга, она оказалась в осенней темноте, только окна университетских домов мягко светились – свечи можно было оставлять безбоязненно, магическая защита от огня накладывалась на каждый дом раз в год. Эшлин шла мимо этих островков света, пахло цветами и первым холодом – издалека зима приглядывалась к Дин Эйрин, напоминала, что придет в свой срок. После сидра и сытной еды зябко не было. Хотелось идти, просто идти, мерить ногами в мягких башмачках вымощенную камнями улицу, а

потом и утоптанную землю. Ей давно не приходилось долго бывать наедине с собой – всегда рядом кто-то был, болтал, смеялся, спрашивал. Даже сны не снились.

Ши считали, что каждому необходимо хотя бы час в день быть в тишине, под небом и при этом одному. Слушать деревья и ветер, смотреть на огонь и воду, раскладывать угощение зверям и птицам, подниматься на холм, чтобы увидеть с него долину, подвязывать кусты в саду. Можно было делать дело, можно – просто идти, сидеть или лежать. В этот час уходили обиды и злость, смягчалась боль, появлялись словно ниоткуда мысли и идеи, картины в голове – и эти картины потом становились клумбами в цветнике, светильниками на стене, витражами, резьбой, вышивкой, стихами.

Ворота Университета остались позади, вокруг были улицы городка. Эшлин шла туда, куда звала песня в ее сердце. Матушка Джи сказала бы – туда, куда ведет судьба.

* * *

Городской праздник, где с удовольствием пустили на ветер те самые огненные артефакты, что мэр выпрашивал у Брендона Бирна, был в самом разгаре. Некоторые студенты и преподаватели каждый год с удовольствием вырывались из стен Университета, чтобы позволить себе больше. Здесь не надо было держать лицо и вспоминать, что с этим самым человеком, которому ты надел на голову пивную кружку, тебе завтра сидеть на собрании за одним столом.

Впрочем, и сам Брендон Бирн был здесь. Это был еще один долг ректора – благословить праздник в городе. Одна короткая речь, кусок пирога, кружка вина, танец – и можно будет уходить, дав студентам полную волю. Он бы и ушел, но только здесь почувствовал, как устал за этот долгий и суматошный день. Речь была позади. Праздник в Дин Эйрин начался вовремя и шел хорошо. Скоро вернется ректор Галлахер. Скоро рыжая ши получит обратно свой Кристалл и возможность вернуться домой. Жизнь второго магистра потихоньку успокоится, станет привычной, рутинной, устроенной, приятной. Даже боль от потери Финна не сразу, но утихнет, потому что таков уж человек – его раны заживают раз за разом, раны тела и раны души.

Значит, когда-то он забудет Эшлин. Точнее, не совсем – будет помнить ее лицо, озорную улыбку, волосы всех оттенков рыжего, тепло рук и неожиданные вопросы. Но это превратится из острой боли потери в воспоминание, окрашенное нежностью и легкой грустью.

Так? Или не так?

Ваши знания так велики, магистр Брендон Бирн. Но кто в этом мире сможет разъять на составляющие, зарисовать схемой, объяснить студентам любовь? Нет, не вы. Точно не вы.

Кубок с горячим вином грел руки. Музыка сменилась и стала похожа на скачущий по камням ручей после ливня. Одна из местных девиц, смутно знакомая, как большая часть горожан, подскочила со своего места и, воскликнув: «Турдион!», отчаянно заозиралась, ища пару. Брендон вздохнул. Надо было потанцевать. Даже ректор Галлахер был на редкость хорошим танцором.

Брендон вел девицу в танце, та краснела от гордости, оглядывалась – все ли видят, кто ее пригласил? После такого у нее отбоя не будет от женихов, это как потанцевать с королевским сыном. А когда он отвел ее к лопающимся от гордости родителям, начало турдиона под радостные крики молодежи зазвучало снова, и напротив почти ушедшего к своему месту Брендона оказалась юная баронесса Сэвидж. Она улыбнулась и свойски протянула ему руку.

– Монгвин, – Брендон подхватил ее, возвращаясь в танцующий круг. – Рад тебе. Уложила малыша?

– Конечно, он и набегался, и наелся.

Эшлин вышла к городскому празднику, когда танцы были в разгаре. Ее тут же усадили к столу, принесли кружку, отрезали пирога – гость в Осеннее Равноденствие должен быть приглашен, накормлен и обихожен. Есть она уже почти не могла, а потом ей стало и не до еды. Потому что она увидела танцующих Брендона с Монгвин. Ритм завлекал водоворотом, пары кружились и затейливо прыгали. Она видела их улыбки – смущенную и счастливую у Монгвин, теплую и, пожалуй, тоже счастливую у Брендона. Видела, как их легкие шаги сплетали единый рисунок мелодии, как колыхалось и закручивалось вокруг ног лиловое платье баронессы, как после каждого стремительного поворота они ловили взгляды друг друга, будто боясь потеряться в толпе, как крепко он держал ее руку, а второй она, смеясь, тщетно пыталась убрать с лица выбившиеся из-под покрывала волосы.

Эшлин встала со ставшей вдруг очень жесткой скамьи и смотрела, смотрела, не в силах противиться настойчивой силе этой музыки. Или танца? Что заставляло все внутри у нее дрожать от непонятного тоскливого волнения? Струна звенит, отзываясь на вибрацию других струн. Сердце делает то же самое.

Эшлин смотрела на незнакомые движения, на то, как люди прямо перед ней выражали чувства без слов. Сам воздух вокруг танцующих потрескивал от них, будто небо во время грозы. Ей казалось, что она вот-вот увидит искры, она сама не заметила, как стала покачиваться на месте в такт мелодии, отбивая башмачком ритм. Наконец, музыка, обрушившись водопадом, растаяла. Брендон, слегка запыхавшись, все еще не отпускал руки Монгвин, а она что-то говорила, смеясь. Потом быстро поцеловала его в щеку и почти убежала в толпу.

Музыканты, вытирая пот со лба, затаили какую-то задумчивую балладу. И только сейчас Брендон наконец-то увидел Эшлин.

Эшлин понимала, что ее грызет непривычное и острое чувство. Она не менялась Кристаллами с этим человеком, но почувствовала жгучее желание оттолкнуть баронессу подальше вместе с ее улыбкой, блестящими волосами, расшитым платьем и легким покрывалом. Потому что нельзя так смотреть на того, кто... но ведь это не он. Сколько еще раз повторить, что это не Брандан! Или сейчас это уже не важно? Ведь именно ему хочется, не отрываясь, смотреть в глаза.

Брендон подошел к ней, и выражение его лица мгновенно стало серьезнее, как будто остыв под ее взглядом. Он увлек Эшлин за собой и снова сел, приготовившись слушать певца.

– Я рад, что ты пришла, – все же сказал он вполголоса.

– Рад? Мне или Монгвин? О чем вы, люди, так разговариваете в танце? О любви? – Ши смотрела перед собой, крепко вцепившись руками в жесткую кору бревна. – Я давно не видела твоего лица таким...

Она не подобрала слово, сжав губы в прямую линию. Брендон посмотрел на нее несколько растерянно:

– Мы не разговаривали. Почти. Я не обязан отвечать тебе, но если хочешь – о ее доме.

– Кхм. Но вы улыбались друг другу! – Эшлин произнесла это так, словно разоблачала нечто крайне непристойное.

Брендон опустил голову, будто раздавленный тяжестью этого обвинения, упорно смотря в землю. Но через пару мгновений она вдруг поняла, что он неудержимо улыбается и пытается скрыть от нее эту улыбку.

– Магия танца все еще кружит твою голову или образ баронессы Сэвидж оказался настолько ярким, что врос в твою память, как корни в торф, до мельчайших подробностей? Я ее опекун, Эшлин. У нее непростая история. А остальное – не моя и не твоя тайна.

Магистр решительно встал и молча потянул Эшлин за собой. Все вокруг заворуженно слушали певца, и только ближайшие соседи с неудовольствием поглядывали на неугомонную пару. Нашли время уходить!

Они вышли из ярко освещенного огнями круга, и их окутала теплая сумеречная мгла. Вокруг, едва они ступили прочь с площади, проглядывали силуэты домов с выпяченными балконами, с которых свисали тряпки и виноградные плети. Эшлин крепко сжимала руку Брендона, будто боялась, что он в этой тьме растворится.

– Куда ты меня ведешь?

– Туда, где мы можем спокойно поговорить.

– Поговорить – это всегда интересно. И даже не о Монгвин Сэвидж!

По голосу было слышно, что она снова поджала губы и надулась.

– А о чем ты хочешь поговорить? – голос магистра был теплым, как вечерняя тьма.

– О людях. Почему с вами всегда так сложно? Почему вы уверены, что все понимаете, хотя на самом-то деле не понимаете ничего?

Его рука спокойно и надежно охватывала ее пальцы. Они не спеша шли в сторону Университета по хорошо утоптанной, но практически невидимой дороге, спускавшейся по холму к реке. Здесь не было домиков, а днем обычно располагались лотки уличных торговцев.

– О, так люди делают далеко не всегда! А ши все понимают? – в его голосе звучал откровенный смех.

Эшлин шумно фыркнула:

– Все. Кроме людей. Вот зачем вам наука о том, как превращать все в золото? Оно же непрочное. Ножа из него не сделаешь.

– Люди считают золото самым ценным металлом. Превращение свинца в золото – путь к несметному богатству и власти, так скажет тебе любой профан. И так думают все наши ученики, когда только начинают изучать алхимию.

– Власть – это сила, уважение, мудрость. При чем здесь золото?

– В мире ши – возможно, все так. А в человеческом мире золотом легко подменить собственную мудрость, если можешь купить сотню мудрецов или тысячу могучих воинов. Потому и соблазнительна мысль получить это золото буквально из воздуха. Но только в первый год обучения наши ученики увлеченно пытаются превратить все подряд в драгоценные крупы, стараются, мучаются, отчаиваются и вновь обретают надежду стать величайшим и богатейшим магом. А заодно ненароком тщательно изучают свойства всевозможных веществ, их сочетания, реакции друг на друга и превращения. И только много позже они узнают, что эта легенда о превращении свинца и прочих низменных веществ в прекрасное и совершенное золото рассказывает вовсе не о богатстве, по крайней мере, материальном. В ней на самом деле идет речь о превращении человеческой души, о переплавке гнева, жадности, зависти, похоти, гордыни – всех этих низменных пороков – в нечто совершенное и безупречное. Чистый разум, чистую волю и чистую силу, без примесей, без каверн. Получается сияющий слиток души, который некоторые зовут Философским камнем. Именно такая душа должна быть у настоящего великого мага – свободная от страстей и вожделений человеческого мира. Ведь золото – самый совершенный металл, который практически не вступает ни в какие реакции с другими веществами.

Эшлин невольно заслушалась и пыталась сейчас представить себе такого человека.

– А у тебя есть этот камень внутри? Ты же великий маг и почти самый главный здесь.

– Нет. Я вовсе не великий маг. Я всего лишь стою у дверей знания.

– И смотришь, кого в них впускать? – Она уже почти позабыла о красоте Монгвин Сэвидж и теплых улыбок в танце. Ее редко захватывали надолго сильные чувства, кроме одного. – Знаешь, говорят, у нас был старейшина рода Дуба, чья мудрость оказалась столь велика, что он каждый вопрос, обращенный к нему, считал

глупым. И он так устал от глупых вопросов, что ушел далеко-далеко в лес, чтобы говорить с соснами о том, что действительно важно. А я вот думаю – зачем оно соснам?

– Могу его понять. Наверное, он просто хотел спокойно подумать в одиночестве и найти ответы на свои собственные вопросы. – Темнота надежно скрывала выражение лица, но голос Брендона улыбался, и теперь он шел совсем близко, не отпуская руки и слегка касаясь Эшлин плечом. – Но для учителя не существует глупых вопросов. Его задача – ответить или помочь ученику найти ответ самому. А если ученик много раз задает один и тот же вопрос – значит, он просто хочет услышать разные ответы.

Эшлин прижималась к его плечу, чтобы чувствовать тепло. Так отступало смутное чувство одиночества, как будто она болтается в пустоте на тонкой паутинке. Никого рядом. Никого, кроме этого невозможного человека. Не друида. Не Хранителя Кристалла. Брендона Бирна из этого мира и этого времени, у которого очень теплые руки.

– Мне иногда хочется, чтобы вслед за мной пришел брат, родители, старейшина, – и я боюсь этого. Ведь кто знает, во что превратился ферн и попаду ли я когда-нибудь домой. Интересно, звезды, которые падают, чувствуют то же самое? Им хочется, чтобы кто-то летел за край небес вместе с ними?

Брендон остановился перед ней, невольно преграждая дорогу. Его пальцы поймали ее вторую руку, и Эшлин почувствовала, какая же она холодная по сравнению с той, что уже полчаса грелась в его ладони. Они стояли совсем близко, практически вплотную.

Тихо и серьезно, без малейшего следа привычной незлой насмешки, Брендон сказал:

– Я не знаю, во что превратится моя жизнь, если ты попадешь домой. Наверное, в упавшую звезду.

Она видела его лицо, но в сумерках было сложно различить что-то большее, чем очертания. Как выточенный на дереве портрет.

– Я не знаю, как сказать, можно ли сказать второй раз то, что говорят единственный раз в жизни. – Ей было легко, тяжело, радостно и стыдно одновременно. Вихрь внутри подхватил все возможные чувства и крутил их воронкой, сводя с ума, под мелодию пэйви. Эшлин

почувствовала, как тяжелеет голова и сжимает горло, потом просто молча ткнула Брендону в плечо и всхлипнула.

Теперь он крепко прижимал ее к себе. Какое-то мгновение она ощущала его дыхание на волосах, а затем его губы скользнули к виску, осторожно целуя, ниже, к щеке. Его пальцы осторожно перебирали ее спутавшиеся на спине пряди, поднимались по спине к затылку. Когда их губы встретились, он на мгновение замер, будто боясь дышать, сделать какую-то ошибку. Эшлин помнила это ощущение, там, во сне, было так же... когда чувствуешь всем телом прикосновение. И помнила, что, если губы разомкнуть, будет... ярче.

Прошло несколько дурманных мгновений, прежде чем они осознали, что стоят посреди дороги.

– Когда ты так близко, я забываю думать. И становлюсь как пустой стебель тростинки на ветру. Даже стоять трудно.

– Пойдем, – Брендон решительно направился в сторону уже виднеющихся неподалеку стен Университета.

Она шла с ним, наблюдая, как проступают темные очертания ворот. В голове снова и снова звучала мелодия. Мелодия пэйви? Или та, древняя из древних? Пока горит огонь, течет вода и сияют звезды, будешь ли ты со мной?

Чем ближе Брендон подходил к воротам, тем больше его осанка и походка напоминали о том, что он магистр, заместитель ректора. Молча и степенно кивнув привратнику, он шел вперед, к своему дому, не сомневаясь, что его ученица следует за ним.

Ученица следовала. Она немного дрожала, хоть праздничная ночь и выдалась довольно теплой. И понимала, что больше всего боится отправиться в женскую коллегия. Провести остаток ночи в пустой комнате.

Брендон открыл дверь своего дома и посторонился, пропуская ее внутрь. В комнате было тепло, угли в камине еще горели, и пламя мгновенно вспыхнуло, когда магистр, закрыв дверь на ключ, бросил туда несколько сухих поленьев в лохмотьях коры. Он будто старался не смотреть на девушку, обходя комнату, зажигая свечу, перекладывая что-то на стуле.

Эшлин подошла к камину и протянула руки к огню. Она чувствовала неловкое напряжение. Если она нежеланная гостья, зачем он ее пригласил? Если хотел говорить дальше, почему замолчал?

Его движения становились все более медленными и напряженными. Он будто еле сдерживал себя в приступе гнева. Или чего-то еще? Наконец Брендон подошел к камину и совершенно бесцельно поворошил поленья, пристально глядя в огонь, словно пытаясь вобрать в себя его силу.

Когда он выпрямился и наконец-то посмотрел Эшлин в глаза, в этих глазах истинным и чистым золотом плясали саламандры.

– Эшлин из рода Ежевики. Я, магистр Брендон Бирн, хочу сразиться с твоим друидом!

Эшлин смотрела на него, чуть склонив голову.

– Это невозможно. Он умер. Люди не живут столько.

– Он умер. Но он уже четыреста лет владеет твоим сердцем и душой. Я хочу одержать над ним победу, чтобы дева Эшлин стала моей женой.

На лице Брендона отражалась какая-то обреченная решимость. Он смотрел прямо ей в глаза. Эшлин открыла рот, но слова замерли, так и не появившись. Она не знала, что говорить. Знала только, что сейчас все решится. Шаг вперед. Или шаг назад. Но не стоять на месте.

И просто шагнула ему навстречу, заглушая в голове шепот о том, почему это невозможно.

– Ты светишься так ярко, Брендон, что за мной больше нет тени.

Какое-то мгновение он выглядел растерянным, пытаясь осознать смысл этих слов. А потом, прижавшись губами к ее губам, вдруг неожиданно для Эшлин подхватил ее на руки. Его руки надежно сжимали ее спину и колени.

Она задержала дыхание, испугавшись на мгновение, что падает, но поняла, что скорее летит. Не касаясь пола. Прочь от лишних мыслей и слов.

Где-то под ее щекой подрагивала от напора крови крупная жила. Его сердце билось, как безумный барабанщик.

Брендон сделал несколько шагов в глубь комнаты, где за неприметной открытой настежь дверью была его кровать. Осторожно опустив девушку на простое серое покрывало, он зажег новую свечу и обернулся к ней.

Глаза Брендона сияли, когда он пропустил сквозь пальцы медный шелк волос, касаясь ладонями ее шеи. Его поцелуй теперь был лишен всяких сомнений и колебаний. Эшлин зажмурилась, ей все это

казалось невероятным. Но разве не за этим она гналась, пытаясь перегнуть время? Разве она уже не была женой без мужа и ши без Кристалла? Настало время понять: для того, чтобы любить, не нужны ритуалы. Если даже магистр ритуалистики это признает.

Он упоенно целовал ее закрытые глаза, осторожно распуская шнуровку на платье, наслаждаясь мягкостью ткани и гладкостью кожи, освобождая ее от всего, что мешало чувствовать прикосновения. Теперь Эшлин ощущала его горячие губы на шее и груди, и от этого будто ручейки горячего песка бежали по венам. Его руки, кажется, были везде, не выпуская ее ни на мгновение. Не хотелось смотреть, чтобы глаза не мешали чувствовать, она снова искала во тьме того, кто касался ее души, и теперь находила. Касалась губами, чувствовала, как наполняется жаром тело, будто она осталась обнаженной под солнечными лучами. Раньше она сама всегда думала, делала, бежала вперед, а сейчас остановилась, позволяя другому показать ей дорогу. Она провела Брендона Бирна по дороге ольхи. Теперь же он вел, приглашал ее в путешествие по дороге любви. И она знала, что хочет ему довериться.

Когда Эшлин проснулась, Брендон сидел на кровати. Его рубашка была небрежно накинута на плечи. Он явно уже какое-то время молча и неподвижно смотрел на спящую ши, но лицо у него было такое, будто он размышлял, что скоро ее похоронит.

Эшлин села, и рыжие волосы рассыпались по плечам, скрывая ее тело по пояс. Все это великолепие без прически превращалось в гнездо, обычно она не рисковала ложиться спать, не заплетая косу. Что так расстроило Брендона? Неужели она снова нарушила какое-то важное человеческое правило и с этим человеком ей тоже придется расстаться? Сердце противно сжалось. Он смотрел на нее.

– Эшлин. Я очень хотел бы не говорить тебе этого. Но обманывать еще хуже. Ты ведь хотела вернуться домой, верно?

– Что ты хочешь сказать?

– Все должны быть в своем мире. Люди здесь, а ши – по ту сторону холмов. Там, где они появились на свет, там, где чувствуют себя среди своих.

– Ты хочешь, чтобы я ушла?

– Нет! – резко ответил Брендон и встал на одно колено рядом с кроватью и сжал внезапно похолодевшую руку ши в своей. Тонкие пальцы полностью скрылись в его ладони.

– Тогда к чему ты ведешь меня такой извилистой тропой? – спросила она шепотом, горло стиснуло предчувствие.

– Ты пришла сюда найти свой Кристалл, верно?

– Да.

Брендон отпустил ее руку, достал из сундука рядом с кроватью обсидиановую шкатулку и открыл.

Эшлин громко вскрикнула и приложила ладонь ко рту. На дне поблескивал Кристалл в оправе из ежевичных ветвей.

Глава 13

Книга в тайнике, а птичка в клетке

Брендон протянул ей Кристалл, желая надеть, но Эшлин оттолкнула его руки.

– Положи. Прошу тебя, положи сейчас же! Туда, в шкатулку! – хрипло прошептала она.

На лице магистра отразилось замешательство.

– Почему? – спросил он с растущей тревогой.

Эшлин услышала его с трудом, сквозь удары бьющегося в ушах сердца. Она перехватила руку Брендона, взяла Кристалл очень бережно сама, мысленно прошептав извинение.

– Это не мой Кристалл. Это...

Она осеклась, пытаясь понять, можно ли говорить такое человеку. И права ли она. Не может быть! Но она ведь точно видела этот Кристалл там, дома. Он был там, где ему положено быть. На шее. У хозяина.

– Это дурная вещь, похожая на него?

– Нет же! – замотала головой Эшлин, окончательно спутывая волосы. – Это душа старейшины Гьетала!

– Значит, где-то здесь все-таки есть другие ши? Эшлин!

– Не знаю. Отдай мне шкатулку.

Брендон протянул ей найденное и, поднявшись с пола, сел на кровать рядом. Осторожно обнял растерянную и хмурую девушку. Эшлин чувствовала, что боится и злится одновременно.

Сохранивший тепло ладони Брендона Кристалл отозвался на прикосновение мягкой переменной цвета. Теперь из полупрозрачного он медленно становился бирюзовым. Внутри по-прежнему вспыхивали, играли искорки. Старейшина Гьетал жив. Кристалл умершего ши распадается и становится прозрачным. Пустым. Душа уходит из него и растворяется в реке, лесу или небе, прорастает прекрасным деревом, раскидывается черничником, поет с птицами. Бывает и так, что у потерявшего разум ши Кристалл трескается и тускнеет, потому что душа стремится прочь. Но этот был гладким, без единой царапины или трещины.

Почему же первое утро после того, как Эшлин перестала чувствовать одиночество, подарило ей новый страх? В ее голове проносились одно за другим предположения, как Кристалл старейшины мог здесь оказаться, но каждое из них было глупее другого. Какая-то из здешних женщин могла повторить то, что сделал Брандэн? Нет... не женщина. Женщина бы его носила. Да и не отдал бы Гьетал Кристалл человеку.

Заточить душу в обсидиан может только тот, кто хочет наказать себя или другого. Тут Эшлин стало по-настоящему страшно. О поединках между старейшинами она слышала только в легендах. И каждая из них едва не заканчивалась гибелью всего мира.

Эшлин очень хотелось повернуться, обнять Брендона за пояс, ткнуться ему в плечо и плакать. Долго, пока не выйдет изнутри жгучая горечь от той несбывшейся надежды, что появилась у нее в первый момент, пока она не разглядела, что в оправе, кроме ежевичных ветвей, есть тростник. Нельзя. Есть то, в чем разобраться могут только ши. Между собой. Не вмешивая людей, как бы близки и важны они ни были.

– Обещай мне, что ты будешь сначала думать, потом рассказывать мне и только потом делать то, что придумала? – Брендон говорил это, прижимаясь щекой к ее волосам чуть выше уха, так, что дыхание щекотало. Сейчас это сбивало. Нельзя вяннуть. Нельзя склоняться. Ежевика – сильный, упрямый кустарник. Эшлин только сейчас поняла, как сильно ей нужен старший, старейшина. Тот, кому можно честно сказать: «Помоги мне, я запуталась». Но не человек. Сколько раз повторить это, чтобы наконец проняло?

– Не обещаю. Это обещание было бы слишком даже для Хранителя Души. А мы ее пока не нашли. Но не бойся, я не исчезну. Мне просто нужно подумать над этим.

Эшлин заставила себя выскользнуть из его рук и встала с кровати, чтобы одеться и пойти навстречу самой большой своей глупости. Брендон попытался ее остановить, и ши не смогла удержаться, поцеловав его на прощание. Ее бы ничто не спасло от его сопровождения, если бы в двери не заколотили. Комендант зашел донести, что ректор Галлахер вернулся и требует своего заместителя для доклада. Судьба требовала, чтобы Эшлин погружалась в пучину

отчаяния медленно, в одиночестве, успевая придумать и прочувствовать самые дурные варианты будущего.

Она устроилась неподалеку от маленького кирпичного дома, служившего для хранения садовых тачек, лопат, мотыг и другого полезного инвентаря. В самой гуще пышных кустов гортензии стояла неприметная темная скамейка. На ней ранним утром и поздним вечером садовник, отдыхая, выкуривал трубку и любовался видом. Отсюда, с холма, большая часть Университета была как на ладони. В том числе дом ректора.

Эшлин сидела так долго и неподвижно, что на нее стали садиться поздние бабочки – как дома. Когда же она наконец увидела, что Брендон выходит из дверей нужного дома, то решительным шагом направилась по тропинке навстречу неприятному разговору. Идти навстречу опасности легче, чем покорно ждать ее.

За тяжелой ректорской дверью с вытертым посередине ногами множества посетителей порогом пахло чем-то смутно знакомым. Запах перезрелой сливы, забродившей на солнце, смешивался с полынью, темным медом и сосновой смолой. Удушливо-терпкие горечь и сладость. Эшлин чихнула, сидевший спиной к ней за столом Горт обернулся. И тут же ловко, одним движением, поднялся навстречу.

– Что привело дочь Ежевики ко мне в тот час, когда все еще спят после праздничной ночи?

– Вопрос, который не должен остаться без ответа, – сказала она громким шепотом. От одной мысли о Кристалле сводило горло.

Горт прищурился, проводя кончиком пальца по губам слева направо.

– Если вопрос достоин ответа, ты его услышишь, девочка.

По тому, как под плотными рукавами рубашки мелькнула тень, она поняла, что слова ее ректора взволновали. Это блеснули узоры на коже воина, что становились магическим доспехом в бою. Отступить было бы глупостью. Такой же, как говорить в лицо бывшему старейшине то, что она собралась сказать. Но если оба варианта плохи, а третьего нет, значит, выбирать можно любой.

Эшлин хотела бы облечь свое смятение в красивые слова, но дышать было трудно.

– Кристалл. Душа старейшины Гьетала. Она здесь. Почему? Мгновение. Два удара сердца.

– Сядь, – одно слово сорвалось с губ Горта, и ноги сами принесли Эшлин к креслу у камина и покорно подогнулись. Одно слово – как порыв ветра, что срывает услышавшего, как лист, и несет. Даже здесь он оставался старейшиной и знал, как сделать слово сильным.

Несмотря на пляшущий за кованой решеткой огонь, Эшлин было холодно. Ее сковало ощущение беды и чужого гнева. Пока еще сдержанного.

– Что ты знаешь о старейшинах, Эшлин?

Горт смотрел на нее и сжимал в ладони свой Кристалл. Сквозь пальцы виднелся мягкий свет, что переливался внутри. Эшлин отчего-то подумалось, что ши плохо себя чувствуют, когда вокруг них камни, а для души почему-то выращивают именно камень. И она точно не знает, почему так.

– Старейшина самый сильный воин рода, самый мудрый из старшей ветви, самый... – хотя бы голос слушался, это уже было хорошо. Но Горт прервал ее, подняв ладонь. И голос иссяк. Эшлин чувствовала чужую волю, незримую, но плотную, как туманная изморозь на границе фоморских земель.

– Старейшина «самый», верно, – усмехнулся Горт, но глаза его оставались чуть прищурены, скрывая другие, более сильные чувства. – Поэтому и легенды о себе он сочиняет сам. Это его сила и право. Он знает, что должно быть сказано. Что спето. Какую ветвь растить, какую срезать. И кто не должен пережить зиму, чтобы пришла весна.

Он подошел к ней вплотную со спины, наклонился – пряди черных волос коснулись медных.

– Пусть я изгнан и проклят, но все еще чту наши обычаи. Я не могу просто взять и убить того, кто нес смерть для меня и обронил ее по дороге. Один из людей, за которых я отвечаю, уже погиб. Я все еще старейшина, только в этих стенах, для этих людей. И Гьетал пришел сюда зря.

Эшлин дернулась, ожидая сопротивления густого тяжелого воздуха, воплощения воли старейшины, но ее ничто не держало. Она чуть не кувыркнулась на пол, когда вскочила. Горт сделал шаг назад, он все так же смотрел на нее, сжимал одной рукой Кристалл и не двигался с места. Бежать прочь? Сейчас, когда чужая воля больше не давила, Эшлин понимала, что паника – плохой советчик. Ей надо

узнать. Правду. Кроме Горта, здесь больше никто ее не расскажет. Кроме Горта, некому понять Эшлин.

– Мечешься, как бельчонок, застрявший в кормушке. А ведь ты уже взрослая для этого, Эшлин, дочь Ежевики. Ты боишься меня. Но стоит бояться лишь той бури, что внутри тебя и тобою вертит. Если надвигается вихрь, можно укрыться. А куда деваться от стихии, если вихрь – ты сам?

Эшлин почувствовала, как наливаются жаром уши. Это она шла спрашивать Горта о неудобном. О лжи и умолчаниях. Почему теперь ей самой стыдно? Она попробовала глубоко вдохнуть и развернуть разговор. Без ответа на этот вопрос вихрь отказывался униматься.

– Старейшина Гьетал здесь?

– Здесь, – тихий сухой шелест, с которым рассыпается в прах прошлогоднее сено. Горт говорил, и огонь в камине будто бы задышался с каждым новым его словом, становясь все тусклее. Он произносил слова, словно вытягивал тяжелые камни из глубокого колодца по одному. И они превращаются в целую груды.

– Ложь, произнесенная старшим, выпитывает его силу и становится неотличима от правды – так сильно его слово. А если ее повторят несколько тех, чьи слова – закон? Выслушай. Я не держу тебя, девочка, я не угрожаю. Если бы я хотел убить тебя, то к чему разговоры? Мы можем помочь друг другу. И восстановить справедливость. Если дослушаешь спокойно.

Эшлин зажмурилась и резко открыла глаза. Она снова дышала полной грудью, и эта свобода заставляла все тело вздрагивать в остром желании выбежать прочь, туда, где Брендон. Снова он. Будто человек может решить за нее, как поступать!

– Дослушаю. Я устала от недомолвок. В полутени созревает ежевика, в полуправде кроется яд.

Горт сделал несколько шагов к столу, налил воды из кувшина и сделал несколько глотков, прежде чем продолжил. Сейчас он выглядел почти спокойным, лишь в пальцах его оставалась легкая дрожь, которую он скрывал, поглаживая серебряный бок кубка.

– Ты думаешь, будто ферн, сквозь который ты шла сюда, построен на ольхе? Сейчас он построен на крови. Тех, кто был принесен в жертву, когда Гьетал, провожая меня, запирает дверь на четыреста лет. Дорого бы я отдал, чтобы так и не узнать, почему дорога ольхи

закрылась. Мы делили радость и горе, победы и боль, не было того, чего не знал бы один о другом с тех пор, как земля приняла капли нашей крови и сделала нас еще ближе. Я думал, что мы с братом – а иначе я Гьетала не звал – будем как переплетенные стебли, что делают друг друга сильнее. Но оказалось, он видел во мне дерево, создающее тень. Тень, в которой он не растет, а вянет. Единственным светом для него была власть, ради которой он не пожалел ни меня, ни девушку, которая могла разделить с ним победу, но не выдержала лжи.

Он помолчал.

– Ты слышала о том, что Уна погибла, а Кристалл ее был разбит. Только глухой не услышал бы за этими словами, что виновен в этом я, – ведь меня она обвинила перед советом. Но правда страшнее. Уна любила меня, но должна была стать женой Гьетала, и я не стал делить с ней ночь. Уна обвинила меня в том, что делал Гьетал, и ее душа не выдержала ужаса и мук совести. Она вызвала Гьетала на поединок, и он сам убил ее. Я видел это, но ничего не успел сделать. Гьетал даже мне пытался сказать, будто не хотел, не знал, что за безумие на нее нашло. Но каждый, кто знает силу воина Дин Ши, способного стать старейшиной, скажет, что это глупость. Если ты не желаешь убивать, то найдешь силы оставить в живых. Мне хватило сил лишь обезвредить его, встретив здесь. И оставить до тех пор, пока я не пойму, как вернуть его кругу старейшин и заставить их выслушать меня. Может быть, если найдется твой Кристалл, именно тебя, девочка, они послушают. Я уже не вернусь, я пустил здесь корни. Но преступления Гьетала должны быть раскрыты, а мое имя очищено. Когда-то я ушел в ферн, чтобы не быть убитым. Ускользнул от того, кто был мне ближе всех. А теперь придется возвращать его...

Горт оборвал фразу и допил воду из кубка одним глотком. Потом сделал несколько шагов к камину, пройдя мимо Эшлин, и опустился в кресло, около которого она теперь стояла. Черные с серебристыми прядями волосы скользнули по ее руке. Он закрыл глаза, и лицо его казалось сейчас из-за резких теней неживым.

– Я не знаю, где мой Кристалл. Но я знаю, где найти книгу, которую написал тот, кто взял его. Вдруг... он остался там вместо украшения. Или там есть какой-то намек.

– И где же эта чудная друидская книга? – спросил Горт, не открывая глаз, будто ему было все равно, захочет Эшлин продолжить

разговор или уйдет, не поверив ему, проклятому и ныне безродному.

Эшлин впервые смотрела на ректора сверху вниз. Он казался внушительным даже так. Его слова отзывались. Он умел быть старшим. Где правда? Вот и решай. Ты же хотела все решать сама. Теперь два старших над тобой говорят каждый свое. Горт Проклятый. Гьетал Проклятый. И не к кому обернуться, чтобы сказать: я верю, ты знаешь. Значит, иди, куда идет. Не топтаться же на месте? Из двух плохих вариантов выбери любой.

– В гробнице Томаса Лермонта. Говорят, что она где-то здесь, но на кладбище я ее не видела, а на холме еще не искала. Люди любят класть на мертвых камни. Но друиду было бы в них тесно.

Горт открыл глаза и поманил огонь. Повинуясь его длинным пальцам, язычки пламени, кое-как выбиравшиеся из-под плотного полена, охватили его со всех сторон. Резко стало светлее.

– Именно поэтому он завещал похоронить себя внутри холма. Возможно, искал выход в наш – ваш мир, да так и остался на пороге. Я был там, но никакой книги не видел.

– Он спрятал и написал, как найти. Мне прочли, и я поняла его загадку. Но я шла мимо холма и не видела там двери.

– Потому что она видна, когда ты стоишь в одном шаге, и открывается лишь ректорской печатью. Если ты обязуешься сегодня же до вечера ее вернуть и не пытаться подписывать ею бумаги нерадивых студентов на пересдачу, то я дам ее тебе. Хоть и не слишком верю в правдивость той книги, что тебе прочли. Если бы в гробнице было что-то еще, кроме старых костей старого барда, это бы давно торжественно вынесли в хранилище артефактов и погребли под номером тысяча сто одиннадцать.

– Печать? А если...

– А если ты пропадешь, Эшлин, дочь Ежевики, я буду очень сожалеть о тебе, а печать закажу новую.

Сейчас она могла поспорить, что в глазах Горты, совсем недавно полных мертвенной тоски, теперь скакали озорные искры.

* * *

С трудом заставив себя не думать об Эшлин – эти мысли мешали даже отчитаться ректору, а с лица то и дело приходилось сгонять совершенно неуместную счастливую улыбку, – Брендон выудил наконец мысль, закопавшуюся глубоко под довольно-таки нудными слоями дел. Это была мысль вернуться в дом Финна Дойла. Посмотреть свежим взглядом. А вдруг инквизитор что-то упустил? Магистр Эремон цепок и умен, но он не был в этом доме раньше, не знал Финна лично. Сейчас, когда прошло уже время и боль не будет затмевать сознание, дом мог натолкнуть Брендона на мысль об убийце.

По пути к домику в голову упорно лезло что-то совершенно не то. Что брак имеет право благословить ректор – и удивится же он. Что если бы родился сын, можно было бы назвать его Финном. А дочке придумает имя сама Эшлин. Брендону даже пришлось поморгать, чтобы отогнать видение наяву – как по саду бежит мальчишка лет шести-семи, растрепанный, счастливый, а из-за розовых кустов выходит Эшлин с сонной девочкой на руках. И мальчишка бежит к ним, распахнув объятия.

Видение развеялось мгновенно и грубо. Брендон почувствовал запах дыма.

Дом Финнавара Дойла горел ровным ярким пламенем, как хорошая свеча из очень чистого воска. Брендон почувствовал опаляющий жар уже шагах в тридцати – нельзя было и думать о том, чтобы подойти хоть немного ближе.

Защита. Во всех домах Дин Эйрин была магическая защита от пожара. Почему? Как это могло случиться здесь?

Брендон нашел ответ, когда прибежали слуги, когда комендант уже поднял на ноги сонных после праздничной ночи студентов, когда ведра колодезной воды передавали по цепочке и Коннор Донован с коротким вежливым поклоном уже вкладывал в его руки артефакт «Аква магна», попросту называвшийся студентами «ливень». Донована пришлось отправить в хранилище по простой причине – обычная вода не причиняла пламени ни намек на ущерб.

– Это пламя ши из легенд, – озвучил мысли Брендона стоявший рядом с ним Доэрти. – Я впервые в жизни его вижу.

– Искренне надеюсь, что хотя бы теперь перестану слышать за спиной шепот о моем помешательстве на ши, – ректор Галлахер стремительно шел к ним и услышал последнюю фразу. – Надеюсь,

магистр Бирн, вы не откажетесь свидетельствовать перед магистром Эремоном о том, что пламя невозможно было потушить обычной водой и оно легко расправилось с нашей защитой. Думаю, не ошибусь, если скажу, что его цвет и вид тоже был слегка необычен.

Брендону осталось только подтвердить слова ректора. Но все же, все же... неужели ректор прав и здесь есть еще ши? Этот Гьетал? Кто-то еще? Если это так, почему его ни разу не удалось увидеть? Университет велик, но незнакомец все равно кому-то бросится в глаза. Тем же слугам.

Мысль, что ректор Галлахер держит ши где-то в подвале, чтобы изучить его, разрезать на части и совершить огромный прорыв в магической науке, была ровно той степени бредовости, когда отбросить хочется немедленно, но не получается.

Да-да, и порой разрезанный на куски и лишенный Кристалла ши выбирается из подвала, чтобы убить профессора и сжечь его дом. Изумительно логичная история, второй магистр Бирн. Шедевр. Старушки такое рассказывают правнукам на Самайн, и если правнуки не старше пяти лет, могут даже поверить.

А ведь если честно, Брендон Бирн просто страшно не доверял Горту Галлахеру и сам это понимал. И только потому, что тот был слишком близок к его тайне. Рыжей тайне, которая провела с ним праздничную ночь.

* * *

На улице пахло дымом. Наверное, кто-то разжег еще один большой костер. Эшлин вышла за дверь и бегом бросилась по дорожке, вдоль пруда, туда, где за башней библиотеки и кудрявыми кронами ясеней виднелся холм-над-рекой. Тот самый, что входил в стены Университета и вроде как положил ему начало. Потом застыла на середине пути. Это было важное дело, а взбудораженный ум гнал вперед, заставляя забыть об осторожности.

Все-таки идти одной в гробницу было глупо. Эшлин все еще обижалась на Брендона за его попытки ее останавливать. Будто он уже старший над ней... хотя он и есть старший. Учитель. И не только.

Девушка зажмурилась. Как все сложно. В ее мире только по оправе Кристалла и одежде можно было понять, старший перед тобой или младший, свой или чужой. А этот человек умудрялся быть ее старшим, ее близким, ее учителем и ее душой – почти ее душой. И попробуй пойми, чего в нем больше. Эшлин с мгновение решалась, а потом повернула обратно, к жилищу второго магистра Бирна.

Она ускорила шаг, заметив, как перепачканные сажей студенты торопятся по улице вперед, обсуждая пожар. Но дом Брендона стоял невредимым.

Сам Брендон догнал ее незадолго до того, как она хотела открыть дверь. От него удушливо пахло дымом. Лицо было встревоженным и даже злым. Он сжал ее плечо, будто боялся, что она пропадет.

– Эшлин? Ты...

– Что горело? – отозвалась она, не желая рассказывать, где и с кем была. Эшлин не была уверена, что сможет рассказать Брендону, почему Горт ей помогает, и не раскрыть его тайны. А эта тайна была не для человека.

– Дом Финна Дойла, и это было не простое пламя – пламя ши. Твой старейшина может пользоваться магией без Кристалла?

– Я же могу, просто с трудом. Он тоже. Но здесь теперь любое происшествие будут валить на ши? Я хочу найти свой Кристалл, пока нас тут не начали убивать.

– Нас? Кого еще ты имеешь в виду?

– Брендон... – она, кажется, впервые назвала его по имени, не пытаясь сбиться на другое, похожее, – я запуталась. Но одно знаю точно. Томас Лермонт, погребенный в холме, забрал и спрятал книгу. Ту, которую Брадан писал на своих табличках. Там, в хижине, пока жил у нас. Ее можно найти, я примерно знаю, как. Вдруг он написал, где оставил мой Кристалл. Что он делал перед тем, как погибнуть?

– Почему мне кажется, что ты бежишь от моих вопросов? – теперь он обнял ее обеими руками, и Эшлин показалось, что она сидит у костра. Она даже чихнула.

– Потому что ты слишком много думаешь. Идем.

Она потянула его за собой, и он пошел. Просто так. Не спрашивая ничего больше. Может быть, тоже хотел от чего-то сбежать.

Подножие зеленого холма окружала широкая стена из белого кварца. Посреди, если подойти совсем близко, выделялся чуть более

серый прямоугольник. Камень с полтора человеческих роста, испещренный рисунками. Спирали, полосы, круги сходились в неведомый узор. Отодвинуть эту махину не смог бы и десяток лошадей. Наверное, Томас Лермонт очень не хотел, чтобы студенты его беспокоили.

Лишь перед ним Эшлин наконец остановилась. Брендон хмуро вглядывался в куски кварца.

– Я там был десяток раз. И не видел ничего, кроме старой могилы.

– Этот Лермонт все так запутанно пишет! Когда хочешь, чтобы твои слова поняли и запомнили, надо говорить просто. И повторять. Книжки путают ум, это точно.

– Библиотечная воительница, – чуть улыбнулся Брендон, а потом удивленно присвистнул.

Эшлин, стараясь не разворачивать печать из черной ткани – как отдал Горт, – приложила ее каменную основу к кругу с точно таким же узором. По камню прошла рябь, будто по воде, и взгляду открылась едва различимая щель.

– Скажи мне, что все будет хорошо, – прошептала Эшлин, надеясь, что Брендон ее не услышит. И тут же почувствовала, как ее обнимают двумя руками, а губы у самого уха повторяют: «Хорошо».

Брендон потянулся из-за ее плеча и толкнул каменную плиту.

В открывшемся каменном коридоре, уходящем вглубь, было темно, только у входа виднелась ниша, в которой стояла глиняная лампа с длинным носиком и завитушкой-ручкой. Она напоминала длинную лодку, только без весел. Брендон поднял ее и легко зажег – в ней сохранилось масло. Освещала лампа слабо, а дымила сильно. В узком каменном коридоре, где до потолка можно было легко достать рукой, этот удушливый чад казался невыносимым. Но не идти же на ощупь!

Эшлин до этого не оказывалась настолько глубоко в скале. Только во сне. Но там у нее не перехватывало дыхание и не казалось, что вся громадная вершина холма давит ей на грудь и вот-вот обрушится, похоронив маленькую шишечку под обломками. Даже просто сил идти вперед стало меньше, будто бы перед этим она пробежала пару миль. Только дыхание Брендона и ламповый дым убеждали ее, что потолок еще не упал, она правда жива, а не самой себе кажется в этой душной полутьме.

Удивительно, но когда коридор вдруг повел вверх, стало светлее. Будто там, впереди, были настоящие окна, впускающие свет в сердце холма.

Так оно и было. Еще около двух десятков шагов – и они вошли в пещеру, что явно была сделана человеческими руками. Слишком ровные своды, да и отверстия, сквозь которые проходил свет, – полукруглые, одинаковые, затянутые слюдой, что пропускала свет, но не давала дождю портить последнее пристанище великого барда. Гробница не отличалась пышностью усыпальницы Дойлов, здесь были лишь камни и несколько рисунков на стенах. Один из них, сильно поблекший, изображал дуб с огромной раскидистой кроной. На другом распускались синие и красные цветы. А третий был, возможно, портретом самого Лермонта – длинноволосый человек в плаще и с лютней задумался над тем, какую песню спеть следующей, да так и застыл на сотни лет. В глубине пещеры располагался большой плоский камень, на котором были выбиты слова.

Брендон затушил лампу, чтобы осталось масла на обратный путь. Здесь было достаточно света, чтобы прочесть, разве что он был неясным и желтоватым.

– Томас Лермонт. Тот, что искал дорогу ольхи, но ушел дорогой звезд, – прочел Брендон. – Не вижу здесь никаких подтекстов. – Новая загадка надежно отвлекла его от беспокойства о ши и о том, кто поджег дом Дойла. Надо найти Кристалл, если он здесь, раньше, чем до него доберутся ректор или инквизиция. И тут он едва не подпрыгнул на месте, увидев, как наглая ши забирается на могильный камень, встает в центре и вытягивает руку.

– Что ты делаешь? – его голос эхом отозвался от стен, прибавив жути. Эшлин вздрогнула.

– Он писал, что не обидится, если встать в центр его мира. А центр мира – это там, где ты сам стоишь... или лежишь.

Брендон напряженно наблюдал за девушкой, будто правда ожидал гнева мертвого барда. Эшлин покрутилась на месте. Вокруг то и дело попадались стоячие камни с какими-то надписями.

– Скажи мне, где здесь север?

– Ты стоишь к нему спиной. А галерея выходит на юго-восток.

Эшлин развернулась, сделала четыре шага, спрыгнула с могильной плиты и оказалась лицом к лицу с одним из торчавших из

земли, как зубы, камней. Потом зашла за него, протянула руку, зашарила по стене. Ее губы шептали «один, два, три, четыре, пять», а пальцы скользили по гладко обтесанным камням.

Вдруг Брендон увидел, как один из камней под ее нажимом сдвинулся внутрь, открывая нишу размером с две ладони. Перед ними лежали аккуратной стопкой плоские, исчерканные каменные полоски. Огам. Брендон взял одну, поднес почти к самым глазам и прочел. Потом еще две. На одной стороне надпись, на другой – странный рельеф. Будто резьба.

– Бузина. Тростник. Ясень. Здесь названия растений. Видишь, в глубине ниши круг, похожий на лабиринт? Эти полоски явно должны быть туда вставлены... вроде ключа что-то? Но в каком порядке?

– Это календарь. Наш. Но я не умею читать.

Брендон накрыл ее руку своей и чуть сжал. Сразу стало спокойнее.

– Я прочту. Скажи, в каком порядке они у вас идут. С чего начинается зима?

– Год начинается с березы. Потом рябина, ясень, ольха, ива...

Мысли перестали беспорядочно роиться, и Эшлин легко нарисовала перед мысленным взором круг деревьев. Когда последняя пластина вошла на свое место, часть стены, в которой была ниша, медленно, со скрипом, поднимая облако столетней пыли, отъехала. Брендона и Эшлин ждало еще одно путешествие по темному коридору, стены которого царапали руки, когда приходилось нащупывать путь.

Брендон снова зажег лампу. Ему во многих местах приходилось нагибаться, проход был чуть ниже его. Зато в ширину в нем могли бы спокойно разойтись трое. Эшлин смотрела на тени, заплывавшие по стенам, и угадывала в них очертания птиц, знакомых людей и ши, гор, деревьев. Камень со всех сторон давил теснотой и неясной угрозой. Эшлин было жутко, и страх этот с каждым шагом все сильнее стискивал голову – будто обручем, будто предчувствием. Хотелось повернуть назад. Откуда-то пахло сыростью и болотом.

Вдруг Брендон, теперь шедший первым, резко остановился и присвистнул от удивления. Проход впереди расширился, это была пещера без отверстий, куда мог бы пробиваться свет, но с тонкими светящимися кристаллами, вделанными в потолок. Эшлин с удивлением узнала их. Такие светильники иногда делали для садовых

гrotов ши, поселяя на дерево или камень серебристый лунный мох, который в темноте начинал вот так мерцать. Но в человеческих лесах лунного мха не было. Значит, кто-то прихватил его с собой? Какой-то ши?

Брендону было не до обсуждения ботанических видов в разных мирах. Он внимательно осматривал хлипкий деревянный мостик через кривую расщелину впереди. Когда-то это была вполне крепкая переправа из бревен, веревок и перил. Сейчас же перила давно сгнили и упали в пропасть, оставив после себя обломки столбиков. А бревна пошатывались в подгнивших канатах. Сами они, как ни странно, были почти не тронуты временем. Древесина лиственницы, вымоченная в морской воде, практически вечна.

– Кажется, наше путешествие закончилось, Эшлин. Я не позволю тебе идти по этому мосту, и сам тоже не самоубийца. Придется вернуться и подумать, как его починить.

– У нас мало времени. Мне так кажется. Я попробую, только поймай меня, если голова закружится, ладно? Здесь... слишком много камней.

– Что ты задумала? – схватил ее за предплечье магистр, опасаясь, что ши сиганет в пропасть добровольно. Посмотреть, что будет.

Эшлин ему не ответила, она просто набрала в легкие воздуха и запела. Голос ее, отражаясь от стен, звучал хрипло, но достаточно громко. Из давно высохшего и отполированного годами бревна показались тонкие гибкие веточки с зеленой мягкой хвоей. Повинуясь голосу ши, они тянулись, сплетая бревна между собой. Только вот сил на это уходило много. Без Кристалла. В камне. Трудно.

Эшлин пошатнулась и крепко вцепилась в плечо Брендона. Нельзя прерывать песню. Еще немного – и голос у нее может пропасть, не хватит дыхания, которое так поверхностно и обрывисто здесь, под землей. Вдруг она почувствовала, как ноги отрываются от земли – Брендон поднял ее на руки.

Веточки все вились, превращая коричневый мост в зеленый. Вокруг растекался лесной смолистый дух, изгоняя прочь сырую затхлость пещеры. Лицо Брендона застыло, все силы уходили на то, чтобы держать равновесие. Никогда он не думал, что придется поиграть в канатоходца, держа в руках девушку. Эшлин, в отличие от шеста, равновесию не способствовала. Свежие ветви были довольно

скользкими, вниз магистр Бирн старался не смотреть. Лампу ему пришлось отдать в руки ши, которая приняла ее, не открывая глаз.

Песня звенела под каменными сводами, будто тыкалась в потолок, ища выход к небу. Брендон шел и считал про себя шаги. Иногда самое глупое действие помогает не поддаться панике. Раз, два, три... на цифре «двенадцать» он осторожно опустил Эшлин на землю, и она тут же замолчала. Потом осмотрелась. Взгляд ее был мутноватым, как у недавно разбуженного человека. Он прижался губами к ее губам, коротко, едва коснувшись. Почувствовал их тепло. Эшлин улыбнулась.

– Мне понравилось, как ты меня нес. И только из уважения к твоему старшинству я не скажу, что из тебя великолепная ло...

Брендон бесцеремонно закрыл ей рот ладонью.

– Даже слышать этого не хочу. Идем.

Эшлин что-то промычала и тут же в отместку двинулась первой, так и не отдав ему лампу.

Пещера переходила в еще один узкий лаз, за которым открывалась еще одна, и еще – небольшие, нанизанные на их дорогу, как бусины на нитку. Пятая «бусина» оказалась тупиком. В этой пещерке были три каменные стелы, одной стороной погруженные в стены с рисунками, а четвертая, посередине, торчала отдельно, будто надгробие.

Брендон взял уже совсем тусклую лампу и долго вчитывался в полустертые строки на четвертой.

Пришедшему с миром, забывшему склоки

Дарю я тростинку и стебель осоки.

Тому, кто к порогу явился без зова,

Дам ясеня лист, улыбнувшись сурово.

Тому, кто не помнит о прошлом ни дня,

Рябины целительной гроздь у меня.

Но что тебе, друг мой, сегодня отдам,

С судьбою своей выбираешь ты сам.

– Снова древесные загадки. Давно еще не чувствовал себя настолько дубом, – вздохнул магистр Бирн.

Эшлин нахмурилась, повторяя про себя только что услышанные строки. На трех стелах, единственных гладких камнях в этих шероховатых известняковых стенах, были изображены деревья. Хоть краски и сильно поблекли, по общему виду можно было их различить. Ольха. Береза. Дуб. В середине сплетенных корней у каждого было по

прямоугольному выпуклому камню, на который, судя по всему, надо было надавить.

– Кто поймет, что хотел от нас этот человек? Он мог размышлять совсем не так, как мы. С ольхой все понятно. Это мост, предсказание, дорога в наш мир. Береза – перемена судьбы, очищение, все сначала. С нее начинается год. Первая семья ши носит ее имя. Дуб – стойкость, мужество, порядок...

Брендон задумчиво вел пальцами по выбитым на камне шероховатым буквам.

– Это не ольха. Тому, кто мечтает ускользнуть в другой мир, незачем книга. Это не береза. В случае дороги начать сначала – значит оказаться у входа. Я не горю желанием еще раз пробираться сюда тем же путем. Остается дуб. Если я достаточно стоек, чтобы не мечтать о безумной власти, если я достаточно мужествен, чтобы искать знания через неизвестность, и более всего чту порядок и равновесие – значит, можно рискнуть поделиться со мной книгой.

Эшлин еще раз обошла пещерку, рассмотрев каждое дерево. Потом вздохнула и положила руку на камень под дубом. Вся плита вздрогнула и со скрипом стала разворачиваться. Две другие наполовину съехали вниз, скрывая корни деревьев вместе с возможностью заглянуть за стену с другим деревом. Томас Рифмач давал только одну попытку ответить на его вопрос.

За дубом оказалось очень маленькое помещение, где даже Эшлин было бы сложно развернуться. Его занимал похожий на жертвенник каменный стол, на котором лежала старинная книга. Стопка глиняных табличек была перевязана веревкой, на которую прицепили глиняный же ярлык. В те времена не делали бумагу из ветоши, так что библиотекарь должен был отличаться недюжинной силой.

* * *

Это была она. Книга друидов. Книга Брадана – Брендон не мог бы с этим поспорить. Возможно, единственная в мире. Сокровище для магической науки. Сокровище... для Эшлин? Они оба держали листы книги, и получалось так, что через нее они держатся за руки. Глина

была почти белой, хотя для этих краев привычнее красная. Скорее всего, Брандан брал ее совсем не в этих краях.

Глиняные таблички несли и рисунки, и знаки, то и другое было и легким, и тщательным. Брендон не мог не думать, что и сам писал и рисовал бы очень похожим образом.

Вот он ведет острым стилусом по мягкой глине, рисуя лист недавно увиденного дерева... наваждение? Но он почти видел всю строчку, которую стилус выписывал дальше. И от исследовательского азарта было не унять дрожь в пальцах. А этого себе позволить нельзя. С необожженной глины можно соскоблить ошибку, но это долго. А хочется рассказать о невероятном, не прерываясь на еду и сон. Это такое знакомое чувство, к которому примешивается немного горечи. От тоски по той, что захватила сердце.

– Вот они, магистр Эремон. – Шаги множества ног, как же они услышали их только сейчас? Знакомый голос и здесь звучал как приказ.

Брендон поднял голову от книги. На него смотрел ректор Галлахер с тем холодным жутковатым сочувствием, с каким охотник смотрит на подранка, прежде чем добить.

– Будьте осторожнее с ши. Магистр Бирн, вероятно, очень глубоко зачарован ее магией, поэтому сейчас может быть опасен.

Ровный голос, четкие слова, но смысл их складывался не с первого раза. Брендон слишком медленно возвращался из своего видения, похожего на сон во время испытания.

Ши? Зачарован? Что происходит? Откуда он знает? Брендон шагнул вперед, оказываясь между Эшлин и...

Маленькой толпой. Магистр Эремон. Ласар. Старшекурсник Коннор Донован. Фарлей Горманстон. Эния Магуйар. Еще старшие за ними – из учеников ректора.

Эшлин молчала за спиной. Растерялась? Ждет чего-то? Мгновения почему-то растягивались, казалось, воздух превратился в воду. В толщу воды.

Магистр Эремон встал рядом с ректором. Голос его звучал спокойно, будто они беседовали о своем за кружкой вина со специями:

– Второй магистр Дин Эйрин, Брендон Бирн. Вопрос к вам очень прост. Можете ли вы поклясться передо мной как следователем королевской инквизиции, что ваша ученица Эшлин, дочь Каллена,

является обычным человеком, а не ши? И что ее таланты, как возможность вызвать дождь и превратить деревянную вещь в живое дерево, и особенности, как ожоги от холодного железа, объясняются иначе?

– Я клянусь, – голос Брендона стал холодным, как то самое железо, – что моя ученица Эшлин...

Глаза Эшлин расширились от ужаса. Она сейчас после того, как починила мост, и стояла-то с трудом – что уж говорить о магии. Ей хотелось, как тогда во сне, зажмуриться и перестать видеть это. Перенестись куда-то под сосны, где можно улыбнуться Брендону и знать, что он подхватит ее, когда потемнеет в глазах. Но этим миром она не управляла. А Брендон собирался ради нее сотворить страшное. Каждый ши знал, что нарушитель магической клятвы умрет. Или его судьба будет еще хуже смерти.

– Не клянись! – выкрикнула Эшлин хрипло и встала рядом с ним. Она смотрела перед собой, чтобы не взглянуть случайно в глаза Гарту, и все равно натыкалась взглядом. Ярость и страх снова сжимали горло. – Я пришла по дороге ольхи, но не причиняла зла. Ни человеку... ни кому другому.

Брендон сжал ее ладонь в своей. Она чувствовала, как сковано напряжением его тело. Оно молило о действии, но магистр был так ошарашен, что не мог понять, как поступить.

– Магистр Эремон, – Горт Галлахер говорил по-прежнему холодно, но почти сочувственно, словно ситуация причиняла ему тщательно скрываемую боль. – Видите печать, украденную сегодня у меня, у девушки-ши в руках?

– Эшлин? – она услышала, как с губ повернувшегося к ней Брендона сорвалось ее имя. В нем был невысказанный вопрос «почему». Почему ты мне не сказала?

Эшлин почувствовала, как вспыхнули уши. Отвернулась от того, кто стал ближе, к тому, кто показался старшим. И все разрушила. «В этом мире ты никому не принесешь счастья»? Ошиблись филиды. Во всех мирах...

Она давно не была так зла.

– Но ты сам передал мне ее, чтобы... – Воздух будто разом вышел из легких, а слова потерялись на подходе. Горт не просто прервал ее, а стягивал горло приказом. Пожелай она сейчас выкрикнуть проклятие –

не смогла бы. Эшлин так и застыла с приоткрытым ртом, пытаясь вдохнуть.

– Не трудись лгать дальше. Магистр Эремон знает, что ты пришла поговорить о погибшем профессоре, усыпила меня, когда я согласился уделить тебе время, и взяла печать. Магистру Эремону известно, что по законам Дин Эйрин я имею право передавать ее только трем людям. Не тебе.

У Брендона кружилась голова от происходящего. Зачем Эшлин так глупо поступила?! Ректор говорил правду хотя бы в том, что печать могла находиться лишь у самого Брендона, когда тот замещал Галлахера, у коменданта коллегий в случае некоей необходимости и у чрезвычайного королевского посланника, например, инквизитора. Все. Эшлин не стоило поступать так, тем более ничего не сказав Брендону.

Но как человек, которого он столько лет уважал, мог оказаться... кем? Тем, кто решил вывернуть все происходящее в свою пользу? Бросить кость инквизиции и получить бесценный материал? Брендон чувствовал, как сердце наливается яростью, и невольно сжал кулаки.

– В чем бы вы ни обвинили Эшлин, я сам несу за нее ответственность. Она принесла мне клятву ученицы.

– Ее ученическая клятва недействительна – она не человек и не может быть студенткой Дин Эйрин. – Горт смотрел ему в глаза и, казалось, чуть усмехался. – Прошу вас, магистр Бирн. Просто отдайте мне книгу и пройдите с магистром Эремоном. Ручаюсь вам, разбирательство будет проводиться тщательно и со всем возможным уважением к вам. Вы не виноваты, что поддались чарам. Университет на вашей стороне.

Эшлин наконец снова смогла вдохнуть. Сила бывшего старейшины легко заставляла ее подчиняться. Если бы не память, она бы уже точно швырнула тяжелую пачку глиняных листов ему в голову.

– Ты лжешь. И мне не превзойти тебя в этом, Горт Проклятый, – хрипло выкрикнула Эшлин. – Научи же, бывший старейшина Дин Ши, как обманывать людей четыре сотни лет и не попасться?

Горт Галлахер выдержал сложную паузу в перекрестье взглядов и тишине. Даже Брендон молчал. Его ударило этим откровением, будто камнем. Он пытался понять. Он верил Эшлин. Но почему, если ее слова правдивы, она молчала? Зачем пошла к нему за печатью? Что еще скрыла? В этих мыслях проросло цепким стеблем зерно обиды.

Ректор повернулся к студентам:

– У кого есть железный предмет? Любой. Нож, фибула, пряжка! Дайте мне, – он протянул в их сторону руку, ни секунды не сомневаясь, что к его словам прислушаются.

Эния пошептала с Фарлеем Горманстоном, выступила вперед и почтительно передала ректору небольшую книгу с железными накладками. Конспект по алхимии с прошлых лет, успел подметить Брендон. Доэрти продавал их богатым студентам и смеялся, что превращает бумагу в золото. Ум цеплялся за глупости.

На Эшлин Эния старалась не смотреть. Горт Галлахер кивнул, принимая книгу, и медленно, чтобы все видели, положил руку на железо.

– Надеюсь, желающих отрубить мне голову железным мечом и проверить, умру ли я, не найдется, – усмехнулся он. – В этом ши не отличается от человека. Магистр Эремон, вам достаточно времени для доказательства? Мне несложно держать книгу, но мы не можем оставаться здесь до позднего вечера.

– Достаточно, – кивнул инквизитор. – Прошу вас, покажите руки.

Ладони Горты Галлахера были чисты. Ни пятнышка красноты.

– Несомненно, накладки выполнены из железа, – магистр Эремон рассмотрел книгу и вернул ее Энии. – Я даже не предлагаю Эшлин подержать ее тоже. Бессмысленное причинение боли – опасное и глупое занятие. Эшлин, дочь Каллена, назвавшая себя ши перед всеми нами. Ты обвиняешься в похищении ректорской печати...

– Подождите! – крикнула Эшлин, отчаявшись. Она чувствовала, как державший ее за руку Брендон с силой пытается задвинуть ее себе за спину. Он явно что-то задумал. – У Горты Проклятого на теле знаки воина Дин Ши. И Кристалл Души на груди.

Она замерла. Кристалла на Горте не было. В ворота рубашки ни следа цепочки или легкого сияния под тонкой тканью, если бы тот желал его спрятать. Ни отблеска синевы от знаков... он так уверен в себе, что сила его внутри спокойна, как озерная гладь?

– Господин магистр инквизиции позволит мне не раздеваться? – скучаяще поинтересовался Горт. – А также не кусать рябину, не входить в кузницу, и что там еще есть в суевериях. Я готов, если это необходимо, но не люблю терять время.

– ...в поджоге дома погибшего при странных обстоятельствах профессора Дойла и становишься первой подозреваемой в его убийстве, – продолжал Эремон так, словно его и не прерывали. – Ректор, думаю, вам действительно не стоит ни раздеваться, ни кусать рябину. Мы все еще на территории Дин Эйрин, вашей территории. Передадите ли вы обнаруженную ши в руки королевской инквизиции?

– При всем уважении – нет, магистр Эремон. Я хотел бы оставить ее здесь под магическим надзором. Вы сможете допросить ее, когда захотите. Поймите, сейчас это предмет моего необычайного научного интереса, а после вашей тюрьмы – как знать, что от нее останется...

Он улыбался, глаза его блестели, и в его словах Брендону слышалось «Птичка в клетке. Драгоценная, редкая птичка в клетке». Это выбило его из оцепенения.

– Вы лжете. Вы подстроили все это, чтобы получить себе ши, – это Брендон сказал даже вежливо, словно вел диспут. А вот бросился на Горту уже без всякой вежливости. Воспитания хватило ровно на то, чтобы не драться кулаками подобно деревенскому выпивохе, а атаковать по науке профессора Тао – сфера цвета гнева, темно-алая, появилась в воздухе у груди Брендона, рванулась к ректору. Опытный маг мог сделать это за счет собственных сил, копить и гармонизировать которые учил профессор Тао. Нет, эффекта шаровой молнии так не добьешься, но случилось, что так останавливали врагу сердце. Редко. Обычно просто сбивали с ног.

Окованный железом посох магистра Эремона, с которым тот обычно делал упражнения, взлетел, рисуя невидимую преграду между Брендонем и Гортом. Сфера ударила об эту преграду, разлетелась алыми брызгами, исчезла. Второе движение посоха – железный наконечник даже близко не коснулся Брендона, но тот едва удержался на ногах, словно его ударило ураганным ветром, и этот ветер выбил из тела все силы. Эшлин схватила его за руку – то ли держалась, то ли держала. Он оперся другой рукой на постамент для книги и выровнялся. Тело ныло так, будто Брендон только что внес на башню университетской стены ту самую лошадь.

Ректор даже не пошевелился. Только чуть улыбнулся.

– Вы уж меня простите, магистр Бирн, но устраивать здесь поединок не время и не место. А в первую очередь это незаконно. – Эремон встал к Брендону вплотную и добавил, понизив голос: – И

лучше так, чем мне придется предложить студентам вас удерживать. Некрасиво было бы.

Он добавил уже громче:

– Ласар, выдай ректору заряженный обсидиан. Девушка-ши остается на его, так скажем, попечении. Второго магистра Бирна мы сопроводим в Бетлемскую лечебницу. Книга пребудет в университетском хранилище. Все присутствующие здесь должны подробно описать увиденное письменно и отдать мне до моего отъезда – таким образом, у вас час.

Ласар оторвался от бумаги и пера – он что-то очень быстро писал все время, потому молчал даже без приказа учителя. Сейчас он передал Гарту Галлахеру широкий серебряный браслет с куском обсидиана неправильной формы. Такая вещь поглощала магию, направленную на ее носителя. Маги не носили ее постоянно, потому что под постоянным влиянием обсидиана несколько слабели сами, а находящиеся рядом артефакты быстро разряжались.

Брендон ждал, пока инквизитор удостоверится, что он успокоился, и отвернется. А потом, едва Горт оказался рядом, потратил остаток сил на то, чтобы собрать волю в кулак. Последнее, что он помнил, когда повалился на глиняные таблички, что рука его достигла цели, коснувшись жесткой скулы ректора. Заклинание инквизиторского посоха лишило Брендона Бирна сознания и возможности сопротивляться.

Ректор легко отнял руку Эшлин от руки Брендона. Она попыталась дернуться, но он мягко, едва слышно, сказал:

– Нужно слушаться, девочка. Иначе все будет только хуже. Ты все равно попала бы. Ты неуместна в этом мире, как мак под ясенем, помни.

Мак – смерть. Ясень – человеческий мужчина в одном из толкований. Эшлин хорошо поняла, чем угрожал ей Горт Проклятый.

Ее вывели первую. Ректор держал ее за руку, и Эшлин казалось, что вся ее сила утекает к нему. Дело было не в обсидиане, а в нем самом. С другой стороны ее держал Фарлей Горманстон, и его самодовольная ухмылка становилась все шире. Остальных Горт отослал писать бумаги для инквизиции.

Когда никто уже не мог их слышать, Фарлей спросил:

– Куда ее, господин ректор? В ваш дом?

– Под тростник, – ответил Горт. – Там ее уже ждут.
И его усмешка показалась Эшлин самым жутким из случившегося
в этот день.

Глава 14

Среди серых камней

Остров в Ибернийском море, где располагалась старейшая Бетлемская лечебница, на картах с некоторых пор обозначался, собственно, как Бетлемский. Но намного больше устоялось мрачноватое «Остров последней надежды», переделанное жителями приморских деревушек в «Безнадегу». Туда, в Безнадегу, и везли Брендона два молчаливых перевозчика в серых скорбных одеяниях с вышитым знаком Бетлемского братства – открытая ладонь и белый четырехугольный камень на ней. Ладонь – «мы протягиваем руку заблудшим», белый камень – особый кварц, в изобилии использующийся братством, четыре угла – четыре добродетели пациента Бетлема, а именно раскаяние, помощь другим, послушание и скорбь.

Море было серым, небо было серым – осень вступала в свои права. Серым было настроение Брендона. Серыми были одеяния перевозчиков, крепких, безмолвных и мрачных. Серые волны качали лодку.

Брендон поднял голову. В других обстоятельствах он подивился бы местному новшеству – канатной дороге, по которой на остров и с острова везли грузы. Если все бетлемские братья были такими же квадратными, как перевозчики – под стать кварцу со знака, – то найти силачей вертеть тяжкое колесо, заставлявшее канаты двигаться, им было несложно.

Весла и волны выводили тоскливую мелодию Безнадеги. Начался мелкий дождь.

Вслед лодке смотрели магистр Эремон и Ласар. Наконец Эремон нехотя повернул коня.

– Вы теперь верите в ши, учитель? – немедленно спросил Ласар. – Жаль, что не смогли пока поговорить с ней. Это же чудо! А вы правда думаете, что она...

– Я буду тебе невероятно признателен, если ты научишься задавать один вопрос и дожидаться ответа, – заметил Эремон. – Но ты заслужил. Ты даже не болтал со студентами, когда я запретил, и я

сознаю, что для тебя это подвиг. Итак, на твой первый вопрос – я считаю существование ши более вероятным, чем считал раньше. На твой второй произнесенный вопрос – не будь мы с тобой сейчас вызваны к его величеству с докладом, мы ехали бы назад в Дин Эйрин говорить с девушкой. На твой третий недоговоренный вопрос – она могла. Но могла и не она. Обвинение подразумевает... что?

– Мотив и возможность! – горячо сообщил Ласар.

– Верно. Третьей обычно называют молву, сиречь репутацию, но мы с тобой видели убийц и мерзавцев, пользовавшихся огромным уважением и любовью, и добрейших славных людей, которых боялись или презирали по самым разным причинам. Так вот, мотива у нашей, предположим, ши, нет – или мы пока не знаем его. Возможность есть, она сильный маг с необычными способностями и в момент убийства была наедине с влюбленным в нее мужчиной, чьим словам верить до конца нельзя.

– Вы правда думаете, что он ею зачарован?

– Влюблен или зачарован – результат не слишком разнится. Перечисли мне сейчас, кто мог убить профессора Дойла. Кто имел возможность, кроме Эшлин. Мотив неясен, не думай о нем. И не думай о поджоге. С ним отдельно.

– Брендон Бирн. Сам или помогая девушке. Он его близкий друг, и профессор подпустил бы его близко. У него есть доступ в хранилище, он мог взять что-то необычное там, а потом убрать назад.

– В целом согласен. Еще?

– Ректор Галлахер. Все то же самое – и мог подойти близко, и мог использовать что-то из артефактов Дин Эйрин. Кроме того, он... как это сказать?

– Скользкий? Ты прав. Но это само по себе не делает его убийцей. Еще?

– Ммм... еще один ши?

– Ради всего святого, Ласар, не следует множить ши без необходимости. Будь проще.

Ученик замолчал, думая. Кони шли шагом по раскисшей дороге. Дождь усиливался.

– Не забывай о Мавис Десмонд, – сам ответил Эремон. – Учитель мог испугать ее, обидеть – и сила рванулась наружу в необычном проявлении. Подобные ей неуравновешенны и опасны. Это не столько

их вина, сколько беда. Причинять зло несчастной и неуверенной в себе взрослеющей девушке с магическим даром может быть так же опасно, как дразнить волчицу или гадюку. Да и без магического дара случается всякое.

– Мне поговорить с ней еще раз? Я охотно! – выпрямился Ласар.

– Поговоришь. Но сначала у нас по плану король. А одновременно я напишу в графство Десмонд – пусть-ка нам о ней расскажут.

* * *

Эдвард бегал по комнате и взмахивал руками так рьяно, что Аодану казалось, будто он сейчас обернется птицей. Какой-нибудь взбалмошной, вроде чайки. В открытое окно их комнаты под самой крышей мужской коллегии все еще доносился запах дыма и перекрывал приятный дух свежего хлеба из «Лосося».

– Она никого не убивала! Это какая-то несусветная глупость!

Он еще пару раз пронесся туда-сюда мимо сидевшего на кровати друга, который старательно начищал сапоги.

– Аодан! Ты же понимаешь? Я бы почувствовал!

– А то, что я разбойник, ты когда почувствовал? Когда у нас связанный оказался? – Аодан все еще невозмутимо, размеренными движениями натирал сапог. Так некоторые полируют оружие.

– Это... случайно вышло. И в том, что у тебя душа добрая, я не ошибся! – широко улыбнулся Эдвард, но тут же снова насупился. – Слушай, просто надо у нее самой спросить. В лицо. Я все пойму. Но куда ее увели? Там были только ученики ректора из студентов. И инквизиция.

– Только не говори, что ты пытал инквизитора, – покачал головой Аодан, разглядывая блестящее голенище сапога, будто хотел увидеть там свое отражение.

– Я с ним разговаривал! С младшим! Но он будто говорить разучился. Я отцу напишу...

Аодан отставил сапоги и поднялся.

– А вот этого точно делать не надо. Ученики ректора, говоришь? Среди них вроде как Фарлей Горманстон ошивается?

– Да. Но Эпону я просить с ним говорить не пойду.

– Точно не надо. Если она с братцем поговорит, от него, как от мертвого осла, одни уши останутся. Шума будет много, а толку мало. Я сам с ним поговорю.

– Фарлей чванлив, сам знаешь. Я его хоть на поединок вызвать могу, – вздохнул Эдвард, – а тебе он ни слова не скажет.

– Никаких тебе поединков. Посмотрим, – недобро прищурился Аодан. Сейчас на обычно добродушном его лице проступили черты разбойного прошлого. Никто здесь не знал, кроме Кхиры, как именно Эдвард Полведра обрел такого могучего и верного друга. И какую роль в этом сыграла виселица.

В «Лососе» к вечеру становилось шумно ипряно. Ароматы блюд смешивались в воздухе и висели между столами еще одной приправой к позднему ужину. В животе булькнуло, но Аодан пришел сюда совсем не за едой. Миску жаркого из кролика или пастуший пирог можно будет купить после. Сейчас его дорога лежала к дальнему у стены столику, где развлекалась компания старшекурсников и пытавшийся перед ними выпендриться Фарлей. Сегодня, судя по гомону и корзине яиц, стоящей на столе, развлекались не азартными играми. Аодан понадеялся, что речь не идет о том, чтобы забросать коменданта яйцами. Это было бы еще глупее ведра над дверью. Не для старшего курса.

– А че это вы здесь делаете, а? Можно к вам? – спросил Аодан, привычно изображая уверенного, но простоватого парня. Его любили приглашать, чтобы облапошить. Мальчишкой лет двенадцати он после этого оставлял компанию без кошельков.

– Только простолюдинов нам и не хватало! – взвился Фарлей.

– Сядь, малыш, – усмехнулся один из старших, кажется, его звали Стэнли Рэндалл, – а то подумаю, что боишься, будто этот бык из Куальнге тебя ловчее.

Он кивнул Аодану на скамью:

– Садись, парень. В прошлый раз весело вышло с усыпальницей, пока все светиться не начало.

Рэндаллу услужливо придвинули корзинку, и он продолжил свою речь о яйцах:

– Нам принесли с кухни шесть яиц. Если мы их не расколотим, их потом пустят на пироги. Кто сможет без всякой магии поставить яйцо

на стол, чтобы, когда он уберет руку, оно продолжало стоять, – тот загадывает всем следующую задачу.

Старшекурсники с громким смехом расхватывали яйца. Фарлей скривился, заметив на яйце пятно, и долго тер его носовым платком. Но не отказался. Все игры, предлагаемые Рэндаллом, подхватывались. Мелкий небогатый дворянин, почему-то он пользовался в Дин Эйрин уважением. Может, дело было в том, что ректор заметно выделял его. Так и говорили – «компания Рэндалла», «друзья Рэндалла».

Аодан взял оставшееся яйцо и покатав в ладони, настраивая руки на ловкость в мелочах. Умение мгновенно действовать остро заточенной монетой и на ощупь развязывать самые прочные узлы осталось с ним на память от прошлой жизни воришки и сына разбойника с лесной дороги. Но этого здесь почти никто не знал.

Пока вокруг по деревянной столешнице катали яйца, ругая небо, землю и того, кто придумал яйцам такую форму, Фарлей Горманстон сидел с гордым выражением лица «я не отношусь к этому балагану». Потом он сморщил нос, будто приносиваясь, и Аодан понял, что ему пришла идея. Остальные забавлялись, кто-то уже расколотил яйцо о голову соседа, и теперь они счастливо тузили друг друга, пытаясь выяснить, кто из них более криворукый рукожоп. Судя по блеску глаз, они на двоих выхлебали кружки четыре пива. А кружки в «Лососе» были что надо.

– Хотите увидеть ловкость и ум, смотрите, – громко произнес Фарлей, чтобы даже тот, кто оказался под столом, высунул оттуда нос.

Фарлей взял яйцо и легонько ударил его о столешницу. Скорлупа внизу треснула, зато стала куда устойчивее – яйцо стояло. На его пальцах так поблескивали перстни, что Аодан с трудом сдержал проснувшийся воровской зуд. Но прикинуть, сколько могли бы стоять такие камни у знакомого «черного» ювелира на осенней ярмарке, успел.

Старшие зашумели. Щеки Фарлея покрылись красными пятнами, когда в него полетели обвинения в нечестности.

– Будто кто сказал, что так нельзя! Не запретили, значит, можно! В этом и суть. По-другому это не сделаешь! – возмутился Горманстон так громко, что оглянулись все сидевшие в таверне гости.

– Сделаю, – отчетливо произнес Аодан. Он протянул вперед свою ручищу, нашел самый ровный, без сучков кусок столешницы, поставил яйцо, задержал дыхание и, осторожно расправив пальцы, будто они были шляпкой гриба с толстой белой ножкой, убрал руку.

Совершенно целое яйцо стояло на столе.

– Это магия! – вскрикнул Горманстон.

– Да просто яйцо ему круглое попало, – проворчал один из старших.

Аодан улыбнулся:

– Ну давай, длиннойцевый, твое поставлю.

И поставил. Наградив старшекурсника кличкой на половину оставшейся жизни.

Теперь на Аодана смотрели с уважением и интересом. Фарлей привык прятаться за громкое имя, но опять срабатывало негласное правило Дин Эйрин: твои умения значат куда больше твоих предков и денег.

– Верю, что и ты бы справился, но болтают, вы ши поймали. Может, она тебя покусала, так теперь руки и дрожат? – бросил Аодан наживку, пока вокруг собирали пережившие показ талантов яйца в корзинку.

– Ничего подобного! – взвился Фарлей и добавил зло и гордо: – Теперь она никого не укусит.

– Кто знает. Хвалиться каждый может, а если она такая сильная, как говорят... Вот из балаганчика на ярмарке, помню, как-то волк сбежал. Мясник пошел его ловить и взял с собой коровью ногу. Волк-то не дурак пожрать был, тут же нарисовался. И вот мясник тянет ногу в одну сторону, а зубастый в другую. Так раскрутил он на этой ноге волка, что перелетел тот с нею через стену, а там...

– К чему ты все эти байки рассказываешь? Ши мы правда поймали. И я ее в темницу сопровождал.

Аодан усмехнулся и потер руки, прикидывая, что попросить служанку принести с кухни, которая подойдет за корзинкой.

– Так и расскажи, что там было. А то я тоже могу сказать, будто по бобовому стеблю на небо суп хлебать лазил.

– Не могу. Это тайна. Пока инквизитор во всем не разберется. – Фарлей заговорил тише: – Ректор поручил мне запереть ее в грот под

тростником. Они жутко камней боятся. В гроте она слабая, как младенец!

– Ну с младенцами-то и справиться не велика задача. Значит, удержите, – ответил Аодан таким тоном, будто утешительно похлопывал Фарлея по плечу. Теперь можно было спокойно поесть, выпить пинту пива и принести новости Эдварду, чтобы тот не протоптал своей беготней дыру в полу.

* * *

Каменное здание Бетлемской лечебницы, приземистое, с тяжелыми сводами и узкими окнами, когда-то было крепостью. В те времена оно защищало прячущихся в прочных стенах от врагов, а теперь – весь мир от тех, кто доживал и умирал среди серого камня. Брендону оставалась сомнительная радость – Эшлин, по крайней мере, не отправили сюда вместе с ним. И можно было хотя бы надеяться.

...На что? На то, что в руках Горта ей лучше? Худшая из возможных надежд.

Но хотя бы не в этом камне, как в фоморской темнице.

Желания драться в нем больше не было хотя бы потому, что сопротивление привело бы только к лишнему унижению. Кроме того, силы после случившегося в пещере восстановились не полностью, а выточенное из местного кварца тяжелое белое кольцо на запястье сковывало даже тот жалкий остаток. Именно на острове Безнадеги добывали этот кварц, *quarzum tenens*, «удерживающий».

Обсидиан поглощает магию, направленную на носителя.

Кварц «удерживающий» – магию самого носителя.

Два камня, черный и белый. Ни тот, ни другой не применяли в Дин Эйрин, считая их для магов попросту опасными. Теперь Брендону предстояло узнать это на себе.

Кварцевое кольцо, защелкнувшись, не причинило боли. Просто серый мир вокруг стал еще более серым. Ненамного.

Бетлемские братья сопровождали его по двое, говорили коротко, с холодной привычной вежливостью. Дали переодеться в местную одежду – просторную рубаху без пояса и широкие штаны все того же скорбного серого цвета. Проводили к брату Игнациусу – судя по всему,

одному из главных здесь, узкому человеку с узким лицом и голосом, напоминающим плеск воды в борт лодки.

– Я приветствую нового тяжелобольного в стенах Бетлемской лечебницы, – плескался голос. – Наши больные идут путем тяжким и тернистым...

Брендону захотелось дремать. То ли от укачивающего голоса, то ли от общей усталости, то ли от кварцевого кольца.

– ...как человек умственной деятельности, будете освобождены от добычи кварца и займете себя переписыванием бумаг и книг. Если вы покажете себя плохо, отправитесь перебирать крупу и лишитесь прогулок, если хорошо – к вашему питанию будет добавлен пшеничный хлеб и мед на полдник, а книги для переписывания будут подобраны тщательнее. За буйство будете присуждены к смирению путем воздействия холода и ограничения подвижности. Колоколу подчиняйтесь. Вам все ясно?

– Да, благодарю, – Брендон говорил безразлично.

– Больные в моем ведении живут по двое. Ваш сосед – человек прекрасного образования и большого обаяния, но старайтесь не поворачиваться к нему спиной. Если вам что-то покажется опасным, зовите братьев-охранников. Мы проверяем его одежду и вещи, но он чрезвычайно хитер. В мире внешнем его звали Гай Невилл, граф Кент. Здесь он просто наставляемый Гай. А вы пока – больной Брендон. Идите с миром, больной Брендон.

С миром и братьями-охранниками – сказать так было бы честнее.

О Гае Невилле Брендон был наслышан, как и многие: слишком часто «кровавым Гаем» пугали детей. Более того, юный граф Кент когда-то учился в Дин Эйрин. О нем отзывались как о юноше необычайного ума и обаяния, на Испытании дар явился в виде ястреба, послушно севшего испытующему на руку.

Когда он сошел с ума – никто не заметил и не понял. Кажется, в графстве Кент пропало уже двадцать юношей и девушек разного сословия, когда дело дошло наконец до инквизиции. Первое дело будущего магистра Эремона – тогда еще ученика.

Гай Невилл, известный маг-целитель, похищал тех, в ком видел магический дар, и убивал в хорошо оборудованной лаборатории, пытаясь найти и извлечь из тела источник магии. Он был весьма

раздосадован арестом – считал, что ему помешали довести исследование до конца.

Брендон невольно подумал, что заключение с таким соседом может быть завуалированной смертной казнью.

* * *

Когда Эшлин втолкнули в грот и дверь за ней захлопнулась, она будто ослепла. Она не чувствовала дыхания цветов, шепота ветра, жужжания пчел, скрипа деревьев, птичьего гомона – тех мелочей, которые складываются в душу мира. Ведь Кристалл ши лишь удерживает часть этой души, придавая ей форму. Они брали ее на время, зная, что однажды она уйдет обратно, соединится с целым.

Даже самой холодной зимой мир звучит. Дышит, падая пластами с еловых ветвей, снег, похрустывает лед под ногами, шумит злой и сильный северный ветер, и птицы поют, когда зима переламывается солнцестоянием.

Здесь мир не звучал. Здесь были камни. Камни, темнота и, судя по тому, как увязли башмачки, – песок под ногами. Темнота и камни мешали дышать. Эшлин хотелось плакать, но слезы не шли. Не меньше хотелось кричать, призывая молнию на голову Горта Проклятого, только вряд ли глупая девчонка без Кристалла смогла бы проклясть его больше, чем целый круг филидов. Ноги подогнулись, и она села прямо там, где стояла. Обняла руками колени, пытаюсь сохранить остатки тепла. Платье все еще хранило запах комнаты Брендона.

Сегодня им должны были выдавать студенческие мантии. Интересно, хоть кто-то из тех, с кем она болтала, смеялась, танцевала, бродила по Университету, сидела рядом на занятиях, – хоть кто-то не поверил ректору?

А Брендон – что он думает там, куда его забрали? И что будет с ним?

Темнота и тишина растворяли в себе мысли, возвращая только тоску и тревогу.

Вдруг Эшлин услышала голос. Поначалу ей показалось, что она спит или сходит с ума. В полной темноте, отражаясь от каменного

свода грота, обнимая полностью мрачное пространство, растекалась песня. Знакомая, но такая неуместная здесь боевая песня воинов Дин Ши.

Глуп, кто боится камней живых,
В каменном сердце нет огня.
Звездное небо, храни меня
От ураганов и бурь морских.
Каменный щит не пробьешь мечом,
Но как бы ни был враг жесток,
Мы и гранит сотрем в песок,
Если мы встанем к плечу плечом!

Голос был тихий, но сильный, можно было представить, как его звуки заставляют вспыхивать защитный узор на коже, как из песни каждого рождается нить, и они сплетаются в щит, способный остановить камнепад.

Но тьма вокруг была такой же густой. Ни единой искры.

– Кто здесь? – спросила Эшлин.

– Пленник. А кто попал в ту же паутину, что довелось мне? – отозвался голос, в котором чудилась легкая усмешка. Знакомый? Или кажется?

– Эшлин, дочь Каллена из рода Ежевики, – ответила ши, поднимаясь на ноги. Разоблачение пошло на пользу в одном – можно было больше не лгать.

– Вот я и нашел тебя. Идя по дороге ольхи, часто проходишь дорогой глупости, – голос шел откуда-то спереди, от стены, противоположной двери.

Эшлин вдруг обожгло страхом. Искал? Неужели Горт вытащил какого-то злобного духа из междумирья и оставил здесь, чтобы тот вволю наигрался, сводя с ума жертву? После такого она на суде инквизиции точно будет выглядеть как чудовище. Говорили, будто эти существа могут вселяться и...

– Здесь темно, и я не могу тебя увидеть! – Эшлин оборвала внутренний поток страхов. В конце концов, ей удалось уболтать целого

магистра ритуалистики сделать ее своей ученицей. Вдруг дух окажется не самым хитрым...

– Иди сюда, на голос. Слух у нас пока не отобрали.

Она осторожно пошла вперед, вытянув руку и ощупывая ногами песок. Почему-то в темноте кажется, что пол шатается, а впереди обязательно ждет бездонная пропасть. Ты не идешь, а будто летишь в пустоте.

Наконец рука вдруг уперлась во что-то теплое, явно живое... плечо? Незнакомец дернулся, звякнула цепь, раздался легкий стон. Пальцы Эшлин ощутили что-то липкое.

– Ты ранен?

– Меня сложно взять в плен, не ранив. Но пусть сейчас я и похож на муху в паутине, я все еще старейшина твоего рода, дочь Каллена. Учти, если случайно убьешь меня – придется стать следующим.

– Старейшина Гьетал?! – Эшлин отдернула руку и уставилась перед собой так, будто могла увидеть того, кто перед ней.

– Тростник в темнице под тростником. Почти баллада. Бывший друг мой стал бы филидом, не будь ему власть больше по душе, чем красоты мира.

Может быть, все-таки злой дух? Эшлин не верилось, что старейшина может так просто и так насмешливо-горько говорить с ней здесь. На церемонии она видела Гьетала близко впервые и плохо помнила его голос.

Она осторожно прикоснулась снова, чтобы проверить, не растаяло ли видение, почти не касаясь провела ладонью вдоль его руки вверх и вскрикнула, когда пальцы коснулись железного обруча на запястье. Пленник снова коротко застонал.

– Если дочь Ежевики так стремится к власти, что готова добить меня, то лучше сделать это быстро. Если нет, то лучше найди лампу. Горт оставлял ее у стены, дальше к углу.

Эшлин застыла, пытаясь выкопать обрывки мыслей из-под камнепада новостей, которым их завалило. Одно дело увидеть Кристалл Гьетала, но другое – самого старейшину. Кажется, еще одна версия правды, и голова разлетится на сотни осколков.

– Но как же... мой брат ушел обратно, и я должна была остаться здесь одна! Как Горт мог заковать тебя в железо? Почему железо не

жжет его самого? – эти вопросы слетели с губ разом, словно теснясь на выходе.

– Все по очереди, хорошо? Найди лампу, дитя. Иначе ты будешь сомневаться в том, что я – это я, а я в том, что ты – это не очередная выдумка Горта. Ему нравятся беседы о том, чего не могло быть, с тем, кто не сможет сбежать от его красноречия. Ожоги от железа – не самое страшное, на что он способен, поверь.

– Знаю, старейшина. Я нашла твой Кристалл.

Эшлин опустилась на колени и старательно ощупывала стену, продвигаясь к углу. Вязкая темнота не рассеивалась.

– Где он? – голос пленника дрогнул, и от этой такой знакомой надежды ком в горле сделался невыносимым.

Ткнувшись лбом в холодные камни, девушка наконец дала волю слезам.

И, словно отвечая этим слезам, каменная стена чуть вздрогнула. Как будто в ней где-то далеко зарождалась лавина.

Глава 15

Разговоры и заговоры

Собирались не где всегда – не в «Лососе», не в одной из коллегий. Разговор о недавнем происшествии должен был состояться без лишних ушей. Мавис предложила собраться там, куда любопытные не сунутся, а после происшествия с «гробом вечности» и подавно. Она утверждала, что предки Дойла точно не оскорбятся, ведь в их обители собираются не пропустить по кружке сидра, а искать истину. Этим и сам Дойл любил заниматься.

Поздним вечером, по-осеннему темным, студенты потихоньку подтягивались к кладбищу. Мавис пришла первой, привычно отперла ворота и зажгла светильники. После того как инквизиторы обошли склеп в очередной раз и убедились, что «ковчег вечности» больше не содержит внутри магической энергии – читай, безвозвратно сломан, – ключи вернули. Университетская прислуга шепталась о том, что здесь действовала ши, и туда не совалась даже из любопытства. А Мавис пообещала обломать метлу о любого, кто напакостит в фамильном склепе ее учителя. Ей верили.

Сейчас она вытерла пыль в той части, что считалась кабинетом, и вытащила из угла две скамьи, на которых обычно располагались ученики, если профессор читал лекцию о ходе времени прямо в склепе. Когда Мавис была одна, она не казалась особенно неуклюжей, двигалась быстро, руки справлялись с любой работой. Ей приходилось много работать дома.

Аодан и Эдвард пришли первыми, поздоровались и для разнообразия молча уселись на скамью. Аодан нерешительно поглядывал на сумку, из которой торчал кусочек пирога с капустой. Он не успел поужинать, а жрать в чужом склепе считал делом неприличным, потому что вообще не слишком разбирался в правилах поведения в склепах. Большинство его родственников повесили, кроме тех, что обрели последний покой в лесу под соснами.

Девушки запаздывали. А когда они подошли, слышно было даже за каменными стенами посмертной крепости Дойла. Эпона объясняла

Энии, почему ей не стоит идти за ними с Кхирой, но та продолжала настаивать.

– Вы замышляете что-то. Разве я слепая? – громко заявила Эния.

– Вероятно. Только слепая будет так носиться за моим братом.

Эния и Эпона шли впереди, за ними шла Кхира и хмуро теребила в руках довольно кривую вышивку. Она опасалась этого места, но раз все собирались, решительно шла следом. На случай, если Эдвард опять куда-то провалится. Или не Эдвард.

– Ты просто завидуешь его уму. И его положению наследника. Поэтому стремишься представить таким... – Эния не подобрала слово, но, пробираясь мимо надгробий с барельефами в рыцарских доспехах, решительно вскинула голову и продолжила: – Потому что с таким высокомерием и длинным носом тебя замуж не возьмут даже при всех деньгах вашей семьи! А инквизиции ты даром не сдалась.

Эдвард удивленно оглянулся. Мавис отвернулась к столу, переставляя на нем подсвечники по восьмому разу.

– Аодан, а разве у нее нос длинный? – спросил он.

– Главное – не вмешивайся. Еще ни одна девица вроде Энии не видела себя и подружек такими, как есть. А будешь разубеждать, их не помиришь, а тебе достанется.

Девушки остановились, глядя друг на друга так, будто эта ссора продолжалась уже столетие и настало время для решающей битвы. Это предположение было недалеко от истины, но только с одной стороны. Зависть порой искажает душу так, что превращается в ненависть. А еще завидующему кажется, что завидуют все вокруг.

Но и Эпона сжала губы и сейчас выглядела как истинная герцогиня, которая случайно встала любимой шелковой туфлей в дерьмо.

– Поэтому ты уже месяц меряешь мои платья и шепчешь перед зеркалом «леди Горманстон»? Думаешь, как это имя тебя возвысит, Эния? Так вот. Я могу сказать, почему ты останешься с носом. Каким бы милым он у тебя ни был. Но тебе не понравится.

Эния покраснела и прошипела совсем некуртуазное ругательство, намекающее на полнейшее и подтвержденное всеми способами отсутствие у собеседницы целомудрия.

– Ты уж реши для себя, гуляющая я или никому не нужна. А потом буди этими криками почтенных предков профессора Дойла, – ответила

Эпона совершенно спокойно. – Что тебе обещал мой братец? Жениться, едва окончит Дин Эйрин? Если всех, кому он это обещал – и испортил им жизнь, и тебе испортит, – записать в один свиток, то его можно раскатать от северных до южных ворот.

– Может быть, мы продолжим обсуждать Фарлея в более широком кругу? – Эдвард наконец вышел к спорщикам. – У меня тоже есть мнение.

– Что... что вы с ним сделали? – взвилась Эния. – Ты и твой дружок!

– Да ничего. Хотя хотелось, – бросил Аодан вроде тихо, но его голос все равно гулко разлетелся по склепу. – Мы в компании Рэндалла занимались вполне пристойными развлечениями, просто у меня яйца лучше...

– АОДАН! – Голос Эпона прозвучал не хуже его собственного, так, что казалось, вот-вот обвалится потолок. – Здесь не место и не время для подобных слов.

Даже тени от светильников на стенах, казалось, замерли от повисшего напряжения. Но Эния, успевшая наслушаться от Фарлея жалоб на сиволапого парня, который позорил его перед Рэндаллом, и сестру, которая своим поведением позорит его в принципе, а еще и привечала преступницу-ши, не могла больше сдерживать чувства. Ее ухо зацепилось за фразу, которой суждено было стать этим вечером роковой.

– Так почему же, если на то будет воля его сердца, я не смогу стать леди Горманстон? – спросила она, пытаясь повторить горделивую осанку Эпона и ее манеру говорить.

– Я предупреждала. – Эпона повернулась к Энии и посмотрела сверху вниз во всех смыслах. – Потому что наш с ним и не только с ним отец слишком любит жен своих вассалов, чтобы оставлять их детей без помощи и присмотра. Ты не думала, почему из деревни на краю земли, где земля впадает в море, а твой отец, рыцарь-без-знамени, владеет двумя скалами и десятком рыбаков, ты попала в замок Горманстон, чтобы вместе со мной бывать в столице и учиться быть невестой, достойной большего, чем рыбаки? До тебя не долетали слухи о тебе самой?

Эния смотрела на нее с ужасом. Так бывает, когда в голове складываются недомолвки, события, которые ты раньше не замечал, и

приводят тебя к оглушающей мысли. Иногда правда обжигает так, что кажется несовместимой с жизнью.

Похоже, Эпона пожалела, что сказала это здесь и вот так. Но слово – не воробей, а жареный петух. Когда Эния молча развернулась и побежала к выходу, за ней бросилась Кхира, за ней – Аодан. Эпона дернулась за ними, но почувствовала на своем плече руку Мавис.

– Тебя она слушать не будет. Уже наслушалась.

* * *

– Слезы оставь рассветным травам. На них роса блестит, а у нас от сырости только нос краснеет.

Голос, полный привычной легкой незлой иронии, вывел Эшлин из забытья. Старейшина Гьетал умел приводить в чувство даже со связанными руками – ему хватало слов. Увядать прямо здесь дочери Ежевики явно не стоило. По крайней мере, на ней еще не было железных кандалов.

Эшлин снова поползла вперед, ощупывая стену, пока не наткнулась рукой на лампу. Медную или серебряную, раз не обожгло. Хорошо, когда мысли о будущем полностью затмеваются попытками не разлить масло и вспомнить, как действует огненный камень, привязанный к ручке лампы.

Дрожь камня она больше не чувствовала. И не понимала – показалось или нет.

Наконец фитиль вспыхнул, выпуская на волю дым. Но даже этот чад по сравнению с камнями смотрелся уютным. Едва ли не камином, домашним и славным.

Эшлин поднялась на ноги и поднесла лампу ближе к пленнику. Она осветила обожженные руки и кровавые полосы, что были видны сквозь порванную льняную рубашку с витиевато вышитыми по вороту метелками тростника. В светлых, рыжеватых, как заросли тростника по осени, волосах кое-где запутались засохшие травинки и листики. Видимо, старейшину приковали сразу, как притащили откуда-то. Но глаза его по-прежнему светились горькой хитринкой. «Сколько же он здесь?» – ужаснулась Эшлин.

– Видишь, так гораздо лучше. Если бы я был человеком, то не отказался бы от столь уютной могилы. Но мне, каким я был рожден, нужно небо над головой, даже если нет сил поднять к нему взгляд. Вдвоем думать будет легче. Горт не всегда приходит сам, а его подручный...

– Прости, старейшина, что перебила, – Эшлин сжимала горящую лампу, а пальцы все равно холодели, – но как ты здесь оказался? Ведь мой брат отправился домой, когда меня унесло по дороге ольхи и выбросило здесь.

– Нетерпение у тебя – как у подснежника. Все еще спят под ледяным одеялом, а его уж цвести понесло. Если это столь важно, – Гьетал поднял голову и, позвякивая цепями, попробовал принять более удобное для разговора положение, – я тоже не светоч мудрости в этой истории. Если обо мне будут слагать легенды, предпочту, чтобы от нее оставили лишь «и отправился он в мир людей по дороге ольхи, и был там долго, и вернулся». Когда мой будущий ученик Мэдью, сын Каллена, ввалился в мое убежище, где я прятался от суеты празднества, выглядел он, будто за ним гнался сам фоморский король и его гранитные стражи.

– Он вернулся, – облегченно улыбнулась Эшлин и снова села на песок напротив старейшины, поджав под юбку ноги.

– Вернулся. И я решил сам узнать, что произошло с тобой, чтобы толпа взволнованных соплеменников не выскочила из холма навстречу людям. Это могло закончиться очень дурно. Я решил найти тебя раньше, чем ты столкнешься с людьми. Но не нашел. Зато свершилось непоправимое.

– Я сама его свершила... только не сейчас, а год назад у нас и почему-то четыреста лет назад здесь.

Старейшина вздохнул:

– Непоправимого меньше, чем думают оказавшиеся в одиночестве. Эшлин, у тебя есть лента? Никогда в жизни еще не мечтал о том, чтобы быть лысым, как камень.

Он снова тряхнул головой, избавляясь от скрывающих лицо спутанных прядей. Так ли ему надоели волосы или просто пытается чего-то не сказать?

Сейчас, когда оглушение, настигшее ее в гробнице Лермонта, отошло, Эшлин снова ощутила растущую тревогу. О Брендоне

говорили, что его отправят к целителям, потому что посчитали пострадавшим от ее чар. На самом деле, если бы он и подвергся им, то выглядел бы совсем по-другому. Но люди не знали, что Эшлин совсем не умеет туманить разум и подчинять себе. Это редкий дар, недоступный в полной мере тому, кто не достиг могущества старейшины.

Как бы то ни было, Брендону не грозит опасность – эта мысль успокаивала Эшлин. Он среди огромного сада лекарственных трав, слушает целебные песни, пьет отвары и настои, вдыхает цветочные масла и находится как можно дальше от обещавшего убить его Горта. Даже если целительство у людей отличается от того, как излечивают раны души и тела ши, оно созидает, а не разрушает.

Ленту пришлось оторвать от платья, чтобы связать волосы старейшины в хвост. С зеленым бантом он смотрелся теперь немного живее. Будто отправился на торжество, но по дороге попал в колесо повозки и пару раз прокрутился.

– Спасибо. Эта завеса сбивала с мысли. Сказал слово – и снова, как бычок, отфыркивайся. Горт, похоже, оставил себе знак. Если кто-то появлялся из ферна, то ему это становилось известно. Он не смог или просто не успел прибыть, когда вышла ты, но сразу увидел меня. И это не было желанной встречей после долгой разлуки. Горт начал разговор с удара. И ему повезло оказаться сильнее. Одного не могу понять, Эшлин, – как ему удалось сломать ход времени между мирами. Закрывать переход с этой стороны на сотни лет, разнеся два мира во времени. Для подобного нужны силы души, Кристалла, которые будут питать портал постоянно. А он совсем не похож на того, в ком осталось пять капель магии на доньшке.

– Зато я похожа, старейшина, – хрипло прошептала Эшлин, – мой брат сказал тебе, зачем я отправилась сюда?

– Нет. Попробовал. В его устах это звучало как адская глупость, но я думал, что времени на расспросы, когда я найду тебя, будет больше. Но при чем здесь твой Кристалл, ведь ты сама наложила на себя гейс и он остался дома в обсидиане?

– Я сама отдала его.

– Горту?! – старейшина удивленно покачнулся на цепи и поморщился: – Даже в короне фоморского короля твоему Кристаллу было бы лучше!

– Нет, человеку, друиду. Которого здесь убили. И теперь я, кажется, понимаю, кто...

– Ты удивляешь меня все больше, дочь Каллена. И где же сейчас твой Кристалл? И где мой, раз уж ты его видела?

– Твой остался... – она осеклась, осознавая, как это звучит, но смущаться было поздно, – под кроватью магистра Бирна, в обсидиановой шкатулке. А мой где-то между мирами. Я вспомнила, старейшина, что слышала свою песню, когда шла по дороге ольхи. Но ведь я молчала тогда. Эта песня живет сама по себе, где-то там, на воротах ферна. Как и большая часть моей души.

– Мало того что мы оба бездушные, – усмехнулся Гьетал, – так моя душа еще и пребывает во тьме и пыли в компании человеческих сапог. А твоя болтается между мирами, как...

Он не договорил и покачал головой. На любое его движение цепи отзывались шорохом и позвякиванием, но Эшлин почти привыкла. В тишине грота мельчайший звук, отражаясь от каменного свода, становился гулким.

– Даже так лучше, чем у Горта. А сейчас... у меня осталось немного сил, не могу смотреть на твои раны. Пусть целителем я не была, но лунный мох облегчает боль и заживляет тело. А раз так уж вышло, что часть его за меня зацепилась...

Гьетал кивнул:

– Попробуй. Здесь, даже если ты меня убьешь, никто не увидит. Просто тебе станет одиноко и скучно.

Эшлин отцепила от платья потускневший серебристый комочек мха, подхваченный в гробнице, положила его перед собой так, чтобы он оказался в свете лампы, и запела. Песня здесь звучала громко, даже если едва открывать рот. Мох из зеленоватого становился все белее, потянулись вверх стебельки с крохотными колокольчиками на верхушках, а потом он засветился тем неясным холодным светом, что подарил мху название.

Радость длилась недолго. Эшлин чувствовала, как от напряжения кружится голова, но легко возникшие ростки все равно склонялись и так же стремительно увядали. Чем отчаяннее неслась к каменному потолку песня, возвращающая жизнь, тем быстрее увядал мох, пока вовсе не рассыпался в пыль весь, смешиваясь с песком.

Эшлин зажмурилась и зло ударила кулаком по песку. Рука увязла. Под слоем воды и камней силы покидали каждого из Дин Ши. Выхода не было.

* * *

– Я понимала, что Эшлин многого недоговаривает. – Эпона говорила уже спокойно. – Такого не ожидала, конечно. Я думала, она просто сбежала из семьи и скрывается под чужим именем, надеясь на защиту Дин Эйрин. Жаль, что она мне не доверилась.

– Ты не испугалась бы? – спросила Мавис как-то бледно, как все, что она говорила.

– Нет. Я не видела зла от ши. Только от людей. И она уже моя подруга. Это тоже важно.

– Я видела и от ши, и от людей, – задумчиво сказала Мавис.

– Значит, есть хорошие люди и хорошие ши. И наоборот, – воодушевился Эдвард Полведра. – А еще она моя подруга тоже.

– Это дом ректора, – непонятно ответила Мавис. Поймав недоуменные взгляды, пояснила: – Тростник. У дома ректора. Если вы туда пойдете...

– Мы! Ты же тоже с нами!

– Если мы туда пойдём, он нас увидит. Тем и кончится.

Эдвард задумался, Эпона тоже.

– Знаю! Его надо отвлечь. – Эдвард вскочил. – Эпона, у меня идея. Ты можешь прийти к ректору и признаться ему в любви?

Эпона смерила жениха таким взглядом, что более самокритичный юноша постарался бы зарыться в каменный пол склепа.

– Лучше ты, – посоветовала она. – Тогда он, по крайней мере, будет какое-то время думать, свихнулся ты сейчас или давно.

– Я пойду, – сказала Мавис. Оценила направленные на нее взгляды: – Эшлин сделала мне венок. Красивый. Что непонятно? Я тоже хочу ей помочь. Я не буду признаваться ректору в любви. Я скажу, что мой отец ши. Вот.

Для нее это была длинная речь. Эдвард пробежался по склепу, собираясь что-то еще сказать, оперся рукой на гроб и вдруг словно подавился воздухом и замер. Обе девушки вскочили.

– Друг мой, – Эдвард смотрел на Эпону. – Здесь при мне это дитя крови ши упоминала тростник. Вспомни его свойства – он хранит невысказанные слова. Разве Катбад не учил нас с тобой слушать?

Он покачулся и стал сползать по гробу вниз. Сполз он на руки влетевшему в склеп Аодану.

– Да вашу же... прости, Эпона! Одного оставить нельзя. Что у нас опять?

За ним быстро вошла Кхира и привычно уже подхватила Эдварда с другой стороны. Что-то в них было от родителей с ребенком-переростком.

Усаженный на скамью Эдвард потряс головой и изумленно улыбнулся.

– Слушайте, все так интересно! Понимаете, меня в некотором смысле зовут Филитиарн.

Кхира одновременно с ним шептала Эпоне на ухо встревоженно, та кивала.

– Эдвард, магистра Бирна уже отправили в Бетлемскую лечебницу. Ты соскучился, что ли? – уточнил Аодан. – Все, не могу я так больше это слушать на голодный желудок. Мавис, здесь есть и пить можно или предки обидятся?

Мавис молча выложила из сумки ореховый пирог, сыр с травами в чистой тряпице, заранее нарезанный ломтями, сконы и бутыль с вином, укутанную, как младенец.

– Я готовлю, когда волнуюсь, – пояснила она. – И подумала, что пригодится. Ешьте. Только дураки обижаются, когда люди голодны. Предки учителя не дураки. Потом все уберу.

Почти хором с ней Эдвард радостно возгласил:

– Я же не сумасшедший! Просто я немного Филитиарн, ученик друида Катбада. Очень умный. Был. Потом меня убили в пещере. Эпона, ты страшно похожа на моего, то есть его лучшего друга Нуаллана. Просто ты младше и, ну, девушка.

Снаружи таким чистым, ясным голосом запела малиновка – странно для позднего вечера, – что Эпона, уже открывшая рот ответить что-то по обыкновению колкое, вдруг замерла. Она слушала птичку так, словно та рассказывала ей некую тайну. Очень важную тайну.

Кхира внимательно посмотрела на подругу и налила ей вина. Потом налила Эдварду. Потом Аодану, Мавис и, подумав, себе.

– Мне снился такой сон, – сказала Эпона. – Вот ты сейчас сказал, и малиновка... и я вспомнила. Перед отъездом сюда. Тоже пела малиновка. Почему-то ночью. Я слушала ее и заснула. И мне снился круг друидов, и я была в нем. Точнее, был. Меня звали Нуаллан. Потом пещера и песня. Песня страшная. Больше не помню.

– Нам нужен магистр Бирн. Но его нет, – уверенно сообщил очевидное Аодан, откусывая большой кусок сыра вместе с большим куском скона. – Он хоть как-то разбирается во всех этих друидах. Кто еще? Чтоб он нас не выдал.

– Госпожа Аль-Хорезми, она переписывает книги, – припомнила Кхира.

– И Монгвин Сэвидж. Магистр Бирн ее опекун, – добавила Эпона, запивая слова вином. – Вряд ли она не ходила на лекции опекуна, хоть и училась у матушки Джи. И она сделает все, чтобы ему помочь.

– Уверена? – спросила Мавис. – Опекун – не всегда хорошо. Я знаю.

Эпона кивнула:

– Здесь – уверена. Он ее спас и ребенка, когда старый барон Сэвидж их запер. Не важно. Захочет – расскажет, а про сына не тайна, она не скрывает. И знаете, что еще? Нелли Ворона ее сестра, названная. Если она попросит своих – пэйви нам помогут. Они могут кого-то спрятать. Или вывезти. Понимаете?

– А знаете, что? – обрадовался Эдвард. – Я так рад, что мы все такие отличные друзья! С вами так весело!

Аодан и Кхира вздохнули страдальчески, Мавис посмотрела удивленно и отломилась Эдварду пирога.

– Тростник, – сказала Эпона. – Сказка такая была, в ней тростник изобличил убийцу, когда пастушок заиграл на тростниковой флейте. Эдвард сказал «тростник... хранит невысказанные слова». Надо срезать тростник у грота. Мавис, отвлекаешь ректора. Кхира, найди госпожу Аль-Хорезми, или баронессу Сэвидж, или обеих. Эдвард и Аодан, идем за тростником.

– Отрадно познакомиться с таким соседом, – Гай Невилл улыбался так приятно, словно приветствовал гостя на чудесном семейном празднике. Возможно, для его жертв эта улыбка была последним, что они увидели в жизни. – Прошу, садитесь. Как видите, здесь есть лишь скамья и совершенно нет окон. Но светильник из коридора достаточен. Вот свечей не дают – я, видите ли, весьма опасен.

Ему было на вид лет пятьдесят, но, как мог вспомнить Брендон, скорее подходило к шестидесяти. Безволосая голова, четкие, как мраморные, черты лица, руки музыканта или художника. Наверняка он нравился женщинам лет двадцать назад. Чудовища вообще умеют нравиться.

– Не уверен, что разделяю вашу радость, – признался Брендон. – Это не то место, где хочется оказаться.

– Разумеется. Вас хотя бы не отправили на кварц? Хорошо. Это недолгая и печальная жизнь. Кварц невероятно вытягивает силы, вы должны были уже почувствовать. А работа с ним – тем более. Знаете прекрасный бескровный способ казни мага? Кварцевая камера. Здесь случается – по распоряжениям с самого верха, само собой. Примерно дня три на все про все. Простите, что я болтаю, – мой предыдущий сосед давно, скажем так, завершил свой путь, и я немного устал от одиночества.

Брендон все же спросил:

– Простите, а это не вы помогли ему... завершить свой путь?

– О, репутация... нет, не я. Я редко убиваю соседей по заточению. Они скрашивают мне жизнь. Человек – весьма стайное существо. Его убил кварц. Невеликая потеря для страны в целом – он, видите ли, страдал припадками ярости, во время которых убивал случайно оказавшихся рядом. Но для меня – потеря большая.

Брендон усмехнулся:

– Что ж, отрадно слышать, что у меня появляется вероятность пережить это... лечение, будем так называть. У меня есть серьезные дела вне острова.

Гай Невилл посмотрел на него сочувственно:

– Вы же были магистром Дин Эйрин, вы осведомленный человек. Отсюда не выходят. Вся разница – в продолжительности жизни и

обстоятельствах смерти. Бетлем – путь в один конец. Тот, кто отправил вас сюда, не хотел, чтобы вы вернулись.

Брендон мысленно пожелал Горту глубочайшей неудачи во всех его делах. Он старался не ругаться даже в своей голове – профессор Тао считал это «неопрятностью мыслей». Брендон не любил неопрятность.

– Что влечет вас назад? Любовь, жажда знаний, жажда власти, жажда мести? – поинтересовался Гай Невилл. – Ответьте, и я скажу вам любопытное.

Брендон пожал плечами:

– Я сказал бы так. Желание вернуть все на надлежащие места. В этом есть и любовь, и месть, а знание я ищу всегда.

– Хороший ответ. Знаете, почему хороший? Путь подобных мне чудовищ – а я чудовище, и вы думаете обо мне ровно так же – часто начинается с желания вернуть все на надлежащие места. Но это не значит, что вы превратитесь в меня, не беспокойтесь. Вот вам мое любопытное наблюдение: за время, пока я тут, с острова произошло двадцать восемь неудачных побегов и четыре удачных. Если вы дадите магическую клятву исполнить некое мое желание – я расскажу больше. И не только расскажу.

* * *

Мавис любила, чтобы решение было уже принято и оставалось только идти вперед. Можно маленькими шагами. Она шла к дому ректора, сочиняя по дороге первые три фразы, которые ему скажет. Главное, чтобы он не захлопнул дверь сразу, не поняв, чего Мавис вообще хочет. Но если он одержим мыслями о ши, значит, выслушает.

Впервые двор вокруг коллегий показался Мавис мрачным. Студенты не галдели, валяться на траве под деревьями и гулять парочками вдоль отцветающих гортензий было уже холодновато, так что все разбрелись – кто в «Лосось», кто в коллегия, кто и в теплые объятия любимой горожанки. Было темно, холодно и одиноко.

К одиночеству Мавис привыкла – даже среди людей, и тем более среди людей. Хотя вот Эдвард сегодня утверждал, что все они – друзья. Непривычная Мавис мысль. Они дружили между собой, да – они, не

она. Кхира хлопотала вокруг Эдварда, как мать или старшая сестра. Аодан забегал навестить Кхиру и погулять с ней, когда не бегал с Эдвардом, выручая его из неприятностей и смеясь на пару. Эпона сошлась с Эшлин близко, рассказывала ей свои секреты. Эния... ладно, у Энии свое. А Мавис – ну Мавис. Мавис тоже была где-то рядом с ними. Сейчас она поняла, что немного скучает по ученику инквизитора. Никто до этого столько времени с ней не проговорил.

За неловкими мыслями она не заметила, как дошла. Оставалось лишь перейти по мосткам через угол пруда и попасть к двери ректорского дома. Может быть, ей показалось, а может, и нет – с другой стороны за деревьями промелькнули три тени. Эпона и мальчики шли за тростником.

Она подошла к двери и зажмурилась. Потребовалось еще несколько мгновений, чтобы наконец сделать последний шаг и постучать.

Дверь сама отворилась, открывая взгляду Мавис комнату, в которой жарко горело пламя камина. Ректор обернулся и смотрел на нее холодным внимательным взглядом, медленно опуская правую руку. Будто он ждал кого-то и едва не встретил гостя магическим ударом.

– Зачем вы пришли сюда в столь поздний час? Надеюсь, не с вестью, что вслед за ши в Университет проник дракон?

Ректор Галлахер говорил, и каждое его слово казалось тяжелым. Оно будто повисало на плечах и руках тяжелым грузом, придавливая к месту. Сейчас Мавис с трудом бы могла пошевелиться. Ей не было страшно, просто тяжело, как трудно порой идти против ветра. Но нет ничего невозможного для того, кто крепко стоит на ногах. И точно знает, зачем ему надо устоять.

– Я пришла пожелать вам доброго вечера. И признаться, – Мавис произносила это так, будто собиралась сказать, что только что случайно прирезала половину женской коллегии, – что мою мать, Эрну Десмонд, похитила Дикая Охота. Барон Десмонд принял жену, когда она вернулась. Но я уже была... при ней. Я – дочь ши, который пришел без зова на свадьбу.

Ректор слушал ее молча, но говорить с каждой фразой становилось все труднее. Горло стискивало от волнения, будто его медленно сдавливали веревкой. Нет, не веревкой... гибким стеблем плюща вроде того, которым зарос дом ректора с северной стороны.

– Это все, что ты хотела сообщить мне, Мавис Десмонд? – Горт говорил почти шепотом. Он был явно зол. Скрывал бешенство. Мавис хорошо умела видеть эти искры – в зеркале. Она знала, как подрагивают пальцы и дергается уголок губ.

– Здесь нашли ши. Убийцу. Я боюсь, что во мне проклятая кровь. Я правда могу иногда... портить вещи.

– Я польщен, что вы поделились со мной секретами вашего рода, но сейчас у меня нет времени на легенды. Пусть они даже представляют историю вашей матери чуть менее скандальной. А портить вещи умеет любое создание, которое небо не наделило ловкостью. Для этого не надо быть потомком ши.

Мавис стояла на том же месте, едва сделав четыре шага от двери. Наклонив голову вперед, сжав плечи, как сказала бы Эния – набычившись. Так ей почему-то становилось не страшно. Ректорская ярость разбивалась о неведомую преграду, а в голове голос какой-то другой Мавис четко сказал: «Нахрен. Нахрен!»

Впервые за то время, что она переступила порог дома, Мавис вдохнула полной грудью. Собственная ярость поднималась от сердца, стало жарко, будто по ладоням бежали язычки пламени. Мавис зажмурилась и хрипло произнесла четыре слова:

– Не смейте о ней так!

Она не видела, что каждое ее слово стало ударом. Ударом, от которого задергалась, пытаясь сорваться с петель, дверь, потухло пламя камина, слетели со стола кувшин и кубок, а сам Горт потерял равновесие и неловко повалился в кресло. Из кувшина по деревянному полу растекалось темное, похожее на кровь вино.

А еще она не видела искреннего удивления на до того высокомерном лице ректора. Он точно знал, что люди не владеют магией слов.

Она не видела. Но услышала. Теплый внимательный голос – о, Горт Галлахер умел говорить так:

– Прости меня, дитя. Но так было надо. Ты блестяще прошла испытание. Добро пожаловать в число моих избранных учеников.

Глава 16

Тростник и камень

В королевском дворце даже тишина была напряженная, ожидательная. Каждое мгновение могло произойти нечто. Например, прийти важное сообщение или прибыть на аудиенцию не менее важный гость.

Поэтому король Альберт III очень любил уют, который редко мог себе позволить. Оттенить суетливую монаршую жизнь, в которой что ни слово, то судьбоносное решение, каплей милого тепла. Обедать в столовой посреди дня со всем семейством и положенными двенадцатью слугами он не любил. Церемония с шестью переменами блюд и неторопливой беседой о погоде, светских сплетнях и заморских слухах доставляла мало удовольствия и при этом выбивала из рабочего настроения. А после плотной еды ему больше хотелось взять кота на руки и задремать на троне, а не дожидаться послов соседнего государства. Удовольствие тем более важное, что редкое.

При этом ленив король не был – нет, он принадлежал к тем людям, которым нужно непрестанно находиться в движении и в ясном состоянии ума. Иначе он чувствовал себя загнанным в угол и начинал злиться. Один из принцев унаследовал эту его черту, которую кормилица потихоньку именовала шиложопием, а сам Альберт предпочитал звать страстью к исследованию мира. Старший, наследник, к счастью, оказался гораздо спокойнее и исследовал мир без страсти. Использовал рассудок уместно и часто. Принцесса же и вовсе была из тех девиц, которые именуются родительским утешением в старости и ангелом, спустившимся на примолкшую от изумления землю. Или король попросту слишком любил дочку.

Распахнулась дверь, и в королевские покои вошла с большим подносом женщина, которая была дворцовой служанкой, но считали ее, кормилицу младшего принца и няньку всех королевских детей, чем-то намного большим. Смуглокожая, крупная и улыбчивая, Лотта обладала особой магией делать уютным любой угол и любой разговор, в котором бы ни оказалась. Она даже черствый хлеб могла подать так, что он смотрелся бы изысканным блюдом – правда, не приходилось. И

шла с подносом так, что ни одна из тканевых салфеток не шелохнулась, ни одна посуда – настоящее стекло в тонком, как кружево, серебре – не звякнула.

– Как там наш мальчик, ваше величество? – Лотта поставила поднос на стол, и комната наполнилась смесью запахов вина, специй и тушеного мяса. Король ждал к обеду магистра Эремона и знал, что тот оценит изумительные пирожки и паштет.

– Отсутствие новостей – всегда хорошие новости, особенно о нем, – вздохнул король. – Я бы лучше спросил, как там Университет. Магистр Эремон все еще расследует убийство. Хорошо, что хотя бы это принца не касается.

– Наш мальчик скорее сам убьется, чем кого-то убьет, – улыбнулась Лотта, снимая крышки с блюд.

– Мне тревожно, Лотта. Будто гроза собирается на горизонте, и я слышу раскаты грома, а рядом люди все еще под открытым небом пляшут.

– Вы пирожок съешьте, ваше величество. Теплый хлеб злые мысли отгоняет.

Король действительно расслабился лицом, прикрыл от удовольствия глаза и потянулся за чем-то похожим на узелок с легкими золотыми потеками сыра. Внутри оказалось мягкое мясо и обжигающий бульон на пряных травах.

Эремон прибыл сразу с дороги. Он не привык тратить время на глупости, если они не касались обеда, но слишком хорошо знал короля Альберта, чтобы наедаться перед аудиенцией. Эдак его можно было смертельно оскорбить. Король любил угощать не меньше, чем угощаться, – это их с Эремоном роднило.

Альберт расположился в своих покоях, в кресле у окна. Зал для аудиенций был бы слишком официальным для их беседы, а обед попросту делал все лучше. На столе между креслами стояли блюда, источавшие аромат заморских специй, что по весу продавались дороже золота, – возившие их торговцы обладали недюжинной смелостью и внушительной охраной. Они даже простую требуху с подножной зеленью, пищу бедняков, могли превратить в амброзию.

– Приветствую вас, ваше величество! – поклонился инквизитор.

На этом официальная часть стремительно закончилась. Король широко улыбнулся и кивнул Эремону на второе кресло. Инквизитор умел хранить чужие тайны, и порой ему поручались дела, которые требовали справедливого решения, но без огласки и королевского указа. Альберт III и Эремон постепенно стали почти приятелями, насколько это возможно для венценосной особы и человека простого происхождения. К серьезному разговору они перешли лишь тогда, когда добрая половина пирожков, паштета из оленины с поздними сливами и вина были с удовольствием уничтожены.

– Размышляете, верно, зачем я снова гнал вас сюда, едва вы успели вернуться в Университет?

– Думаю, что вы решили, чем этому делу надлежит закончиться, ваше величество. Потому что из университетского оно может стать и государственным.

– Вы хоть чего-нибудь на этом свете не знаете, Эремон? – всплеснул руками король.

– Разумеется. Я не знаю, кто убил профессора Финнавара Дойла. И это прискорбно.

– Приходило магической почтой срочное письмо, что взяли под стражу подозреваемого.

– Подозреваемый и виновный – не одно и то же, ваше величество. К тому же Университет блюдет свои интересы. А они не всегда совпадают с нашими. И с интересами истины.

Это «нашими» Альберту понравилось. Он понимал, что среди придворных интриг и аристократических лис спиной можно поворачиваться лишь к тем, кто не имеет десятка родственников в далеких графствах. Эремон был сиротой – уличный мальчишка из нищей братии.

– Тогда настало время сделать так, чтобы Университет больше считался с нами. – Альберт допил вино и промокнул салфеткой усы. – Ведь испокон веков ничто так не успокаивает зуд неповиновения, как родственные связи.

Эремон чуть заметно помрачнел и раздумал говорить то, что собрался. А сказал совсем другое:

– Вы хотите знать честно, что я думаю о делах Дин Эйрин?

– Хочу. Мне надо принять одно важное решение.

Охота за тростником прошла на одном дыхании. Вот они крадутся к пруду, а вот уже стоят за ближайшим домом, пытаются выдохнуть, и в руке у каждого по несколько сломанных тростинок, а у Аодана целый выдранный с корнем куст, и с куста капает бурая от грязи вода. В этот самый момент Эдвард, тревожно наблюдавший за дверью ректора, увидел, как она дернулась, будто кто-то с силой ударил в нее изнутри.

– Что там, ши побери, происходит? Дерутся?!

– И охота тебе так ругаться после того, как с одной из них познакомился? – заметила Эпона.

– Может, ректору не понравилось, что сказала Мавис. Зато мы, если что, теперь точно знаем, что в ее убийстве будут виновны не ши, – вздохнул Аодан. На него посмотрели сразу и Эдвард, и Эпона. Одинаково хмуро.

– Надо ей помочь! – рванулся было обратно Баллиоль, но был изловлен за шиворот.

– Не поможешь, только раскроешь! Может, сквозняк просто, – Аодан слишком хорошо знал, чем заканчивается торопливость в засаде. Если что-то воруеть, да еще шайкой, имей терпение. И не подставляй того, кто отвлекает хозяина вещей.

– Не вертись. Если не выйдет в ближайшее время, придумаем повод зайти, – отозвалась Эпона, от напряжения сломавшая свои тростинки пополам.

И тут Мавис вышла. Дверь за ней закрылась. Шла она медленно, но вроде бы выглядела почти обычно. Разве что еще более мрачно.

Стоило ей зайти за поворот дорожки и поравняться с тростниковой засадой, все трое выскочили ей навстречу и заговорили одновременно.

– Как ты? – спросил Аодан.

– Что у вас там упало с таким грохотом? – поинтересовался Эдвард.

– Что он тебе сказал? – добавила Эпона.

Расслышать, что именно сказал каждый, было сложно. Но Мавис удалось. Она тяжело вздохнула, обведя взглядом всю компанию:

– Меня не выгонят.

– Значит, впечатлила, – одобрительно прогудел Аодан.

– В личные ученики взял. Я согласилась. Лучше так, чем опять придумывать, что сказать. Если отвлекать надо.

Можно было представить, точнее, понадеяться, что к концу первого курса Мавис научится говорить понятно. А пока приходилось приспособливаться. Эпона рассмеялась:

– Теперь Фарлей точно от злости лопнет. Еще меньше внимания ему лично. Идемте на наше кладбище. Надеюсь, что хотя бы тростник в этом Университете знает, что происходит.

Склеп Дойлов больше не казался зловещим – почти уютным. Но студентам все еще было не по себе проходить мимо затейливых надгробий и нарушать торжественную тишину разговорами о насущном. Эдвард вертел тростинку в руках и пытался с ней разговаривать. Тростинка ожидаемо не отвечала.

– Может быть, мне опять за «гроб вечности» подержаться? Вдруг пойму, как сделать это сено разговорчивее! Пока что оно в красноречии хуже Мавис.

– Я тебе лучше сам руки переломаю, – проворчал Аодан, – дай-ка мне.

Эпона наблюдала за ними, но решила, что разговаривать с травой не ее дело. Разве что подумать над словами, если тростник соученикам и вправду что-нибудь скажет.

Аодан с треском обломал тростинку с двух сторон, приложил ее к губам и подул. Вздрогнули все, а Мавис с грохотом уронила на пол подсвечник. В полутьме склепа высокий, лишенный выражения звук, будто идущий из-под земли, звучал жутко. Он впивался в уши и вызывал дрожь. И действительно напоминал человеческий голос, пусть невероятно искаженный. Но разобрать, что он поет, было сложно.

Эпона, скривившись от этой звуковой пытки, подняла руку ладонью вверх и сжала ее в кулак, намекая Аодану прекратить.

– Тростник тоже мямлит, если не спрашивать как следует. Попробуем по-другому. Я буду задавать вопросы, ты продолжишь играть на этой жуткой дудке. Надеюсь, мы не оглохнем и не сойдем с ума.

Аодан кивнул. У него больше идей по вытряхиванию правды из тростника не было.

– Тростник, где Эшлин и что с ней?

Едва воздух пролетел через тростинку, она снова загудела ровным нездешним голосом. Тростник пел медленно, растягивая каждое слово. Звенело все, звенел сам воздух, даже сердце начинало от этого звука биться как-то неправильно. Внутри пробуждались страх и дрожь, будто от холода.

– За водой, за камнем, живые, во тьму укутаны, тоской объаты, без душ оставлены, ежевикой рожденные, плющом плененные, за дверью дубовой, за железным засовом, за стеной камня. Упадет стена, упадет стена...

Тростник повторял одно и то же, как ученая галка. Только когда Аодан убрал тростинку, поняв, что большего не услышит, все смогли выдохнуть.

– Теперь я понял, почему с тростником о тайнах никто не разговаривает! – прошептал Эдвард. – Будто покойника вызвал. Железный засов. Живые. Значит, там не одна Эшлин? Упадет стена...

– Кто бы там ни был, ломать дверь в грот под носом у ректора – плохая идея, а отвлечь его так, чтобы он не сразу обнаружил пропажу, мы не сможем. Надо, чтобы он уехал из Дин Эйрин, – сказала Эпона. – Но ждать нельзя.

– У меня есть мысль! – подскочил со скамьи Эдвард. – Давно не посылал отцу писем. Правда, придется за это заплатить и быть более хорошим сыном, чем я обычно.

Мавис не поняла, почему герцог Баллиошь чем-то им поможет. На охоту он, что ли, ректора пригласит. Но Эпона и Аодан, кажется, знали что-то, чего не знала она.

– Точно! – обрадовался Аодан.

– Молодец ты! – обрадовалась Эпона. И дернулась зажать себе рот – надо же, вслух похвалила Эдварда.

А потом Мавис увидела свиток, который Эдвард достал из сумки, и лицо ее вытянулось от удивления. Золотая печать на нем могла принадлежать только одному человеку в королевстве.

* * *

– Я рад, что вы не попросили кого-нибудь убить, – искренне сказал Брендон. – И даже содействовать. Я ожидал худшей просьбы. В этом клянусь охотно – насколько в моих силах, конечно.

– Ну, смерть при побеге избавит вас от клятвы, – Гай Невилл улыбнулся своей приятнейшей улыбкой. – Вы хорошо развиты физически и умны – все еще. Не удивляйтесь, я знаю подобные вашей натуры и удручающее воздействие на них кварца на запястье и унылейших словес брата Игнациуса – услышите еще. Через неделю ваше желание бежать, спасти и мстить станет чуть меньше. Через месяц вы перестанете об этом думать. Через год... ну вы меня поняли. Вас как вас уже не будет.

– Верно ли я понимаю, что вы избежали этой участи?

– Я – особая форма душевнобольного. Со мной Бетлему не справиться. Но вряд ли вы мне позавидуете. Зависть к чужой способности или имуществу держится ровно до вопроса – а хотите ли вы поменяться с тем, кому завидуете, жизнями полностью?

Брендон невольно улыбнулся. Полная дикость – ему было интересно разговаривать с величайшим злодеем своего времени. Ну ладно, не величайшим, в глазах Брендона Горт Галлахер мог бы и оспорить это первенство.

– Так вот, вы хорошо развиты физически и умны. Поэтому шанс выбраться у вас есть. Но при одном простом условии – на вас не должно быть кварца. Он притупляет реакции, как вы могли заметить.

– Надеюсь, вы не предлагаете отрубить мне руку?

– Никоим образом. Разве вы видите здесь топор? А вот перочинный нож вам действительно предстоит отыскать и, простите мою манеру называть все своими именами, украсть.

Брендон представил себе отрезание руки перочинным ножом и уже не мог прогнать это видение.

– Дайте руку. Не бойтесь, – пальцы целителя и убийцы пробежались по кисти Брендона, ощупывая суставы. – Мы надрежем вот здесь. Это больно, но многое больнее. Когда эта связка перестанет держать сустав, вывихнуть большой палец будет легче легкого. Я помогу. Кисть как бы сложится вдоль и покинет наручник.

– И дальше?

– Ну угадайте, магистр Бирн. Вплавь – утонете. На лодке – нужно двое, а лучше четверо с веслами, да еще и лодку украсть. Остается...

– Канатная переправа.

– Спасибо, что не разочаровали меня. Вот с ее помощью можно попробовать. Путь опасный и крайне дурно пахнущий в прямом смысле. Зато другого нет.

Гай Невилл улыбался легко и беззаботно. Словно предлагал славную игру.

* * *

Рэндалл шумно выдохнул и рухнул на колени. Светящаяся сфера, мерцавшая перед ним, рассыпалась множеством искр, постепенно тающих в воздухе. Горт наблюдал за ним из ректорского кресла. Вечер еще только начинался, но в кабинете ректора была полутьма. Солнце уходило с этой стороны еще в полдень.

– Уже лучше. Чужую силу труднее держать, чем свою, верно?

– Да, – сквозь громкие попытки восстановить дыхание после сильнейшего напряжения сил ответил Рэндалл.

– Подойди и сядь. Скоро то, чему я тебя учил, пригодится в настоящем деле.

Рэндалл поднялся и нетвердым шагом, как хмельной матрос, добрался до скамьи у стены. Горт держал в руках обсидиановую шкатулку и бережно стирал с нее пыль белым платком.

– Друиды опять дают о себе знать. Память о них прорастает, как сорняки через камни дорожки. Мало кто знает, что этот друидский круг, творивший злое волшебство в холмах, где основан Университет, натворил на самом деле. Я говорил, что в любой момент мы можем встретить гостя из другого мира, и придется повторить то, что сделали наши предки. Мы нашли последнюю гостью. Понимаешь, что это значит?

Рэндалл вздохнул, наслаждаясь тем, что потолок больше не едет в сторону. В ушах звенело, но пальцы похолодели от предчувствия. Он много слышал о том, что настанет час, когда врата из мира ши будут навсегда разрушены и человечество избавится от этой угрозы. Но не ожидал, что это будет так быстро. В глубине души он, первый ученик ректора, так и не смирился с тем, чтобы кого-то убивать.

Даже ши. Тех, что когда-то разорили его дом.

– Да. Если пришел этот, закованный сейчас в цепи, придут и другие. Вы говорили, что он станет вечным источником силы для избранных защищать людей от чудовищ. И этим искупит свои преступления перед нами. Но его сила обжигает. Я не знаю, сможет ли кто-то из людей, кроме вас, с ней справиться!

Горт подошел к Рэндаллу, взъерошил ему волосы и больно сжал цепкими пальцами плечо.

– Сомнения выдают в тебе ум ученого. Но сейчас тебе нужен ум воина, сомнений не знающего. У тебя есть слово учителя и дело, которое не терпит промедления. У тебя и тех, кто с тобой.

– Ректор Галлахер... – Рэндалл нахмурился еще больше, он явно давно хотел об этом спросить, но медлил. – Фарлей Горманстон болтлив и глуповат. Я присматривался к нему с тех пор, как вы привели его в наш круг, но так и не разгадал, как он может быть полезен. А девушка...

Рэндалл дернулся так, что ударился затылком о каменную стену, когда почувствовал прикосновение пальца ректора к его губам, заставляющее замолчать. Прикосновение сухой, холодной, пахнущей травами кожи заставило его оцепенеть полностью, пусть ничего неприятного в нем не было. Иногда учитель казался ожившим ядовитым цветком. Или змеей.

– Ты хороший тактик, но дурной стратег. К счастью, времени это поправить еще много. Скажи Фарлею то, что хочешь, чтобы знали все. И через день об этом будут говорить на другой стороне королевства. Его сила станет хорошим топливом для ритуала, его глупость все упрощает. А девушка не так проста, как кажется. У вас есть кое-что общее. Мой тебе настоящий совет – приглядись.

* * *

Когда инквизитор уехал, король остался в кабинете обдумывать услышанное. Если все так, как подсказывает чутье Эремону, то ясно: сильнейшего мага в своих землях стоит держать на виду. Как можно ближе к себе. Университет будет ближе к королевской воле, а престол крепче. Но цена за это все еще казалась Альберту слишком высокой. Он слишком любил своих детей, больше, чем полагается монарху.

Из горьких раздумий его вывело потрескивание и шипение свитка на столе. Эти маленькие свитки с особой печатью, которую разламывали перед отправлением, и были магической огненной почтой. Их создавали по два, так что второй увозил с собой тот, с кем нужно было иметь возможность мгновенно переписываться. На одном свитке писали особыми чернилами быстро и коротко, а потом он сгорал. Эти слова тут же проявлялись искрящимися буквами на втором, который начинал нагреваться и светиться. Если не прочесть такое письмо за четверть часа после появления, оно само по себе обратится в пепел – бумага не выдержит магической силы. Поэтому при почтовом свитке дежурили, сменяясь, доверенные придворные, если сам король не хотел или не мог держать его при себе.

Король протянул руку, и сердце его замерло. Свиток был помечен золотым. Оставалось надеяться, что новости от сына, а не о нем. Он там не один, но... родительское воображение, когда надо придумать, что плохое может случиться с ребенком, поистине безгранично.

Во вспыхнувших буквах Альберт узнал знакомые завитушки. Мальчик даже писал так, будто подпрыгивал вместе с пером от радости или нетерпения. Составить огненное письмо трудно, надо успеть вписать лишь самое главное, пока бумага не сгорела.

«Отец! Умоляю! Надо сделать так, чтобы ректор срочно отправился во дворец! Сегодня! Сейчас! Дело жизни и смерти!

Ваш Эдвард.

Я женюсь на Эпоне Горманстон, согласен! Клянусь!»

Когда последний уголок свитка рассыпался в пепел, король покачал головой. Эдвард часто просил. Младший принц часто бывал несносен и просил лишнее, зная отцовскую любовь. Но и просил он обычно не себе, а другим, и просьбы эти не оборачивались никому бедой. К тому же, если не придется тащить его под венец связанным, тем лучше. Что ж, судьба.

Две помолвки. Написать герцогу Горманстону. Написать Горту Галлахеру, вызвать его сюда и объявить свой ответ – помолвке с принцессой быть. Этого человека надо держать как можно ближе. Со всеми его талантами и честолюбивыми помыслами.

Их дети будут сильнейшими магами. В этом нет сомнения.

– Не трать силы на чужую боль, если нет сил унять свою, – грустно улыбнулся Гьетал.

– Не силы и были. – Эшлин с трудом подавила желание лечь на этот песок, закрыть глаза, закопать в него лампу и ждать в темноте, пока не станет песком сама. У нее не получилось... нет, она не могла бы посчитать, сколько раз. Казалось уже, будто в этом каменном мешке они не день, не два, а годы. Надо было сказать хоть что-то хорошее, и срочно: – Хорошо, что Мэтью вернулся домой.

Навязчивый звон цепи заставил ее вздрогнуть и поднять взгляд на Гьетала. Старейшина выпрямился, насколько это было возможно в его висячем положении, и смотрел на нее. Будто подбирая слова.

– Тебе лучше узнать. Он пришел сюда со мной, Эшлин. Не мог бросить сестру в беде. Что случится с мальчишкой неподалеку от холма, так подумал я... все равно ведь попробует, только окажется один. Может заблудиться в междумирье. Он здесь. Горт взял в плен его разум, а это еще страшнее, чем тело.

Эшлин сидела, не дыша, и чувствовала, как каменные глыбы вокруг начинают медленно сжиматься. Нет, они не двигались. Кроме голоса Гьетала и его дыхания, не доносилось ни звука. Но воздуха разом стало меньше, будто ребра стиснула каменная громада.

– Горт не мог бы сделать такого со мной, мы равны по силе, победа любого из нас – дело случая. Людей такое воздействие разрушает не так быстро, они не сопротивляются каждое мгновение, чужая воля кажется им своей... но через десяток лет и больше они могут повредиться рассудком. Отсюда возникли легенды о ши, что вдохновляют поэтов, но сводят их с ума. Горт создает маску, которая ложится на душу. Стягивает ее, как ореховая скорлупа, как железный обруч. Меняет характер и порой даже возможности. Человек может стать жестче, увереннее, спокойнее или даже чувствительнее к прекрасному. Ши так же, но сила его души быстро перестает принимать маску, слепленную чужой магией. Душа мечется внутри Кристалла, волнуется, и Кристалл трескается, тускнеет. Если вовремя не снять маску, то силы души по капле вытекут из Кристалла, оставив его мертвым камнем. А ши растворится в окружающем мире.

– Мой брат... скоро умрет? – шепотом переспросила Эшлин, не желая в это верить и веря. Она зачерпнула две горсти песка, который с

шелестом бежал сквозь ее пальцы, будто сама она стала песочными часами.

– Если душу его продолжит обвивать вьюнок магии Горта. Я видел его. Это он приносит мне сюда пищу и воду, ведь Горт боится пускать ко мне людей. И я видел, как Кристалл Мэдью потускнел. Он все еще не помнит себя и не хочет знать иного, кроме своей маски, но душа уже бьется в тревоге. Если Кристалл треснет, то он погибнет. А снимать маску – дело опасное и требует много сил. Больше, чем у каждого из нас сейчас.

Эшлин слышала его слова и порой пропускала смысл. Главное уже билось в голове в висках бешеным потоком крови.

«Мэдью умирает. Из-за тебя. Мэдью творит зло. Из-за тебя. Мэдью погибнет проклятым. Из-за тебя».

Есть мысли, которые прокатывают душу, как рубашку через стиральный валец. Нет у тебя души, Эшлин. Нет у тебя надежды.

Она медленно поднялась, подошла к стене, уперлась в нее руками и закричала. Эту боль даже слезами было не выплеснуть.

Ее крику ответила рождающаяся дрожь камня. Тяжелая, медленно усиливающаяся дрожь, похожая на рычание далекого, но быстро приближающегося хищника. Эшлин успела услышать голос Гьетала: «Осторожно!» – дернуться назад, но ладони точно приросли к каменной стене. Камень тянул ее в себя. Камень пытался ее обнять.

Раз, два – с дальних гор
За тобой придет фомор,
Три, четыре, он идет,
И тебя он украдет.
Пять, шесть – не беги,
Тяжелы его шаги,
Семь, восемь, да-да-да,
Станешь камнем навсегда.

Этой считалкой дети ши пугали друг друга, играя среди огней в ночь Самайна. Просто считалка. Просто...

Стена медленно оседала, не выдержав сотрясавшей ее дрожи. Эшлин вырвалась из каменного объятия, державшего ее руки, но

успела лишь закрыть ладонями лицо.

За шиворот посыпалась крупная каменная крошка, и пришла темнота.

Глава 17

Цена свободы

Первое, что ощутила Эшлин, – ей неудобно и колко лежать, под боком острое, и очень болит плечо. Открывать глаза не было сил, потому что очень не хотелось что-то вспомнить. Что-то важное. Что-то плохое.

Но когда над ней со вкусом чихнули, и голос Эпоны сказал: «Нашел время, давай уже быстрее!» – а голос Эдварда: «Что я, виноват, что чихаю от пыли?» – а голос Аодана: «Кхира, ну тогда ты помогай, Мавис, опусти фонарь, гляди, Эш вроде не мертвая» – а Кхира: «Ух ты, какой красавец, а почему в цепях?» – открыть глаза уже попросту пришлось.

Над ней склонились в разной мере чумазые, насколько можно было понять при свете фонаря, лица... друзей, да, а как еще назвать? Ее человеческих друзей. Лицо беспрестанно чихающего Эдварда было замотано тряпкой по самые глаза.

– Ура! – сказали они одинаковым громким шепотом. – Живая.

– Мы услали ректора, – сказал Эдвард.

– Мы ничему о тебе не поверили. Сама расскажешь, – сказала Эпона.

– Если это твой друг, то вынимать из цепей я умею, опыт есть, – сказал Аодан.

– И познакомь с ним, – сказала Кхира.

– Быстрее давайте, – сказала Мавис. – Увидят.

Эшлин приподнялась навстречу протянутым рукам и огляделась. Рука двигалась, это было уже хорошо, значит, камень просто ушиб ей плечо. За спиной был грот, точнее, развалины грота. И вполне себе живой Гьетал, над которым наклонился Аодан, изучавший его цепи.

– Да сбить просто, и все дела, ерунда, – вынес он вердикт.

– Буду признателен, – заметил Гьетал. – Эшлин, дитя, будь добра подтвердить друзьям, что я безопасен для всех вас и хотел бы уже распрощаться с железом. Желательно навсегда.

Эшлин закивала так отчаянно, что встрепанные волосы запрыгали, а с плеча съехало разорвавшееся платье. Мавис молча

накинула на нее шаль. Эшлин попыталась наконец-то объяснить, но вместо этого расплакалась. Слишком многое случилось. Слишком многое узналось.

– Так, – решительно сказала Эпона и обняла ее, – в коллегии поговорим. Я доведу Эшлин. Аодан поможет ее другу. У нас там есть еда и горячее питье.

– В мужской коллегии, в нашей с Аоданом комнате, – поправил Эдвард. – У вас там Эния. А у нас все равно все, кому знать не надо, пошли в «Лосось».

Эпона – немыслимое дело – не стала спорить с Эдвардом. Она помогла Эшлин встать и подхватила ее под руку. Равномерный стук камня рядом возвещал гибель – наконец-то – железных оков Гьетала.

* * *

Рыжий молчаливый слуга – молодой, совсем мальчишка, с бледным безразличным лицом – прогуливал шагом ректорского коня во дворе королевского замка. Конь, вороной красавец с дивно яркими глазами, пригибал голову по-бычьему. Почему-то от него – то ли от коня, то ли от слуги – шарахнулась пробежавшая собачка в попонке, любимица принцессы, и Лизелотта посмотрела удивленно, подхватила собачку на руки. Рыжий парень не нравился ей – ладно немой, это бывает, но он и вовсе выглядел так, словно, кроме хозяйских слов, ничем не интересовался и никого не видел. Даже на кухню не пошел посидеть послушать чужие разговоры. Станный.

Уходя, она принялась. Надо же, как пахнет речной водой. Коня купали? Вроде не мокрый...

А в королевской библиотеке было светло и просторно. Золотые украшения колонн отражали каждую каплю солнца и огня, наполняя зал теплым светом даже в пасмурные дни. Принцесса любила читать, устроившись в кресле с высокой спинкой. Перед ней на столе лежала огромная книга. На листе, обрамленном виньеткой из цветов и листьев, был изображен маг с фонарем. Ветер трепал его плащ, а к скалам из серой пустоты приближалась лодка, которой он указывал путь. «Сказание о Мирдине» Маргарет знала почти наизусть. И

жалела, что нельзя попасть в книгу и оказаться рядом с тем, о ком пело сердце. Впрочем, иногда герои книг приходят к нам сами.

– Ваше высочество, разрешите отвлечь?

Ректор Галлахер говорил тихо, но отчетливо и вместе с тем мягко. Девушка встрепенулась, встретила с ним взглядом. Он умел смотреть, касаясь взглядом души, так, что скрыть бьющиеся под плотной тканью приличий чувства не представлялось возможным. Сколько они виделись? Раз пять, не больше. И каждый Маргарет могла вспомнить до мельчайшей детали.

Он не мог бы жить в те времена, когда меч из камня после войны с Рогатым подарил королевству Далриат нового короля. И все же Мерлин в ее представлениях был таким же, как этот человек. Мудрым. Красивым. Сильным. Знакомым со всеми тайнами мира. Готовым этими тайнами поделиться.

– Ректор Галлахер! Рада видеть вас. Я слышала, что отец беспокоится о происшествиях в Университете, но это покрыто завесой государственной тайны. Возможно, вы расскажете, что за опасность так его всполошила?

– Тайны на то и тайны, чтобы ими оставаться, ваше высочество. Но мой визит к вам иного рода.

Он склонил голову и улыбнулся. Как столь резкие черты лица могут лучиться таким теплом?

Щеки Маргарет покрылись румянцем. Отец говорил ей. Но услышать это из уст самого Горты Галлахера было так волнующе, что она задержала дыхание.

– Ваше высочество, прежде чем его величество объявит о задуманном, я хотел бы услышать, как вы скажете, что говорит обо мне ваше сердце. И если оно молчит, то клянусь, что даже гнев короля не остановит меня от того, чтобы сегодня же убраться прочь, в свою университетскую башню. Лишь дракон из сказки будет рад пленить принцессу против ее воли. Быть рядом с вами – счастье. Но лишь зная, что вы можете сказать то же.

Он смотрел ей в глаза, и Маргарет понимала, что хочет ответить и не может. Хочет, чтобы он больше не сомневался. Что она готова уйти вслед за ним в башню, на корабль, к ши в ближайшие холмы. Как трудно говорить о чувствах словами, когда тебе семнадцать!

– Сердце говорит... о вас.

Снова улыбка, от которой горят щеки.

– Вы любите цветы, ваше высочество, но они ранят сердце своей недолговечностью. Я хочу подарить вам букет, который не завянет годы.

Он протянул Маргарет белую лакированную шкатулку с затейливым вензелем на крышке. Распахнув ее, принцесса увидела на шелковой подушке подвеску с изумрудом в обрамлении живых цветов. Нежные лепестки вьюнка и незабудок были на ощупь чуть теплыми, а когда она поднесла украшение ближе к лицу, то почувствовала легкий аромат.

– Как же...

– В тех краях, откуда я родом, есть традиция дарить тому, кто предназначен судьбой, всего себя, без остатка. И знаком того служит камень, в котором, по поверьям, хранится искра души. Не бойтесь, ваше высочество, – Горт осторожно, кончиками пальцев коснулся ее руки, замершей над подарком, – это всего лишь поверье. Я не останусь бездушным. Просто магия, заключенная в изумруде, дарит этим цветам свежесть.

Горт Галлахер не соврал ни словом. Сделать так, чтобы эта оправа сохранялась десятков лет, не было для него трудным. И надежно сохраняла тот душевный трепет, что эта девочка сейчас испытывает. Не забывай обо мне. Никогда. Твоя верность украсит мою жизнь, и чуть-чуть под этим второе значение вьюнка – «я приказываю».

Люди так легко поддаются любви, что их сердце – само по себе приворотное зелье. Надо добавить лишь чуть-чуть.

* * *

В комнате Эдварда и Аодана творилось нечто, больше всего похожее то ли на будни палатки военного хирурга, то ли на сборы в дорогу большой суматошной семьи. Эшлин переодели в теплое шерстяное платье Кхиры и вязаные чулки Мавис, сунули в руки большую кружку, из которой пахло медом и травами. Только сейчас она поняла, как сильно замерзла в каменном мешке. Эпона сидела с ней рядом и хранила на лице выражение «Все. Будет. Хорошо. Я так сказала». Где-то Эшлин видела такое выражение – кажется, у матери.

Самым спокойным выглядел Гьетал – будто он не провел много дней в плену собственного бывшего друга среди камня и железа и без надежды на освобождение. Рядом с ним сидела Кхира, поспешно расставлявшая рубашку Аодана – Гьетал оказался шире его даже в плечах. Аодан посматривал на них тревожно и пытался ненавязчиво сесть между, что при его габаритах выходило так себе. Мавис возилась с жаровенкой и отгоняла Эдварда, пытавшегося помочь и уже влезшего обвисшими кружевами в самые углы.

– Нет, конечно, его можно победить, – объяснял Гьетал спокойно. – Кого угодно можно. Но я без Кристалла не справлюсь. Нет, дети, не стоит прорываться туда, где Эшлин видела мой Кристалл в последний раз, – я хорошо знаю Горту, Кристалл уже вновь у него. Вы только обратите на себя лишнее внимание ваших старших.

– Бросай сливы. Режь пополам и бросай, – Мавис потеряла надежду отвязаться от Эдварда. – Теперь мешай и, когда они совсем размякнут, клади мед.

Эдвард порезал палец, уронил сливу и затряс рукой. Кхира страдальчески вздохнула и сменила его, что-то шепнув. Аодан выдохнул. Мавис уступила Кхире доску с пучком полыни и чашечкой меда и села возле Гьетала. На ее лице боролись упрямство и смущение.

– Если твои друзья знают, дитя, я сам начну, – ответил Гьетал невысказанным словом. Дождался кивка Мавис и продолжил: – Ты полукровка, я вижу, и нет повода смущаться этим. Тебе подвластна магия слова?

– Когда злюсь. Или пугаюсь.

– Верный признак. Ши есть в вашем мире, дети. Немного, но есть. Изгнанники. Заблудившиеся. Ушедшие за любовью или бегущие от любви. Среди них можно встретить как преступников, так и несущих добро. Беда в том, что первых больше.

Он поймал удивленный взгляд Эшлин и улыбнулся:

– Это не то, что рассказывают юным, не желая подавать им дурной и опасный пример. Но если мне суждено вернуться домой, я изменю этот обычай. Ограждая дитя от знания, мы не ограждаем его от опасности, напротив.

Он снова перевел взгляд на Мавис и чуть улыбнулся ей:

– Для нашего мира полукровки, как ни жаль, слабы. Вам не овладеть всей нашей магией, а значит, в мире ши вы будете вечными

последними. Прости, но это так.

– Я и здесь последняя, – ответила Мавис резко.

– Нет. Ты пока не нащупала свой дар, не овладела им полностью. Тебя никто не обучил, к тебе были несправедливы, тебя лишили имени и положенной ребенку любви – это я вижу, не спрашивая. Но твои руки могут создавать. Тесто для хлеба. Мазь от ожога. А твои слова могут бить. Если эти две силы, творение и разрушение, соединить воедино, ты станешь настоящей собой. Я бы взялся тебя учить.

Мавис наклонилась ниже, и дальше разговор пошел шепотом. Кхира выложила в котелок мед и взялась резать полынь. Эшлин пригнулась и вдруг дернулась вперед:

– Перезрелая слива, сосновая смола, мед, полынь... Старейшина, это же...

– Мазь от ожогов железом, – чуть удивился Гьетал. – Я же при тебе просил детей сварить ее. Иначе я буду лечиться дольше, чем стоило бы.

– Этим пахло у Горга тем утром, когда все случилось, – вспомнила Эшлин. – А потом, под холмом, он смог взять в руку железо.

– Так делают ши, скрывающиеся среди людей, – кивнул Гьетал. – Щедро намажь руки – и бери хоть подкову, хоть нож за лезвие.

– От кого-то еще так пахло, – задумалась вслух Эпона. – Нет... не помню.

Эшлин почувствовала себя еще большей душой, чем до того. Она же могла понять тогда. И даже сварить мазь себе. И даже...

– Дитя, – мягко сказал Гьетал. – Вершаций зло оказывается на шаг впереди. Это закон жизни. Как ни жаль.

– И что? Он всегда будет впереди? – возмущенно спросила Эпона.

Гьетал покачал головой:

– Шаг за вами. Это ваш мир. Вы на его страже, дети.

Стук в дверь был коротким и повелительным, хотя шагов никто не слышал. И такой же повелительный голос произнес:

– Открывайте. Я знаю, что вы здесь, и держать меня на пороге – дурная примета.

Кхира кинулась открывать прежде, чем ее успели изловить. В комнату торжественно прошествовала матушка Джи в своих тяжелых юбках и ярком платке, лихо сдвинутым назад. Взглянула на Кхиру, и та сбросила на пол пару подушек. Матушка Джи уселась, скрестив ноги, вытащила из-за пояса трубку и неторопливо принялась набивать ее, оглядывая замолчавшую компанию.

Гьетал первым поднялся и вежливо склонил голову. Матушка Джи ответила довольным кивком и продолжала набивать трубку. Вскочили, приветствуя, и остальные.

– С уважением к хозяевам, – поздоровалась старая пэйви без большого, правда, уважения в голосе. – Сядьте. Почтили старуху, и довольно. Дела ваши знаю – девочка ваша, – она указала на Кхиру, – сказала нашей Монгвин, Монгвин – нашей Нелли, та уже мне.

Черные глаза прямо смотрели на Эшлин.

– Натворили вы, молодые. Ты чужачка, стало быть? Из детей холма? Верно болтают?

– Да, – ответила Эшлин, – но я не...

Жест пэйви заставил ее замолчать. Было в старухе что-то от филида – те умели прервать даже вой ветра.

– Скажи главное. Жизнь отнимала?

Эшлин замотала головой.

– Вот и ладно. Остальное по пути. Теперь ты, чужак, – взгляд матушки Джи остановился на Гьетале. – Уважение знаешь, вижу, и сам уважаем. Жизнь отнимал? Человеческую?

– Нет, матушка, – ответил Гьетал спокойно. – Только таких же, как я. И рожденных камнем. Тех и тех – в бою.

Эшлин вздрогнула от «таких же, как я». Старуха кивнула.

– Убивший человека нечист. Убивший вне боя дважды нечист. Мой народ дал зарок укрывать бегущих от правосудия, кроме убийц и совершивших дурное с детьми. Вардо моего внука стоит у ворот. Собирайтесь.

Снова оглядела всех, взяла пальцами уголек с жаровни, разожгла трубку и закурила. Рассмеялась:

– Что смотрите? Тайны развели. Стенку порушили. Чуть сами не убились. Нет чтоб сразу к умной-то бабке прийти...

Бетлемский день начинался до рассвета. От звона колоколов дрожала каменная стена, и эта дрожь пробирала замерзшего под тонким одеялом Брендона до костей. Он вздохнул и подумал, что лучше бы солнце не восходило. Интересно, какая часть этого оцепенения – его усталость, а какая – ядовитое действие белого кварца. Но не время было ставить эксперименты. Лишь на третью ночь Брендон окончательно поверил, что сосед не собирается его убивать, так что смог поспать около пяти часов. Ему снился зал для совещаний, куда входит брат Игнациус и с ректорской кафедры нудно тянет «все, не сдавшие экзамен, будут отправлены на кварцевые рудники».

На завтрак давали овсянку, серую и слипшуюся, как раствор для крепления камней. Она прилипала к мискам, ложкам, зубам и, кажется, даже горлу изнутри. Брендон долго запивал это варево водой, но ощущение кома в горле так и не прошло. По расчетам Гая Невилла, ему надо было выдержать несколько дней. Столько, сколько потребуется, чтобы похитить нож и хорошо изучить работу канатной дороги. Чтобы нырнуть в мешок с рыбными отходами, надо знать, где их вяжут и как отправляют на материк. Мысль о том, что инквизиция и эта двуличная тварь в ректорской мантии могут сделать с Эшлин, приводила в такую ярость, что она пробивалась к сознанию даже сквозь кварц. Брендон был обязан выжить и вернуться.

После завтрака два брата отвели Брендона в единственную светлую комнату во всей лечебнице. Здесь оказались и большие окна, и полный набор светильников, включая большие кованые рядом с каждым столом переписчика. Жесткая скамья и деревянный наклонный стол – вот и все богатство. Есть чернильница, перо и вожделенный перочинный нож. Но его просто так в сапог не засунешь. В этой серой одежде не было карманов – ничего потайного.

Перед столами за кафедрой стоял дежурный – он представился как брат Жоан. Медленно ведя толстым пальцем по раскрытой книге, он читал книгу старшего смотрителя Бетлемской лечебницы брата Игнациуса «Светоч, разумом скорбных к выздоровлению направляющий». Кажется, брат Жоан был бы неплохим сказителем, судя по тому, как скользил взглядом по залу, помня книгу наизусть.

Написана она была коряво и витиевато. И жутко мешала сосредоточиться. Текст книги, которую надо было переписывать, перемешивался в голове со словами брата Жоана. Бесцветный голос

укачивал. Брендон не с первого раза понял, что раскатистое «Не спать!» относится к нему.

Книга, которую он переписывал, была столь же уныла, как сочинение брата Игнациуса. Магистр не удивился бы, узнав, что и она принадлежит бессменному главе лечебницы. Все повествования в ней сводились к одному. Жил-был человек. У него град побил урожай, сосед увел жену, разбойники украли осла, а потом на голову ему упал камень. Все это случилось оттого, что человек был дурным. Следуйте добродетельным путем, и с вами ничего не случится.

Перед ужином – а обед, чтобы не мешать сытостью работе, в Бетлеме не подавали – была прогулка во внутреннем дворе. Моросил дождь, наставляемые втягивали головы в плечи и шагали гуськом вперед, сначала вправо, потом, по воплю брата в сером, разворачивались и шли влево. Перед Брендонем ковылял, припадая на левую ногу, юноша с безумным взглядом и густыми кудрявыми волосами. Лицом он напоминал мечту художника, а остальное будто нелепо приставили ему от тощего бродяги. Иногда он оборачивался и многозначительно грозил Брендону тонким пальцем музыканта, певуче растягивая «дооооо Самааааайнаааааа умреоооооошь». Это действие, вероятно, должно было способствовать укреплению духа.

Брендон сжал зубы, выпрямил спину и шел в строю безумных так, как шел бы по улицам города в университетской мантии. Не опускай взгляд. Не опускай голову. Упадешь – не будет сил подняться.

Едой начало пахнуть задолго до ужина. В огромном чане серое варево с кусками рыбешки напоминало помой. Запах рыбы витал на острове постоянно, но в некоторые часы становился невыносимым. Одним из занятий наставляемых была чистка рыбы, которую потом отправляли вялить. Рыбачили только братья, доверять лодку безумным было бы сумасшествием. Брендон понимал, что его любовь к рыбным блюдам почти уничтожена.

Необходимость изучить окрестности и рыбный промысел отвлекала от безнадежных мыслей. Следующим утром, прежде чем пройти к своей комнате переписчика, он долго поправлял сапоги напротив площадки, где грузили мешки с рыбой требухой. С кухни привозили тележки, содержимое вываливали в мешки, мешки завязывали и оставляли на деревянном помосте. Туда же привозили

кварц в сундуках из металла. Он был слишком опасен, чтобы ссыпать его в мешки.

За грузами подходили дюжие братья, которые цепляли их к крюкам по два, и они начинали свое путешествие на материк. Четыре ослика шли по кругу и крутили кабестан. Говорили, будто лучший овес идет осликам, худший – наставляемым. Там, за пеленой тумана, в который уползали мешки с рыбой и с камнем, – свобода. Надо лишь незаметно нырнуть в мешок с рыбой и не задохнуться на полпути. Иначе тоже станешь удобрением для королевских полей. Какой бесславный конец! Хоть в чем-то и идилический.

* * *

На четвертый день одинаково серой бетлемской жизни Брендон испугался, что стоит закрыть глаза, поддаться отупляющему жужжанию слов брата Жоана – можно вправду очнуться через четыреста лет. План казался все более невыполнимым, голова – тяжелой, а внимание – рассеянным. Если наконец не сделать то, что собирался, силы покинут окончательно, кварц разьет душу до неясной тени. Останутся только руки, чтобы каллиграфически выводить черные буквы унылых историй о правильных людях. Тот, кто идет путем добродетели, неуважаемый брат Игнациус, никогда бы не построил такое чудовищное...

Колокол за окном прервал мысленный диспут и заставил Брендона резко сесть на узкой койке. Сегодня за окном светило солнце. Кто знает, когда еще будет погожий день? Без солнца план не сработает. Брендон искренне жалел, что он не ши и не сможет, если что, разгонять тучи.

– Вы так взволнованы, друг мой. Видимо, решились? – участливо спросил сосед.

– Да, – ответил Брендон.

– Тогда принесите мне нож. Остальное будет в ваших руках. Хотя, учитывая нашу маленькую хитрость, правильнее сказать, руке.

Брендона передернуло от мысли о том, на что он согласился. Но будь такое возможно, он бежал бы отсюда даже без головы. Если

некоторые без нее учатся, опытный магистр мог бы научиться и преподавать.

На завтраке магистр Бирн задумался о том, как будет отвлекать брата Жоана, и не заметил, как доел кашу. «Привыкаю», – ужаснулся он, глядя на аккуратно пустую тарелку.

В скриптории мерно скрипели перья и неслись слова о добродетели. Брендон придумал свой план, когда увидел, как слева от него трудится бородастый, но абсолютно лысый человек. На носу у него блестели две круглые линзы, они потихоньку сползали, если он слишком сильно склонялся к пергаменту. Переписчикам не позволялось бездельничать и болтать попусту, но обмениваться инструментами и советоваться брат Жоан не запрещал. Если делать это тихо, не заглушая чтение «Светоча разума».

В большие окна солнце заглядывало до полудня. Брендон переписывал историю некоего Уго, который, имея одну жену, завел в соседней деревне вторую и был задавлен конем пьяного барона. Барон же упал в реку и утонул. Выжил в этой истории только конь, наверное, потому что был трезвым и неженатым.

Лысый коллега рассматривал то, что у него получилось, и щурился от слишком яркого света. «Самое время», – подумал Брендон и нарочно поставил кляксу на пергамент. Теперь он был обязан взять один из перочинных ножей и счистить это безобразие.

На обратном пути с этим самым ножом он остановился у стола лысого и вежливо спросил, можно ли позаимствовать очки, чтобы написать пару-тройку строк. Буквы стали расплываться перед глазами, а он и не думал, что можно так ловко это исправить. Вдруг поможет, а братья не поскупятся отправить весть родственникам, чтобы прислали похожие.

Лысый согласно кивнул. Он оживлялся, только разглядывая картинки в книге. Видимо, кварц хорошенько избавил его от эмоций, но страсть художника осталась неубиваемой. Даже полуслепой, он все еще потрясающе рисовал, оживляя скудные рисунки первоисточника затейливым орнаментом.

Дальше надо было лишь изобразить случайность. Оставить на странице ветошь, которой вытирал перо, рассматривать строки в линзах со всех сторон, потом снять очки и смотреть в них,

отстранившись от стекол. Разыскивая то самое расстояние, на котором солнечный круг становится огненным. Брендон задержал дыхание, наблюдая, как пятно становится все ярче. Где же ты, саламандра...

Ветошь вспыхнула быстро. На дымок обернулся сосед, брат Жоан не сразу осознал, что произошло, а потом с криком кинулся не к Брендону, а к бадье с водой и половником, из которого пили во время работы. Брендон мастерски изобразил оупевшего от кварца наставляемого, который с изумлением наблюдает, как огонь вливается в лист. А потом его окатили водой вместе с книгой. Впрочем, о ноже, который охлаждал левую ногу, обозвавший его слепым полудурком брат Жоан не вспомнил.

Зато можно было не дожидаться окончания работ. Дабы наставляемый Брендон не получил скоротечной чахотки, его отправили переодеваться в комнату. Со строгим указанием попросить у брата Руперта сменную рубашку на три дня раньше положенного. Сердце колотилось в ушах, хотелось закрыть глаза и очнуться где-нибудь там, на скалистом берегу, когда операция Гая и рыбная дорога будут уже позади. Но мы обязаны проживать каждое мгновение нашей жизни.

– Вы все-таки пробовали уйти отсюда вплавь, друг мой? – осведомился Гай Невилл, увидев, как за Брендонем тянется от порога мокрый след.

– Нет. Доставал нож.

– Любопытно, но эту историю вы расскажете мне, когда вернетесь выполнить мою просьбу. А теперь переодевайтесь и сделайте из мокрой рубахи жгут. Вам понадобится что-то закусить, чтобы весь Бетлем не услышал, как отчаянно вы хотите на волю.

Брендон понял, что не может унять дрожь. Он мог тысячу раз сказать, что ничего не боится, но обмануть тело не получалось. Холод добавлял свою лепту в это нелепое и позорное для мужчины состояние. Гай чудовище. Но старше. И в двух кварцевых браслетах. Так просто не убьет.

– Все еще не доверяете мне. Правильно. Но я с вами кристально честен. Магическая клятва, знаете ли, действует в обе стороны.

Брендон молча достал нож и протянул его Гаю Невиллу. Потом закрыл глаза и закусил мокрую, пахнущую рыбой рубашку. Оглушительную боль не смог сгладить даже белый кварц. Брендон

выгнулся и глухо взвыл сквозь зубы. Крепкие пальцы Гая Невилла сжимали его кисть надежнее тиска для пыток.

Несколько мгновений выпали из жизни Брендона Бирна, а когда он наконец очнулся, боль стала ровнее, мерзее и терпимее. Гай Невилл держал в руке белое каменное кольцо с кровавыми пятнами.

– Вот и все. Половина свободы есть. Не цепляйтесь за рубашку. Я сделаю вам повязку из того почти сухого рукава. Окажетесь на свободе совсем, не забудьте промыть рану морской водой или отваром зверобоя. Вы слишком умны для того, чтобы умирать глупо.

За эти дни Брендон проявил себя как понятливый и не буйный, поэтому братья не сопровождали его в каждый момент, лишь когда надо было пройти в какое-то новое место, где он еще не бывал. Теперь можно было отправляться к мешкам. Только унять тошноту, что подкатывала от боли и волнения.

– Я должен сказать вам спасибо, – сипло прошептал он, рассматривая искалеченную, стянутую повязкой кисть, ставшую внешне вдвое уже.

Гай Невилл улыбнулся широко и открыто, но от выражения его глаз веяло жутью.

– Впервые слышу благодарность вместо проклятия. Чтоб вас, магистр Бирн! Еще немного – и мне это понравится.

До места, где разгружали тележки с рыбе́й требухой, было не так далеко идти. Брендону казалось, что путь занял полдня. Он шел не крадучись, а будто подчиняясь указанию кого-то из братьев. Когда его спросили, куда идет, Брендон ответил, что работал в скриптории, но сильно испортил пергамент и был отправлен братом Жоаном к рыбакам, чтобы искупить скудоумие прилежностью. Попавшийся по дороге брат не мог не узнать манеру Жоана выражать мысли. Он хмыкнул и махнул в направлении платформы с мешками.

– Вон там рыбных дел мастера. Иди на вонь, не ошибешься.

Мгновения тянулись. Скрипел кабестан. Стучали копытами по деревянному настилу ослики. Брендон присоединился к тем, кто рассовывал по мешкам рыбные остатки из кучи. Потом дождался, когда мохноногий серый трудяга втащил очередную телегу с этой пакостью. За ее высоким бортом, скрывшим несколько готовых мешков, можно было нырнуть в один, наполовину заполненный рыбой, и притаиться. Детина, который занимался погрузкой, мощный

человечище с оловянными глазами, прицепил его к крюку и теперь цеплял остальные. А этот должен был протащиться по земле шесть футов, прежде чем, соскользнув с края скалы, повиснет на крюке над водой. Брендон выбросил из него часть рыбы, но не настолько еще похудел на овсянке, чтобы его почти сто восемьдесят фунтов стали незаметным довеском. Только бы мешок выдержал!

В темноте и тесноте Брендон почувствовал, как задыхается. Его окружала скользкая вонючая дрянь, полотно царапало, а правая рука на каждое покачивание мешка отзывалась болью. Сейчас ему отчаянно хотелось заорать, чтобы его вытащили. Чтобы не умереть, сорвавшись в морскую воду в этом мешке, как в ловушке. Как же человек на самом деле слаб, когда его коснутся настоящие испытания!

Он пытался выровнять дыхание, несмотря на рыбный дух, и думать об Эшлин. О том, что выбора нет. О том, что шанс на удачный побег у него один к семи, и это много. А потом дышать стало резко легче. Морской ветер охлаждал тело, но выдувал проклятую вонь. Мешок, покачиваясь, двинулся вперед, к берегу. Внизу отчетливо слышался плеск волн, Брендону даже показалось, что они соревнуются, какая допрыгнет до канатной дороги. Пусть даже и так. Остался последний рывок, там, когда мешок бросят на крестьянскую телегу. Чтобы выбраться. Без кварца мысли казались такими резкими, будто Брендон не спал три дня и наконец выспался. Покачивание в мешке было бы даже приятным, если бы не теснота, от которой свело все тело.

А потом раздался треск. Это произошло так быстро, что Брендон едва успел осознать. По боку пролегла светлая полоса, и в прореху хлынули рыбы потроха. До берега было рукой подать, но мешок не выдержал. Брендон извернулся, отчаянно пытаясь схватиться за расползающееся полотно, он даже повис на мгновение, болтая ногами в пустоте, но на одной руке долго не удержишься, пальцы неумолимо соскальзывали.

С хриплым криком магистр Бирн сорвался с каната в воду.

Глава 18

Бродяги

Огонь доедал последние стебли тростника у самой воды. Дым щекотал ноздри горькой приправой к поражению. От маленькой ежевичной ветки, проклятой колючки, вот так пропадает весь выращенный куст.

Вернувшись и обнаружив обрушенный грот, Горт выместил свою ярость на тростнике и жалел, что камни не могут гореть. Он говорил с Рианом Доэрти о происшествиях за время его отсутствия, кивал и считал про себя до ста и обратно, сглаживая поднимавшийся внутри жар. Благослови небо тех, кто придумал эти шерстяные темные мантии. Броня воина Дин Ши, готовая принять удар каменного кулака, не была готова к ударам изнутри. К столь огненной ярости. Когда Горт Галлахер подходил к дому, он будто поймал в правый рукав болотный огонек – так пылала броня под одеждой.

Сейчас Горт сидел в пустой комнате, заперев дверь на ключ и не зажигая ни единой свечи. В темноте. Только Кристалл на шее и узоры на теле вспыхивали синеватым светом в такт биению сердца. А колотилось оно быстро.

Потом он резко вытянул руку вперед, и сорвавшийся с пальцев огненный шар подпалил в камине дрова, вспыхнувшие разом. Достал обсидиановую шкатулку, вынул оттуда Кристалл с тростником и сжал его в ладони так, что острые края оправы врезались в кожу, оставляя капли крови. Он сидел, смотрел на огонь и криво улыбался. В совсем темных сейчас глазах плясали блики пламени. Губы едва шевелились, но можно было расслышать, как он повторяет нараспев:

Душа твоя остается со мной, беги не беги.
Во сне, наяву и в шуме лесном услышишь шаги.
Для ветра нет на земле преград, спеши не спеши,
Тебя он догонит, мой младший брат, беглец без души.

Кровь быстро впитывалась в поверхность Кристалла, а зеленые всполохи внутри обрели красноватый отсвет. Горт закрыл глаза, и голос его стал жестче. Ректор точно знал, что где бы ни был сейчас Гьетал, он его слышит. В этом мире так самонадеянно бежать туда, где каждое дерево или ручей может стать слугой неприятеля.

Горт не сомневался: Гьетал помнит, что ши не тратят время на пустые угрозы. Что слова никогда не остаются словами. Когда беглеца преследует тот единственный страх, что есть у подобных ему бесстрашных – страх за других, – его надо подкормить, как мелкое пламя.

* * *

Облезлые, зато яркие вардо пэйви подъезжали к очередному городку. Пришло время ярмарок – от Осеннего Равноденствия до Самайна их множество, и пэйви со своими песнями, плясками, гаданиями и вещами на продажу были нарасхват. Самое время заработать на зимовку.

Осень была еще солнечна и многоцветна, как юбка танцовщицы. Но по утрам тянуло стылыми предзимками, а вечером темнело рано, с темнотой приходил холодный ветер и неясная тревога. Предчувствие Самайна.

Вардо встали, пэйви принялись распрягать коней и ставить полотняные шатры – до зимы они спали «под небом», как говорил этот кочевой народ, а вот зимой, если не удавалось найти деревню, куда их пустили бы, вардо служили домами. Женщины разводили костры, ставили воду греться, несли в шатры подушки с одеялами. Дети крутились под ногами. Девчонки-подростки и с ними несколько повязанных платками молодых отпросились у стариков сходить в город, поглядеть, что как, и, получив разрешение, кинулись по дороге пестрой галдящей стайкой.

Среди них шли рядом Нелли Ворона и Эшлин – точнее, Линди Певунья, как называли ее в таборе.

– Мужняя ты, милая? – сразу спросили ее женщины из семьи, принявшей их с Гьеталом в вардо. Они кинулись переодевать Эшлин, чтобы сошла за пэйви для чужого взгляда. Эшлин, помедлив, кивнула.

– Так что же простоволосая ходишь, разве можно? На-ка, повяжись вот.

Теперь Эшлин была похожа на Нелли. Такая же рубаха с прорехой на плече, синяя юбка с цветными оборками – это разными лоскутами раз за разом надставляли обтрепанный подол, – браслеты с бубенцами и пестрая низка бус на шее. Платок она уже научилась сдвигать на затылок, чтобы пряди волос виднелись спереди, как у других пэйви – «а то подумают, что лысая под платком», смеялись девчонки. Ходить босиком она умела еще дома и не отставала от других.

Она и вообще не отставала. То, что Эшлин умела дома, пригодилось сейчас – как она благодарна была строгому материнскому: «Девочка, применять магию там, где можно сделать руками, попросту неприлично». Поэтому она подвязывала шатры, плела корзинки из лозы, чистила овощи для котла. Лесное чутье ши помогало ей тоже – искать воду, ароматные травы, орехи. И плясать вместе с девчонками для пэйви у костра и в городе напоказ выходило хорошо. Только вот петь она отказалась сразу.

– Скажи им, Нелли, – шепотом попросила Эшлин в первый же вечер, когда старики спросили, как поет чужачка. – Это нельзя. Моя песня особая. Сразу станет заметно, кто я. И может что-нибудь случиться. Скажи так, чтобы поняли.

Нелли кивнула и громко пояснила во всеуслышание:

– Нельзя новенькой петь, хоть и голосок хорош. Сами знаете – мужняя она, а муж в тюрьме. Она обет дала – не петь, пока с него вину не снимут. Запоет – беда будет.

Пэйви покивали. Седой степенный Белый Грэг, таборный вожак, приговорил:

– Умница певунья. Мужа ждать надо, это хорошо.

Так она и стала – Линди Певунья.

Белый Грэг приходился внуком Матушке Джи. А Нелли – праправнучкой.

– Да не знаю я, сколько прапрабабке лет, – смеялась Нелли. – Она, наверно, всегда была. Как земля. Как эта дорога.

Ожоги Гьетала шли на убыль медленно – но если бы не мазь, ему пришлось бы еще хуже. Мазь взялась варить жена Белого Грэга, лучшая в таборе лекарка, Алекса Тихоня, говорливая и шумная, как горная речка. Все равно заживление ожога от холодного железа брало

столько сил, что Гьетал вынужден был ходить, опираясь на тяжелую палку и недалеко. Это не помешало и ему найти себе в таборе место. Дети носились за ним стайкой – он рассказывал им сказки и учил делать из глины посуду. Молодые мужчины подходили, почтительно именовали «дядька Гьетал» и просили показать, как так ловко у него выходит вырезать из дерева свистульку-лошадку, куклу, пляшущую на ленточках, или миску в виде чудной рыбы, спрашивали, как в родном доме Гьетала лечили коней. Девчонки на него откровенно заглядывались – Алекса ругалась и гоняла:

– Пялятся еще, негодницы! Замуж за него решили, все сразу? Тьфу, бесстыжие! А ну за водой да за хворостом бегом, ежели дела себе найти не можете.

Больше всего пэйви напоминали Эшлин ши семьи Ур, Вереска. С ними ей было неожиданно легче, чем поначалу в Дин Эйрин. Да ведь и семья Ур, рассказывали, когда-то была кочевой. Быстрый смех, вечный звон бубенцов и браслетов, готовность петь и плясать – они были похожи. Гьетал на ее расспросы только покачал головой:

– Я сам удивлен, Эшлин. Я говорил тогда, и это правда, что ты не первая ши, покинувшая дом по доброй воле, как и Горт не первый изгнанник. Уходил ли так кто-то из семьи Ур – сказать не могу, не знаю, они ведь даже не нашего рода – они из Вяза, Альм.

– А из наших уходили так?

– Нет. Вряд ли это была бы тайна даже от меня, дитя. Из рода Березы, Бьех – помнишь, там есть семья Ивы? Так вот, оттуда как-то ушли двое, близнецы. Бран и Гэлеш.

«Ворон и лебедь», – мысленно перевела Эшлин. Звучало красиво.

– Я их не помню?

– Нет, это ровесники твоей матери, Гэлеш была ее подругой. С ними вышла плохая история, я помню ее. У Гэлеш была тайная любовь. Вот как у тебя. Она встречалась с человеком, и Бран покрывал их. Ничего дурного в этом нет, но у Гэлеш был жених, и она не отказывала ему в лицо. Когда жених понял, что Гэлеш любит не его и ходит к кому-то втайне ночами, он в злой обиде сказал наихудшее – будто Гэлеш любовница собственного брата. И проклял их обоих.

– Что было дальше? – вздрогнула Эшлин.

– Гэлеш сказала правду на Совете, и филиды сочли ее слова и клятву правдивыми. Но Бран пришел на тот Совет с окровавленными

руками. Он убил ее жениха за оскорбление сестры. Совет взял три дня на решение их дела, но за эти три дня Бран и Гэлеш покинули наш мир. Ушли к людям, а следы затерялись. Их историю так стремились забыть, будто зло и несправедливость исчезнут, если запретить о них говорить.

– Ты о чем задумалась так? – засмеялась Нелли. – В город входим. Приглядим место, спляшешь, денег накидают. Поесть нашим принесем – плохо ли?

Эшлин потрясла головой. Последние дни казались ей годом. И не самым худшим годом. Если бы еще Брендон был рядом...

Она невольно схватила подругу за руку, поняв, что их беззастенчиво разглядывает стража на входе в городок – конный и двое пеших. Нелли удивилась:

– Ты что это?

– Я подумала, что меня могут искать. Горт наверняка всем рассказал, что я беглая убийца.

– Ну могут – делов-то. Я тебя сейчас научу. Ищут кого? Того, кто прячется-боится. А мы с тобой вот так.

Не отпуская руку Эшлин, Нелли подбежала к стражникам так, что юбка взметнулась ярким вихрем. Стайка остальных пэйви тут же подскочила ближе.

– Дай, красавец бородатый, погадаю, – почти пропела Нелли, широко улыбаясь. – Я лучше всех в таборе гадаю, вон и сестра подтвердит. Всю судьбу твою вижу до доньшка!

– Иди отсюда, не галди! – отмахнулся конный. – Иди подале и сестер своих забирай, сколь ни есть. Судьбу она видит, тоже мне...

Один из пеших стражников уже подозрительно прикрыл рукой кошелек, второй – совсем молодой – восхищенно воззрился на Эшлин. Та улыбнулась так же широко, как Нелли.

– А к вам в табор прийти можно? Песен послушать? Песни-то очень люблю, – спросил стражник немного смущенно.

– Послушать ему... ты гляди, эти последнюю рубаху снимут, – проворчал второй, а Эшлин легко и весело ответила:

– Приходи, красавец! Будь гостем!

И быстро пошла с другими пэйви прочь.

– Так-то, – одобрительно кивнула Нелли. – Держись меня, научу и не тому. А то найдешь мужа своего – и оставайтесь оба. И старший

твой пусть остается. Чем не жизнь? Голодно бывает, это да, особенно зимой. А вот затосковать не дадут наши тебе.

– Нелли, а у тебя не будет ничего плохого за то, что ты из Дин Эйрин ушла? – спросила Эшлин.

– Бабка велела – я и ушла. Потом вернусь, перезимую, как беду твою разрешим. Я ж не учусь. Живу просто.

Эшлин не стала спрашивать, почему пэйви так уверена, что все разрешится к зиме. Да и вообще, может, Нелли говорила о будущей, через год. Вместо этого спросила то, что давно хотела:

– А как так вышло, что ты не учишься? Тебя же взяли, значит, есть дар?

– Был да сплыл, – охотно ответила Нелли. – Я его сестре названной отдала. Думала поделиться, а отдала все. Ой, бабка ругалась! Ты, говорит, ладно, магию отдала, но ты и помереть могла! А я что – не померла вроде!

– А разве так можно?

– Ай, Линди, с даром этим путано все. Бывает, что с ним рождаются, бывает, что он приходит сам, когда девчонка в пору входит. Бывает, что пропадает, если беда большая случилась. Можно разделить, если сильно хочешь помочь кому. Можно вот отдать. И никто это тебе до конца не объяснит. Даже матушка Джи. Даже твой муж.

– Твоя сестра – Монгвин?

– Она самая. Брата моего вдова.

– А что с братом случилось? – изумленно и испуганно спросила Эшлин, тема братьев касалась ее острее некуда.

– Да что, старый барон Сэвидж случился, погань такая. Он Монгвин стерег, никуда не пускал, не дом, а тюрьма. А она с братом моим сбежала. Хороший брат-то у меня был, Рэем звали. Мы ее приняли, потому что ну что уж теперь, она платок уже надела. Дед, правда, сразу сказал, что быть беде, и уезжать надо быстрее. Я ее всему учила, как тебя, только ей труднее было – не умела она, но старалась. Год они прожили. Хорошо прожили. Сын у нее родился.

– А потом?

Эшлин понимала ответ. Но все равно спросила.

– А потом нас нашли люди барона, ну и ничего хорошего. Рэй сам вышел, чтобы остальных не трогали. Ну как не тронули ... вардо нам

сожгли и коней увели. Рэя во дворе замка Сэвидж повесили. Так вот было.

Она помолчала, потом усмехнулась:

– Ну я в Дин Эйрин, к бабке, кинулась. Год там не была, с табором ездила. Бабка к Брендону Бирну твоему. Не одной же ей замок штурмовать идти – хотя бабка-то могла бы, наверно. А он взял и сам поехал – с ней, меня взял еще и королевских солдат вытребовал. Барон Сэвидж его... ну сама понимаешь, куда послал, сказал, что над дочкой волен, а магистр спокойно так нам с бабкой говорит: «Отойдите от ворот, чтобы вас не задело». И чем-то кинул таким – огонек вроде малый, неяркий, а пробежался по воротам, они и в труху. После этого никто из слуг баронских не пикнул даже. Закланялись только.

– А Монгвин?

– А Монгвин с маленьким в башне сидела. Барон-то не решил еще, что с ними делать. Но кормили их точно через раз, мелкий не очень уже пищал. И окно заложили – ни солнца, ничего. Магистр твой ее оттуда вывел, бабка мелкого вынесла – тут барон несется, по какому, дескать, праву, да я ваш Университет по камню раскатаю. Бабка ему сказала... переводить долго, но с женщиной он бы точно после этого не лег. А магистр Бирн только: «Вы похитили студентку и ее ребенка, убили ее мужа, а ваши земли король после казни хозяина мог бы пожаловать Университету. И пока я эту мысль додумываю, вам бы ползти на коленях прямо отсюда до столицы, королевского помилования просить. Отойдите с дороги, пока есть чем идти». Так вот было...

– И что потом?

– Потом Монгвин уже в Дин Эйрин стала... ну гаснуть, что ли, иначе не скажешь. Знаешь, так бывает, когда человек жить не хочет. Просто ложится и умирает потихоньку. Даже на мелкого почти не смотрела – ему уж кормилицу нашли. Она сильно брата моего любила. Я как-то к ней зашла – а она петлю из пояса сделала, к балке привязала... я плохо помню, что дальше было. Дыхание ей вроде вернула, а вроде и нет. Ну и говорю – да провалиться тебе, не смей уходить, ты мне сестра, мелкому мать, ты не смеешь, да я тебе, дура, самое дорогое отдам, что у меня есть. А дальше все само вышло. Она глаза открыла и заплакала – это хорошо, слезы – они горе уносят. А я не тогда поняла, наутро только. Что магии во мне ни капли.

– У нее до этого магии не было?

– Слабый был дар. Отец ей учиться недолго позволил. Так что не узнать – может, и посильнее бы она стала. А теперь вот мантика стала из лучших на все королевство. У матушки Джи перенимает.

– Ты... жалеешь? – не сразу спросила Эшлин.

Нелли снова рассмеялась:

– Верить, Линди, не жалею. Поначалу только. Потому что самого дорогого-то у меня разве только дар был? Я вон пэйви кровная, мне это дорого. Семья мне дорога, и Монгвин мне семья тоже. Друзья. Ну и Коннор. Он уже тогда за мной ходил. А после сватать пришел к бабке. У нас не принято за чужих, да он упрямый оказался. Вот – пошла я замуж. Он хороший, честный. Ты его прости, что он тебя магистру Эремону сдал – не со зла, а долга перед старшим ради. Он тогда видел, как ты стул деревом прорастила. Шел спросить что-то у магистра твоего, а вы там как раз...

– Эй, пэйви! – позвал добродушный толстяк, по виду торговец. – Никак болтать друг с дружкой сюда пришли? Сплясали бы хоть!

Нелли вскинула руку с потрепанным бубном, и Эшлин вышла плясать на готовый для ярмарки деревянный помост.

* * *

Брендон открыл глаза. Его что-то пихало в бок, не давая провалиться обратно в черноту. «Что-то» нависло над ним жизнерадостной чумазой мордашкой лет шести и довольно произнесло:

– О! Я ходил смотреть, что сегодня море принесет. Тебя вот принесло. Ты, дядька, беглый или топиться ходил?

Не дождавшись ответа магистра Бирна, новый знакомый продолжал говорить. Слушатель ему был нужен гораздо больше, чем собеседник.

– Если топиться, точно из-за бабы. У нас один вешаться ходил. Мы ему советы всякие давали, а потом ветка сломалась. Ну дураки мы, что ли, – правильные давать? Потом еле отпоили. Я, когда вырасту, паб куплю. Чтобы только виски и похлебка. И никаких женщин.

– А кто твой виски разносить будет... – хрипло ответил Брендон и закашлялся. Горло драло от соленой воды.

Мальчишка почесал в затылке и переступил с ноги на ногу.

– Да... я вот и понял, почему бабы всегда разносят. Какой мужик, если ему виски дали, до других его донесет? Ну ничего, придумаю. Меня Финн зовут. А тебя?

Магистр попробовал сесть, и новый знакомый помог ему в этом нелегком, как оказалось, деле.

– Брендон. Если уж у вас не принято обращаться к незнакомцам вежливо.

– Ну дак я, – засопел обиженно Финн, – ждал, пока ты очнешься. А мог бы просто сапоги снять!

Брендон смотрел, как море облизывает пенистой волной гальку, и привыкал к тому, что жив.

Прошло еще время, прежде чем Брендон смог встать на ноги и, пошатываясь, отправиться вслед за новым знакомым. К счастью, похоже было, что его посчитали мертвым и потому не бросились искать. По крайней мере, поблизости не было ни одной лодки или бетлемского брата. Только тоскливо и нагло оружие чайки.

Прибрежный городишко вырос из рыбацкой деревни, не имел наружных стен, заборов и мостовых, а дома в нем рассыпались по холмам, как стадо баранов. Финн уверенно шагал по дороге к окраине, продолжая монолог. Молчание было для него сродни пытке. Так что Брендон быстро успел узнать, что живет Финн здесь, с нищими, которые скоро собираются на ярмарку в Альбу, там университет магии, а он никогда не видел ученого мага, прямо дух захватывает, как подумает, что увидит. Что родителей у Финна нет, его нашли на грядке. Что главный среди них Огастус Бенн, который был за морем, видел слона и черных людей, а потом потерял ногу и теперь учит просить, чтобы подавали, разбирает ссоры и вообще так хорош, что из их бродяжьей общины уже год никого не вешали. Они бродили из города в город, оседая в каком-то из них на зиму. Огастус умел договариваться.

Дом располагался среди таких же покосившихся домишек самой последней улицы. Здесь, неподалеку от рыбного рынка, жили самые бедные или самые тайные жители городка. Финн помахал неясной тени у стены драной шляпой. Ему ответили.

Брендон не привык привлекать столько внимания. Нищих вокруг пугающе косого домика с полинявшим деревянным бочонком на вывеске – видно, когда-то это был постоянный двор – собралось около десятка, и все уставились на него. Некоторые сморщили нос, будто были аристократами, а он пришел попросить корку хлеба. Возможно, присохшие к одежде рыбы головы не прибавляли магистру обаяния.

Брендон оценил компанию, в которую ему предстояло смиренно попроситься, чтобы добраться незаметно до Университета. Одноногий что-то объяснял двум горбатым, так рьяно размахивая костылем, что норовил попасть кому-то из собеседников по голове. Два кудрявых паренька мастерили с помощью веревки и куска свинины язвы, сверяясь, насколько правдоподобно выходит. Всклобоченная старуха варила что-то в котле, мешая палкой. У колодца, прислонившись к нему спиной, голосил слепой. В его ослином реве едва угадывалась лирическая баллада о рыцаре, который подарил любимой платье с зелеными рукавами.

Финн уверенно прошагал через двор, Брендон ковылял за ним. Его все еще шатало. В дверях мальчишка налетел на сморщенного старичка с лопатой в руках, который крикнул и поймал его за плечо:

– Пошто так несешься?

– Утопленника нашел! – заявил Финн, улыбаясь, будто сообщил о сундуке золотых.

– И что нам с того дохляка?

– Так вот он! – гордо указал Финн на Брендона. Старик внимательнее присмотрелся к магистру, прикидывая, не огреть ли бродячего утопленника лопатой.

– Здравствуйте. Я живой, – на всякий случай уточнил Брендон. – И как в некотором смысле магистр ритуалистики, могу вас уверить, что лопата – плохое средство от мертвых.

– Что ж ты натворил такое, что ни земля, ни море тебя не приняли?

– Полюбил женщину из холмов, – вздохнул Брендон, грустно усмехнувшись.

– Ага, и в кандалы тебя ши заковали? – кивнул старик на его искалеченную руку. – Ладно, у нас здесь о прошлом не спрашивают. Старшего слушай, к ремеслу пристройся, у своих не крысь – вот и весь твой теперича закон.

Они прошли сквозь то, что когда-то было залом паба. За длинным столом старательно уписывали похлебку несколько убогих на полголовы повыше Брендона. Они обсуждали, как загнали в угол какого-то слюнтяя с корабля и настойчиво выпросили у него двадцать монет и хороший нож с костяной ручкой.

В просторной комнате с неожиданно удобным деревянным креслом у печи они наконец встретились с Огастусом Бенном. Это был широкоплечий, абсолютно лысый, краснолицый человек с густой рыжеватой бородой, серьгой в ухе и деревяшкой вместо левой ноги. Просторная рубаха, широкие штаны и вид такой, будто он только что сошел на берег, привезя груз специй, подсказывали, что о прошлом старейшины нищих Финн не врал.

– Добро пожаловать, если с добром, – сказал Огастус.

– Приветствую старейшину. С добром. Судьба моя сейчас такова, что прошу у вас приюта. Мне надо дойти до Альбы незамеченным.

– Откуда бежал, друг? – Огастус улыбался, но взгляд его оставался внимательным и холодным.

Брендон на мгновение замер, но решил не лгать. Чутье подсказывало, что перед ним маг, причем не слабый.

– С острова Безнадеги.

Огастус присвистнул и закинул в рот горсть сушеных виноградин.

– Если смог уйти от Братьев, то разум твой точно в порядке. Но я должен знать, кто твоя тень. Кому нужна твоя голова?

– Ректору Дин Эйрин, – ответил Брендон. Слова эти даже произносить было горько.

– Хорошо, что не королю. Ученые дела от нас далеко. Что ж, беглец. У нас законы простые. Ты приносишь деньги общине и слышишь мои слова. Среди нас нет господ и слуг. Если идешь с нами, то учишься нашему ремеслу.

Брендон потратил пару мгновений, уговаривая себя, что это единственный выход.

– Я согласен.

Огастус окинул его внимательным взглядом с головы до ног.

– Финн, раз уж ты нашел себе друга, к чему вам расставаться? Решите, чем будете зарабатывать хлеб насущный. И своди его в баню. Этим рыбным духом можно демонов распугивать. Вам так ничего не подадут.

– Это мы всегда! Я расскажу! – выпалил Финн. Он так долго молчал, что едва не лопнул. Возможно, в прошлом не обошлось без тяжелых внушений.

Когда вышли от Огастуса, Финн вприпрыжку понесся обратно в зал, изредка останавливаясь подождать Брендона.

– Набьем брюхо и поговорим. Сегодня похлебка из петуха. Ты не думай, там петуха положили, а не только кости.

Брендон был так рад сесть на скамью и получить хоть что-то горячее, что съел бы даже суп из сапога. Когда Финн поставил перед ним глубокую миску с весьма ароматным, хоть и пустоватым варевом, значимой частью которого была подножная зелень, он взялся за еду, изредка выхватывая из монолога Финна полезные моменты.

Он узнал, что можно поучиться у Ру и Тома подвязывать ноги и руки, но тут с непривычки можно перетянуть так, что они на самом деле отсохнут. А рубить дураков нет. Можно присоединиться к Бобби, загонять на улицах выпивох в угол и требовать подать на счастье. Счастье заключалось в том, что выпивоху отпускали домой с целой рожей и в сапогах. Можно было показывать фокусы, но этому долго учиться, не у всех выходит.

Эти способы Брендону абсолютно не нравились. Грабить людей и нагло просить монеточку он не смог бы, даже погибая от голода. С улицы все еще доносились отголоски «Зеленых рукавов», слепой мучил балладу и уши окружающих.

– Скажи мне, Финн, а слепой певец у вас получает деньги за то, чтобы замолчал?

Финн радостно хрюкнул и залился громким смехом:

– Да, голос дурной, не повезло. Зато громкий, в любой толпе слышно! Даже в базарный день.

– А надо громко, верно?

– Очень! А то кто ж услышит, что ты там под нос бормочешь? Еще подумают, что проклятие! Но это тоже идея, можно потом просить деньги за то, чтобы снять... но тут, если промахнешься, побить могут. Попадется такой бык несуетливый...

Брендон отставил опустевшую миску, дождался, пока Финн прервет речь, чтобы вдохнуть, выпрямился, упершись руками в край стола, набрал воздуха во всю мощь преподавательского голоса и начал балладу о ярмарке в Скарборо. Когда он закончил – слушали все. Даже

три объемистые женщины вышли с кухни и старуха заглянула со двора.

Брендон закончил куплет и насладился тишиной. Юный Финн смотрел на него круглыми от восхищения глазами и – молчал.

– Я в последнее время был так слеп, что сыграть слепого смогу не глядя. Достаточно громко для песни на улице?

– Да... – тихо ответил Финн, – будь я проклят, с таким твоим голосом нам полгорода подаст!

Брендон задумался, считать ли эти слова комплиментом.

* * *

Когда небо покраснело, принимая за горизонт уставшее днем солнце, Эшлин наконец позволила себе присесть у костра. Ей было совестно сидеть, пока пэйви вокруг суетятся, носят воду, готовят похлебку на костре, чинят одежду. Но сейчас огонь горел, еда варилась, Алекса пекла лепешки на нагретом камне, вкусно пахло чабрецом. Привычно оглушенная пестрой толпой и шумом, Эшлин пробралась к Гьеталу и села рядом, протянув к костру озябшие ладони. Он выстругивал из дерева очередную детскую безделушку. Птички получались как живые. То и дело подбегали дети попросить новую игрушку.

– Если сердце с кем-то далеко, то тревогу не забегаешь, а забегаться можешь, – сказал Гьетал. – Сядь и послушай. Я тебе этого сразу не сказал, ты, пыли наглотавшись, едва себя помнила. А теперь пришло время.

Эшлин передернула плечами и напряглась. Старейшина выглядел расслабленно, но и серьезно. Что еще может быть хуже? Самайн приближается. Брендон далеко. Горт готов убивать.

Сильные пальцы сжали ее предплечье.

– Не пугайся. Это спасло нас с тобой, но я не хочу, чтобы ты из-за неведения попала в беду. Мой отец любил говорить: только дурень не думает о том, что будет, когда он прибежит туда, куда несется. Прежде чем мы перейдем черту, за которой понадобятся все возможные силы – а черта близка, – я хочу, чтобы ты узнала о том, почему камень тебя слышит.

Эшлин замерла, боясь дышать. В повисшей тишине было слышно, как галдят на другом конце становища дети, трещат в костре дрова, кто-то зовет: «Линди, неси миски ваши с братом».

– Почему? – одними губами произнесла она.

– Что для тебя значит имя Ноирин?

– Одна из рода моей матери. Умерла до моего рождения. У нас говорили «гордая, как Ноирин». Но мне о ней не рассказывали большего.

– Она была дочерью фоморского короля. Когда-то ши и фоморы пытались заключить мир, и она стала женой Дуэйна из семьи Ясеня. Не всем старейшинам была эта идея по нраву. Я не знаю, как оно было на самом деле, но брат Ноирин явился через пять лет к нашим берегам, чтобы отомстить за то, как унизили его сестру. Ноирин погибла в этом большом сражении, но остался жив в семье Ясеня ее сын. Долго боялись, чтобы он не унаследовал буйного нрава и каменного сердца, и он стал одним из филидов, чтобы даже не прикасаться к оружию. И все же, время от времени, в семье появлялись те, кого слышат камни. Это чужая сила. Если черпать из этого источника, он даст тебе многое, но сожжет тебя. Рожденные камнем не имеют сердца.

Эшлин так близко склонилась к костру, что взлетающие искры едва не касались прядей, выбившихся из-под платка. Долго молчала, прежде чем ответить:

– Поэтому у меня дурная судьба?

– Поэтому так думали. Ты чем-то похожа на Ноирин. Но судьбу ты творишь сама. И она творила сама.

– Если я и обращусь в камень, то только в тот, что упадет на голову Горту Проклятому.

– Я слышу его. Он тянется к нам. Я не знаю, сколько осталось времени.

* * *

После пренеприятнейшей беседы с магистром инквизитором Эремоном, в которой тот намекал, что виноват в победе подозреваемой лично ректор, Горт отправился в буковую рощу за городом. Он гнал коня по дороге, тот фыркал, взбрыкивал и все время норовил

повернуть к реке. Жаль, что нельзя пустить его короткой дорогой, могло встретиться слишком много свидетелей, да и сапоги потом сушить не хотелось. В роще Горт спешился у небольшого озера и, отпустив поводья, легко кивнул коню. Раздалось громкое ржание, в котором отчетливо слышалось журчание воды, черный конь одним прыжком оказался на берегу и сразу нырнул в воду.

Его хозяин прошелся вдоль ряда буков, подходя к каждому, прикладывая руку к коре, вслушиваясь, пока не нашел самый старший и не сел среди его корней, прислонившись спиной к стволу. Сквозь густую листву проглядывало солнце, отблески становились зеленоватыми. Пересвистывались зяблики – тихо, по-осеннему. Горт отгонял от себя лишние мысли, пока не почувствовал, как дует ветер, растет трава, бегут от корней к кроне соки. Перестал видеть мир, сделавшись его частью. А потом запел.

Песня его звенела над озером, обращаясь к буку, который приютил его, и ко всем букам, что были его родичами и росли вдоль дорог королевства. Каждое дерево связано с другим. Каждая песня – это нить. Слишком тонкая, чтобы найти, где ее конец, но достаточная, чтобы одно из деревьев принесло слова и волю поющего беглецу, скрывающемуся в лесах и идущему дорогами.

«Ты скучал по мне, Гьетал?»

Глава 19

Когда сошлись дороги

Весть о грядущем допросе у инквизиторов, недавно приехавших в Дин Эйрин, принес Эдвард. Он был необычно хмур и встрепан и несколько раз обежал комнату, обращаясь к Аодану с одним и тем же вопросом:

– Не может же быть так, чтобы все пропало?!

Аодан не стал его расстраивать, но лично его опыт ареста и допросов подсказывал, что может. Правда, этот опыт был с городской стражей, а не с инквизицией. Но хрен редьки не слаще.

– Ты же знаешь, как ничего лишнего не сказать, правда? – во взгляде Эдварда надежда смешивалась с суеверным ужасом.

– Ну... золотой под пятку положи. Как на экзамене. У тебя же есть.

Аодан понял, что дело плохо, когда младший принц, вместо того чтобы швырнуть в него подушкой, серьезно пошел искать монету.

Всей притихшей компанией они собрались у женской коллегии и отправились к залу испытаний, где их ждали. Каждый призывал удачу, как мог. Даже спокойная обычно Эпона держала голову так высоко, что рисковала споткнуться, вообще не видя дорогу, и надела фамильную накидку, на которой красовалось столько вышитых гербов семейства Горманстон, что рябило в глазах. В этой броне высокомерия можно было увернуться от неудобных вопросов. По крайней мере, она надеялась.

Если бы Эдвард и Аодан подошли к месту встречи чуть раньше, то услышали бы перепалку, доносившуюся из окна коллегии. Эния кричала, что Горманстоны своей милостью всю жизнь ей поломали, и слушать бывшую госпожу и подругу, а ныне просто спесивую жабу она не обязана. Эпона отвечала, почти не повышая голоса, что бывшая, раз так, подруга и компаньонка может снять ее платье и отправиться в лес, в пень и под кошачий хвост. Традиционно посылать к ши в этой компании стало не принято.

В ответ Эния громко намекнула, что умелые проклятия и самых гордых гнут в бараний рог, на что услышала лишь смешок. Вслед

выскочившей наконец из комнаты Энии донеслось:

– Смотри, себя не прокляни.

* * *

В последние дни Стэнли Рэндалл уже не собирал компанию в «Лососе» и не придумывал дурацких игр и смешных испытаний. После тренировок с чужой жгучей силой он бродил по университетским закоулкам в одиночестве, пытаясь понять, почему чувствует себя так, как чувствует.

Ему не нравились ши – с детства, это еще ладно. Но в детстве он о них только слышал. После Дикой Охоты, не оставившей от его дома ничего, кроме пепла, на котором его нашли и отвезли к дальней родне. Ему не было и года тогда.

Ему не нравились напыщенный глуповатый Фарлей и мрачная тихая Мавис.

Его измучили занятия, на которых ничего не получалось.

И самое противное – ему было тревожно рядом с холмом и огромной ольхой, куда отправлял учитель – привыкнуть к месту, почувствовать его. Странно, но там его мучило чувство уже виденного, уже пережитого. Где-то в памяти звучала песня, прекрасная и жуткая, от нее леденела душа и хотело остановиться сердце. Наверно, так пели те самые ши. Возможно, он помнил это с детства.

Рэндалл не мог пожаловаться приятелям, для них он был безупречным веселым старшим. Тем более Фарлею и Мавис. А его учитель, Горт Галлахер, не терпел слабостей, даже мимолетных.

Сегодня он забрел подальше, за конюшни, без дороги, просто стоял в ивняке у пруда, нюхая осень и черную стоячую воду. И замер. На кривые мостки вышла красивая первокурсница в богатом платье, расшитом жемчугом. Девушка смотрела на воду и сжимала в руке нож. От этого веяло сценой из рыцарского романа. Только вот лицо у девушки было тоскливое, глаза красные, а ножом она, судя по кружевным рукавам, явно не репу чистить собралась.

Что бы за этим ни стояло: решила порезать себе вены над водой или проклясть на крови и воде обидчика, Рэндалл решил вмешаться. Он вышел из ивняка, когда красотка зажмурилась и крепко сжала

рукоять. Услышала шаги, дернулась вперед, Рэндалл за ней, поймал одной рукой ее запястье, другой обхватил за талию – и мостки подломились. Нож полетел на землю, а они вместе в пруд. К счастью, там было всего лишь по пояс. Девушка взвизгнула.

– Будешь кричать, сюда пол-университета сбежится, – честно предупредил Стэнли. – Застанут прямо так. Я на тебе, если что, женюсь, но, судя по жемчугам, твой отец рад не будет.

Девушка посмотрела на него в упор. Зацепила внимательным взглядом вышивку старшего на мантии.

– Я Эния Магуайр. Это считать предложением руки и сердца?

Рэндалл неожиданно смутился:

– Руки точно. Нам надо выбраться из воды. А там посмотрим.

* * *

Они вошли под своды зала испытаний, как маленький отряд, вступивший на поле боя против целой армии. За столом, где обычно профессор Доэрти готовил зелья для сна, расположился магистр Эремон. Перед ним стояла миска пирожков. Его ученик сидел в первом ряду на преподавательской скамье с пером и бумагами.

– Проходите, не толпитесь, здесь точно хватит места. Сегодня в таверне восхитительные пирожки с сердцем. Кабы не наша беседа, я бы точно не смог от них оторваться. А потом думаю – зачем отрываться, если можно взять их с собой. Угощайтесь! Еда способствует взаимному доверию.

Было сложно сохранять суровую бесстрастность. Аодан подумал и первым взял пирог. Какую же игру затеял магистр Эремон? Хочешь не хочешь, а играть придется.

Эремон обвел взглядом напряженных студентов и остановился на Эпоне. Ее совершенно каменное лицо выдавало крайнее внутреннее напряжение. Почему-то юные считают, что именно так можно скрыть эмоции. А ведь скрывать их куда сподручнее за улыбкой. И легкой болтовней. У принца должно получаться – но не сейчас.

– Я уже выслушал вашего брата, но мне интереснее, что скажет сестра. Девушки порой куда наблюдательнее юношей. Леди Горманстон, вы же общались с пропавшей?

– Хотели сказать, преступницей? – голос Эпоны звенел на грани грубости.

Инквизитор устало вздохнул и ответил жестко:

– Не читайте моих мыслей в своей голове. Это дурная привычка, недостойная вашего ума.

Щеки Эпоны вспыхнули. Внутренний вихрь чувств пробивался наружу.

– Да, я не раз говорила с Эшлин. Она многое не понимала в нашей жизни здесь. Никому не делала зла. Я скорее поверю, что мой брат убил кого-то, чем она.

Эремон кивнул каким-то своим мыслям и перевел взгляд на Эдварда.

– А что скажете вы, Эдвард Баллиоль?

Эдвард встрепенулся, как воробей, которого окатило водой с крыши:

– Она никого не убивала! Это ей грозила опасность. У меня чутье на людей...

– Поэтому сейчас рядом с вами Аодан, сын Дугала Головореза?

Эремон успевал каким-то образом смотреть на одного и на всех сразу. На то, как потяжелел взгляд Эпоны, как Эдвард еще больше вспетушился, а рука Кхиры ласково накрыла широкую ладонь Аодана, призывая того к спокойствию. Впрочем, он и был здесь самым спокойным, потому как бывал на допросах похуже.

– Именно поэтому! – отразился от древних стен зала испытаний возмущенным эхом голос Эдварда Полведра. – Он даже среди разбойников сохранил душу чистой, вот и Эшлин...

– Кто еще здесь способен к ясновидению настолько, что видит души насквозь? – прервал его Эремон.

Беспокойство Аодана нарастало, тот улавливал, что их специально провоцируют, ждут оговорки, за которую можно уцепиться. Но лгать инквизитору в лицо никто не решится. Почему же он не задает вопрос прямо? Хочет уберечь их от невозможного выбора?

Вдруг со скамьи поднялась Мавис:

– Мы все вместе были. В склепе. Я там прибиралась после всего. Мне помогали. Никто не был у грота. И не слышали ничего, магистр инквизитор. И не знаем.

Это снова была очень большая для нее речь. И раньше она никогда не заговаривала первой.

– Спасибо, девица Десмонд. Вы хороший друг. Надеюсь, это ценят.

Студенты бросали на Мавис тревожные и благодарные взгляды. Эремон снова довольно кивнул чему-то своему:

– А что ты, Аодан, сын Дугала, скажешь о сбитых железных кандалах на месте побега ши? Мастерски сбитых. Тем, кого железо не жжет и кто с ними знаком не понаслышке?

Повисшей острой тишиной можно было порезаться. Аодан от внимания инквизитора на мгновение замер, а потом вдруг расслабленно оперся спиной на спинку скамьи, склонил голову и усмехнулся, будто они беседовали за кружкой пива:

– Скажу честнее честного, что тут хрень какая-то творится. Может, и вам интересно будет. Вот мы в склепе Дойлов были, так я своими глазами видел, как двое наших себя чужими именами называют, вроде как друидскими, и про убийство в пещере рассказывают. После такого я во что хотите поверю. Даже в то, что грот у ректорского дома лепреконы пьяные раскатали. Одно скажу, чем хотите поклянусь: я этих камней не трогал. Зачем мне стенку ломать? Я бы замок дверной вскрыл. По-тихому.

Упоминание друидов инквизитора насторожило. Он нахмурился и взялся привычно катать в руке каштан.

– Кто же из вас называл себя именем друида?

– Я, – одновременно сказали Эдвард с Эпоной и переглянулись.

– Тогда расскажите об этом. Бывает, что давняя смерть притягивает несчастье, если осталась неотмщенной. Бывают и... более сложные истории.

* * *

Путешествуя из селения в селение, Брендон начал привыкать к кочевой жизни. Впрочем, долго ли собираться тому, у кого всех пожитков на одну котомку? Старейшина нищей братии умел располагать к себе, стража их не трогала, в деревни пускали порой переночевать не только на сеновал, но и в какую-нибудь избушку. При

этом в оплату нищие должны были чем-то помогать деревенским. Так магистру Бирну пришлось всего за пару недель научиться сушить рыбацьи сети, чистить рыбу (кажется, это была судьба), ворошить сено, кормить свиней, складывать из камней очаг и стричь овец. После овец он стал гораздо больше любить студентов – даже самые дурные из них оказались куда умнее, по крайней мере, не норовили бить магистра копытом.

Песни оказались прибыльным и даже приятным делом. Брендону нравилось, что можно было встать или сесть в удобном уголке улицы или базарной площади, закрыть глаза, и без того плотно стянутые повязкой, и петь подряд все баллады, какие приходят на ум. Это оказалось чудесным упражнением для очищения духа. Брендон не отвлекался на пустое, полностью отрешался от окружающего мира и возвращался лишь тогда, когда Финн начинал бурно дергать его за руку с какими-нибудь заполошными воплями.

Остальное делал его маленький поводырь. Финн обладал удивительным умением уличного ребенка без страха цепляться к людям, сбивая их с мысли собственным пылом. Он бросался под ноги женщинам, ослам, всадникам и даже стражникам. Брендон порой слышал варианты своей биографии, от которых захватывало дух. По версиям Финна, его папаша – Финн всегда гордо представлялся сыном Брендона – потерял зрение то на королевской службе в дальних землях, то спасая от пожара своего сюзерена, пару раз был опален огнем с неба, но, потеряв зрение, получил тайные знания и даже отдал свои глаза ослепшему в результате проклятия старшему брату, который должен был содержать жену и восемь детей...

Мальчик за день так выдыхался, что обратно шел, пошатываясь и даже не особенно болтая. Брендон понял, что приучить его к чему-то приличному можно только собственным примером, а приучить хотелось – преподаватель в нем требовал применения. Началось все с умывания. Мыло было дорого, но Брендон купил его, едва стал получать первую милостыню – то есть, конечно, заработок, так говорить было приятнее.

Первый раз Финна пришлось мыть самому. Он подозрительно косился на брусок, от которого только что пытался откусить, приняв его за сыр. А потом Брендон как-то привык укрывать мальчика на ночь, следить за тем, поел ли его поводырь, знакомил его с

пристойными блюдами из таверн, куда они заходили, напросив – заработав! – достаточно. Кроме того, Брендон догадался приходить петь в какую-нибудь едальню – и под крышей, и покормят обоих, еще и с собой дадут. Всяко лучше, чем на улице, – холодало все заметнее. Сладкие коврижки доставались мальчику.

Жизнь его стала одновременно сложнее и проще. Только беспокойство об Эшлин скручивало душу в тугой узел, но от этого голос на поворотах трагичных баллад звенел еще искреннее, а людям это нравилось. Грусть, что всегда охватывает в преддверии Самайна, на этот раз была липкой и черной, наводя по ночам кошмары, а по утрам страх, что выйти в одиночку против ректора Дин Эйрин и инквизиции – идея безумная. Так что зря он сбежал из Бетлема. Брендон стряхивал эти мысли, умывался холодной водой, шел к Толстухе Мэри, которая готовила утром на всех горячий травяной отвар и толстые лепешки, вялила яблоки и благоволила певцу, которого сама любила слушать. День катился колесом. Человек мерит год его поворотами, и, может, поэтому Брендон почему-то был уверен, что Эшлин никто не тронет до Самайна. Надо было успеть попасть в Университет раньше.

Финн же просто радовался. Переставший быть чумазым, в простой, но не дырявой рубашке, которую им подарили в какой-то деревне, мальчик оценил, что теперь они с «папой» похожи не на бродяг, а на честных людей, попавших в трагическую историю. А значит, и подают больше, и гоняют меньше. По вечерам он восторженно рассказывал, что обязательно надо сделать на ярмарке, чтобы перед зимой порадоваться, – про карусели и яблоки в карамели, и представлении Панча и Джуди, где актеры надевают на руки куклы, а те колотят друг друга и смеются. Болтая, он как-то свернулся калачиком у магистра под боком, и Брендон поймал мысль, что уже не сможет просто так исчезнуть, оставив мальчика на улице. Видно, он столько раз уже повторил, что Финн его сын, что сама душа в это поверила.

* * *

О друидах, снах и «Гробе вечности» студенты рассказывали увлеченно и охотно, желая сменить направление беседы с Эшлин и грота куда подальше. И чем больше они говорили, тем мрачнее становилось лицо обычно приветливого инквизитора.

– Ласар, – позвал магистр Эремон. – Ты хорошо учил историю инквизиции. О чем тебе говорят имена Филитиарна и Нуаллана?

– Филитиарн. Нуаллан. Каллахан. Фергус. И младший, Брандан. Так звали пятерых убитых в пещере у большой ольхи на Самайн. Закат круга друидов, – отчеканил Ласар, отложивший перо. – В их смерти обвинили сам круг, как и в человеческих жертвоприношениях вообще. Хотя тот же Томас Лермонт считал, что эта загадка осталась не раскрыта, а человеческих жертвоприношений не было в обычае. Но, по-видимому, он сам имел посвящение друида, так что его слова разумно ставили под сомнение.

– Верно. С этой истории началось кровавое уничтожение друидов нашим основателем Даймондом Неспящим и королевским советником, чье имя в хрониках не сохранилось. – Эремон встал и задумчиво прошелся взад-вперед. – Профессор Дойл изучал память. Профессор Дойл... огам, язык друидов... пещера у ольхи... «ольха станет воротами для людей, и для того нужны пятеро»...

Он обвел взглядом студентов и остановился особо на Эпоне, приподнявшейся с места:

– Говорите, леди Горманстон.

– Память, – выдохнула Эпона почти шепотом. – Это память прошлой жизни. Он искал одно, искал способ возвращать любое воспоминание – а нашел намного большее. Так может быть, магистр Эремон?

Эремон кивнул:

– Вы действительно очень умны. Есть теория о том, что люди могут рождаться вновь, особенно когда их души не окончили путь знания, долга или сильной привязанности. Их память возвращается, пусть не сразу и чаще всего не вся. Есть также понятие узла судьбы, или, в просторечии, пути малиновки – когда через много лет после некоего события такие вот заново рожденные, объединенные общей памятью, собираются вместе. Чтобы повторить или, напротив, предотвратить нечто. Малиновка, согласно легендам, направляет душу

на новый путь. Но довольно теории. Есть ли среди вас кто-то еще, чья память хранит осколки чужой?

Аодан, Кхира и Мавис могли только покачать головой.

– Что ж, прежде чем я запишу все подробно и задам вопросы по ходу вашего рассказа, давайте преодолеем еще одну небольшую сложную историю, которая меня беспокоит. Девушка Десмонд, поговорим наедине или у вас нет тайн от друзей?

Мавис покраснела, встала, снова села:

– Нет у меня. Тайн.

– Ну что ж. Нам стало известно, что ваш отец, Уоррен Десмонд, в день вашего отъезда в Дин Эйрин упал с лестницы так неудачно, что до сих пор может лишь лежать и сидеть – за ним ухаживают слуги. Соседи утверждают, что ваши с ним отношения оставляли желать лучшего. Не расскажете, что именно случилось?

Мавис снова встала. Помолчала, крутя пальцами край вязаной шапки. Сама вязала.

– Я же не от него, – сказала она спокойно, глядя в пол. – Я от ши. Он знал. Терпеть меня не мог. Мама с ума сошла. Давно. Я ее здоровой не помню. Вот. В тот день, когда меня в Дин Эйрин позвали, он сказал, что отправит маму в Бетлем. И что рад от меня избавиться. Ну, другими словами, понятно.

Она помолчала. Все молчали.

– А я и подумала – он правда ее отправит, и мама там умрет. Там плохо, в Бетлеме. Он на лестнице стоял. Я внизу. Я замахнулась вроде как и крикнула – нахрен пошел, нахрен. У нас конюх так ругался. Он ко мне добрый, конюх. Вот. Лестница тогда проломилась сразу в трех местах. Отец... ну он упал в пролом. Конюх прибежал, мамина служанка тоже. У нас мало слуг. Я все сама делала.

– И вы уехали, убедившись, что ваш отец – будем так его называть – в достаточной мере потерял здоровье, чтобы в доме заправляли слуги, а слугам вы доверяете? – уточнил почему-то Ласар. Он говорил сейчас очень похоже на своего учителя.

– Ну да, – кивнула Мавис. И села.

– Правильно сделали, – сказал Ласар. Студенты закивали. Эремонт чуть улыбнулся:

– Что ж, благодарю за откровенность. Я думаю, позже мы сможем немного помочь вашей матери и навести в вашем доме порядок. Но это

будет после Самайна. Понимаете, почему?

– Потому что Самайн мы можем не пережить, если сейчас ничего не сделать. Как не дожид до него профессор Дойл, – резко сказала бледная Эпона.

– Вы правы. Но мы постараемся переиграть прошлое, – Эремон обвел студентов взглядом. Расслабились. Отлично.

– Как скоро можно и насколько сложно связаться с Эшлин, чтобы предупредить ее? – спросил он быстро.

– А мы точно не знаем, куда пэйви поехали! – радостно ответил Эдвард Баллиоль. Оценил направленные на него взгляды и немного смутился: – Ну что? У меня ж чутье. Магистр Эремон – он на нашей стороне!

* * *

Эшлин редко видела сны. Ши владели искусством засыпать быстро и глубоко, просыпаясь с солнцем или раньше полностью отдохнувшими. Сны приходили либо знаком тревоги, болезни или любви, либо предупреждением, либо в дни переломов года с особым ритуалом.

Этот же пришел непрошеным, прокрался самым темным предрассветным часом. Вот только что тревоги отступили перед мягкой черной ночью, но сквозь нее проявились странные ощущения, как свет фонаря сквозь одеяло, которым укрыт с головой.

Она видела перед собой дубовую рощу у холма. Босые ноги щекотали травы, краснело заходящее солнце, его уже обступали сумерки, тревожные ранние сумерки Самайна, полные скорого снега и скорой смерти. Где-то высоко шумели ветви и листья, пахло холодом. Недавно была гроза, и растрепанный хвост тучи еще виднелся над горизонтом.

Эшлин хотела шагнуть, но не смогла двинуться. Рук больше не было. Ног тоже. Она была древесным стволом, осенним дубом, и в этом стволе билось живое и горячее сердце. Подчиняясь его ударам, тянулись по стволу и ветвям дерева соки, пытаясь оживить его.

Из-за холма, нависавшего ночной тенью, вышел Горт. В его руках блестела чаша, а на поясе – серп. Таким серпом срезали на праздник

омелу. Таким серпом можно было перерезать горло. В распущенных волосах Горта вился плющ, это было так понятно, ведь само имя Горт означало «плющ», а имя Гьетал – «тростник», и Эшлин знала во сне, что плющ этот ядовит.

Подойдя ближе к дубу, Горт запел, и каждый звук его песни отзывался внутри болью. Будто это были не слова, а удары топора, что вгрызался в древесину. Он наклонил чашу, и к корням полилась кровь, обжигая их. Эшлин кричала, но ни звука не могла произнести, только шелест ветвей становился громче. Сухие листья безжизненно падали вниз, и сок замер, как замерло и сердце. Она откуда-то знала, что это кровь Брендона впитывается в древесину, становясь огнем, оставляя на ней черные обугленные пятна.

А потом Горт резко замолчал, протянул руку, накрыл ее живое сердце, бьющееся среди коры дуба, и сжал его. Эшлин услышала оглушительный треск и почувствовала, как вместе с деревом падает вниз, но пролетает сквозь землю и несется дальше, сквозь серый туман междумирья.

А потом просыпается, сев так резко, что ударилась о жердь шатра. Чьи-то руки подхватили ее, потащили наружу, она начала было отбиваться, но голос Гьетала над ухом резко произнес:

– Проснись. Сейчас же. Нужна помощь.

Табор был на ногах. На два соседних шатра, возле того, где ночевала семья, приютившая Эшлин и Гьетала, попадали сухие деревья, еще два – на ближайшее вардо. К счастью, никто не пострадал, но нужно было проверять и вытаскивать вещи, переставлять шатры, у вардо треснула ось – над ней возились мужчины. Эшлин сунули в руки успокаивать плачущего ребенка, она кутала его в шаль, шептала ласковое и смотрела, как сумрачный Гьетал говорит со стариками.

Дерево, упавшее совсем рядом, оказалось дубом.

Алекса поймала взгляд Эшлин и подозвала ее. Та встала возле Гьетала, укачивая заснувшего малыша.

– Твой старший сказал, что ваш враг заставил деревья упасть, и дальше может быть хуже, – сказала старуха.

Гьетал кивнул:

– Мы навлекаем на вас беду. Нам придется уйти и идти дальше своим путем.

– Он хочет, чтобы вы вернулись? – спросил старик.

Гьетал вновь кивнул.

– Ну так вернитесь, – сказал старый пэйви спокойно. – Вернитесь и сделайте то, чего он не ждет. Мир велик, дорог много, но бежать всю жизнь нельзя. А мы вас проводим. Все равно каждый год едем в Альбу на ярмарку. Сможете сказать своему врагу, что возвращаетесь?

– Он почувствует сразу, – ответил Гьетал. – Спасибо, старший.

* * *

Входить в ворота Альбы было тревожно. Но в гомоне людей, скрипе повозок, реве ослов и стуке лошадиных копыт кто-то вряд ли обратил внимание на еще одного гостя города. Подумаешь, высокий, бедно, но опрятно одетый слепец, а при нем мальчишка, который аж подпрыгивает от нетерпения, пока Огастус Бенн договаривается со стражей. Бенн привлекал больше внимания.

Финн дергал Брендона за рукав и спрашивал, как отличить мага. Есть ли у него остроконечная шапка, может ли он бросать молнии взглядом, и если он просто степенно ходит в мантии, то как отличить его от судьи? С магами лично Брендон предпочел бы не сталкиваться вовсе, но наострить мальчика, чтобы тот точно предупредил, что рядом появится кто-то из Университета, стоило. Как глаза и уши Финн был незаменим. Получив описание внешности некоторых коллег и знаков на мантиях, он даже на время замолк, вглядываясь во всех прохожих. Но пока что по улицам неслись только слуги и торговцы. Для более почтенной братии было рановато. Утреннее солнце едва проникало за стены уличных домов, чтобы подсушить лужи вчерашнего дождя. Скоро лужи по утрам начнет прихватывать лед. Бешеные кони-ветра Самайна везут свою ношу: холод, снег и страх.

Мнимый слепой и его маленький поводырь устроились на краю рыночной площади, там, где торговцы снедью расставляли свои лотки. Сюда подходили купить пирожок с требухой или капустой, медовую коврижку, лепешку с сыром и хлебнуть горячего вина с яблоками. Здесь же могли и с удовольствием послушать баллады слепого певца, пока дожевывали свой немудрящий завтрак. Брендон радовался, что

сквозь повязку не видит, как едят на его представлении. Все же в аудиториях его слушали совсем по-другому.

Он запел балладу Томаса Лермонта о стихотворце, встретившем в холмах девушку, красота которой заставила его онеметь. И пока он смотрел, как девушка поет, танцуя среди цветов, и, повинувшись каждому взмаху ее руки, те вытягиваются к небу и распускаются огромными сверкающими лепестками, ощутил, как тело его превращается в стебель.

Сколько же всего люди успели придумать о ши... но, встретив одну из них, Брендон понял, как далеки домыслы от правды. Чтобы свести с ума, порой не нужна магия. Достаточно любви. И вот ты уже превращаешься в безумца, в нищего, в эпического идиота, который думает, что может победить сильнейшего мага Дин Эйрин.

Звякнули монеты, но не в брошенной на землю шапке. Они были частью украшения. «Пэйви», – угадал Брендон по едва различимым сквозь повязку ярким оборкам юбки, по быстрому веселому говорку. А потом одна из них задержалась напротив, заслонив собой солнце, и склонила голову, приглядываясь. Тут же, ловко отодвинув шапку с деньгами поближе к ногам Брендона, чтобы улов не украли, вперед выскочил Финн.

– Что стоишь слушаешь, а монету не кладешь? Глаз на наш с отцом заработок положила? Ты иди, иди дальше, он твоих плясок не увидит! На королевской службе зрение потерял! А хочешь послушать лучшие песни, так снимай ожерелье свое. Ой, люди вы дикие... дырки в монетах делаете! Это сколько пирожков с печенью купить можно!

Пэйви легонько отстранила его, не дослушивая, и одним летящим движением оказалась рядом с магистром. Он не успел шевельнуться, как почувствовал прикосновение горячих пальцев и легкий аромат нагретых солнцем трав. Брендон понял, что точно сходит с ума, потому что знал этот запах и это тепло, что растекалось по коже, будто от солнечных лучей. Магия ши. Магия Эшлин. Магия любви.

– Что он с тобой сделал? – прозвенел над самым ухом ее голос, и в нем послышалась незнакомая ей до того металлическая ненависть.

– Ничего. Не бойся. Эшлин... – Брендон обнял ее одной рукой, второй приподнимая повязку. Та, которую он шел освободить с боем, стояла перед ним – босоногая, в пестрой юбке и медных бусах. И по-прежнему без Кристалла. Но главным было, что она уткнулась в плечо,

прижалась и замерла, слушая, как бьется рядом его сердце. А он не мог поверить, что это не наваждение, лишь коснулся губами ее лба.

– Не трать силы, со мной все в порядке. Это... маскировка.

– Больше я тебя не отпущу. Даже если против нас встанет все фоморское войско.

– Значит, придется разбрасывать камни вместе? – улыбнулся магистр.

Финн понял, что это надолго, и деловито подобрал шапку с деньгами, пока его чувствительный «отец» не остался от сантиментов без заработка. Пэйви посматривали на Брендона с Эшлин, но не мешали. Понимали.

– Сначала плющ, потом камни. Сначала надо отправить Горга туда, где ему самое место, – отозвалась Эшлин, а потом, с недоверием проведя пальцами по щеке Брендона, будто опасаясь, что он все же хитро скрывает увечья, спросила: – И когда же ты хотел рассказать мне, что у тебя есть сын?

От того, чтобы стянуть повязку совсем, магистра остановила только мысль, что фальшивого слепца могут побить, а с ним и мальчишку. Но он не мог не улыбаться, глядя на ту, к которой не опоздал.

– Раньше я еще не знал, что он у меня будет. А еще не знал, что тебе так идет наряд уличной танцовщицы.

Глава 20

Время Самайна

Под руководством Эремона и Ласара, задававших поочередно вопросы о подробностях снов и обрывков воспоминаний, Эдвард и Эпона вспомнили из того кошмара о пещере кое-что еще. Ласар светился от гордости, впервые участвуя в перекрестном допросе, хотя никто из студентов не понимал, что это допрос.

– Была чаша, – вспомнила Эпона. – Я видел... Нуаллан видел ее, пока не надели мешок на голову. Медная чаша, на ней фигуры подняли руки, словно в ритуале.

– Чаша друидов, – кивнул Эремон. – Объединяет силу четырех начал. По легенде, раскалывается, если произнести над ней великую ложь, но трещина зарастает вновь, услышав важную правду. Она хранится здесь, в Дин Эйрин, и я не слышал, чтобы ее как-то использовали.

– И еще что-то было. Блестело... нет, не помню, – загрустил Эдвард. – Но я вспомню! И вам всем расскажу.

– Если история повторяется, нам лучше бы держать чашу и что-то еще, что вспомнит студент Баллиоль, при себе, – заметил Эремон. Он уже писал бумагу. – Ласар, сходи в хранилище. Забери чашу и принеси ее нам сюда.

Ласара не было около получаса. За это время студенты успели съесть пирожки, Эдвард добросовестно перечислить все возможные блестящие предметы, пришедшие ему в голову. Очередная идея вызвала интерес:

– Мог быть нож. Или меч.

– Тогда уж серп, по традиции друидов, – заметил Эремон. – Его использовали, чтобы срезать растения в ритуалах, но, разумеется, могли и убить им человека. В обвинениях Даймонда Неспящего это звучало впервые. Но именно поэтому серпы, предположительно попробовавшие человеческую кровь, тогда уничтожили – переплавили. Сохранился ли хоть один, мне неизвестно. Разумеется, изготовить новый несложно, и я узнаю у окрестных кузнецов.

Ласар вернулся ни с чем:

– Чашу забрал несколько часов назад студент старшего курса Стэнли Рэндалл по разрешению, подписанному ректором Галлахером. Ректора нет в Дин Эйрин. Рэндалла тоже.

* * *

Поскольку магистр Эремон настоятельно советовал студентам сидеть у себя и не впутываться в происходящее, студенты сидели в любимом месте – склепе профессора Дойла – и придумывали, как могут впутаться в происходящее. Не было только Мавис. Кхира пошла искать ее и вернулась с запиской:

«Меня вызвал ректор. Не ищите. Я вас сама найду». Поспешная приписка в конце гласила: «Вы мои друзья». Записка была прижата к столу свертком со свежими булочками-сконами. Сверток Кхира принесла тоже.

– Энии нет, и нет части ее вещей, – добавила Кхира. – И записки, конечно, тоже нет. Ничего нет.

– Думаешь, зря я с ней так? – спросила Эпона.

– Вообще это она зря с тобой так. Ну и тогда, помнишь, мы с Аоданом ее искали, вдруг утопится? Она нас знаешь куда послала?

– Если выбирать, за кого из них бояться, я собираюсь бояться за Мавис, – заметил Аодан, беря скон. – Она ну как-то своя. А сидра никто не взял? Или хоть водички родниковой?

– У меня идея! – восторженно подпрыгнул Эдвард. – Только что подумал! Родник! Помните родник в лесу возле деревни? Про него говорят, что там спрятана зачарованная вещь с давних времен, и ее положили туда то ли ши, то ли фоморы. А вдруг друиды?

– Магистр Эремон советовал нам быть осторожнее, – задумчиво сказала Эпона, но решимости в ее голосе было намного меньше обычного. – У меня просто был другой план. Сходить в Альбу – там ярмарка, наверняка приехали пэйви. Если Эшлин что-то хочет нам передать, то у них, говорят, свои способы.

– Тогда ты идешь на ярмарку, а я к роднику! – Эдварду уже нравилось новое приключение.

– А мы его проводим, – прогудел Аодан. – А то мало ли. И придем после на ярмарку же. Ну вот как так – нет Мавис, и сразу никто сидра

не взял...

* * *

Пэйви остановились рядом с городом. Им было привычнее ночевать так, чем искать ночлег на постоянных дворах, где во время ярмарки яблоку было негде упасть. Финна отправили с толпой их босоногой ребятни за орехами в меду и на карусель. Он убежал, восторженно подпрыгивая и рассказывая малышам пэйви о том, как отличить мага от обычного человека и что он спросит, если такой ему встретится. Пэйви грызли орешки, смеялись и галдели.

Эшлин вела Брендона за руку к одному из дальних костров возле потрепанной повозки, крытой коричневой полинявшей тканью с кисточками. Он снял повязку – здесь притворяться слепым уже не было смысла, как и бояться, что пэйви его узнают. В таборе его никто не выдал бы властям.

У костра сидел мужчина с длинными волосами, светлыми в рыжину, и ровными размеренными движениями обстругивал деревянную чурку. Рукава его рубашки были закатаны, и по коже вились витиеватые темно-зеленые узоры, уходя дальше к плечу. Брендон вдруг вспомнил сившиеся ему в детстве сны о воинах, покрытых узорами, сверкающими в бою. Он одно время сам бегал, перемазанный ягодным соком, в попытке такое нарисовать, и был разочарован, узнав, что боевые маги совсем не такие. Это был просто каприз детского воображения... или все же нет? Или он даже в детстве знал, какие они, воины Дин Ши?

Голос Эшлин вывел магистра из раздумий:

– Старейшина, это Брендон.

Гьетал отложил нож и дерево, кивнул обоим, приветствуя как младших. В его манерах чувствовалась власть, но совсем не было высокомерия.

– Брендон, это наш старейшина Гьетал. Я рассказывала о нем. Его Кристалл ты нашел в хранилище.

– Эта встреча – честь для меня... – магистр Бирн с трудом подобрал слова. Ему было сложно угадать степень формальности этой встречи и правила вежливости сородичей Эшлин. Все больше ши

вокруг. Все больше тайн. Как истинный ученый, Брендон терпеть не мог вопросы без ответов. Хотя ответ на многие из них сидел сейчас перед ним у костра.

Гьетал окинул его изучающим взглядом:

– Садись рядом со мной, человек, который нашел себе невесту из холма и все еще жив.

Эшлин отчетливо покраснела, но промолчала.

– Не знал, что от этого умирают, – усмехнулся Брендон, присаживаясь на бревно рядом с ши.

Гьетал вдруг прищурился и задал вопрос, который прозвучал более весомо, чем просто слова. Брендон даже не думал, что вопросом можно буквально взять за воротник, прислушиваясь к ответу так, что дыхание перехватит.

– Наши филиды при рождении сказали, что Эшлин, дочь Каллена из рода Ежевики, никому в этом мире не принесет счастья. Ты знал, что у твоей избранницы плохая судьба?

– Значит, разделим, и она получит половину моей. Хорошей, – хрипло ответил Брендон, не отводя взгляда. И вдруг увидел, как холодный зеленый блеск глаз старейшины становится теплым. Он улыбнулся, и теснота в горле разом отпустила.

– Ты мне нравишься, человек. Короткая жизнь делает вас отважными.

– Раз так, то отважно спрошу. Я видел вас раньше, старейшина?

– В предыдущий раз я ступал на землю этого мира около десяти человеческих жизней назад. Ты не мог столько прожить, даже величайшие из магов недалеко переходят столетний рубеж.

Брендон кивнул и обнял Эшлин, которая тревожно молчала, прижимаясь к нему плечом, и все время прикасалась, будто боялась, что он исчезнет. Наверно, действительно этого и боялась.

Загомонили пэйви у края стоянки. Женские голоса наперебой приветствовали какую-то богатую гостью, зазывая, предлагая узнать тайны грядущего, послушать песню о любви и полюбоваться танцами. Среди ярких и рваных таборных рубах и юбок вычурно и неуместно смотрелась отороченная мехом накидка с гербами рода Горманстон, уверенно продвигающаяся в пестром море.

– Эпона! – удивленно и радостно воскликнула Эшлин, вскакивая.

Брендон помрачнел:

– Никто из Университета не должен меня видеть.

– Она и другие помогали мне уйти из плена Горта. Ей можно доверять. Я жалею, что не доверилась раньше. Надо узнать, что случилось, надеюсь, что Горт не приказал схватить всех, кого видел рядом со мной.

Если Эпона и удивилась магистру Бирну в такой компании, то не подала вида. Воспитание было панцирем ее чувств. Она поклонилась так, словно принимала достойных гостей в своем дворце:

– Приветствую старейшину и магистра. Рада, что вы оба выглядите лучше, чем можно было опасаться. Эшлин...

Эшлин с размаху обняла ее, немного смешав приветственную речь. И только после паузы Эпона смогла продолжить:

– Эшлин, я хотела узнать у пэйви, куда вы отправились, но судьба оказалась ко мне благосклонна, и мы снова рядом. Мы были на допросе у инквизиции. И узнали то, что надо знать и тебе.

– Вас пытались посадить под замок? – вскинулась Эшлин, готовая бежать и обрушить любую стену, за которой скрыли ее друзей. Кочевая жизнь только добавила ей решимости.

– Нет. Магистр инквизитор Эремон решил, что ты, скорее всего, невиновна, и он на нашей стороне. Судя по всему, он вполне искренне не хочет вернуть тебя в заключение. Но мы вместе хотим остановить то, что – мы уверены – произойдет в Самайн. И, кажется, мы поняли, кто убил профессора Дойла. Его убило прошлое.

Здесь уже не выдержал Брендон. Он побледнел, нахмурился и сжал кулаки:

– Вы хотите сказать, что он погиб от некоей случайности во время эксперимента?

– Нет. Его убили. За то, что он открыл возможность увидеть прошлую жизнь души. И увидел о своем прошлом слишком много.

– Звучит, как сказка на Самайн или бред выпившего слишком много хмеля.

– Да, магистр. Я бы сама не поверила еще месяц назад. Но когда Эдвард Баллиоль лежал в ковчеге вечности, он видел пещеру и свою смерть там, и называл себя именем друида. То же самое порой видела и я во снах еще до отъезда в Дин Эйрин – и стала вспоминать после его слов все лучше. И тоже помню имя одного из тех, кто принадлежал

друидскому кругу – помню его так, словно оно мое. Смерть в пещере, песня, которая высасывает силы, повторяются из видения в видение...

Эшлин легко коснулась руки Брендона:

– Помнишь, как ты показывал мне сон? В нем была пещера. И там пел Горт. Я сейчас уверена, что Горт.

Брендон пытался уложить в голове услышанное, но оно укачивало разум, как волны или слова брата Игнациуса. Уж не остался ли он на самом деле в Бетлеме и все это – всего лишь густое безумие надвигающегося Самайна, когда слабые рассудком теряют его вовсе?

– Помню, Эшлин. И сейчас вы с Эпоной пытаетесь доказать мне, что Горт Галлахер убил профессора Дойла, испугавшись, что тот расскажет о его преступлении четырехсотлетней давности? Если такое сказать при инквизиторе, можно загреметь в Бетлем еще раз!

Эпона нервно теребила меховую оторочку накидки:

– Но иногда самое безумное оказывается правдой, магистр Бирн. Четыреста лет назад что-то произошло на Самайн. И были убиты друиды – мы пока не знаем, зачем и почему. Магистр инквизитор Эремон уверен, что этот ритуал хотят повторить снова. Мы попробовали вспомнить, что тогда было для него нужно. И вспомнили из наших снов. Но чаши друидов уже не оказалось в хранилище, и забрали ее по приказу ректора. А за серпом – мы думаем, что знаем, где он – отправился Эдвард, с ним Аодан и Кхира. Больше мы ничего не знаем. Вдруг знаешь ты, Эшлин? Или вы, – девушка повернулась к молчавшему до того Гьеталу.

– Что именно произошло, я догадываюсь, – Гьетал ответил, только когда попросили его помощи, и в этом была деликатность старшего, дающего младшим думать самим. – Кто это сделал – тоже, как уже и вы. Кроме Горты, ломать мост между мирами здесь было бы некому. Чтобы сломать мост, который мы называем ферном, нужна огромная сила – большая, чем его. А значит, ему пришлось убить несколько людей, наделенных магией, тех самых друидов. Покидая их тела, магия насыщала его ритуал. А еще одним источником силы стала душа Эшлин, попавшая каким-то образом к нему в руки.

Он сказал это и посмотрел на Брендона. И Брендону вдруг показалось, что на груди лежит что-то небольшое, теплое, греющее изнутри искорками... как рассказывала Эшлин. Ощущение появилось и исчезло – не поймать прикосновение то ли памяти, то ли сна.

– Он гений, хоть и чудовище, – продолжал Гьетал. – Он создал из всей этой силы петлю времени, связав ею ферн, как связывают венок лентой. Но просуществовала петля всего четыреста лет – и ему показалось мало. Думаю, что сейчас он хочет повторить ритуал, навсегда разрушив связь миров, чтобы больше никто из старейшин не пришел сюда и не заставил его держать ответ за преступления. Каждый, кто пойдет туда с ним, окажется в опасности. У него сейчас нет столь сильных магов в запасе, но есть один из нас, брат Эшлин. И те, кто открыл в себе память убитых друидов, тоже могут стать жертвами его планов. Память и ценна, и опасна.

Эпона подобралась, как перед боем. Брендон вздохнул:

– Я почти ничего не помню о том сне, кроме песни и темноты. И признаюсь, что до сегодняшнего дня считал теорию о возможности второго рождения души слишком... теоретической. Хотя и ши я тоже считал легендой, так что уже не боюсь новых открытий. Правда, хотелось бы их, в отличие от бедняги Дойла, пережить.

– Я не знаю, что придумал человек, о котором ты говоришь. Но могу проводить тебя по тропе памяти, мне для этого не надо особых сил. Правда, путешествие будет страшным. Ведь ты пройдешь через ту свою смерть и, когда вернешься, будешь помнить ее. Сам решай, хочешь ли ты жить с этой памятью.

– Так можно сделаться и впрямь бесстрашным. Если знать, каково это – умереть. И больше этого не бояться.

– Или сойти с ума.

– Инквизиция признала меня безумным, куда мне дальше?

Эшлин тревожно сжала его ладонь. Брендон улыбнулся и заправил ей за ухо выбившуюся прядь волос. Так же, как когда-то, у костра, далеко отсюда. Или это был сон?

Гьетал велел отойти всем – даже Эшлин. Их с Эпоной тут же увела к костру Нелли. Умирать, даже понарошку, следовало одному.

Сейчас Брендон особенно ярко понимал, что старейшина ши – не человек. Пусть он был далек от полной своей силы, но от него веяло чем-то неотвратимым, как от стихии – грозы, метели или волны. Брендон смотрел в его глаза нездешнего зеленого оттенка, спокойные и тревожащие одновременно, как болотные огоньки, и ждал. Это начинающееся путешествие в сон было и похожим, и непохожим на такое знакомое испытание студентов в Дин Эйрин.

Глаза Гьетала стали зеленым зеркалом, и голос повел Брендона – назад, назад, назад, от мига нынешнего к самому рождению. Вот он видит маленького Финна, очнувшись на морском берегу, вот Гай Невилл режет ему руку, и боль проходит через все тело молнией, вот он бессилён защитить Эшлин от Горга. Дальше, дальше, быстрее... утро после ночи Осеннего Равноденствия, тепло губ Эшлин и запах волос... остановиться бы, но нет... быстрее, еще, еще. Неудавшийся ритуал и первая встреча... не замирай же, Брендон! Студенческая юность... еще, спеш! Детство... одуряющий запах сена, сметанного в стог, палящее солнце на макушке, и заросли колокольчиков с краю луга кажутся лесом. Мгновение вглубь – и вот его, закутанного в плащ, поднимают руки отца, он, малыш, тянется к застежке на плаще с синим камнем, и ее острый конец до крови впивается в палец – мама дует на палец, отвлекает, смешит, и он не успевает заплакать. Дальше, дальше... холщовый полог, сосновые доски потолка, скрип дверей, запах молока и лаванды от рук кормилицы... как славно поет за окном малиновка. Мир Брендона сузился до краев колыбели – и его окутала сонная, теплая, уютная, как кошачий бок, темнота.

Которая внезапно разорвалась обжигающей болью, холодом и страхом.

Теперь Брендон... нет, Брадан! Брадан чувствовал магические путы, стягивающие тело, веревки, впивающиеся в кожу, жесткие складки холстины на лице, края каменных плит под коленями. Он снова оказался в ледяном каменном мешке, пропахшем кровью, сыростью, мокрой ольхой. Он снова слышал песню, каждое слово которой стягивало невидимые оковы, не давая свободно вдохнуть.

Тот человек, Горт... он не был человеком, конечно же... он сказал, что знает, как открыть людям ферн. Что можно будет войти в мир ши в любое время, и учиться у них магии, и видеть сотворенную ими красоту. Это была ложь, которой они поверили. Теперь он убивал друидов по одному, закрывая дорогу ольхи надолго. Где-то там, в каменной пещере, будет светиться Кристалл той, что доверила саму душу глупому мальчишке. Она будет ждать его. И думать, что он ее обманул.

Любовь и ярость, две величайшие силы, помогли ему скинуть мешок с головы. Теперь он видел, как возвышается над распростертыми бездыханными жертвами назвавший себя Гортом.

Брадан, ученик Катбада, продрался сквозь боль в стиснутых легких, набрал воздуха в грудь и запел. Песня даровала силы – песня круга друидов на Самайн. Она о том, что смерть неизбежна, но даже под самым черным небом новолуния мы помним – луна осветит мир снова, зима начнется и закончится, с весной придет жизнь, и никто не в силах этому препятствовать.

И ему показалось, будто подвешенный на ветви плюща под потолком пещеры Кристалл Эшлин – вот он, теперь он видел его отчетливо – отвечает ему, вспыхивает ровным ободряющим светом. Что его истерзанное магическими путами тело обнимают теплые руки, пахнет тимьяном и медом, и песню подхватывает девичий голос, и еще чьи-то голоса, один, второй, третий... или только казалось?

Горт нахмурился, глядя на то, как мальчишка-друид смеет так долго сопротивляться. Звенела песня под сводами пещеры, звенела песня в сердце Брадана. А потом Горт улыбнулся и взял бронзовый серп, что лежал рядом с чашей. Тот, которым срезали на праздник омелу и обрезали больные побеги и сухие ветки, кланяясь дереву. Тот, что разъединяет сущности и отделяет истинное от ложного. Страх стиснул сердце, но Брадан пел, глядя в глаза своему убийце.

Он будет петь, пока лезвие не коснется горла. И, уходя во тьму, захлебываясь кровью, он будет пытаться произнести имя той, которая его не дождетя.

Песня захлебнулась, но малиновка на ольхе продолжила ее – как умела. Маленькая неуместная птичка пела весну, сопротивляясь грядущей зиме.

Брендон понял, что очнулся от собственного крика. Эшлин была уже рядом, в ее глазах отражался страх. Гьетал отошел, давая им побыть вместе, – все равно он хотел попросить у старших пэйви коней, и Эпона пошла с ним. Грело шерстяное одеяло, на которое Брендона уложили, но его сердце все еще сковывала ледяная память о смерти, и привкус крови во рту остался. Он смог немного приподняться и крепко-крепко прижать к себе Эшлин, намереваясь никогда в жизни больше не отпускать.

– Я не обманывал. Я люблю тебя. Прости, что так долго не мог вернуться, – он чувствовал, что снова не может дышать, но уже от еле сдерживаемых слез. Теперь он видел ее и своими глазами, и глазами мальчишки, у которого она была первой и последней любовью.

Он провел рукой по ее волосам, по медной фибуле – Брендон-Брадан помнил, как создавал ее под присмотром учителя Катбада. Ветер сдувал дым костра в их сторону, и было так легко свалить на него блеск в глазах.

– Я боюсь, что ты снова посмеешь умереть без разрешения, – прошептала Эшлин.

Почти касаясь губами ее уха, Брендон ответил:

– Пока горит огонь, льется вода, дует ветер, хранит твердость камень и глаза мои видят звезды, моя душа принадлежит Эшлин, дочери Каллена из рода Ежевики племени ши. Я поклялся в том и сдержу клятву. Знаешь, что написано на фибуле, которая у тебя в волосах?

– Нет, – она чуть улыбнулась, внутренне замирая. – Я так и не умею читать.

– «Огонь моей души».

– Ты все-таки приручил саламандру?

Вместо ответа Брендон поцеловал ее. Пламя костра добралось до сучковатых сосновых поленьев и с треском взвилось ввысь, рассыпая искры.

* * *

Огастус Бенн сидел за дубовым столом и с удовольствием налегал на жаркое в глиняном горшке. Каждый ярмарочный день был сокровищем для нищей братии, но выматывали они сильно. Тяжкий это труд – когда у тебя больше двух десятков непростых подопечных.

В этой таверне готовили сытно и просто, а дочь хозяйки давно намекала Огастусу, что какой-то видный мужчина может осесть в городе и остепениться. Но стены для того, кто привык к морским просторам, все равно что могила. Как там поется: «Пока можешь идти – иди. Пока сердце в груди, пока жизнь впереди, счастлив будь и назад не гляди».

Брендон подошел к нему и молча сел напротив. Отметив выражение его лица, хозяйка сама принесла кружку теплого вина. Она привечала нищих и ради Бенна, и из доброты, а те помогали ей по хозяйству. Огастус по привычке приглядывался, но молчал. Он любил,

когда люди сами говорили то, что хотели, а не то, к чему он бы подтолкнул их вопросом.

– Я вернулся в Альбу и должен уйти – здесь мои близкие и мой враг. Я благодарен тебе за путь вместе и готов отплатить, как скажешь. И должен тебе вдвойне – потому что хочу забрать с собой мальчика. Финна.

– Привык, что у тебя есть сын, одиночка? – усмехнулся Бенн. – А есть кому позаботиться о мальчике?

– Я...

– Я хорошо вижу судьбы. Твоя судьба умереть в этот Самайн, – перебил Огастус, тщательно вытирая деревянную ложку.

Брендон побледнел, но не стал спорить.

– Есть. У меня есть близкие. Они не оставят Финна одного.

– Ты принес нам немало денег своим голосом, и я не попрошу выкуп. Вот что ты мне должен, если вдруг судьба передумает: исполни мечту Финна. У него должен быть паб. А теперь иди. У тебя очень мало времени.

* * *

Компания студентов шла к деревне невесело и медленнее, чем могли бы, – не везло с тропинками, мостик через ручей сгнил, пришлось обходить. Да еще и в роднике оказалось пусто. Оставалась надежда, что Эпона что-нибудь узнала.

Аодан тревожно оглядывался. Его разбойничье чутье назойливо говорило, что кто-то следит за ними, но он не слышал ни шагов, ни лошадиного фырканья, ни треска сломанных веток. Человек не может пробираться по лесу беззвучно – это он знал.

И был прав. Совсем не человек шел по их следам. Мэдью мог легко бежать, едва касаясь земли, и так притаиться за деревом, что и в двух шагах не разглядишь. Сейчас он был послушным инструментом в руках Горта, и его заботило лишь то, что он не может выполнить приказ полностью. Нельзя быть в двух местах сразу – но двое из тех, за кем он должен был следить, разошлись. Теперь людям ректора удастся достать их лишь по очереди. Неудобно. Неясно, когда подавать

сигнал. Это смятение путало и без того неясные мысли юного ши. Слуга без собственной воли удобен, но глуп.

Дорога петляла, уходя в небольшой сосновый перелесок. Оставалось идти недалеко. Песчаная дорожка шла между соснами, с каждой стороны они возвышались над ней, топорща узловатые корни. И тут Аодан наконец увидел причину своего беспокойства – едва заметное движение между ветками. Взлетели и возмущенно застрекотали две сороки. Преследователь ускорил шаг и выдал себя.

– Эй! Выходи и назовись! Что идешь за нами, как вор? – крикнул Аодан, прыжком оказываясь между сплетенными соснами.

Эдвард не успел даже сказать, чтобы Аодан не пугал его разговорами с лесом, и теперь удивленно разглядывал словно отделившегося от сосны рыжего подростка, одетого как-то старомодно... как Эшлин. От выражения его лица стало не по себе. Он наверняка не был умертвием или призраком, но ни Кхире, ни Эдварду, ни даже Аодану с его житейским опытом не приходилось прежде видеть такое застывшее лицо и пустые глаза, зажегшиеся легким интересом при взгляде на Эдварда и тут же погасшие вновь.

Дальше все случилось очень быстро. Подросток шагнул назад, словно пытаясь раствориться в лесу, Аодан перехватил его... почти перехватил, руки опытного драчуна схватили пустоту, а рыжий стоял уже у него за спиной и сделал почти незаметное движение, от которого воздух коротко блеснул, а Аодан осел на землю. Под свободной рубашкой подростка и на открытых предплечьях светились узоры, зеленые и фиолетовые. Злой лесной гость одним прыжком взлетел на ствол поваленной сосны и ловко, будто был белкой-оборотнем, рванул в глубь леса.

Когда Эдвард и Кхира добежали до Аодана, нападавшего нигде не было видно. Покачивались сосны. На правой руке и левой ноге Аодана намокали красным полосы. Кхира деловито принялась рвать подол своей нижней рубахи на повязки.

– Вы заметили? Он похож на Эшлин.

– Я заметил, что ты сейчас истечешь кровью! – возмутился Эдвард.

– А я заметила, что до деревни один поворот дороги. Эдвард, помоги мне затянуть вот тут.

– Зачем он напал?

– Это я на него напал. Меня больше волнует, почему он ушел. Точнее, к кому. Это плохо. Ладно. Найди мне палку.
Теперь чуйка подсказывала Аодану, что это только начало.

* * *

Финна оставили с Нелли – та обещала, что в лагере с ним точно ничего не случится. Финн заупрямился было, но Брендон объяснил приемному сыну, что поручает ему защитить Нелли, если на нее нападут, и мальчик приосанился.

До деревни, где Эпона договорилась встретиться с прочими студентами, было недалеко. Эшлин и Гьетал ехали впереди, за ними – Брендон и Эпона. Старейшина ши поглаживал по холке свою серую кобылку, которая пугалась то куста, то большого камня. Он сам выбрал себе эту чуткую животинку, сказав пэйви, что научит ее больше доверять миру. Смелое заявление для того, кто отправляется срывать планы самого опасного мага королевства, а то и всего мира.

Эшлин решила и все же спросила:

– Ты хочешь мне что-то сказать, старейшина, еще с тех пор, как мы только выехали из ворот Альбы. Но слова вянут, едва касаясь губ.

Она хотела услышать ответ, но еще все время хотела оглянуться. Слишком мучил страх, что Брендон исчезнет, окажется дорожным сном, и она проснется без него в выцветшем шатре, просвеченном насквозь скурым осенним солнцем.

– Ты права. Слова эти увяли так давно, что успели превратиться в пыль. Но даже пыль может пригодиться, если вовремя бросить ее противнику в глаза.

– Горт Проклятый из тех, кто и вслепую доберется, – вздохнула Эшлин.

– У него есть одно слабое место – в том, что касается его самого, он слеп. И в этой самоуверенности может совершить ошибку. Из-за нее же он остается одиночкой, кем бы себя ни окружал. А мы вместе, и это вместе – больше, чем просто человек, ши и несколько малышей.

– А я для тебя больше не ши? – обиделась Эшлин, проводя рукой там, где когда-то висел Кристалл. Пальцы, не найдя его, привычно сомкнулись, как увядший бутон.

– Малышом тебе быть не нравится? Что ж, найдешь Кристалл, выйдешь замуж как положено, там и поговорим о взрослении. Взрослый – тот, кто умеет принимать решения, следовать им и брать за них ответственность. Но сейчас я не о том. Я хочу поговорить о Мэдью, которого Горт держит в плену маски, подчиняя его волю себе и заставив забыть все важное. Что бы ни было, что бы ни случилось – помни, что под заклятием все еще твой брат. И его можно вернуть. Когда-то я потерял так близкую мне душу – на мгновение увидев лишь врага.

– Уну?

– Да. Столько об этом было рассказано, особенно шепотом и за спиной, что мне кажется, даже я скоро не смогу отличить правду от вымысла. Лучше было бы объявить о случившемся всем, не только Совету. И всем решить – достоин ли я наказания.

Он помолчал. Лошади ступали ровно и спокойно. Гьетал хорошо держал себя в руках.

– Я хотел найти Горту, задать вопрос о жертвах его ритуалов в лицо. Пусть это и закончилось бы поединком. Больше всего – когда нить, которая связывает с близким, натягивается и вот-вот готова порваться. Ярость вспыхивает такая, что погибнуть могут оба. Я был готов и к этому. Но вместо Горты на место встречи пришла Уна.

Эшлин так удивилась, что случайно дернула поводья, и ее меланхоличная лошадка, недовольно всхрапнув, остановилась, а потом потрусилась дальше, прядая ушами, будто тоже слушала одну из самых таинственных и трагичных историй семьи Муин рода Ежевики.

– Она... все-таки была с ним?

– Была. – Гьетал смотрел перед собой на дорогу, и в сыроватой туманной дали вместо деревьев проступали для него очертания событий прошлого. – Я даже думаю, что любила она его, а не меня. Но уже не спросишь. Потому и обвиняла его на Совете так яростно. Любовь легко становится ненавистью, когда осознаешь, что любил чудовище. Но любовь и делает уязвимым перед чудовищем.

– Вы не поговорили?

– Она набросилась на меня, будто встретила перед домом Гранитного Стража. Я звал ее, но она не видела меня, взгляд ее был полон ненависти и пустоты. Зеркальной пустоты маски. Ее Кристалл был мутным, ее сила сопротивлялась маске и, пока Уна убивала меня,

изнутри убивала ее. Видимо, она тоже решила поговорить с Гортом наедине – и он забрал ее волю.

Он помолчал еще. Эшлин уже понимала, что случилось. Холодный ветер нес снежную крупку, возвещая зиму.

– Если на война нападают, он сначала защищается, а потом думает. Те, кто поступал иначе, давно погибли. И это умение подвело меня. Вспыхнули защитные линии брони. В такой момент сила выплескивается, не давая врагу коснуться. Это так же трудно сдержать, как дыхание. Ее удар мог быть смертельным. Мой – был смертельным. Шаровая молния. Мы с Гортом выучили ее слишком хорошо.

Эшлин все сильнее сжимала поводья. Ей казалось, что сердце не может вместить столько горечи, сколько звучало сейчас в словах старейшины. Но он посмотрел ей в глаза и смог чуть улыбнуться:

– Что ты решила бы, будь старейшиной?

– Что ты не виноват.

– Так решил и Совет. А я – что должен остановить Горту сам. И после этого смогу себя простить. Я рассказал тебе не только для того, чтобы ты знала правду. Я хочу, чтобы ты надеялась спасти брата. Надежда – главное.

– Как ты думаешь, старейшина... мы справимся?

Гьетал грустно усмехнулся:

– Трудные задачи делаем безнадежными мы сами. Когда не верим в себя и близких.

* * *

Медный колокол медленно, гулко ударил три раза. Так встречалось темное время года. Начинались три ночи Самайна.

Словно отвечая колоколу, во дворах зажигали огни – волна света катилась по деревне, первый, второй, третий двор. Смотревшему в окно Аодану почему-то было не по себе – а уж страшных сказок он не боялся никогда. Может, злила слабость – несмотря на перевязку и найденную в деревне мазь, ходил он как старик, еще и опирался на палку.

Даже Эдвард притих, о чем-то думая. И тоже прилип к окну. Эпоны все не было, и впору было начинать волноваться.

Кхира помогала женщинам семьи старосты. Они зажигали свечи, расставляя их на окна, стелили на стол беленые полотенца, ставили кувшин молока и кувшин сидра, крупную соль в мисочке, смешанную с сушеными травами. Хлеб еще доходил в печи. Все делалось так тихо, словно от Самайна надо было прятаться. От его бешеных коней. От Дикой Охоты.

Придет же в голову.

И тут медный колокол забился снова – так, словно кричал, заполошно, отчаянно. Никто еще не понял, что произошло, но огонь одного из первых дворов вдруг стал большим. Совсем большим. Он летел вверх, этот огонь, с четырех углов дома четырьмя оранжевыми столбами.

– Пожар! – охнула жена старосты.

– Воду несите! – крикнул староста, и сам побежал наружу.

И тут все увидели, как в свете пожара несутся по улице черные конные фигуры. Ветер трепал их распущенные волосы. Вот отсвет упал на размалеванное зелеными и синими узорами хохочущее лицо.

Староста замер на пороге. Все знали: от Дикой Охоты помогает только запереться и сидеть в домах, а если уж застали на улице – очерти круг и не выходи из него, не кричи, не шевелись. Тогда может и повезти. Не точно, но может.

Запылал второй дом.

– Дикая Охота! – поняла Кхира. И вдруг прямо с миской соли, схваченной со стола, отодвинула старосту и кинулась наружу сама. – Ах, сволочи! Вот я вас!

Глава 21

Умереть в Самайн

Староста вцепился в пояс Кхиры так, что она едва не рассыпала соль дурной приметой, но удержала все же, возмущенно обернувшись. Снаружи кричали. Кажется, пришлые взялись гоняться за девицами, которым не повезло выскочить из подоженных домов прямо на них.

– Нельзя, – объяснял староста, – нельзя выходить, девонька. Только дом спасет, а лучше круг начертанный. Мне так еще дед объяснял, а ему – его дед. Это все знают. Рябину-то на окнах проверьте! – возвысил он голос.

Жена старосты, седая, быстрая, изнутри поспешно обводила углем сени, тянула кривой круг до печи, на которой попрятались дети. Аодан трижды проклял того рыжего, который сделал его на сегодня скорее обузой, чем бойцом. Хоть на печи с детьми сидеть, весь толк. Топор, конечно, можно взять. Да, топор. И если кто-то из этих войдет сюда – получит холодное железо прямо в голову. Тогда и не важно будет, каким местом он ши.

– И что, – воинственно спросила Кхира, – помогал круг-то? Или кому не помог, тот ничего уже не рассказал, а? Так и будем сидеть? Сколько их там... три, четыре?

– Шестеро, – ответил Аодан. – Оружные.

Его беспокоило молчание стоявшего рядом Эдварда. Он даже тревожно заглянул другу в лицо – тот напряженно размышлял о чем-то.

Староста обвел взглядом полностью вычерченный круг, тщательно подвешенную сушеную рябину, детей на печи, мрачных сыновей за спиной, жену, обнимавшую двух невесток, гостей-студентов. Кивнул старшему сыну:

– За меня остаешься. Остальных береги.

Взял тот самый облюбленный Аоданом топор и шагнул за дверь прежде, чем кто-то успел открыть рот. И одновременно с ним шептавшийся со старшей невесткой старосты Эдвард прыжком вылетел в окно, выходящее в огород. Зацепился кружевами, но это его не остановило. Уже из-под окна донесся его крик:

– Я пошел всем сказать! Потом объясню!

И на этом словно прорвалась сгустившаяся пелена ужаса. Кхира понеслась за старостой со своей миской соли, старший сын прихватил вилы, двое остальных побежали к поленнице.

Разбойники не ждали сопротивления вообще. Ближайшему размалеванному, как раз тащившему отчаянно сопротивляющуюся девчонку к чужому сараю, досталось от старосты сзади обухом топора по темени. Его еще хватило, выпустив девчонку, развернуться, потянуться к ножу – и щедро получить соли в лицо, а потом, не успев проморгаться, сбоку – снова обухом.

– Ко мне в дом беги, – велел девчонке староста. Кхиру он больше не пытался останавливать. А когда завидевший бунт второй разбойник кинулся к ним, его тут же встретили двумя поленьями выступившие из темноты сыновья старосты. И стало ясно, что по домам уже особенно никто не сидит – сбегаются крестьяне кто с чем, и жены бегут помогать мужьям, прихватив ведра с водой, а то и мотыгу. Вот начали тушить горящий дом.

А над деревней несся звонкий голос Эдварда:

– Люди, люди! Не надо надеяться на круг! Я ваш принц, и я вам говорю, это никакие не ши! Клянусь короной Далриат! Это разбойники! Мы подвергнем их правосудию!

Круг злых и мрачных крестьян с тяжелой и острой утварью и их воинственных жен навел нападающих на мысль, что Дикая Охота не сложится – или сложится, но не для тех. Уже прыгнул в седло их главный в шляпе с облезлыми зелеными перьями, последовали за ним прочие, забыв напрочь об оглушенном на пару старостой и Кхирой товарище, и последним неловко бежал тот, кому досталось поленьями по поясице. Но тут подлетел со стороны горящего дома еще один всадник, он засмеялся – и с его вскинутых рук рванулось алое пламя, взвилось крылатой тварью с оскаленной мордой, раскинулось над пожаром: дом обрушился едва ли не пеплом, всадник расхохотался. За ним виднелся еще один, поотставший, ветер раздувал длинные волосы – женщина, видно. Крестьяне шарахнулись – алый жар, казалось, тянулся к лицам, к волосам. Всадник снова захохотал и вскинул руки. Даже Кхире и Эдварду стало не по себе.

И увесистый камень из самодельной пращи с размаху влетел ему в грудь, почти опрокинув с коня. Лиловое пламя растаяло в вечернем

воздухе. Разбойники верхами рванулись прочь из деревни.

Аодан опустил пращу – точнее, вышитое полотенце – и рывкнул:

– Горманстон! Ты рехнулся такое творить?! Чтоб тебя...

Он посмотрел вокруг и добавил:

– Связать его надо. Понежнее – герцогский сынок все же. Но принц вон разрешает, так что ничего.

Разбойники тем временем уже почти поравнялись со вторым всадником. Всадницей. Та поднялась в стременах и словно замахнулась на них обеими руками. Показалось? Нет, ее руки и вправду засветились в темноте, свет упал на лицо, на волосы, которыми играл ветер.

– Мавис! – изумилась Кхира.

– Красотка какая! – восхищенно присвистнул младший сын старосты.

Вправду сейчас Мавис, выпрямившаяся, как воительница древности, изображенная на одном из витражей Дин Эйрин, и в свете собственной магии казалась красавицей. Кхире даже показалось, что она видит, как губы подруги произносят коронное «Нахрен!». У каждого свой боевой клич.

Лошади разбойников взвились на дыбы и остановились, словно перед ними появилась невидимая стена. Ехавший последним некрасивым кулем съехал наземь.

Фарлей Горманстон, до которого еще не добрались отмершие крестьяне, приподнялся – теперь видно было, что у него на руке боевой огненный артефакт. Наверняка он успел бы натворить что-то еще, но деревня в этот Самайн притягивала гостей как ярмарочная площадь. Еще четыре всадника появились из темноты, и первый из них вскинул руку, на которой вспыхнули зеленые узоры, и словно вобрал в себя атаку Фарлея. Его обогнала девушка в накидке с гербом Горманстонов и понеслась к брату с таким явным намерением, что тот тонко заскулил и принялся отползать.

Когда Эпону оттащили от Фарлея, разбойников заперли в амбаре, пожар потушили, погорельцев разобрали по другим домам, старосту напоили сердечными каплями от профессора Аль-Хорезми, а полуобморочную после такого выплеска магии Мавис просто вином, она коротко рассказала:

– Ректор нас отправил помочь этим вот. Наемникам его. Наемники должны были здесь поугатать и увезти тебя и тебя, – она смотрела на Эдварда и Эпону. – Дальше не знаю. Ну я и решила – конечно, помогу. Только не с той стороны. Все равно все шло не так, вы же не вместе были. Его слуга все ждал, когда сойдется. Не давал сигнал. Вот.

– У меня к нему вопросы. Поеду задам, – вскинула голову Эпона.

– И у меня, – решительно добавил Эдвард.

– Аодан останется точно, – распоряжался Брендон. – И Кхира с ним. И Мавис. Мавис сейчас заснет, ее надо поить горячим и смотреть за состоянием. Аодана лечить. Это не обсуждается.

Гьетал объяснял старосте и его семье, что разбойники – никакие не ши.

– Вот я – ши. Видите мою броню? Эти узоры, да, вы верно поняли. А на них просто краска. Умойте – и увидите.

В доме только что переживших опасность было уютно и хорошо.

Но времени остаться, согреться, принять угощение благодарных крестьян не было. Самайн входил в полную силу.

* * *

Лошади шли осторожно, фыркая, прядая ушами. Мрачные сумерки поздней осени сменились темнотой безлунной ночи. На плечи, волосы, лошадиные носы, дорожную грязь падал первый снег Самайна. Белые крупинки таяли, обжигая кожу холодом. Неласковый снег. Куда ему до йольского, мягкого и кружащегося, навевающего мысли о празднике, горячем вине и подарках?

Где-то там, за поворотами дороги все ближе ждал ферн. И Горт, который не собирался отступать. Как не собирались и они. Каждый из всадников, даже говорливый обычно Эдвард, молча думал о своем, и мысли эти были невеселыми. Ректор, даже пойдя против закона, оставался сильнейшим магом, воином Дин Ши, и одолеть его магистр ритуалистики, двое ши без кристаллов и пара студентов могли бы лишь чудом. А Самайн – совсем не время чудес.

Но они все были друг у друга. Те, с кем связала дружба, любовь, память и отчаянное желание все исправить. А значит, была и надежда.

Заплутать в холмах у путников не было возможности. Издали, после очередного поворота они увидели зеленое свечение, и на фоне его зловещими черными лапами казались ветви ольхи, заслонявшие вход в пещеру. Даже не вход – трещину в скале, заросшую со всех сторон низким колючим кустарником, где сплетение корней и пожухлых трав создавало видимость то ли стены, то ли занавеса и сейчас пропускало мертвенный свет другого мира. Если не самого Междумирья, окружавшего ферн по обе стороны и хранившего мороки, кошмары и побежденное зло. С Самайна и до Йоля Междумирье обретало особую силу, тянулось к сердцу, схватывая его ледяной коркой и даря дурные предчувствия.

Звери чувствуют Междумирье. Лошади не смогли подойти ближе чем на сто шагов, всхрапывали, вставали на дыбы, испуганно отворачиваясь. Потом вовсе встали, не желая двигаться дальше. Лошади ши прошли бы здесь, но не эти. Пришлось их оставить. Эшлин погладила свою по носу, думая, вернется ли за ней. Жесткая осенняя трава колола и царапала ноги, цепляла юбку, словно предупреждая: не ходи, не ходи.

Прятаться не было смысла. За ними наблюдали еще издали.

Зеленый свет стал ярче. Теперь видно было, что в пещере совсем близко от входа стоит чаша, свет играет на ее медных боках, а в чаше – серп. Перед входом молча стояли трое – два ши и человек.

Горт.

Мэдью.

Стэнли Рэндалл.

Сквозь пещеру виднелся вход в Междумирье, смутный, туманный. Зеленые сплетающиеся узоры светились на каменных стенах, сплошь увитых плющом, неожиданно для поздней осени зеленым. Казалось, они торжествовали. И неудивительно. Ведь на гибких побегах плюща над входом в ферн висели три Кристалла. Два – с ежевичными ветвями. Один – со стеблями тростника. Горт улыбался, но зеленые отсветы на красивом лице ши превращали его лицо в искаженное и почти уродливое.

Взглянув на рыжего паренька рядом с ним, Эшлин вскрикнула и рванулась вперед, но Брендон крепко схватил ее за руку. Мэдью смотрел на сестру и ее спутников с равнодушной готовностью, как хорошо выдрессированная собака. Самым растерянным казался

Рэндалл, несмотря на деланое спокойствие, он поглядывал на учителя, словно ожидая то ли приказа, то ли разъяснения.

Попытка Гьетала схватить свой Кристалл не увенчалась успехом. Блеснуло зеленым, и по узорам прошла рябь, будто по воде. Ши отбросило так, что он едва устоял на ногах. Горт, изображая гостеприимство, все с той же улыбкой протянул ему руку, но Гьетал сделал шаг назад.

Плющ чуть шевелился, хотя ветер стих.

– Здравствуй, мой беглый друг. Я рад видеть вас здесь. Всех вас. Радостно видеть, что вы не трусы. По тебе, Гьетал, я, не скрою, скучал. Ты, глупая девочка, необходима мне, пусть уже и ненадолго. Вы, забавный принц и его боевая невеста, должны были быть схвачены и привезены сюда Дикой Охотой на глазах наивных поселян – тут что-то пошло не так, вы подпортили жизнь бедному Мэдью, потому что шли разными дорогами и напрасно тратили его время, но вместо того, чтобы просто сидеть в Дин Эйрин, вы явились ко мне сами. Вас, магистр Бирн, я почти жалел, узнав, что вы утонули. Впрочем, я это исправлю. Поверьте, к вам ничего личного, не повстречай вы несносную юную ши – жили бы дальше.

Брендон стиснул зубы, но не смог смолчать:

– Вы убили Финна Дойла из-за поганого секрета протухшей давности!

– О нет. Я исправляю ошибки мироустройства, а он мог помешать мне. Не напади он на меня – разговор кончился бы иначе. Я не убийца – я защитник. Я дарю покой миру людей, избавляя его от незваных гостей.

И тут Эшлин поняла, что он не говорит. Нет. Он уже поет. И плющ на каменных стенах отражает его песню, умножает ее, и в песню вплетается вновь поднявшийся ветер и текущая в камнях вода. И даже если она сейчас захочет ответить – не сможет, песня старейшины ши, питаемого силой трех Кристаллов, обволакивает и отбирает ее волю. Волю их всех. Именно эта песня звучала в памяти каждого, кто видел кошмар о пещере.

Повинуясь его голосу, они входили и опускались на колени по очереди – в круг, центром которого были чаша и серп. Эдвард. Эпона. Брендон. Эшлин. Мэдью. Предпоследним – Рэндалл, определенно неожиданно для себя самого. На его лице успело отразиться сначала

непонимание, потом – обида и, наконец, страшное осознание, осознание обмана и предательства. Он пришел сюда встать плечом к плечу со своим учителем, чтобы дать отпор существам из другого мира. Он оказался жертвой чужой жестокой игры. Гьетал упал на колени последним, у самых ног Горта – не в кругу, а лицом к своему недоступному Кристаллу.

На неподвижных лицах остались живыми одни глаза, которые едва могли вместить всю боль, весь страх, все предчувствие неизбежной смерти.

Что ж. Эта часть была сделана идеально.

Горт медленно шел вдоль круга. Не прерывая песни, он взъерошил волосы Рэндаллу, сжал плечо Брендона, снял платок пэйви с волос Эшлин, распустив их, погладил по плечу Эдварда, поправил накидку на Эпоне. Ему нравилась власть даже в мелочах. Мимо Мэтью он прошел без интереса – этот был как брошенная игрушка и все равно ничего не чувствовал.

Горт окончил второй куплет, теперь пело лишь эхо в камнях, и ветер, и плющ. Он же обратился к Гьеталу:

– Ты пришел победить меня вместо того, чтобы править здесь со мной. В прекрасном мире, где нет фоморов, этой вечной войны за каждый камень, где нет равных ни мне, ни тебе, – бери все, что хочешь. Здесь есть леса и реки, цветущие луга и холмы, здесь тысячи расторопных слуг сами принесут тебе все, что пожелаешь, стоит лишь дать им понять, что это – обычай. Люди, как наши старейшины, не задумываются, как и зачем появились традиции. Просто исполняют их и наказывают тех, кто задает лишние вопросы. А еще благодарны тем, кто их защищает. От бурь и ураганов, от засухи и неурожая. От злокозненных ши.

Он подошел к Гьеталу ближе и наклонился, глядя ему в лицо и улыбаясь:

– Страшную сказку так легко создать. Просто готовые на все наемники с гримом на лице и парой магических штучек в руках – а то и без них. Просто затверженное знание: сопротивляться нельзя, обведи себя кругом, повесь на окно рябину, седи тихо, надейся, что тебя не тронут. Не выходи из дома, что бы ни делали с твоими соседями. Вот и все. Страшная сказка о злых друидах, кстати сказать, получилась еще

проще – Даймонд Неспящий слишком хотел власти и подвига, и я просто подарил ему возможность того и другого.

Брендон почувствовал, как его ярость становится... двойной. Словно в глубине его души отчаянно ненавидит Горта кто-то еще. Кто-то, кого зовут Брандан.

А Горт смотрел только на Гьетала. Остальных он считал лишь вещами. Шкатулками с магической силой, которые надо открыть, как придет время.

– Мне немного неловко, что я вынужден сковать тебя вместе с остальными. Но хотя бы в этот раз не железом. Я просто хочу, чтобы ты внимательно смотрел, не перебивал меня, не лез в драку. И увидел бы, как я становлюсь величайшим магом этого мира и закрываю путь сюда бывшим родичам не на годы, а навсегда. Тогда у меня под рукой были лишь несколько людей и Кристалл этой маленькой слабой девочки. Сегодня у меня есть три Кристалла ши, и когда два из них в конце ритуала погаснут – твой останется надежно охранять мою волю. А сам ты будешь жить и наблюдать за тем миром, который так и не стал твоим. И терзать себя мыслью о том, что мог бы встать рядом, а будешь стоять на коленях. Может быть, через годы ты и передумаешь. И я сам возвышу тебя. В знак былой близости.

Молчание. Все оставались в его власти, не в силах перебить или ответить. Горту и не нужны были ответы – зачем?

Брендон даже в Бетлеме не чувствовал себя таким беспомощным. В мыслях путались прошлое и настоящее, его собственные чувства и чувства юного друида, который снова видел бывшего врага и снова не мог даже повернуть голову.

Но они все еще были живы. А значит, должна была быть возможность. Хоть что-то.

В потоке мыслей стал отчетлив голос в голове. Брендон уже заподозрил бы, что правильно его отправили в Бетлем, но узнал голос Брандана, звонкий и яростный. Что ж, не худший собеседник для последних минут жизни.

«Самодовольная тварь! Он не всемогущ, всемогущих нет! И песня его не всемогуща! Он один, а нас много!»

«Ценное замечание. Если бы я мог, я бы уже снес ему этим серпом голову. Но, как видишь, пока не получается даже шевельнуть пальцами».

«Серп уже был осквернен нашей кровью. Незачем портить его еще больше. Смотри, маг-учитель. Он держит шестерых. Но не понимает, что нас здесь десять».

«Брадан, прости, но ты очень плохо считаешь».

«Это ты очень плохо считаешь. Смотри, мы же тоже стоим здесь: Филитиарн, Нуаллан, Фергус и я, Брадан, ученики Катбада. Только Каллахан вспомнил первым и первым погиб снова. Пусть Фергус еще не понимает, как вообще здесь оказался, но остальные-то понимают. А его душу разбудит песня».

Безумие – говорить с голосом в своей голове и просить у него совета. Но еще большее безумие – отвергать его, когда сам ничего больше не можешь.

«Что я должен сделать?»

«Тогда, в тот кровавый Самайн, он обманул нас. Он сказал, что мы откроем ферн, чтобы миры соединились, и мы пели жизнь, и силу, и весну, когда он заставил нас замолчать на столетия. Эту песню знает любой друид».

«Но я не друид».

«Зато я друид. И моя воля свободна. Просто разреши мне это сделать».

Брендон еще успел подумать, что если им удастся победить, но в его голове навсегда останется Брадан, ему будет очень неудобно преподавать в Дин Эйрин... а потом стало уже все равно.

Потому что Брадан запел.

Он вступил, едва взяв дыхание, почти беззвучно, на грани слышимости, так дышит земля, так падает снег, и Горт даже не сразу понял, что происходит. Брадан пел о воде, которая замерзает, чтобы хранить сны деревьев и трав, зная, что весной вернется к жизни. И рядом с ним вдруг шевельнулась Эпона... нет, Нуаллан, друид Нуаллан подхватил такие знакомые слова, сильный низкий голос напоминал о деревьях, что проснутся и зазеленеют в свой срок.

Теперь Горт услышал. Движение его руки – Нуаллан замолчал, но рядом с ним запел Филитиарн, и все пел Брадан, и Рэндалл, он же Фергус, непонимающе прислушался к чему-то и вдруг улыбнулся, вплетая свой голос в песню будущей весны и зимней надежды. Зеленые узоры на стенах стали гаснуть, превращаясь в бледный болотный свет.

Горт протянул руку к серпу, но рука казалась ему тяжелой и неловкой, серп выскользнул из пальцев, скользкий, словно от крови. Тогда он запел тоже. В его песне была тяжесть льда высоко в горах, давящий ужас обвала, близость снежной бури, хоронящей под собой все живое, лишаящей зрения и сил.

Но он опоздал. Они пели. Пели все вместе, пели весну, пели таяние льда и снега, пели теплый ветер, несущий запах талой воды и первоцветов.

Даже если я умру,
Даже если ты умрешь,
Даже если мы умрем —
Придет весна, растает снег,
Оживут деревья, запоют ручьи,
Зима не властна над весной...

Песня Горты слабела под этим напором, как слабеет и идет трещинами речной лед.

Друиды завершали свой ритуал, оборванный четыреста лет назад. Свой, не Горты. Они восстанавливали ферн, а не уничтожали его.

Торжествующе запела на ольхе малиновка, вторя их голосам.

Сквозь трещины в камне капнула вода. Одна капля, другая – снег там, в черном небе, сменился дождем, дождь – торжествующим ливнем, который приходит весной смыть серые полосы снега и скопившуюся грязь. Пахло ландышами, ивовым цветом, тополиными клейкими почками. Ливень прорвал сеть корней над трещиной сверху, просочился меж камней, и весенняя вода широко и сильно плеснулась в чашу. Трещина в чаше мешала ей удержать воду, но Брандан помнил – она треснула, услышав ложь Горты, тогда, четыреста лет назад. То, что разрушено, можно исправить, ложь лечится правдой, и Брандан сказал то, что было правдой до донышка:

– Эшлин, я люблю тебя. Я думал тогда о тебе до самого конца.

Потоки воды лились в совершенно целую чашу. Она наполнилась до краев и за края, вода смыла память о скверне старой крови с нее и серпа. Серпа друидов, разделяющего сущности, отделяющего истину от лжи, срезающего больные побеги и ночные мороки. Невидимая

цепь, созданная Гортом, не выдержала песни Круга, памяти Круга, очищающего ливня и силы серпа, вместе взятых, – она стала слабеть.

Брадан, Нуаллан, Филитиарн и Фергус улыбнулись.

Но ничего еще не кончилось.

Едва пленники ощутили, что морок падает и они способны пошевелиться, как сразу несколько стеблей плюща метнулись к Эшлин и, подхватив ее, как клубок разумных змей, подтащили к Горту – она не успела ни вскрикнуть, ни дернуться. Еще один такой же клубок окружил Гьетала – не трогая, лишь намекая.

– Красоту ритуала вы уже испортили, думаете, что я позволю испортить его смысл? – усмехнулся Горт. С его волос текла весенняя вода. – Я убью ее раньше прочих, прямо у вас на глазах, если попыгаете мешать мне, и ее сила даже не станет частью моей задумки, она просто останется блуждать эхом в этих камнях. Грустное посмертие для ши, пусть и с фоморской кровью.

Брендон застыл, отчаянно высчитывая момент, когда Горт отвернется, отвлечется, сделает хотя бы шаг в сторону. Он хорошо понимал, что безумный ши будет сейчас следить больше всего за ним и Гьеталом. Эпона, Эдвард и Рэндалл только приходят в себя после песни друидов. Делить с другим память и сознание – это как управлять скачущей лошадью с кем-то вдвоем, да еще и вслепую. Мэдью, видимо, совсем во власти Горта. Будет стоять на коленях, даже если обвалится потолок.

Мэдью пошевелился:

– Эшлин? Что...

Лицо стало живым, беспокойным. Горт посмотрел на него коротко, досадливо, шагнул ближе, но Эшлин из внимания не выпустил. В это время стоявший на коленях почти за его плечом Рэндалл зашевелился. Лицо его перекосила ярость. Неудивительно: он только сейчас осознал, что его учитель сам ши, а его собрался сделать жертвой в ритуале. Те же эмоции усиливала ярость друида Фергуса.

Только бы повернулся в другую сторону. Только бы. Брендон мысленно повторял это «только бы». Собрать все силы. Надо выпутать Эшлин из плюща. Тогда у нее будет возможность спастись. Он старался не думать о том, будет ли Эшлин спасать себя одну.

Рэндалл подобрал с пола осколок камня. Он не знал, что каждый воин Дин Ши защищен от камней, иначе их бои с фоморами были бы

безнадежны изначально. Этого не знали и друиды – откуда бы? Камень полетел в голову Горта, но вспыхнули узоры брони, так что на мгновение вся его одежда засветилась зеленым. Камень разлетелся на куски, не коснувшись, Рэндалла отнесло в сторону и ударило о стену. Но это был тот миг, когда Горт отвлекся.

– Я сказал, что будет, если вы продолжите...

Но когда заклинание полетело в Эшлин, между ними уже стоял Брендон Бирн. Мгновения для него выиграла Мэтью и Рэндалл, отвлекшие Горта. И самоуверенность Горта, все еще презиравшего подобные мышинной возне людские усилия.

Брендон успел разорвать жесткие стебли плюща, освобождая руки Эшлин, но дернулся от удара, обжегшего левое плечо сзади, и пошатнулся. В глазах потемнело. Он еще успел услышать, как Гьетал, обращаясь к Горту, вызывает того на поединок. Кажется, и его воля полностью свободна, и это даст Эшлин еще немного времени. Только бы она им воспользовалась так, как надо. Не думая о глупостях вроде раненого защитника. Иначе все это будет зря.

– Все в порядке со мной. Почти не задело, – прошептал он, пытаясь улыбнуться.

Холодные когти боли царапали его от плеча к груди. Медленно. Как пробирающаяся к птице кошачья лапа. Плечо немело. Он попытался встряхнуть рукой – в глазах потемнело снова, и захотелось сесть. Казалось, что в груди и вправду бьется крыльями птица. Как та малиновка. И каждый вдох заставляет ее биться сильнее, а кошачья лапа все ближе. И ближе. И ближе.

Эшлин торопливо выпутывалась из плюща. Размахивая руками, к ней кинулся Мэтью, стал помогать. Горт уже не смотрел на них. Он смотрел только на Гьетала, стоящего напротив во весь рост. На его теле тоже горели узоры воина, и сожженный ими плющ лежал у ног полосами пепла.

– Я поклялся остановить тебя, Горт. Это дело между тобой и мной. Не впутывай других. Не тронь ферн.

– Не тревожься о прочих – из пещеры все еще не выйти без моего дозволения. Я разберусь с ними позже. Ты слабее меня сейчас, Гьетал. Твой Кристалл близок, но питает мою силу. Я все еще не хочу тебя убивать.

– Я и не настаиваю, – усмехнулся Гьетал. Между его поднятыми к груди руками горело зеленое пламя, словно он держал светящийся шар, сотканный из воздуха. – Защищайся.

Он сказал это так спокойно и почти дружески, как говорил наверняка на их тренировках. Зеленый шар сорвался с его рук, повинувшись незаметному движению пальцев, и у левого плеча Горта разбился осколками, превратившись в листья и опавшими на камни. Горт ответил сразу, не готовясь, – можно было лишь разглядеть тонкую красную черту в воздухе, как от вылетевшей из костра искры, эта искра прочертила алую решетку полос на правой руке Гьетала, и тот отступил на шаг.

– Раньше ты, случалось, отбивал два таких удара с двух рук, – заметил Горт почти сочувственно.

– Ты тоже. Боец прекрасный, а душа увяла. – Новый зеленый шар превратился в стрелу, несся он быстрее и на этот раз к горлу.

Горт легко присел, резко подняв руки вверх, и зеленая стрела ударилась в потолок. Посыпалась каменная крошка.

– Только не рассказывай мне унылые истины старейшин. Я перерос их довольно давно.

– Ты забыл их, – на этот раз Гьетал сбил красную искру в пол. – Ты забыл, что будет, если сломать ферн навсегда. Мы застынем во времени, постепенно превратившись в беспмятных, прекрасных, вечно танцующих и пьющих вино, переставших творить и любить духов лета. Бесконечного лета. Бессмысленного лета.

Удар зеленым. Защита. В этот раз Горта оттолкнуло вбок, но он устоял. Гьетал продолжал говорить:

– А мир людей утратит искусство и вдохновение, утратит магию. Они смогут создавать все более совершенные орудия труда и убийства, но не будут понимать, кому и зачем нужны цветники, песни и картины. Ты сам сойдешь с ума в этом мире холодного железа, Горт!

– А ты переживаешь за меня? – С двух рук полетели тонкие красные змеи, вращающиеся в воздухе. – Лжешь! Ты переживаешь только за ваш привычный порядок вещей!

Одну змею Гьетал отбил – вспыхнули зеленые узоры, и змея рассыпалась мелкими алыми каплями, словно красное вино пролили на камни. Вторая обвилась вокруг его горла.

– Признаешь себя побежд...

Горт не смог договорить по причине крайне прозаического толка. Сквозь вход, пущенный, как копьё, влетел окованный железом инквизиторский посох и ударил Горту в грудь. За посохом вошел Эремон.

– Доброй ночи, – поздоровался он дружелюбно, глядя, как Горт пытается подняться. – Вы его не придержите? Не беспокойтесь, именно сейчас с магией у него сложно. Горт Галлахер, ректор Дин Эйрин и старейшина ши, вы арестованы по обвинению в убийстве профессора Финнавара Дойла, друидов Филитиарна, Нуаллана, Каллахана – его вы ухитрились убить дважды, очень необычная история, – Фергуса и Брадана, клевете на магистра Брендона Бирна, девицу Эшлин из народа ши и круг друидов, покушение на убийство магистра инквизитора Эремона и его ученика Ласара. Ну что вы так смотрите? Вы же написали нам письмо «Приходите к пещере с ольхой, я вам все расскажу» и подстроили весьма жалкую засаду. Три разбойника. Несерьезно. Неуважительно. Сейчас Ласар на них узлы проверит и придет сюда.

То ли холодное железо, то ли магия инквизиторского посоха, то ли то и другое, наложившиеся на только что состоявшийся поединок и усталость от песни, – но Горт не сопротивлялся и даже не вставал. Он равнодушно смотрел, как Мэтью и Эшлин помогают Гьеталу справиться со змеей, как Эпона обнимает Эшлин, как уже болтает Эдвард, не замечая, что его не слушают, как мрачно сидит поодаль Рэндалл, как Брендон пытается снова дышать глубоко, – и молчал.

Гьетал подошел к магистру Эремону.

– Я благодарен тебе, филид мира людей. Мне нет нужды представляться?

– Нет, в сущности, я понял. Вы старший родственник девицы Эшлин, и в целом я уже верю в ваше существование.

– По нашим законам я должен был бы выполнить любую твою просьбу за спасение моей жизни, но складывается так, что просьба есть у меня.

Эремон молча склонил голову, готовый слушать.

– По вашим законам Горт – преступник и должен быть предан суду и, вероятно, казни. По нашим – тоже, только, разумеется, в нашем мире. Но мы с ним связаны слишком сильно, и я просил бы тебя позволить мне решить его судьбу самостоятельно.

Эремон ответил не сразу:

– Законов, напрямую касающихся ши, в нашем мире нет. Думаю, что я не уроню свою репутацию законника, если позволю вам это. Тем более что содержание ректора Галлахера до суда потребовало бы таких мер безопасности, каких я даже не могу себе представить. Я смогу объясниться с королем сам. Или с помощью магистра Бирна.

Брендон кивнул. Он был бледен, но казалось, что кошачья лапа замерла и перестала подкрадываться к птице в его груди и пугать ее, заставляя трепыхаться.

Гьетал помолчал, принимая решение.

– Я благодарю тебя еще раз, филид Эремон. Горт, – теперь он смотрел на бывшего самым близким ему ши, – я мог бы приговорить тебя к смерти и сделать это сам, но...

– Но хочешь остаться правильным и чистым до конца, – усмехнулся Горт.

– Считаю так, если хочешь. У тебя будет много времени, чтобы попробовать понять меня – если захочешь, конечно. Пойдем со мной. Я не хочу унижать тебя и тащить силой.

Горт чуть побледнел – или показалось. Он понял. Ему потребовалась помощь, чтобы подняться, и Гьетал увидел, почему. Кристалл ши после инквизиторского посоха чуть заметно треснул. Страшная рана, заживающая долго. Будь трещина сильнее и глубже – ши не выжил бы.

Рука об руку, как друзья, как братья, оба старейшины прошли сквозь пещеру ко входу в ферн. Один помогал второму идти. Дрогнул туман входа – ни один из них не замедлил шаг и не обернулся. Они просто ушли в призрачную зыбь, как пловец в воду, как охотник в лес. И зыбь сомкнулась за ними.

Только Эшлин и Мэдью знали, что происходит. Один из самых страшных приговоров в мире ши. Заключение в Междумирье. Место, где ши встречается с худшими кошмарами и тайными мыслями, своими и чужими. Говорят, иногда оттуда выходили обновленными и осознавшими свои преступления. Но чаще уже не выходили.

Гьетал вернулся быстро, и пока его ждали, никому не хотелось разговаривать. Даже добравшемуся до пещеры Ласару – Эремон почти шепотом пересказывал ему произошедшее.

Только теперь Гьетал надел свой Кристалл – рядом с еще одним, с оправой из ежевики и плюща. Старейшина умел так держать лицо, что никто из людей не угадал бы, какие чувства тревожат его. Того, кто нарушил закон своего народа о суде мудростью Совета, все еще надеясь, что сотня-другая лет смогут заставить побратима осознать, как убивает душу жажда власти.

Эшлин тоже успела надеть Кристалл, но ожидаемого счастья не ощутила. Она тревожно смотрела, как ее силы, будто вода, скатываются прочь, не давая Брендону облегчения. Его рана давала о себе знать все сильнее. Очень бледный, он все еще сидел на полу, по-прежнему утверждая, будто это лишь усталость от всей песенной свистопляски.

Магистр Эремон подозрительно наблюдал за Мэдью, который, виновато вздыхая, не отходил от сестры. Последнее, что он помнил, – это выход из ферна вместе с Гьеталом. И свидетеля преступлений Горта из него явно не вышло бы, случись суд.

Эдвард с Эпоной наперебой рассказывали Рэндаллу про ковчег вечности и уверяли, что он не сошел с ума и действительно в какой-то мере умерший четыреста лет назад друид.

– Это нормально! – радовался Эдвард. – Мы тоже. Давай дружить теперь!

Но когда Гьетал остановился посередине, мрачно сжимая в ладони Кристалл Горта, все замерли. Он выглядел как полководец, пришедший сказать, что потрепанному отряду предстоит второе сражение.

– Горт слишком многое сделал, чтобы нарушить связь миров. В Междумирье беспокойно, и ферн может стать непостоянным. Тогда любой, кто оказался в нем, легко собьется с пути. Это будет не дорога, а азартная игра, ставка в которой – жизнь и рассудок. Раньше близ ферна стоял дуб, которому поклонялись и который хранили друиды. Горт начал убивать его, полив жертвенной кровью после ритуала, и закончил, когда всю рощу срубили по его наущению. Сила дуба – прорасти сквозь миры, удерживая их. Но не всякий дуб способен на это. Как не всякий ши может стать старейшиной или великим героем.

Магистр Эремон вдруг вскинул и провернул в ладонях свой инквизиторский посох – легко, как пруттик.

– Что ж. По легенде он создан из древесины того самого священного дуба друидов, когда они были побеждены. Уверен, что именно Горт был тем самым королевским советником, чье имя не сохранили хроники. Будьте осторожны, господа ши: дуб закован в железо.

Гьетал внимательно осмотрел посох, не касаясь его. Было видно, что находиться рядом с железом ему неприятно.

– Серп, разделяющий сущности, сможет отделить железо от дерева, освободить его жизненную силу. Но лучше, если это сделают люди. Я полагаю, что здесь есть те, кто умеет обращаться с серпом и знает, как уважительно взять его в руки?

Брендон вздохнул, но даже не стал пытаться подняться, хотя ему было бы любопытно даже просто попробовать. Боль в груди вернулась, теперь кошачья лапа сжимала птицу, и когда это повторялось, разум туманился, и Брадана было слышно все меньше. Ничего. В Дин Эйрин профессор Аль-Хорезми точно поможет. Умирать ни в коем случае нельзя. Ведь тогда он снова обманет Эшлин.

Эпона и Эдвард, переговариваясь, уже решали, кто возьмет серп. Кажется, это приключение сделало их если не друзьями, то хотя бы приятелями. Возможно, сказалась старая дружба в прошлых друидских жизнях. Или что-то еще.

Серп был совсем не похож на те, которыми жали пшеницу. Его лезвие было испещрено знаками огама, и, едва оно прикасалось к посоху, с того падали железные стружки. Дерево само отторгало металл, стремясь на волю.

Когда от жезла осталась лишь длинная дубовая палка, Гьетал взял ее в руки и, окинув взглядом пещеру, с силой воткнул напротив светящегося входа в ферн – тот светился уже бледнее, будто сотканный из тумана. Щедро полил будущее дерево водой из чаши.

– Эшлин, Мэтью! Вы должны помочь моей песне. Тяжело возвращать суть тому, что было мертво и сковано четыреста лет. Мы должны вернуть дуб не юным, а в самом расцвете. Я злился на Горта за то, что он хотел менять законы мироздания. Но даже в самых смелых мыслях не мог представить, что попытаюсь вырастить мировое дерево. Я лишь надеюсь на нас и силу созидания – силу большую, чем почти любая другая, равную любви. Иначе мир давно погиб бы.

– Я не могу, старейшина, – Эшлин едва сдерживалась, чтобы голос не дрожал, – я боюсь, что если оставлю Брендона без помощи, то ему будет совсем плохо.

Брендон собрался с силами, чтобы улыбнуться. Даже если он не доживет до конца этой песни, какой преподаватель Дин Эйрин мог похвастать тем, что видел зарождение мирового древа? Он не был вправе пропустить такое зрелище и тем более помешать ему. И Брандан считал точно так же.

– Эшлин, от того, что ты отойдешь на двадцать шагов, ничего не изменится. Ты можешь быть уверена, что я никуда не денусь.

– Это дурная шутка! – вздохнула она и очень медленно отпустила его руку. И еще дважды оглянулась, пока шла к старейшине. Они встали втроем – Гьетал посередине, Эшлин и Мэтью по правую и левую руку от него.

Гьетал велел:

– Пусть каждый из тех, кто помнит друидов, скажет напутствие будущему дереву.

Брендон начал, желая отвлечься от мыслей о боли:

– Пусть это дерево будет надежной опорой идущему между мирами.

Эдвард вздохнул, видимо, беседуя с внутренним голосом, потому что произнес слишком торжественным для себя обычным тоном:

– Пусть его жизнь и сила не иссякнут, пока существуют мир людей и мир ши.

Эпона долго вглядывалась в останки посоха, будто не могла поверить, что из него может получиться что-то, кроме полена в очаг. Но все же сказала:

– Пусть дерево научит нас побеждать саму смерть, как сейчас победит оно.

Рэндалл все еще не до конца пришел в себя после всех открытий. Взгляд его отражал настороженное недоверие. Он все оглядывался на магистра Эремона и не начал говорить, пока тот не кивнул ему. Если уж сам Эремон верит во все это безумие...

– Пусть дерево служит объединению, а не раздору.

Гьетал начал песню восстановления сути, и еще два голоса подхватили ее. Ту самую, обрывок которой Брендон слышал когда-то у камина и наблюдал, как покрывается свежими сосновыми ветками

старый стул. Посох рос, повинуюсь трем голосам. Он медленно превращался в молодой тонкий дубок, распускались листья, становилась плотнее кора, он вытягивался в высоту, становился шире, тянулся новыми и новыми ветвями к каменным стенам, сквозь трещину – наружу, к чистому и холодному ночному воздуху.

Троим ши было тяжело, воздух словно звенел вокруг них от напряжения. Дуб становился больше и больше, теперь уже напоминая тех старых лесных исполинов, что раскидывались рощами около чистых озер. А потом его ветви потянулись к ферну, и часть кроны скрылась на той стороне. Вскоре вся стена, на которой был вход в Междумирье, потонула в тени дубовой листвы. Вход стал шире подобно воротам Альбы, так что в него мог бы, не спешиваясь, въехать всадник. В пещере запахло листвой, желудями, жизнью.

Гьетал, завершив последний куплет, оперся рукой о ствол, чтобы не упасть. Эшлин тут же вернулась к Брендону. Она чувствовала, как трясутся руки и темнеет в глазах, будто бы она долго бежала в гору с тяжелой ношей.

Брендон смотрел сквозь нее, и его глаза уже потеряли выражение. Она явственно увидела, как угасает внутри его пламя, которое он звал своей душой, как затихает и остывает, превращаясь в камень, маленькая огненная саламандра. Так умирает человек, сердце которого остановила боевая магия ши.

Отчаяние сдавило горло так, что она не смогла вскрикнуть, позвать, ведь никто еще не понял то, что поняла она. Песня исцеления не складывалась, рассыпалась на звуки и всхлипы, потому что смысла в ней не было, и Эшлин уже знала это.

– К фоморам эту душу и эти миры! – прорвался у Эшлин крик, и одним рывком она сдернула с шеи свой Кристалл, который так долго искала и хотела вернуть любой ценой. Кристалл казался горячим, и она изо всех сил прижала его к груди Брендона, своего потерянного и найденного друида, который оставлял ее теперь уже навсегда, и кровь из ее пальцев, расцарапанных оправой, стекала по медным листьям ежевики. Слезы лились, и песня вдруг полилась тоже, хоть дыхания не хватало.

Их окружили все. Кристалл светился так ярко, что казался осколком звезды, осветившим стены пещеры. Мэтью бросился к сестре, но Гьетал перехватил его. Старейшина говорил тихо, чтобы не

перебить песню, но его слова все равно гулко разносились вокруг, отражаясь от камней. Эхо вблизи ферма сейчас было куда сильнее обычного.

– Если она хочет отдать свою душу Хранителю насовсем, это ее право. Помешав, ты убьешь обоих. Если Кристалл другого разбит, а ты с ним связан, ты можешь вернуть его душу. Но отдашь за это свою жизнь. Такова плата.

– Она же погибнет, старейшина!

– Эшлин выбрала этот путь. И она вернет его, она сильнее, чем может показаться.

– Это несправедливо! – вскрикнул Эдвард. Но, наткнувшись на холодный взгляд старейшины, замолчал даже он. Эпона неожиданно для себя обняла его.

Никто не смел больше пошевелиться. Только Гьетал приблизился к Эшлин сзади, точно угадав момент, когда вместо звука из ее горла вырвется лишь сдвленный всхлип.

Ровный и сильный голос старейшины подхватил ее песню, завершая, делая последний шаг. Эшлин вдруг ясно поняла, что не чувствует практически ничего. Не больно. Не страшно. Правильно.

Даже если я умру.

Листья становятся землей, чтобы над ней могли подниматься цветы.

Никто не уходит насовсем. Я буду с тобой. В шорохе трав. В голосе ветра. В сиянии звезд. В плеске воды.

Я буду с тобой, пока существует этот мир.

Слушая ровный и уверенный голос, который провожал ее, она наклонилась и хотела коснуться губами губ Брендона, но ее Кристалл с легким треском разлетелся крошечной стеклом, и его свечение погасло.

Эшлин молча осела на камни и повалилась на бок, уткнувшись лицом в руку магистра. Последнее, что она успела почувствовать, – как его пальцы неуверенно касаются ее щеки.

Снова теплые.

Эпилог

Весна пришла

Весна в этом году наступила рано и дружно, южный ветер принес теплые дожди, которые смыли снег в два дня, оставив радостно дышащую землю и словно умытое солнце. Урожай по всем приметам ожидался невиданный.

Впрочем, Брендон мог бы вообще не заметить весну за ректорской суетой. Ему так и не удалось выдвинуть на эту должность впереди себя Риана Доэрти – алхимик немедленно сказался больным, пожилым и усталым, так что ученый совет единогласно выбрал нового главу. Теперь каждый день ректора Бирна начинался с докладов коменданта и горы писем. Он открывал окно, чтобы птичий щебет и теплое солнце оживляли кабинет, не давая ему погрязнуть в делах. Как же ши правы – надо учиться видеть мир, отрываясь от своих о нем мыслей, вдыхать его, пробовать на вкус, ощущать телом, заставляя себя немного замедлить привычный круговорот дел.

Отдельной стопкой лежали бетлемские дела. Брендон исполнил обещание, данное Гаю Невиллу, графу Кенту, – его жуткие эксперименты со смелыми выводами о природе и наследовании магии превратились в книгу, и эта книга будет изучаться в Дин Эйрин на одном из экстраординарных курсов. Брендон планировал поехать в Бетлем, показать книгу автору. Тем более что он написал королю огромную записку о необходимости преобразовать эту лечебницу коренным образом, поскольку все, происходящее в ней, никак не служило излечению и исправлению. Король дал разрешение. Любопытно, что возглавить эту огромную работу согласился профессор Тао.

Отложив очередное прошение герцога Горманстона об обжаловании исключения его сына и наследника Фарлея, Брендон решил, что пора прогуляться по саду. Этого хотелось так остро, что корпеть за бумагами становилось невозможно.

Первые цветы, лиловые крокусы, уже поднимались над бурой прошлогодней листвой. Пахло мокрой землей, как самой жизнью. Казалось, сам воздух стал легче, нагретый мартовским солнцем.

Совсем скоро праздник Весеннего Равноденствия – Дин Эйрин радостно к нему готовился.

Брендон увидел жену у края пруда. Эшлин вела рукой по ветви орешника, будто гладила собаку, и казалось, что ветка сама льнет к ее ласке. Даже ожидая ребенка, она не потеряла легкости и изящества в движениях. Профессор Аль-Хорезми утверждал, что ее здоровье даже более чем в порядке, матушка Джи уверенно обещала, что родится девочка.

Все было хорошо. И свадьбу их благословил сам король. И праздник вышел чудесный. И Эшлин сразу нашла себе занятие – казалось, что с тех пор, как она взялась за этот сад, даже листья стремились вырасти быстрее, чем обычно, а травы, которые она проращивала дома, поднимались маленьким морем всех оттенков зеленого.

Но Брендон не мог забыть то, что произошло в пещере ферна, между дубом и ольхой. То, что вернуло ему жизнь и взяло с Эшлин честную плату.

«Жизнь за жизнь, – сказал тогда Гьетал. – Она отдала за тебя свою жизнь ши. Но ей осталась жизнь человека – ваша на двоих. Вы проживете ее вместе и вместе уйдете из мира».

Теперь он пытался и не мог представить себе, как жил бы, узнав, что теперь ему придется полностью отказаться от магии, от Университета, от жизни, к которой он привык. Он боялся спросить. Ему было страшно узнать, что улыбка Эшлин – лишь маска, а за ней кроется тоска по дому, по брату, которого увел домой Гьетал, по родителям. По силе, наполняющей слова песни магией. Эшлин много пела, но теперь ее песни оставались лишь мелодией. Она не могла бы заставить сосновое полено прорасти или увядший цветок расправить лепестки.

Эшлин услышала его шаги и оглянулась с улыбкой:

– Брендон, ты должен изобрести амулет невидимости. Иначе сейчас сюда снова кто-нибудь прибежит с глупым вопросом, и ты вынужден будешь считать муку для праздничных пирогов.

– Вот его я в этот амулет и превращу. Чтобы шел и рассказывал всем, что я уехал в столицу. Еще вчера.

Он подошел и обнял Эшлин, вдыхая по-летнему сладкий запах ее волос. Она ответила на объятие.

– Знаешь, что я придумала? Все-все цветники, какие должны быть напротив коллегий и в библиотечном саду, и как их посадить, чтобы взгляд на них не вызывал неприличного смеха у меня – и у любого, кто выучит язык цветов. Мы же будем учить ему студентов? Здесь можно сделать самые красивые цветники в королевстве. Даже маме понравится... надеюсь, что наследие Горта можно будет исправить и люди перестанут видеть в нас чудовищ. И моя семья придет к нам сюда в гости.

– Исправить можно, не уверен, что быстро. Но каждый, кто увидит тебя, не скажет «чудовище», потому что увидит самую совершенную красоту на свете. И знаешь... с тобой я начал задумываться о садовой магии. Возможно, какие-то предметы можно было бы зарядить силой... раз она тебе сейчас не...

Эшлин крепко сжала его руку и, потянувшись, поцеловала, мешая говорить:

– Ты всем этим многословием хочешь спросить, не жалею ли я о Кристалле?

– Да, – признался Брендон, словно прыгая в ледяную воду. – Я же понимаю, это тяжелая потеря... магия, которая была с тобой с детства.

– Брендон, ну что ты. Разве можно потерять магию? Посмотри, как из маленькой луковицы поднимается цветок. Как тянутся к солнцу листья. Как растет внутри меня наша девочка. Как мы прошли через ночь Самайна и вернулись вместе. Видишь, до меня никто еще не возвращал душу человеку, а я смогла. И я рада, что теперь не буду бояться смотреть, как твой короткий век заканчивается, – ведь у меня остался такой же.

Она смотрела ему в глаза очень внимательно, объясняя то, что для нее было таким понятным:

– Магия – это мы. Магия – это мир вокруг. И мы сами выбираем, какое в нем творить волшебство. Я творю волшебство сада, и для этого мне нужны земля, лопата и семена.

Она звонко рассмеялась, рассеивая тени сомнения. Эшлин, дочь Каллена из семьи Ежевики, не умела красиво врать. Особенно самой себе. Это уж слишком человеческая черта.

Мавис читала письмо и чувствовала, как краснеет. Она отвечала коротко, порой даже грубовато, и все никак не могла научиться изящному сочетанию слов. Но ее друг по переписке будто и не ждал от нее чего-то другого. Он рассказывал о новой загадке, которую им с учителем Эремоном предстояло раскрыть, о невкусных пирогах в придорожной гостинице и о том, что обратно поедет через Альбу, поэтому думает заскочить на весеннюю ярмарку. Юный инквизитор Ласар имел серьезные намерения, которые собирался исполнить, как только завершит свое ученичество. Правда, этого Мавис все еще не понимала.

Она неожиданно стала ученицей профессора Тао после того, как пришла к нему посоветоваться, что делать с выплесками магии, которые ни предсказать, ни остановить. Теперь профессор привлек ее к своей работе по обновлению Бетлема, и Мавис оказалась в ней полезнее некуда. Она даже рассказала новому учителю о своей мечте создать маленький приют и воспитывать в нем таких же неуравновешенных детей-магов с трудной судьбой, как она сама. Но профессор сказал: «Сначала ваша собственная полная внутренняя гармония, юная госпожа, и только потом вы понесете ее детям. Только так. Упражнения и еще раз упражнения». Мавис послушно упражнялась. Худой она не стала, а вот неловкой потихоньку переставала быть. Профессор хвалил ее примерно раз в день – для него это небывалая частота.

* * *

Стэнли Рэндалл пытался сдать экзамен инквизиции сразу после Самайна. Его внимательно допросили, но не стали наказывать, хотя он на этом почти настаивал. Совесть подсказывала ему уйти из Университета, уехать в родное захолустье и больше не думать о магии. Надо же было оказаться таким доверчивым и глупым!

Но исключили только Фарлея Горманстона, а Рэндалл в положенный срок получил свое приглашение на экзамен квадривиума. Вместо подготовки он просидел неделю за пивом в «Лососе», а потом пытался подраться с Аоданом. Аодан вылил на него кувшин воды и обидно послал проспаться.

Рэндалл так и болтался бы, теряя приятелей и вкус к жизни, но его внезапно вызвали к ректору. Брендон Бирн, как раз занявший эту должность, намекнул, что старший ученик ректора – это не брак по любви, а должность, поэтому если кое-кто хочет продолжить им оставаться, то у него есть сутки на то, чтобы протрезветь, умыться, собрать мысли в кучу и прийти в аудиторию ритуалистики для обсуждения новых занятий по друидической магии. Тот, кто скоро закончит учебу, может остаться в Университете бакалавром. И приносить пользу ученикам, пока не защитит труд, который позволит признать его магистром. А потом можно и преподавать дальше. Университет – еще и семья.

Вскоре Рэндалла все чаще можно было увидеть то с Эпоной, то с Эдвардом, то с обоими, в «Лососе» они всегда поднимали странный тост «За круг друидов». В стаканах был яблочный взвар, потому что пить Рэндалл бросил совсем.

Однажды он подошел к Мавис, шедшей с утренних занятий, и вместо «Здравствуй» спросил:

– Ты же его дочь? Ректора?

Мавис не удивилась вопросу:

– Он сказал, что да и что он все объяснит и всяким воздаст. Я еще подумала, что такой отец мне не нужен.

Рэндалл кивнул:

– Я думаю, что я его сын. Он намекал. Магия у меня, как твоя, ну и вообще не так много ши бегало по королевству. В общем... мы получаемся брат с сестрой.

А вот Эния его сторонилась, а потом и вовсе покинула Дин Эйрин.

* * *

Для Эпоны весна стала временем неожиданных открытий. Первое – без брата учиться гораздо приятнее. Второе – его высочество Эдвард Полведра может думать, когда захочет. И даже пригласил ее прийти вместе на праздник Весеннего Равноденствия с дивной фразой «надеюсь, что официальная помолвка не мешает нам стать

друзьями». Впору было писать королю, чтобы он никогда не доверял дипломатические переговоры младшему сыну.

Но самым удивительным открытием стал визит Энии, которая, вернувшись из дома и пережив там тяжелый разговор с матерью, поселилась одна в комнате, где жила раньше Эшлин, и старательно не говорила с бывшими подругами. Поговаривали, что ее видели со Стэнли Рэндаллом, но когда тот взялся просиживать вечера в «Лососе», эти встречи оборвались.

И вот одним мартовским утром она неожиданно появилась на пороге, подгадав, когда никого, кроме Эпона, в их крыле коллегии не было.

– Я не верю, что ты сможешь меня простить, но сможешь хотя бы выслушать?

На бледном лице выделялись блестящие заплаканные глаза. О чем бы Эния ни собиралась лгать, плохо ей было по-настоящему.

– Говори, – спокойно ответила Эпона, и на нее выплеснулся водопад чувств. Девушка, которой за три месяца было не обсудить сердечные раны с подружками, легко превращается в само воплощение уныния.

– Я думала, что однажды смогу стать той, кого будут приглашать на королевские приемы. Я хотела быть там, рядом с наследником герцога, да. Но я была с ним искренней... а моя забота и любовь оказались для него мелочью. И даже без той ужасной правды, что разлучила нас навсегда, я понимала, что он заставляет меня идти вслед за ним в пропасть. Прости меня... за своей болью я не видела никого, а теперь я не знаю, как быть. Ведь женщина – отражение мужчины, что рядом, и кто я теперь? Не будущая герцогиня, не будущая жена подающего надежды преподавателя, а просто Эния, которая была рядом с безумцами и помогала разбойникам. Прости меня... я не ценила дружбы, что остается, когда все остальное рушится.

Разрыдалась она, надо сказать, по-настоящему. Упала на колени, что-то уже невнятно повторяя о мужчинах, которые губят репутацию не только свою, но девиц и дам, которые им доверились. Сама Эпона брату не то что репутацию – и блоху бы не доверила. Излияния нужно было прекращать – рыдать можно долго без особенного смысла.

– Во-первых, встань и давай выпьем горячего. Тут не так уж прибрано, можешь испачкать юбку. Во-вторых, грустно считать себя

лишь отражением того, кто рядом. Так можно остаться пустым местом. В-третьих, мне кажется, что тебе стоит отдохнуть от этих стен и тех, кто может повредить твоей репутации. Послушай. Принцесса Маргарет в этот Самайн лишилась жениха, который оказался преступным ши из другого мира. Мне кажется, вы могли бы понять друг друга. Чтобы развеяться, она собирается в путешествие и хочет найти новую компаньонку, которая не будет докучать придворными сплетнями и вздыхать о недавнем прошлом. Я попрошу отца, и он порекомендует тебя. Тебе будет даже проще. У принцессы Маргарет более послушные волосы и кроткий нрав, чем у меня.

Когда Эния подняла взгляд, в нем через бездну отчаяния уже проглядывал огонек интереса. Она понимала, что вот так прядется нить, что свяжет ее с королевской семьей. Надо обязательно уточнить, помолвлен ли наследный принц... удачно ли помолвлен... а еще король Альберт давно уже вдовец...

Будь рядом с Эпой сейчас кто-то поопытнее, непременно сказал бы, что склонного искушаться не стоит подводить к искушению за руку. Но никого рядом не было.

* * *

Финн, получивший фамилию Бирн, быстро обжился в Университете. Он наотрез отказывался надевать подаренные сапоги, потому что тогда они изнасятся. Убегал в Альбу без разрешения. Не понимал, как называть жену Брендона – «мама» или «тетушка Эшлин». В его глазах она для обоих этих вариантов была слишком «малая». Сошлись просто на обращении по имени.

Когда он не помогал (не мешал) Эшлин в саду и не искал приключений, то подолгу пропадал в «Лососе», выспрашивая, как они готовят и подают. Как ни странно, учить его читать и писать было сплошным удовольствием. Эшлин он так напоминал маленького Мэтью, что сдружиться с ним оказалось легче легкого.

* * *

Аодан повел Кхиру погулять в Альбу и по дороге сказал ей:

– Я вот думаю. У нас с тобой так славно получается вдвоем воспитывать Эдварда. Значит, наших детей тоже получится воспитать?

– Каких еще детей?! Откуда у нас с тобой дети?! – возмутилась Кхира. И вдруг поняла и задумалась. Потом ответила: – К квадравиуму решу. Вообще ты неплохой.

Аодан ходил после этой беседы загадочный и довольный.

* * *

Феруза Аль-Хорезми и матушка Джи сидели вдвоем, греясь на солнышке. Феруза гладила кошку. Матушка Джи курила трубку, направляя дым так, чтобы его сразу снесло ветром.

Библиотеку Феруза теперь оставляла на лысого художника, которого Брендон забрал из Бетлема. Этот тихий человек в очках переписывал книги и подновлял рисунки с такой любовью и тщанием, что почти сравнился с самой Ферузой. К нему приставили слугу – кормить вовремя и сопровождать на прогулки. Профессор Аль-Хорезми считал, что сможет добиться у тихого безумца улучшения.

– Ферн починили. Даже дышится иначе, – заметила Феруза так, словно продолжала начатый давно разговор.

– Это правда. Что думаешь? Вернешься, Гэлеш из семьи Саил? – матушка Джи с наслаждением затаилась.

– Нет. Я здесь корни пустила, как та ива, что в моем кристалле была. Видишь, Горт меня даже не разглядел, как и тебя. А ты, Дейдре из семьи Ур?

– И я нет. Мой народ здесь. Куда они без меня? Ты с мужем сроднилась, а я – с самой землей, с дорогами этими. Останусь.

– Как думаешь, много здесь еще наших?

– Немного. Но есть. Пойдем, Гэлеш. Приглядим за праздником. И за нашей девочкой.

Они поднялись и пошли туда, где накрывали столы для праздника Весеннего Равноденствия.

Потому что после тревожной осени пришла щедрая и добрая весна.